РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 1.

ЯНВАРЬ 1899 г.

Журналъ «Русская Школа» за 1896 и 1897 гг. одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

Книга 1, январь 1899 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Приступивъ къ изданію редактируемаго нами журнала «Русская Школа» въ 1890 году, мы обѣщали нашимъ подписчикамъ издавать книжки журнала въ об'ьемѣ отъ 6-ти до 8-ми печатныхъ листовъ каждая, установивъ подписную плату въ шесть руб. за годъ безъ доставки, въ 6 руб. 50 коп. для подписчиковъ нашихъ въ Петербургѣ съ доставкою и семь руб. за годъ для иногородныхъ съ пересылкою. Съ тѣхъ поръ подписная плата не измѣнялась, а между тѣмъ книжки журнала въ послѣдніе годы выходили въ объемѣ отъ 15-ти до 20-ти печ. листовъ каждая, вмѣсто обѣщанныхъ подписчикамъ съ 1895 года книжекъ въ объемѣ не менѣе десяти печ. листовъ, причемъ одинъ лишь отдѣлъ «Педагогическая хроника» занимаетъ обыкновенно до шести печ. листовъ. Такъ какъ существующая подписная плата совершенно не соотвѣтствуетъ объему книжекъ, почти втрое превышающему предполагавшійся первоначально объемъ ихъ, то съ начала будущаго 1899 года подписная плата, съ разрѣшенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати, увеличена будетъ на одинъ рубль. Такимъ образомъ, подписная плата на журналъ «Русская Школа» съ 1-го января 1899 года устанавливается слѣдующая: 1) въ Петербургѣ безъ доставки—семь рублей, съ до-

ставкою—7 руб. 50 коп.; 2) для иногородныхъ съ пересылкою—восемь рублей; 3) за границу—девять рублей. Но для сельскихъ учителей и учительницъ, выписывающихъ журналъ за свой счетъ, мы оставляемъ прежнюю подписную плату—шесть рублей за годъ съ пересылкою. Земства и города, выписывающіе не менѣе десяти экз., будутъ пользоваться уступкою въ 15%. Книжки журнала «Русская Школа» будутъ выходить съ 1-го января 1899 года постоянно въ объемѣ не менѣе **пятнадцати** печатныхъ листовъ.

Новые подписчики на 1899 годъ получатъ въ видѣ приложенія первую часть капитальнаго труда попечителя Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго «Мысли о воспитаніи и обученіи». Трудъ этотъ будетъ оконченъ печатаніемъ лишь къ концу 1899 года.

Редакторъ издатель **Я. Г. Гуревичъ**.

При конторѣ журнала „Русская Школа“ еще имѣются экземпляры журнала „Русская Школа“ за прежніе годы: 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896 и 1897, которые могутъ быть пріобрѣтаемы по слѣдующей цѣнѣ: безъ пересылки **шесть** рублей, съ пересылкою **семь** рублей.

Экземпляры „Русской Школы“ за 1890 и 1898 годы разошлись по подпискѣ и въ конторѣ журнала ихъ болѣе не имѣется.

Подписная цѣна на журн. „Русская Школа“ въ 1899 году:

Безъ доставки:	Съ доставкою:	Съ пересылкою:
7 р.	**7** р. **50** к.	**8** р.

ОТЪ КОНТОРЫ
журнала „РУССКАЯ ШКОЛА“.

Не смотря на то, что объ измѣненіи подписной цѣны (именно — увеличеніи ея на **ОДИНЪ** рубль) на журналъ „Русская Школа“ указывалось во всѣхъ публикаціяхъ о подпискѣ на 1899 годъ, нѣкоторые гг. подписчики присылаютъ прежнюю сумму, т.-е. семь рублей, вмѣсто слѣдуемыхъ **8** рублей. Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, внесшихъ неполную подписную сумму, озаботиться досылкою недостающаго до полной подписной суммы **одного рубля.**

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

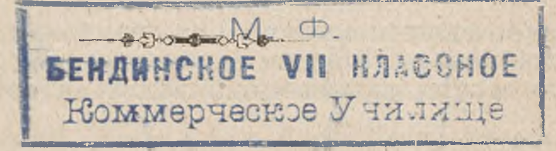
Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 1.

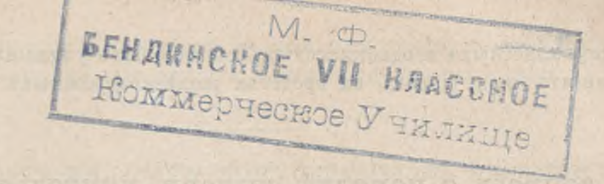
ЯНВАРЬ 1899 г.

Журналъ «Русская Школа» за 1896 и 1897 гг. одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

Дозволено цензурою. 14-го января 1899. г. С.-Петербургъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О точномъ срокѣ, къ коему долженъ исполниться одиннадцатилѣтній возрастъ учащихся, допускаемыхъ къ экзаменамъ на полученіе свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ.

(Предложеніе Управляющаго Минист. Народн. Просв. г. Товарища Министра отъ 8-го октября 1898 г., за № 24.989).

Одно изъ учебно-окружныхъ начальствъ обратилось въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ объ опредѣленіи точнаго срока, къ коему долженъ исполниться одиннадцатилѣтній возрастъ учащихся, допускаемыхъ, на основаніи § 16 утвержденныхъ 16-го ноября 1885 г. правилъ для выдачи льготныхъ свидѣтельствъ по п. 4 (нынѣ 3) уст. о воин. повин. къ экзамену на полученіе свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ.

Вслѣдствіе сего Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія г. Товарищъ Министра, предложеніемъ отъ 8-го сего октября, за № 24.989, увѣдомилъ, что онъ признаетъ цѣлесообразнымъ установить, чтобы къ означеннымъ испытаніямъ допускаемы были тѣ мальчики, которые имѣютъ одиннадцатилѣтній возрастъ или которымъ одиннадцать лѣтъ исполнится къ 1 сентября того-же года, въ который они держатъ испытанія (Циркуляръ по Московскому учебн. округу 1898 г. № 10).

Правила для двухклассныхъ и одноклассныхъ образцовыхъ училищъ, устраиваемыхъ на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ на средства желѣзнодорожныхъ управленій.

(Предложеніе г. Управляющаго Министерствомъ Народн. Просв. г. Товарища Министра отъ 10-го октября 1898 г., за № 25.342).

Г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 10-го сего октября, за № 25.342, увѣдомилъ, что Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ Министерствомъ Путей Сообщенія, выработаны и утверждены 25-го минувшаго сентября правила

*

для двухклассныхъ и одноклассныхъ образцовыхъ училищъ, устраиваемыхъ на линіяхъ жел. дорогъ на средства желѣзнодорожныхъ управленій (ib.).

По вопросу о порядкѣ выдачи учительскихъ свидѣтельствъ лицамъ, окончившимъ полный курсъ въ Маріинскихъ женскихъ училищахъ.

Г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 29-го мая 1898 г., за № 13.365, увѣдомилъ г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, что, согласно § 10 правилъ объ испытаніяхъ на званіе начальныхъ учительницъ 29-го марта 1896 г., окончившія курсъ Маріинскихъ женскихъ училищъ должны подвергаться для полученія указаннаго званія сокращенному испытанію. Что-же касается вопроса о предоставленіи означеннымъ лицамъ права получать свидѣтельства на званіе начальныхъ учительницъ безъ испытанія, наравнѣ съ оканчивающими курсъ женскихъ прогимназій, то присвоеніе имъ этого права г. Управляющій Министерствомъ признаетъ нежелательнымъ (ib.).

По вопросу о распространеніи на воспитанниковъ учительскихъ семинарій дѣйствія циркуляра Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 11-го октября 1885 г., за № 28 (31-го іюля 1898 года, № 19.451).

Вслѣдствіе представленія начальства Виленскаго учебнаго округа отъ 24-го марта текущаго года, за № 2.829, Министерствомъ было сдѣлано сношеніе съ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ по вопросу о распространеніи на воспитанниковъ учительскихъ семинарій дѣйствія циркуляра Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 11-го октября 1885 года, за № 28, коимъ воинскимъ присутствіямъ предоставлено право давать воспитанникамъ учебныхъ заведеній 1-го и 2-го разряда всѣхъ вѣдомствъ дополнительную, сверхъ указанной въ ст. 53 уст. о воин. повинности, отсрочку для поступленія въ войска, если о томъ будутъ заявлены воспитанниками ходатайства чрезъ ихъ ближайшія начальства.

Нынѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ Горемыкинъ сообщилъ, что къ измѣненію установленнаго помянутымъ выше циркуляромъ порядка предоставленія дополнительныхъ отсрочекъ по исполненію воинской повинности, по его мнѣнію, не представляется надобности, такъ какъ и до сего времени имъ неоднократно были повергаемы на Всемилостивѣйшее благовоззрѣніе Государя Императора, по соглашенію съ военнымъ министромъ, ходатайства объ отсрочкахъ тѣхъ учениковъ низшихъ учебныхъ заведеній, которые признаны были Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія заслуживающими таковой отсрочки. Равнымъ образомъ и въ будущемъ могутъ быть направлены, согласно бывшимъ примѣрамъ, ходатайства лицъ, обучающихся въ учебныхъ заведеніяхъ второго (бывшаго третьяго) разряда объ отсрочкѣ имъ исполненія воинской повинности, въ томъ случаѣ, если въ отзывахъ по сему предмету подлежащаго учебнаго начальства будутъ указаны какъ причины, воспрепятствовавшія ученикамъ своевременно окон-

чить курсъ ученія, такъ и аттестація молодыхъ людей въ нравственномъ и учебномъ отношеніяхъ (Циркуляръ Виленскаго уч. окр. 1898 г. № 9).

О томъ, могутъ-ли быть допускаемы къ экзамену на званіе учителя новыхъ языковъ лица, выдержавшія испытаніе только изъ курса шести классовъ реальнаго училища (2-го іюня 1898 г., № 13.694).

Въ разъясненіе возбужденнаго попечителемъ Казанскаго учебнаго округа вопроса о томъ, могутъ-ли быть допускаемы, на основаніи правилъ для спеціальныхъ испытаній 15-го мая 1870 г., къ экзамену на званіе учителя новыхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ лица, выдержавшія испытанія только изъ курса шести классовъ реальнаго училища, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, по приказанію его превосходительства г-на Управляющаго Министерствомъ, изъяснилъ, что къ экзамену на это званіе слѣдуетъ допускать только тѣхъ лицъ, которыя выдержали испытаніе изъ полнаго курса семи классовъ реальнаго училища (ib.).

По вопросу о порядкѣ испытанія на право поступленія на государственную службу и на первый классный чинъ (9-го апрѣля 1898 г., № 9.099).

Вслѣдствіе возбужденнаго вопроса о порядкѣ испытанія въ Рижскомъ учебномъ округѣ на право поступленія на государственную службу и на первый классный чинъ, г. Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разъяснено, что эти испытанія должны производиться въ указанныхъ для сего учрежденіяхъ изъ предметовъ, проходимыхъ по уставу 8-го декабря 1828 г. въ уѣздныхъ училищахъ, и по программамъ, изданнымъ для производства испытаній желающимъ поступить на службу вольноопредѣляющимися II разряда (ib.).

О порядкѣ назначенія непремѣнныхъ членовъ въ составъ правленій учреждаемыхъ при учебныхъ заведеніяхъ обществъ вспомоществованія недостаточнымъ учащимся сихъ заведеній. (4-го марта 1898 года, № 5.869).

По возбужденному управленіемъ Рижскаго учебнаго округа вопросу о порядкѣ назначенія непремѣнныхъ членовъ въ составъ правленія учрежденнаго при Митавской женской гимназіи общества вспомоществованія нуждающимся ученицамъ оной, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ установить правило, чтобы въ составъ правленія упомянутаго общества назначались, по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа, по представленію предсѣдателя педагогическаго совѣта названной гимназіи, въ качествѣ представителей отъ учебнаго вѣдомства, одинъ или два непремѣнныхъ члена изъ числа лицъ учебнаго персонала, не состоящихъ выборными членами того же правленія.

Вмѣстѣ съ симъ г. Министръ разрѣшилъ примѣнить означенный порядокъ назначенія непремѣннымъ членовъ въ правленія подобныхъ обществъ, учреждаемыхъ и при другихъ учебныхъ заведеніяхъ округа, на основаніи утвержденнаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ 17-го ноября 1894 г. нормальнаго устава сихъ обществъ, съ тѣмъ, чтобы число непремѣнныхъ членовъ, назначаемыхъ въ составъ правленій тѣхъ изъ нихъ, дѣятельность коихъ распространяется на нѣсколько учебныхъ заведеній, соотвѣтствовало указанному въ § 14 означеннаго нормальнаго устава (ib. № 10).

О томъ, чтобы никакіе экзамены не были назначаемы въ послѣдніе дни Страстной и въ первые дни Святой недѣли. (23-го апрѣля 1898 года, за № 10.977).

Изъ представленнаго въ Министерство расписанія экзаменовъ въ испытательной коммиссіи при одномъ изъ университетовъ усматривается, что нѣкоторые экзамены приходятся на дни Страстной и Святой недѣли.

Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что праздничные дни должны быть посвящаемы духовнымъ потребностямъ, г. Управляющій Министерствомъ просилъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе, чтобы никакіе экзамены впредь въ указанное свободное отъ занятій время назначаемы не были и чтобы отступленія отъ этого порядка въ особо уважительныхъ для того случаяхъ допускаемы были лишь по отношенію къ первымъ днямъ Страстной и послѣднимъ Святой недѣли, какъ днямъ не табельнымъ (ib.).

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «Учебникъ латинскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ *А. О. Поспишиль*, преподаватель Кіевской 1-й гимназіи. Часть. II. Курсъ второго и третьяго классовъ. Изданіе четвертое, вновь обработанное. Кіевъ. 1898. Стр. IV+228. Цѣна 1 р.»— одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для II и III классовъ гимназій и прогимназій.

— Книги: 1) «*Св. Іоаннъ Дамаскинъ.* Три защитительныхъ слова противъ порицавшихъ святыя иконы или изображенія. Съ греческаго перевелъ *Александръ Бронзовъ*, преподаватель С.-Петербургской духовной семинаріи. Спб. Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова. 1893. Стр. XXXVIII+168+XXI+II+IX+VI. Цѣна 1 рубль».—2) «Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка (О конечныхъ причинахъ). Четвертое, дополненное изданіе. Спб. Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова. 1894. Стр. 375. Цѣна 2 р.»—3) «Точное изложеніе православной вѣры. Твореніе *Св. Іоанна Дамаскина.* Съ греческаго перевелъ и снабдилъ

---

*) Журналъ Минист. Нар. Просв. 1898 г., декабрь.

переводъ предисловіемъ, примѣчаніями и указателями магистръ богословія *Александръ Бронзовъ*, преподаватель С.Петербургской духовной семинаріи. Спб. Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова. 1894. Стр. LXXII+272+CXV+I+VI. Цѣна 2 р.» — 4) «День святой жизни, или отвѣтъ на вопросъ: какъ мнѣ жить свято? *Григорія*, митрополита с.-петербургскаго. Спб. Изданіе 2-е, книгопродавца И. Л. Тузова. 1897. Стр. 223. Цѣна 30 к.»—рекомендовать первую и вторую для фундаментальныхъ, третью для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а четвертую—для библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книги: 1) «Писанія мужей апостольскихъ. Въ русскомъ переводѣ, со введеніями и примѣчаніями къ нимъ. Прот. *Петра Преображенскаго*. С.-Пб. Изданіе второе, книгопродавца И. Л. Тузова. 1895. Стр. 327. Цѣна 1 р. 50 к.»—2) «Сочиненія святаго *Иринея*, епископа ліонскаго, жившаго во II вѣкѣ. Изданы въ русскомъ переводѣ свящ. *П. Преображенскимъ*. М. 1871. Стр. XXI+716+XIII. Цѣна 3 р.»—3) «Сочиненія святаго *Іустина*, философа и мученика. Изданы въ русскомъ переводѣ, со введеніями и примѣчаніями къ нимъ, прот. *П. Преображенскимъ*. Изданіе второе. М. 1892. Стр. 484. Цѣна не обозначена».—4) «Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ. Въ русскомъ переводѣ со введеніями и примѣчаніями протоіерея *П. Преображенскаго*. Татіанъ.—Аѳинагоръ.—Св. Ѳеофилъ Антіохійскій.—Ермій.—Мелитонъ Сардійскій. — Минуцій Феликсъ. С.-Пб. Изданіе второе, книгопродавца И. Л. Тузова. 1895. Стр. 271. Цѣна 1 р. 50 к.»—одобрить для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Обязанности домашняго общества по слову Божію у древнихъ христіанъ. Протоіерея *Григорія Мансвѣтова*. Изданіе второе, исправленное. С.-Пб. Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова. 1894. Стр. 146. Цѣна 60 к.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книги: 1) «Приточникъ евангельскій. Объясненіе находящихся въ св. Евангеліи притчей, основанное на Священномъ Писаніи и мнѣніяхъ святыхъ отцовъ и учителей церкви, съ приложеніемъ нравственно-назидательныхъ размышленій. Трудъ *Сильвестра*, архіепископа кавказскаго и астраханскаго. Изданіе четвертое (пересмотрѣнное). С.-Пб. Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова. 1894. Стр. VIII+362+VI. Цѣна 1 р.»— 2) «Слова, бесѣды и рѣчи *Филарета (Гумилевскаго)*, архіепископа черниговскаго и нѣжинскаго. Въ 4-хъ частяхъ. Изданіе третье. С.-Пб. Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова. 1883. Стр. 860+VI+VI. Цѣна 3 р. 50 к.»—3) «О пользѣ чтенія Библіи, сирѣчь книгъ Священнаго Писанія. Протоіерея *Г. С. Дебольскаго*. С.-Пб. Изданіе 2-е, книгопродавца И. Л. Тузова. 1897. Стр. 209+II. Цѣна 60 к.»—4) «Житія святыхъ Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Протоіерея *Г. С. Дебольскаго*. (Извлечено изъ книги «Дни Богослуженія»). Съ изображеніями ихъ, академика Ѳ. Г. Солнцева. С.-Пб. Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова, 1897 г. Стр. 95. Цѣна 30 к.»—5) «Исторія русской церкви. Сочиненіе *Филарета Гумилевскаго*, архіепископа черниговскаго. Въ пяти періодахъ (988—1826). Изданіе шестое. С.-Пб. Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова. 1895. Стр. 840. Цѣна 3 р.»—6) «Обзоръ русской духовной литературы. Книга первая и вторая. 862—1863. Сочиненіе *Филарета*

(Гумилевскаго), архіепископа черниговскаго. Изданіе третье съ поправками и дополненіями автора. С.-Пб. Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова. 1884. Стр. 511. Цѣна 3 р.»—7) «Іисусъ Христосъ чудо исторіи. Сочиненіе. заключающее въ себѣ опроверженіе ложныхъ теорій о лицѣ Іисуса Христа, и собраніе свидѣтельствъ о высокихъ достоинствахъ характера, жизни и дѣлъ его со стороны невѣрующихъ. *Филиппа Шаффа*, доктора и профессора богословія. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Пб. Изданіе третье, книгопродавца И. Л. Тузова. 1896. Стр. 216+VI. Цѣна 1 рубль».—8) «Святые южныхъ славянъ. Описаніе жизни ихъ. Сочиненіе *Филарета*, архіепископа черниговскаго. Съ рисунками академика Ѳ. Г. Солнцева. С.-Пб. Изданіе 4-е, книгопродавца И. Л. Тузова. 1894. Стр. 312+V. Цѣна 1 р. 50 к.»—9) «Житія святыхъ подвижницъ восточной церкви. Сочиненіе преосвященнаго *Филарета (Гумилевскаго)*, архіепископа черниговскаго. Изданіе второе. Съ изображеніями святыхъ подвижницъ академика Ѳ. Г. Солнцева. С.-Пб. Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова. 1885. Стр. 260+XXXXIV. Цѣна 1 р. 50 к.»—одобрить первыя четыре для фундаментальныхъ, а остальныя пять для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: «*Евг. Берсье.* Бесѣды. Томъ III. Съ портретомъ автора. С.-Пб. Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова. 1893. Стр. 215. Цѣна 1 р.— Томъ IV. Переводъ протоіерея *А. П. Мальцева.* 1896. Стр. 241. Цѣна 1 рубль»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книжку: «Наши родичи. (Изъ воспоминаній о славянскихъ земляхъ). Очерки и разсказы *В. П. Желиховской.* С.-Пб. Изданіе П. Сойкина. 1897. Стр. 167. Цѣна 50 к.»—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: «По Бѣлу-Свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Стараго Свѣта доктора *А. В. Елисѣева.* Томъ IV. Съ иллюстраціями художниковъ: Н. Н. Каразина, В. П. Овсяникова, Э. К. Соколовскаго и А. А. Чикина. С.-Пб. Изданіе П. П. Сойкина. 1898. Стр. XL+317. Цѣна 3 р.»—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для ученическихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Сочиненіе: «Образцы обученія письму для начальныхъ училищъ и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Ѳ. В. Грековъ.* Изданіе третье Часть первая. Первоначальное русское и церковно-славянское письмо. 1898. Цѣна 10 к.—Часть вторая. Французское и нѣмецкое письмо. 1898. Цѣна 15 к.—Часть пятая (Письмо тупымъ перомъ шрифтовъ: рондо, готикъ и т. п.). 1896. Цѣна 40 к.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для младшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а первую часть, сверхъ того, и для городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ.

— Сочиненія *И. Е. Евсѣева.* 1) «Образцы шрифтовъ: круглаго (ronde), готическаго, фрактурнаго, батардъ, славянскаго и др. (съ объяснительнымъ текстомъ). Пособіе для учащихся. М. 1898. Стр. 11+XV табл. Цѣна 75 к.»—2) «Краткій историческій очеркъ обученія чистописанію

въ нашихъ училищахъ. С.-Пб. 1894. Стр. 23. Цѣна 20 к.»—3) «Каталогъ пособій по обученію письму. М. 1897. Стр. 33. Цѣна 10 к.»—одобрить первое для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а второе и третье для фундаментальныхъ библіотекъ означенныхъ заведеній.

— Книгу: «Педагогическая библіотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ. Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи *Л. Келльнера*. Переводъ съ нѣмецкаго *О. Масловой*, подъ редакціей *Н. Горбова*. Съ портретомъ Келльнера, очеркомъ его жизни и примѣчаніями. Изданіе второе. М. 1898. Стр. XIX+260+IV. Цѣна 1 р. 25 к.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ училищъ.

— Книгу: Contes et récits tirés des meilleurs auteurs français contemporains recueillis et annotés par *Alexandre Crottet* et *Alexandre Mann*. Изданіе второе. С.-Пб. 1808. Стр. 208»—одобрить, въ качествѣ учебнаго пособія, для старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книги: «Теоретическая грамматика французскаго языка. Составилъ *А. Корде*. 2-е изданіе (исправленное). М. 1898. Часть I. Этимологія. Стр. 90. Цѣна 35 к.»—Часть II. Синтаксисъ. Стр. II+108. Цѣна 40 к.»—одобрить, въ качествѣ учебнаго руководства, для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Систематическій указатель книгъ и статей по греческой филологіи, напечатанныхъ въ Россіи съ XVII столѣтія по 1892 годъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Съ прибавленіемъ за 1893, 1894 и 1895 годы. Составилъ *П. Прозоровъ*. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1898. Стр. XVI+374 in 4°. Цѣна 4 р.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: «*Вл. Черванскій*. Хронологія событій въ ходѣ борьбы Россіи съ татаро-монголами. С.-Пб. 1898. Стр. 40. Цѣна не обозначена»—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «*Е. К. Рѣдинъ*. Ѳ. И. Буслаевъ. Обзоръ трудовъ его по исторіи и археологіи искусства. Харьковъ. 1898. Стр. 11+39. Цѣна 60 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ, и допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки тѣхъ же учебныхъ заведеній.

— Книжку: «*Фр. Маллесонъ*. Первоначальное воспитаніе дѣтей. (Notes on the early training of children). Переводъ съ 3-го англійскаго изданія *Е. И. Бошнякъ*. М. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». 1898. Стр. 142. Цѣна 50 к.»—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ женскихъ гимназій и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: «Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Е. Ф. Канкринъ, его жизнь и государственная дѣятельность. Біографическій очеркъ *Р. И. Сементковскаго*. Съ портретомъ Канкрина, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ. С.-Пб. 1893. Стр. 94. Цѣна 25 к.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ и допустить въ учени-

ческія, старшаго возраста, библіотеки тѣхъ же учебныхъ заведеній, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: «Lehrbuch der ebenen Geometrie. Für Gymnasien und Realschulen bearbeitet von *A. Nathing*. Lehrer an der deutschen Hauptschule zu St. Petri. Petersburg. 1898. Стр. IV+148+11. Цѣна не обозначена»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для тѣхъ среднихъ учебныхъ заведній, въ которыхъ геометрія преподается на нѣмецкомъ языкѣ.

— Изданныя Д. Ефимовымъ и М. Клюкинымъ книги: «Собраніе сочиненій *Е. Марлиттъ* Т. V. Вторая жена. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго *А. В. Перелыгиной*. М. 1898. Стр. 365.—Т. VI. Имперская графиня Гизела. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго *А. Заблоцкой*. М. 1898. Стр. 410. Цѣна 1 р. 50 к.—Т. VII. Степная принцесса. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1898. Стр. 384. Цѣна 1 р. 50 к.—Т. VIII. Эльза (Goldelse). Романъ. М. 1898. Стр. 355»—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, а романъ «Имперская графиня Гизела», сверхъ того, и въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Sammlung moderner deutscher Autoren für russische Lehranstalten. 2 Bändchen. Bis zum Tode getreu. Erzählung aus des Zeit Karls des Grossen von *Felix Dahn*. Bearbeitet und verkürzt von *A. Plaesterer*, Oberlehrer am 1. Moskauer Knabengymnasium und an der Realschule Masing. M. 1898. Изданіе К. И. Тихомирова. Стр. XIV+283. Цѣна 85 коп. въ папкѣ»—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ гимназій, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ.

— Книгу: *Поль Маргеритъ*. Новая жизнь (Avril). Переводъ *Н. Ильиной*. Съ рисунками. М. Изданіе Д. П. Ефимова. 1896. Стр. 191. Цѣна 60 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Брошюру: «Демосѳенъ. Планы первыхъ четырехъ филиппикъ въ связи съ изложеніемъ ихъ содержанія. Составилъ *П. Юпатовъ*. Рига. 1896. Стр. 19. Цѣна 20 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку для гимназій.

— Книги: 1) «Leitfaden zur Einführung die Schätze der deutschen Dichtkunst. Kurzgefasste Darstellung der Geschichte der poetischen Litteratur der Deutschen nebst einem Anhang: Auswahl deutscher Gedichte. Verfasst und zusammengestellt von *Fr. Jürgensonn*. Odessa. 1898. Стр. 131+V. Цѣна 60 коп., а вмѣстѣ со «сборникомъ» цѣна 1 р.»—2) «Auswahl deutscher Gedichte herausgegeben als Anhang zum Leitfaden zur Einführung in die Schätze der deutschen Dichtkunst von Verfasser des Leitfadens *Fr. Jürgensonn*. Odessa. 1898. Стр. 154+VI. Цѣна 40 коп.»—допустить въ библіотеки старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Изданіе: 1) «Учебный историческій атласъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Составилъ баронъ *Н. Н. Торнау*. С.-Пб. 1898. 77 картъ на XIV табл. Цѣна 1 р. 50 к.»—2) «Объяснительный текстъ (историко-географическія замѣтки) и указатель къ 2-му изданію учебнаго историческаго атласа барона *Н. Н. Торнау*. С.-Пб. 1898. Стр. 28. Цѣна 25 коп.»—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Обозрѣніе Россійской имперіи сравнительно съ важнѣй-

шими государствами. Конспективный курсъ VI класса реальныхъ училищъ. Составленъ по учебнымъ планамъ, утвержденнымъ въ 1895 г. Второе переработанное изданіе *И. Словцова*, директора Тюменскаго александровскаго реальнаго училища и дѣйствительнаго члена Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. М. 1898. Стр. VI+97. Цѣна 50 коп.»—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для VI класса реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ I. Основныя свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Составилъ, примѣнительно къ программѣ гимназій и реальныхъ училищъ, преподаватель Кіевскаго реальнаго училища *И. П. Матченко*. Изданіе второе, исправленное. Кіевъ. 1898. Стр. IV+64. Цѣна 40 коп.»—допустить въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Обозрѣніе Россійской Имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. Курсъ шестого класса реальныхъ училищъ. Составилъ, примѣнительно къ новой программѣ, преподаватель Кіевскаго реальнаго училища *И. П. Матченко*. Пятое изданіе, исправленное. Кіевъ. 1898. Стр. IV+116. Цѣна 80 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для VI класса реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книга эта была исправлена по замѣчаніямъ Ученаго Комитета.

— Книгу: «Походъ Суворова въ 1799 году. По запискамъ Грязева. Составилъ полковникъ *Н. А. Орловъ*. Съ портретами, рисунками и планами. С.-Пб. 1898. Стр. IV+211. Цѣна 2 р.»—одобрить для фундаментальнылъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «*В. Колюбакинъ*. Воспоминаніе офицера Кобулетскаго отряда въ кампанію 1877—1878 гг. Новое изданіе, дополненное обзоромъ театра войны, новыми картами и планами и иллюстрированное портретами, сценами, видами и типами. Издалъ В. Березовскій. С.-Пб. 1897. Стр. VI+274. Цѣна 2 р.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Описаніе хивинскаго похода 1873 года. Составлено полковникомъ *Ф. И. Лобысевичемъ*, подъ редакціею генералъ-адъютанта *В. Н. Троцкаго*. С.-П. 1898. Въ 4-ую д. стр. 277+VI+IV. Цѣна 5 р., въ роскошномъ переплетѣ 8 р.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Опредѣленія Особаго Отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями Особаго Отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книжку: «Наставленіе въ Законѣ Божіемъ для начальныхъ училищъ разныхъ наименованій и вѣдомствъ, *Агаѳодора*, епископа Ставропольскаго и Екатеринославскаго. Изданіе 17-е. Ставрополь Кавказскій. 1898. Стр. 132+III. Цѣна 25 коп.»—одобрить для класснаго употребленія во всѣхъ начальныхъ народныхъ школахъ и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книжки: «Объяснительныя бесѣды законоучителя въ сельской школѣ и храмѣ Божіемъ. Въ 4-хъ отдѣлахъ. Священника *Никифора Востокова*. Саратовъ. 1897. Отдѣлъ I. Изданіе 3-е, вновь исправленное. Стр. 76.—Отдѣлъ II. Изданіе 2-е, исправленное. Стр. 133.—Отдѣлъ III. (Поясненіе Заповѣдей Божіихъ). Изданіе 2-е, исправленное. Стр. 65.—Отдѣлъ IV (вновь исправленный и дополненный). Стр. 115. Цѣна не обозначена»—допустить въ ученическія и учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: «Петръ Великій. *А. Ѳ. Гартвига*. Чтеніе къ 12-ти картинамъ для волшебнаго фонаря. Изданіе В. П. Александрова, въ Вологдѣ. Вологда. 1898. Стр. 42. Цѣна 10 коп.»—допустить для публичныхъ народныхъ чтеній, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были сдѣланы исправленія, указанныя Ученымъ Комитетомъ.

— Книжку: *Ил. Смирновъ*. Все правда. Разсказы для дѣтей. М. Изданіе М. Клюкина. Стр. 104. Цѣна 40 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжки и брошюры, изданныя состоящимъ подъ Августѣйшимъ Е. И. В. Государыни Императрицы покровительствомъ Отдѣломъ распространенія духовно-нравственныхъ книгъ: «1) Христіанскій бракъ и христіанская семья. Священника *Орлова*. М. 1898. Стр. 80. Цѣна 10 к.—2) Дѣйствительная причина нашихъ грѣховъ въ нашей безпечности. М. 1897. Стр. 31. Цѣна 3 коп.—3) О цѣломудріи и о плотскихъ грѣхахъ. Священника *П. Шумова*. М. 1898. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—4) О матеряхъ, бросающихъ новорожденныхъ дѣтей своихъ. Составилъ священникъ *П. Шумовъ*. М. 1897. Стр. 16. Цѣна 1 коп.—5) Стихиры великопостныхъ службъ, съ переводомъ на русскій языкъ, указаніемъ чтеній и краткимъ изложеніемъ содержанія ихъ. Изданіе 3-е. Сергіевъ-Посадъ. 1896. Стр. 276. Цѣна 50 коп.—6) Св. мученики Гурій, Самонъ и Авивъ. М. 1897. Стр. 32. Цѣна 4 коп.—7) Житіе и страданія св. великомученицы Варвары. М. 1897. Стр. 32. Цѣна 4 коп.—8) Житіе иже во святыхъ отца нашего Тихона чудотворца, епископа Амафунтскаго. М. 1898. Стр. 32. Цѣна 4 коп.—9) Житіе св. Ѳеодосія Углицкаго, архіепископа и чудотворца Черниговскаго. М. 1897. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—10) Житіе св. преподобной Пелагеи. М. 1898. Стр. 32. Цѣна 3 коп.—11) Житіе преподобнаго Сергія, игумена Радонежскаго и всея Россіи чудотворца. М. 1897. Стр. 102. Цѣна 10 коп.—12) Жизнь святителя и чудотворца Николая, архіепископа Мирликійскаго. М. 1897. Стр. 63. Цѣна 7 коп.—13) Святые безсребреники и чудотворцы Косма и Даміанъ. Протоіерея *Вас. Руднева*. М. 1897. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Стр. 32. Цѣна 4 коп.—14) Подавай милостыню, ибо она любезна Богу. Изъ твореній св. *Іоанна Златоуста*. М. 1897. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—15) Объ обидчивости. М. 1897. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—16) Нѣсколько словъ нашимъ мастеровымъ. М. 1897. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—17) Гнѣвъ должно погашать до захожденія солнца. Изъ твореній св. *Іоанна Златоуста*. М. 1897. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—18) Грѣшникъ, не отчаявайся въ спасеніи и не будь безпеченъ. Изъ твореній св. *Іоанна Златоуста*. М. 1897. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—19) О пріобрѣтающихъ неправедно. М. 1897. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—20) О тѣлесной красотѣ. М. 1897. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—21) О страшномъ судѣ и о суетѣ настоящей жизни. М. 1897.

Стр. 16. Цѣна 2 коп.—22) Женихи и невѣсты. Епископа *Виссаріона*. Изданіе 6-е. М. 1898. Стр. 32. Цѣна 4 коп. — 23) Утѣшеніе и совѣты людямъ, живущимъ въ бѣдности. Епископа *Виссаріона*. Изданіе 5-е. М. 1898. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—24) Доброе имя. Епископа *Виссаріона*. М. 1898. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—25) Православному христіанину для бесѣды съ католикомъ о вѣрѣ. (Самая бесѣда). М. 1897. Стр. 16. Цѣна 2 к.—26) Объ уходѣ за больными. М. 1897. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—27) Преподобный Іона, какъ почитатель св. Троицы, и нѣсколько словъ къ неблагочинно провождающимъ день св. Троицы. М. 1897. Стр. 15.—28) О крестьянскихъ посидѣлкахъ по житію св. мучениковъ Хрисанѳа и Даріи. Составилъ священникъ *П. Шумовъ*. М. 1897. Стр. 24. Цѣна 2 коп.—29) Хозяева и прислуга, по житію св. мученицы Агаѳокліи. Составилъ священникъ *Шумовъ*. М. 1897. Стр. 19. Цѣна 2 коп.—30) О супружескомъ цѣломудріи, по житію св. мучениковъ Іуліана и Василиссы. М. 1897. Стр. 20. Цѣна 2 коп.—31) Къ непосѣщающимъ храма, по житію преподобнаго Саввы Вишерскаго. Составилъ священникъ *П. Шумовъ*. М. 1897. Стр. 36. Цѣна 2 к.—32) О приступающихъ къ святымъ тайнамъ, по житію св. Григорія Двоеслова. Составилъ священникъ *П. Шумовъ*. М. 1897. Стр. 16. Цѣна 2 коп.—33) Св. преподобный Кипріанъ, Устюжскій чудотворецъ, и нѣсколько словъ о принужденіи себя къ молитвѣ. Составилъ священникъ *П. Шумовъ*. М. 1897. Стр. 16. Цѣна 1 коп.—34) Объ утайкѣ найденнаго. Составилъ священникъ *П. Шумовъ*. М. 1897. Стр. 16. Цѣна 1 коп. — 35) Злоупотребленіе даромъ слова. (Изъ проповѣдей священника *П. Шумова*). М 1897. Стр. 16. Цѣна 1 коп.—36) Св. апостолъ Ѳома и нѣсколько словъ о несогласіяхъ супружескихъ. Составилъ священникъ *П. Шумовъ*. М. 1897. Стр. 16. Цѣна 1 коп.—37) Обычай молиться предъ вкушеніемъ пищи. (Изъ проповѣдей священника *П. Шумова*). М. 1897. Стр. 16. Цѣна 1 коп.—38) Помни Бога. (Изъ проповѣдей священника *Шумова*). М. 1897. Стр. 16. Цѣна 1 коп.—39) Казанская чудотворная икона Богоматери. М. 1897. Стр. 16. Цѣна 1 к.—40) О брани скверными словами. Бесѣда священника съ прихожанами. Священника *І. Бухарева*. Изданіе 9-е. М. 1895. Стр. 24. Цѣна 2 к.—41) Нѣсколько словъ о честности и воровствѣ. (Разговоръ со священникомъ). Изданіе 7-е. М. 1895. Стр. 15. Цѣна 1 коп.»—допустить въ народныя библіотеки-читальни, а также и въ библіотеки начальныхъ народныхъ школъ, кромѣ первыхъ четырехъ брошюръ, которыя допустить лишь въ народныя библіотеки-читальни для чтенія взрослыхъ.

— Книги *Н. И. Познякова*, изданныя А. Ф. Девріеномъ: «1) Товарищъ. Повѣсть изъ школьной жизни. Изданіе 2-е. Спб. 1896. Стр. 248. Цѣна 2 руб. — 2) Почитать-бы!.. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Изданіе 3-е, дополненное. Спб. 1897. Стр. 242. Цѣна 1 руб. 75 коп.—3) Басни Эзопа. Пересказъ въ стихахъ. Спб. 1892. Стр. 71. Цѣна 1 р.—4) Рейнеке-Лисъ-Хитродумъ. Передѣлано съ нѣмецкаго. Спб. 1897. Цѣна 2 руб.»—первую и вторую одобрить, а третью и четвертую допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: «Робинзонъ Крузо и его приключенія, описанныя имъ самимъ. Сочиненіе *Дефо*. Иллюстрированное сокращенное изданіе Вятскаго губернскаго земства. Вятка. 1897. Стр. 172. (Цѣна въ переплетѣ 90 к.)»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: «Краткія біографіи русскихъ писателей. Пособіе для учениковъ городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищъ. Изложилъ *П. Борзаковскій*. Одесса. 1898. Стр. IV + 90. Цѣна 50 коп.»— допустить въ городскія училища въ качествѣ учебнаго пособія, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, съ условіемъ исправленія книги въ слѣдующемъ изданіи согласно замѣчаніямъ Ученаго Комитета и пониженія цѣны ея.

— Книгу: «Жанна д'Аркъ. Очеркъ *М. Драгомирова*. (Съ рисунками и чертежемъ). Издалъ В. Березовскій. Спб. 1898. Стр. 79. Цѣна не обозначена»—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюрки: «1) Бесѣда врача съ крестьянами объ оспѣ. Врача *Ліона*. Изданіе С. В. Кульженка № 4. Кіевъ. 1898. Стр. 19. Цѣна 3 коп. (Кіевское общество грамотности)—2) О чумѣ человѣка. Профессора *Н. И. Мухина*. Харьковъ. 1896. Стр. 52. Цѣна не обозначена (Харьковскій издательскій комитетъ при Обществѣ грамотности. № 45)—допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжку: «*П. Лодыгинъ*. Дѣдушкины разсказы о лошади-кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Съ приложеніемъ: 1) Краткаго наставленія о ковкѣ и 2) Краткаго описанія болѣзней наиболѣе серьезныхъ и чаще встрѣчающихся у рабочихъ лошадей. Спб. 1895. Стр. 64. Цѣна 20 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: «Праздникъ Рождества Христова. Сборникъ статей. Съ рисункомъ Рождества Христова. Изданіе *И. В. Преображенскаго*. Спб. 1898. Стр. 160. Цѣна 50 коп. въ переплетѣ» — одобрить для ученическихъ и учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ училищъ, для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Брошюры подъ общимъ названіемъ «Изъ народовѣдѣнія. Чтеніе для народа. Составилъ *Ѳ. Ѳ. Пуцыковичъ*. Спб. 1898.»: 1) «Финны».— 2) «Поляки».—3) «Голландцы».—4) «Швейцарцы».—5) «Румыны»,— 6) «Цыганы». — 7) «Греки». — 8) «Евреи». — 9) «Афганы». — 10) «Сіамцы». — 11) «Южно-американцы». —12) «Индѣйцы». — Въ каждой брошюрѣ 16 стр. Цѣна 5 коп.» — допустить въ ученическія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: Свящ. *Вл. Ангельскій*. Разсказы изъ исторіи Западно Русской церкви. Вильна. 1898. Стр. IV + 152. Цѣна 60 коп.» — одобрить для учительскихъ библіотекъ всѣхъ начальныхъ народныхъ школъ, для ученическихъ библіотекъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Брошюру: *А. Д. Коровкинъ*. Описаніе Череповецкаго уѣзда съ приложеніемъ плана города, карты уѣзда, вида главной улицы, и другихъ рисунковъ. Новгородъ. 1898. Ср. 34. Цѣна 20 коп.» — допустить въ библіотеки учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни Новгородской губерніи.

— Книжку: «Библіотека маленькаго читателя. № 5. Въ городѣ и деревнѣ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Составилъ *А. Ивинъ*. Съ рисунками Н. Н. Ольшанскаго. Изданіе второе. М. Издатель В. С. Спиридоновъ. 1898. Стр. 54. Цѣна 30 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Книжки, изданныя В. С. Спиридоновымъ: 1) *Анна Догановичъ*. Пчелиный домикъ. Повѣсть изъ жизни пчелъ. Съ рисунками П. Литвиненка. М. 1898. Стр. 79. Цѣна 40 коп.»—2) «Библіотека маленькаго читателя. № 7. Друзья дѣтей. Сборникъ разсказовъ. Составилъ *А. Ивинъ*. Съ рисунками П. Литвиненка. М. 1898. Стр. 74. Цѣна 40 коп.» — допустить въ ученическія библіетеки низшихъ училищъ, въ таковыя-же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюру: «Зимовка на Мурманскомъ становищѣ. Составила *А. Катенкампъ*. Изданіе редакціи журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1896. Стр. 44. Цѣна не обозначена» — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— «*Богъ-Помочь*». Ежемѣсячный журналъ, издаваемый въ видѣ безплатнаго приложенія къ еженедѣльной газетѣ «Сельскій Вѣстникъ»— разрѣшить учрежденіямъ и лицамъ, подвѣдомственнымъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, отдѣльную отъ «Сельскаго Вѣстника» подписку на сей журналъ, со 2-го года его изданія, съ годовою платою по 65 коп. за экземпляръ.

— Книгу: «Вешніе всходы. 3-я и 4-я книги для класснаго чтенія и бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій въ школѣ и въ семьѣ. Составилъ *Д. И. Тихомировъ*. Изданіе 5-е, напечатанное безъ перемѣнъ съ 4-го изданія. М. 1898. Стр. 382. Цѣна 60 коп.» — одобрить, въ качествѣ учебнаго пособія, для всѣхъ низшихъ училищъ и для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а равно допустить и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

ВОЗРОЖДЕНІЕ ВОСКРЕСНЫХЪ ШКОЛЪ.

(Воскресныя школы въ періодъ 1862—1888 гг.).

I. Законодательство по воскреснымъ школамъ.

Наши первыя воскресныя школы, открытыя въ самомъ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, были, какъ извѣстно, повсемѣстно закрыты по Высочайшему повелѣнію 10 іюня 1862 года. Движеніе по устройству воскресныхъ школъ, просуществовавшее всего лишь три года и давшее въ результатѣ болѣе 300 воскресныхъ школъ во всѣхъ концахъ Россіи, было прекращено, и притомъ при обстоятельствахъ, которыя дѣлали весьма сомнительнымъ возникновеніе такого же движенія среди интеллигенціи, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ *). Въ 1862 году воскресныя школы были закрыты лишь «временно», впредь до выработки подробныхъ законоположеній о названномъ типѣ просвѣтительныхъ учрежденій, но люди, понимающіе дѣло (напр., Стоюнинъ), немедленно же по принятіи суровой мѣры 1862 года, предсказывали, что это «временное» закрытіе будетъ имѣть крайне продолжительныя послѣдствія и что понадобится весьма много времени, чтобы такъ несправедливо осужденный типъ просвѣтительнаго учрежденія, созданный свободнымъ творчествомъ интеллигенціи, основанный исключительно на сознаніи послѣднею своего долга предъ населеніемъ и ея безкорыстномъ трудѣ, снова вошелъ въ нашу жизнь **). Это предсказаніе Стоюнина и другихъ вполнѣ оправдалось. Понадобилось болѣе тридцати лѣтъ, чтобы воскресныя школы снова получили права гражданства въ нашей жизни и достигли такого же распространенія, какое достигнуто было въ первый періодъ ихъ исторіи всего въ теченіе трехъ лѣтъ (1859—1862 гг.). Медленно, лишь шагъ за шагомъ, идея воскресныхъ школъ снова завоевывала для себя почву въ нашей жизни и наконецъ получила всеобщее распространеніе, нынѣ

*) «Первыя Воскресныя Школы». «Русская Школа», 1898, №№ 9—12

**) Тоже, № 12.

уже далеко превзошедшее распространеніе воскресныхъ школъ въ 1862 году.

Хотя воскресныя школы были закрыты въ 1862 году лишь до выработки опредѣляющаго ихъ положеніе закона, однако такого закона никогда создано не было. По отношенію къ воскреснымъ школамъ было принято въ теченіе всего времени, послѣдовавшаго съ 1862 года, лишь нѣсколько случайныхъ, единичныхъ мѣръ. Общею же мѣрою по отношенію къ воскреснымъ школамъ являлось лишь причисленіе ихъ къ числу начальныхъ школъ, сдѣланное вопреки указаніямъ такого свѣдущаго лица, какъ Стоюнинъ *), и вопреки самого существа дѣла, представляемаго воскресными школами.

Разсмотримъ послѣдовательно тѣ немногія законодательныя мѣры, которыя касались воскресныхъ школъ, начиная съ 1862 года.

Первою такою мѣрою явилось Высочайшее повелѣніе 28 іюля 1862 года о нераспространеніи дѣйствія закона 10 іюня 1862 г. о закрытіи воскресныхъ школъ на Прибалтійскія губерніи. Эта законодательная мѣра, послѣдовавшая всего черезъ мѣсяцъ послѣ распоряженія о повсемѣстномъ закрытіи воскресныхъ школъ, была вызвана особенностями воскресныхъ школъ Прибалтійскихъ губерній. Дѣло въ томъ, что воскресныя школы Прибалтійскаго края не имѣли ничего общаго съ воскресными школами, возникшими повсемѣстно въ 1859—1862 гг. Прибалтійскія воскресныя школы возникли уже давно и имѣли исключительно конфессіональный характеръ. Въ нихъ шла подготовка молодежи къ исповѣди и причащенію въ лютеранскихъ церквахъ. Такимъ образомъ, эти школы были лишь принадлежностью лютеранскихъ храмовъ, и распространеніе на нихъ дѣйствія закона 10 іюня 1862 года о закрытіи воскресныхъ школъ, въ которыхъ происходило школьное обученіе, являлось результатомъ чрезмѣрнаго усердія мѣстныхъ властей. Законъ 28 іюля 1862 года, такимъ образомъ, устранялъ произвольно-распространительное толкованіе закона 10 іюня 1862 года, но собственно къ воскреснымъ школамъ въ нашемъ смыслѣ не имѣлъ никакого отношенія.

Въ томъ-же 1862 году (отъ 22 октября) была принята еще одна частная мѣра, касавшаяся уже воскресной школы нашего типа. Именно, по ходатайству старшинъ нарвскаго цехового общества дѣйствіе закона 10 іюня 1862 года не было распространено на воскресную школу, открытую означеннымъ цеховымъ обществомъ, и было разрѣшено ея дальнѣйшее существованіе. Какая дальнѣйшая судьба постигла эту школу, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно; но, повидимому, она просуществовала не долго, ибо въ позднѣйшія времена относительно ея не появлялось въ печати ни малѣйшихъ извѣстій.

*) Тоже.

Существенное значенie для дальнѣйшей судьбы воскресныхъ школъ могло бы имѣть изданie «Положенiя о начальныхъ училищахъ 14-го iюля 1864 года», которымъ узаконивалось существованie воскресныхъ школъ. Къ сожалѣнiю, этотъ законодательный актъ не оказалъ никакого влiянiя на возобновленie воскресныхъ школъ—отчасти въ виду того враждебнаго настроенiя по отношенiю къ воскреснымъ школамъ, которое совершенно безосновательно установилось въ администрацiи и обществѣ вслѣдствie закрытiя воскресныхъ школъ въ 1862 году, а отчасти вслѣдствie того, что воскресныя школы фигурируютъ въ названномъ выше «Положенiи», какъ нѣчто случайное, мимолетное, о чемъ упоминается лишь между прочимъ. Воскресныя школы нужно было еще пропагандировать въ тогдашнемъ обществѣ, нужно было знакомить съ этимъ типомъ просвѣтительныхъ учрежденiй тогдашнее общество, а между тѣмъ въ Положенiи 1864 года имъ было удѣлено такъ мало мѣста и вниманiя, что большинство знакомившихся съ Положенiемъ, вѣроятно, даже не обратило никакого вниманiя на упоминаемыя въ Положенiи воскресныя школы.

«Положенie о начальныхъ народныхъ училищахъ 14-го iюля 1864 года» явилось результатомъ работы, начатой въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенiя еще въ 1856 году, т. е. тогда, когда даже самой мысли о воскресныхъ школахъ не существовало. Къ 1861 году былъ уже готовъ «Проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ». Проектъ этотъ подвергался разнымъ передѣлкамъ и дополненiямъ до 1864 года и въ этотъ промежутокъ времени въ нѣкоторыя мѣста его, избранныя довольно случайно, и были вставлены слова: «воскресная школа». Такимъ образомъ, въ «Положенiи 1864 года», уже по самому его происхожденiю, нельзя искать никакихъ систематическихъ правилъ, регулирующихъ положенie воскресныхъ школъ. Мы приведемъ здѣсь всѣ тѣ статьи «Положенiя 1864 года, въ которыхъ упоминается о воскресныхъ школахъ.

Въ ст. 2-й Положенiя, при перечисленiи учебныхъ заведенiй, причисляемыхъ къ начальнымъ училищамъ, помѣщенъ п. 4-й, которымъ къ этимъ училищамъ относятся и «всѣ вообще воскресныя школы, учреждаемыя какъ правительствомъ, такъ и обществами городскими и сельскими и частными лицами для образованiя лицъ ремесленнаго и рабочаго сословiя обоего пола, не имѣющихъ возможности пользоваться ученiемъ ежедневно». По ст. 7, «воскресныя школы учреждаются исключительно для учащихся одного пола». Въ силу ст. 12, «завѣдыванie каждой воскресной школой принадлежитъ лицу, принявшему на себя званie ея распорядителя и утвержденному въ семъ званiи училищнымъ совѣтомъ; въ женскихъ воскресныхъ шко-

лахъ обязанности этого званія возлагаются преимущественно на лицъ женскаго пола». Ст. 13 опредѣляетъ право распорядителей воскресныхъ школъ входить по дѣламъ этихъ школъ въ сношенія съ училищными совѣтами и устанавливаетъ отвѣтственность распорядителей «за порядокъ» въ воскресныхъ школахъ. Согласно 17 статьи, наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ въ воскресныхъ школахъ, какъ и во всѣхъ начальныхъ школахъ, возлагается на мѣстнаго приходскаго священника, который, въ случаѣ надобности, замѣчанія свои сообщаетъ распорядителю воскресной школы, а если-бы его замѣчанія не были приняты, доноситъ о томъ уѣздному училищному совѣту. Наконецъ, ст. 18 опредѣляется, что училищные совѣты завѣдываютъ воскресными школами такъ же, какъ и всѣми остальными начальными училищами.

Такимъ образомъ, Положеніе 1864 года приравниваетъ воскресныя школы къ общему типу начальныхъ училищъ, совершенно отвергая особенности, присущія воскреснымъ школамъ, какъ относительно порядка ихъ возникновенія, состава учащихся (преимущественно взрослые), состава учащихъ (исключительно даровые работники), характера преподаванія (обусловливаемаго разнообразіемъ подготовки учащихся) и, наконецъ, запросовъ учащихся относительно предметовъ преподаванія (многіе учащіеся въ воскресныхъ школахъ являются сюда, уже пройдя начальную школу, и желаютъ продолжать свое образованіе, предъявляя нерѣдко очень опредѣленныя требованія относительно предметовъ, по которымъ они желали-бы получить знанія). Всѣ эти особенности воскресныхъ школъ, рѣзко отличающія ихъ отъ начальныхъ училищъ и ставящія ихъ въ особый разрядъ просвѣтительныхъ учрежденій, совершенно отвергаются Положеніемъ 1864 года. Неудивительно, что Положеніе 1864 года, хотя оно и закрѣпляло въ законодательномъ порядкѣ существованіе воскресныхъ школъ, узаконяло этотъ типъ просвѣтительныхъ учрежденій и предоставляло открытіе ихъ городскимъ и сельскимъ обществамъ и частнымъ лицамъ, не могло вызвать уже того движенія по устройству воскресныхъ школъ, которое началось въ 1859 году и было искусственно прекращено въ 1862 году.

Послѣ изданія Положенія 1864 года, по отношенію къ воскреснымъ школамъ не было издано ни одного законоположенія вплоть до изданія Положенія 1874 года. Правда, въ этотъ промежутокъ вышли два законодательные акта, въ которыхъ упоминается объ особыхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ для взрослыхъ, подъ которыми можно разумѣть и воскресныя школы, хотя онѣ и не называются въ этихъ актахъ. Мы имѣемъ въ виду Инструкцію инспекторамъ и директорамъ народныхъ училищъ 29 октября 1871

*

года и Положеніе о народныхъ училищахъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской. Въ инструкціи, дѣйствующей и доселѣ, имѣется статья 48, въ которой говорится: «Директоръ и инспекторъ, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами и лицами, прилагаютъ попеченіе о томъ, чтобы при училищахъ, гдѣ окажется возможность, были устраиваемы особые *уроки для взрослыхъ* поселянъ, стараясь личными убѣжденіями привлечь ихъ къ ученью и ходатайствуя, въ случаѣ успѣха, объ отпускѣ изъ подлежащихъ учрежденій суммъ, необходимыхъ для вознагражденія учителей за такой трудъ ихъ сверхъ прямыхъ обязанностей». Затѣмъ, въ ст. 20 «Положенія о народныхъ училищахъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской» говорится: «При городскихъ двухклассныхъ и одноклассныхъ народныхъ училищахъ могутъ быть, съ разрѣшенія попечителя округа, открываемы *классы для взрослыхъ*. Цѣль этихъ классовъ—доставить, съ одной стороны, взрослымъ людямъ, учившимся въ первоначальныхъ училищахъ, возможность повторить пройденное, а съ другой стороны—обучить неграмотныхъ, по крайней мѣрѣ, грамотѣ. Обученіе въ классахъ для взрослыхъ ограничивается курсомъ одноклассныхъ народныхъ училищъ; въ сихъ классахъ преподаютъ учителя тѣхъ училищъ, при которыхъ классы учреждены, за особое вознагражденіе». Очевидно, эти «уроки» или «классы для взрослыхъ» могутъ быть открываемы и по воскресеньямъ, и такимъ образомъ указанными актами рекомендовалось введеніе чего-то, подобнаго воскреснымъ школамъ; но то обстоятельство, что преподаваніе на означенныхъ «урокахъ» или «классахъ» возлагалось, и притомъ «за особое вознагражденіе», только на учителей тѣхъ ежедневныхъ школъ, при которыхъ классы или уроки имѣли открываться, дѣлало ихъ совершенно непохожими на воскресныя школы, создавшіяся въ 1859—1862 гг., въ которыхъ учащими были лица, часто не принадлежавшія къ педагогическому міру и работавшія исключительно изъ любви къ дѣлу, безъ всякаго матеріальнаго вознагражденія.

«Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ» 25 мая 1874 года, какъ дѣйствующее доселѣ, заслуживаетъ нашего особаго вниманія и потому мы остановимся на немъ нѣсколько дольше. Положеніе 1864 года, которое оно замѣнило, приравниваетъ воскресныя школы всецѣло къ обыкновеннымъ начальнымъ училищамъ, почему всѣ правила, регулирующія положеніе начальныхъ училищъ, всецѣло распространены и на воскресныя школы, лишь съ очень немногими отступленіями. Такимъ образомъ, Положеніемъ 1874 года къ начальнымъ училищамъ отнесены «всѣ вообще воскресныя школы». Школы эти могутъ быть, согласно Положенію, учреждаемы

правительствомъ, городскими и сельскими обществами и частными лицами. Учреждаются воскресныя школы для лицъ обоего пола, но для каждаго пола отдѣльно. Предметами обученія воскресныхъ школъ служатъ: 1) Законъ Божій (краткій катехизисъ и св. исторія); 2) чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати; 3) письмо; 4) первыя четыре дѣйствія ариѳметики и 5) церковное пѣніе тамъ, гдѣ преподаваніе его будетъ возможно. Преподаваніе въ воскресныхъ школахъ совершается на русскомъ языкѣ. Употребляются при преподаваніи учебныя руководства, одобренныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ. Въ число учащихся принимаются лица всѣхъ состояній, безъ различія вѣроисповѣданій. Открываются воскресныя школы съ предварительнаго разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ и съ согласія предсѣдателя училищнаго совѣта, о чемъ доводится до свѣдѣнія сего совѣта. Въ случаѣ безпорядка и вреднаго направленія ученія, воскресныя школы закрываются временно, по соглашенію предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта съ инспекторомъ народныхъ училищъ; окончательное-же упраздненіе воскресной школы зависитъ отъ рѣшенія уѣзднаго училищнаго совѣта. Рѣшенія о временномъ закрытіи воскресной школы принимаются не иначе, какъ по личномъ удостовѣреніи на самомъ мѣстѣ предсѣдателя училищнаго совѣта и инспектора народныхъ училищъ въ происшедшемъ безпорядкѣ или во вредномъ направленіи, принятомъ воскресною школою. Воскресныя школы, учрежденныя обществами, имѣютъ распорядителей, избранныхъ этими обществами, а въ воскресныхъ школахъ, учрежденныхъ частными лицами, распорядителями состоятъ сами учредители. Въ женскихъ воскресныхъ школахъ обязанности распорядителей преимущественно возлагаются на лицъ женскаго пола. Распорядители и распорядительницы воскресныхъ школъ утверждаются и увольняются губернскимъ училищнымъ совѣтомъ по представленіямъ уѣзднаго училищнаго совѣта. Распорядители и распорядительницы воскресныхъ школъ имѣютъ право засѣдать и подавать голосъ въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ при обсужденіи дѣлъ этихъ школъ. Распорядители и распорядительницы завѣдуютъ дѣлами воскресныхъ школъ, входятъ въ сношенія по этимъ дѣламъ съ инспекторомъ народныхъ училищъ и отвѣчаютъ за порядокъ въ школахъ. Воскресныя школы освобождаются отъ представленія всякаго рода срочныхъ вѣдомостей, донесеній и т. п. Законъ Божій преподается въ воскресныхъ школахъ или приходскимъ священникомъ, или особымъ законоучителемъ, съ утвержденія епархіальнаго начальства, по представленію инспектора народныхъ учи-

лицъ. Прочимъ предметамъ могутъ обучать всѣ лица, имѣющія право преподаванія въ начальныхъ училищахъ.

Такимъ образомъ, Положеніе 1874 года окончательно закрѣпило положеніе воскресныхъ школъ, какъ школъ начальныхъ. Тѣ воскресныя школы, которыя рисовались піонерамъ даннаго дѣла въ началѣ 60-хъ годовъ и о которыхъ съ такимъ горячимъ увлеченіемъ говорилъ Стоюнинъ въ своей запискѣ о воскресныхъ школахъ въ 1862 году *),—школы, которыя давали-бы каждому желающему тѣ знанія, въ которыхъ онъ нуждается, причемъ школы эти гостепріимно должны были открывать двери и для тѣхъ, кто уже знакомъ съ курсомъ начальнаго училища,—эти школы совсѣмъ не предусматривались Положеніемъ 1874 года.

Затѣмъ до 1884 года законодательство наше не касалось воскресныхъ школъ. Въ этомъ году, 13 іюня, были Высочайше утверждены «Правила о церковно-приходскихъ школахъ», параграфомъ 7-мъ которыхъ «по мѣрѣ надобности и средствъ, дозволяется открывать, съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, при церковно-приходскихъ школахъ... б) ежедневные уроки для взрослыхъ... и г) воскресныя школы для лицъ, не имѣющихъ возможности пользоваться ученьемъ ежедневно», а въ примѣчаніи къ этому параграфу сказано: «уроки для взрослыхъ и воскресныя школы могутъ быть открываемы священниками и тамъ, гдѣ нѣтъ церковно-приходской школы». Затѣмъ въ правилахъ 28 мая 1888 года объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ, вошедшихъ въ Высочайше утвержденное 26 февраля 1896 года «Положеніе объ управленіи школами церковно-приходскими и грамоты», на уѣздныя отдѣленія епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ возлагается «попеченіе объ устройствѣ... г) воскресныхъ школъ для лицъ, не имѣющихъ возможности пользоваться ученьемъ ежедневно». Такимъ образомъ, воскресныя школы, въ формѣ школъ начальныхъ, вошли и въ систему церковно-приходскихъ школъ.

Подобно тому, какъ законодательство, касающееся народнаго образованія, касалось воскресныхъ школъ лишь изрѣдка и мимоходомъ, такъ и въ многочисленныхъ административныхъ распоряженіяхъ по учебному вѣдомству воскресныя школы затрогиваются лишь случайно. За разсматриваемый нами періодъ (1862—1888 гг.) мы можемъ отмѣтить лишь два относящіеся сюда циркуляра Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ первомъ изъ нихъ, послѣдовавшемъ 28 іюня 1874 года, говорится собственно о недопущеніи въ начальныя школы взрослыхъ, для обученія которыхъ рекомен-

*) «Русская Школа», 1898 г. № 12.

дуется устраивать воскресныя школы или уроки для взрослыхъ. Въ другомъ циркулярѣ отъ 27 октября 1885 года, совсѣмъ не упоминается о воскресныхъ школахъ, но такъ какъ въ немъ говорится вообще о школахъ для взрослыхъ, то его обыкновенно распространяютъ и на воскресныя школы. Въ циркулярѣ этомъ сообщается попечителямъ учебныхъ округовъ о томъ, что Министерство Народнаго Просвѣщенія находитъ необходимымъ, чтобы «учебное вѣдомство оказывало всевозможное содѣйствіе профессіональнымъ школамъ, низшимъ техническимъ и *школамъ для рабочихъ*, стараясь, между прочимъ, обезпечить таковыя, въ особенности вновь учреждаемыя школы, на первое время ихъ существованія, постояннымъ удобнымъ и безплатнымъ или наиболѣе дешевымъ помѣщеніемъ». На основаніи этого циркуляра многія воскресныя школы получили помѣщенія въ зданіяхъ учебныхъ (въ томъ числѣ кое-гдѣ и среднихъ) заведеній.

Невниманіе со стороны законодательства и учебной администраціи къ дѣлу воскресныхъ школъ за разсматриваемый нами періодъ объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что крупное значеніе даннаго вида просвѣтительныхъ учрежденій для страны, въ которой бѣдность мѣшаетъ слишкомъ многимъ пользоваться ежедневнымъ обученіемъ и лишаетъ возможности получать это образованіе въ юные годы, было совершенно не выяснено, а съ другой—тѣмъ, что сама жизнь не побуждала заниматься вопросомъ о воскресныхъ школахъ, такъ какъ учрежденія этого рода, несмотря на возможность ихъ повсемѣстнаго возникновенія послѣ изданія Положенія 1864 года, возникали съ поразительною медленностью, какъ это читатели увидятъ изъ слѣдующей главы, и потому не привлекали къ себѣ серьезнаго вниманія ни со стороны законодателя, ни со стороны учебной администраціи.

2. Возобновленіе воскресныхъ школъ.

Медленно возобновлялись воскресныя школы, закрытыя въ 1862 году. Повидимому, въ четырехлѣтній промежутокъ времени, отъ 1862 по 1866 г., не было открыто ни одной воскресной школы. По крайней мѣрѣ, я не нашелъ нигдѣ указаній на возникновеніе воскресныхъ школъ за эти годы. Только съ 1866 года начинаютъ возникать вновь воскресныя школы; но первыя воскресныя школы, открытыя въ эту эпоху, въ большинствѣ случаевъ оказывались недолговѣчными и закрывались, просуществовавъ лишь самый короткій промежутокъ времени.

Въ 1866 году были учреждены 33 воскресныя школы для взрослыхъ и дѣтей при духовныхъ семинаріяхъ. Школы эти, открытыя

по распоряженію центральной духовной власти, на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ существовали лишь самый краткій срокъ, какъ это и должно было ожидать отъ учрежденій, созданныхъ не по иниціативѣ самихъ работающихъ въ нихъ. Повидимому, для семинарскаго начальства воскресныя школы являлись лишь излишнею обузою, отъ которой оно и освобождалось при первомъ-же удобномъ случаѣ. Пишущій эти строки самъ учился въ одной изъ воскресныхъ школъ, открытыхъ при семинаріяхъ въ 1866 году, и можетъ удостовѣрить, что дѣло велось въ этой школѣ самымъ невозможнымъ образомъ. Занятія продолжались всего одинъ часъ передъ обѣдней. Преподаваніемъ занимались ученики семинаріи безъ всякаго надзора съ чьей бы то ни было стороны. Своею обязанностью заниматься въ воскресной школѣ семинаристы крайне тяготились и относились къ дѣлу крайне небрежно. Къ тому-же въ каждое новое воскресенье являлись для занятій новые ученики семинаріи. Толку отъ занятій не было рѣшительно никакого. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, у мѣстнаго архіерея было большое желаніе, чтобы школа существовала и процвѣтала. По крайней мѣрѣ, въ теченіе того учебнаго года, въ продолженіе котораго я посѣщалъ помянутую воскресную школу, архіерей три раза былъ въ ней. При этомъ, такъ какъ о посѣщеніи архіерея было извѣстно заранѣе, школа приводилась на такой случай совсѣмъ въ особый видъ. Въ школу приводились, кромѣ насъ, ребятишекъ-воскресниковъ, еще ученики начальнаго училища, существовавшаго также при семинаріи, и выдавались также за-воскресниковъ. Въ школу являлось нѣсколько десятковъ семинаристовъ, которые и занимались усердно съ воскресниками и школьниками, имѣя каждый одного или двухъ учениковъ. Кромѣ того, на занятіяхъ присутствовало и все семинарское начальство и большинство профессоровъ семинаріи. Выходило торжественно, благообразно и совершенно не похоже на то, что бывало въ другія воскресенья.

Изъ всѣхъ посѣщавшихъ воскресную школу мальчиковъ (такихъ было около сорока) въ теченіе года выучились читать и писать только трое. Остальные ушли изъ школы почти такими же неграмотными, какъ и пришли въ нее. Собственно и посѣщали школу эти мальчики не ради обученія, а по другимъ причинамъ. Дѣло въ томъ, что архіерей часто присылалъ въ воскресную школу молитвенники, евангелія, житія святыхъ, крестики. Эти-то предметы, часто раздававшіеся учащимся въ воскресной школѣ, и служили главною приманкою, привлекавшею въ школу дѣтей. Я помню, какъ родители, мои сосѣди, посылали своихъ дѣтей въ воскресную школу, убѣждая ихъ принесть «житіе» или крестикъ. Послушныя дѣти шли

въ школу, но если замѣчали, что никто не приносилъ въ школу ни книгъ, ни крестиковъ, то старались всячески ускользнуть изъ школы еще до начала занятій или во время ихъ. Какая польза могла получаться отъ такой школы—понятно всякому.

Однако не всѣ открытыя въ 1866 году при семинаріяхъ воскресныя школы были въ такомъ безнадежно-печальномъ положеніи, какъ та, которую посѣщалъ въ теченіе года пишущій эти строки. По крайней мѣрѣ, въ книгѣ барона Н. А. Корфа «Наше школьное дѣло» дается совсѣмъ иной отзывъ о воскресной школѣ, существовавшей при харьковской духовной семинаріи. Я передамъ здѣсь-то, что сообщаетъ бар. Корфъ объ этой школѣ, посѣщенной имъ въ 1871 году. Изъ тѣхъ фактовъ, съ которыми познакомится читатель, онъ увидитъ, что и харьковская воскресная школа, существовавшая при харьковской духовной семинаріи, несмотря на все расположеніе къ ней бар. Корфа и его слишкомъ благосклонное отношеніе къ ней, будучи далеко не такъ безпорядочна, какъ та, которую посѣщалъ я, представляла собою, однако, нѣчто, весьма мало напоминающее какъ тѣ воскресныя школы, которыя были созданы частною иниціативою въ 1859—1862 гг., такъ и существующія теперь воскресныя школы, созданныя тою-же частною иниціативою.

Воскресная школа при харьковской духовной семинаріи первоначально была организована г. Миропольскимъ, бывшимъ тогда преподавателемъ семинаріи и пріобрѣвшимъ затѣмъ извѣстность въ качествѣ ревизора духовно-учебныхъ заведеній. Школа помѣщалась въ нѣсколькихъ классахъ духовной семинаріи. При посѣщеніи школы бар. Корфомъ, въ ней было 90 учениковъ,—все дѣти. Преподавателей въ школѣ было до 80, т.-е. всѣ ученики 5 и 6 классовъ семинаріи. Около двухъ третей учащихся обучалось по два, по три, даже по одному отдѣльными семинаристами; остальные учащіеся образовали два класса, въ которыхъ *по очереди* занимались семинаристы въ присутствіи нѣсколькихъ своихъ товарищей. Эти два класса возникли лишь незадолго передъ посѣщеніемъ школы бар. Корфомъ, и при немъ дѣти обучались по классамъ лишь четвертый разъ. Въ виду этого бар. Корфъ проситъ читателей отнестись снисходительно къ успѣхамъ дѣтей въ ариѳметикѣ. Успѣхи эти дѣйствительно были таковы, что для нихъ требовалось большое «снисхожденіе». Вотъ что сообщаетъ по этому поводу бар. Корфъ: «Въ младшемъ классѣ, гдѣ только что начато умственное счисленіе, писали при мнѣ числа до сотни 20 учениковъ; ошиблись изъ нихъ *только 6*, но нумерація усвоена всѣми двадцатью только *по навыку, еще неосмысленному*. Въ старшемъ, 2-мъ классѣ дѣти вычисляютъ умственно до 100, но о частяхъ единицы съ ними еще не бесѣдовали; самое

умственное счисленіе настолько еще въ началѣ, что *съ трудомъ рѣшили слѣдующую задачку*, предложенную мной съ дозволенія преподавателя: «Мать спекла въ праздникъ 27 пироговъ, изъ которыхъ дала по 6 штукъ каждому изъ 4 сыновей; сколько пироговъ осталось ей самой». Въ объясненіе такихъ «успѣховъ» школы, дѣйствительно нуждающихся въ «снисхожденіи», бар. Корфъ говоритъ слѣдующее: «Не позволю себѣ отзыва о свѣдѣніяхъ по ариѳметикѣ воспитанниковъ харьковской духовной семинаріи, но могу сообщить читателю, что не разъ случалось намъ видѣть, какъ лица, *окончившія* курсъ въ екатеринославской духовной семинаріи и проходившія высшую математику, затруднялись въ письменномъ рѣшеніи, положимъ, такой задачи: «одинъ фунтъ чаю стоитъ 3 рубля: сколько фунтовъ такого чаю можно купить за 96 руб.?» Это не анекдотъ, читатель, а фактъ»,—заканчиваетъ бар. Корфъ.

Воскресная школа при харьковской духовной семинаріи выставляется обыкновенно какъ лучшая изъ школъ этого рода, существовавшихъ при семинаріяхъ. Читатель можетъ самъ составить понятіе о значеніи этой *лучшей* школы, а относительно другого типа тѣхъ же школъ я привелъ свои собственныя воспоминанія *). Во всякомъ случаѣ воскресныя школы при духовныхъ семинаріяхъ никакой роли въ дѣлѣ созданія репутаціи воскреснымъ школамъ и распространенія этого типа образовательныхъ учрежденій не могли съиграть и не играли, закрывшись повсемѣстно послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго прозябанія.

---

*) Справедливость требуетъ, однако, сказать, что въ отчетахъ бывшаго руководителя харьковской семинарской воскресной школы, г. Миропольскаго (за 1867—8 и 1868—9 гг.), помѣщенныхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», школа эта рисуется въ значительно лучшемъ видѣ, нежели какъ ее изображаетъ бар. Корфъ. Очевидно, съ уходомъ г. Миропольскаго изъ харьковской духовной семинаріи воскресная школа значительно измѣнила свой характеръ. Зато изъ другихъ отчетовъ, составленныхъ самими-же семинарскими воскресными школами, видно, что эти школы были поставлены совсѣмъ неудовлетворительно. Такъ, изъ отчета воскресной школы при олонецкой семинаріи за 1869 годъ, напечатаннаго въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» рядомъ съ отчетомъ г. Миропольскаго, видно, что въ этой школѣ въ теченіе года перебывало всего 25 учащихся, при чемъ лишь 12 обучалось письму, а остальныя только чтенію и «счисленію»; обученіе письму производилось какимъ-то «способомъ, который—по откровенному признанію отчета—скоро отбиваетъ всякую охоту въ ученикахъ», въ школѣ производились «разные опыты въ области методологіи, съ цѣлью узнать на практикѣ положительныя достоинства и недостатки каждаго извѣстнаго метода или пріема преподаванія»; обученіе въ школѣ продолжались всего $1^1/_2$ часа въ день, т.-е. всего какихъ-нибудь 50 часовъ въ годъ, и т. д. Очевидно, подобная школа мало напоминала симпатичный типъ свободной воскресной школы.

Съ слѣдующаго 1867 года стали возникать въ разныхъ концахъ Россіи воскресныя школы, открываемыя по частной инициативѣ. Въ названномъ году открылась воскресная школа въ Вологдѣ, просуществовавшая, повидимому, не долго, такъ какъ въ послѣдующіе годы о ней не встрѣчается никакихъ извѣстій, и самое ея существованіе было затѣмъ совершенно забыто въ Вологдѣ. Черезъ два года, въ 1869 году, была открыта воскресная школа Знаменскимъ приходскимъ попечительствомъ въ Петербургѣ, также, повидимому, имѣвшая не долгое существованіе. Около этого-же времени возникла воскресная школа въ Харьковѣ, основанная образовавшимся тогда Обществомъ распространенія грамотности въ Харьковской губерніи. И эта школа существовала не особенно долго и закрылась. Постановка дѣла въ ней, видимо, значительно отличалась отъ постановки какъ воскресныхъ школъ, существовавшихъ въ началѣ 60-хъ годовъ, такъ и существующихъ теперь. Въ «Семьѣ и Школѣ» за 1877 годъ, № 9, мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой воскресной школѣ въ выдержкахъ изъ школьнаго дневника Х. Д. Алчевской. Изъ этихъ свѣдѣній выносишь очень не высокое мнѣніе о школѣ. Оказывается, что въ школѣ на первомъ планѣ были такіе вопросы какъ: «гдѣ поставить шкафъ?» или «въ какой именно переплетъ переплести книги?». На одномъ изъ собраній учащихъ начальница школы сдѣлала слѣдующее изумительное предложеніе: «такъ какъ первое, что бросается при входѣ человѣка въ порядочный домъ,—это умѣнье поклониться, то прежде всего необходимо выучить дѣтей дѣлать *реверансы*». «Собранія учащихъ» бывали очень скучны: учительницы молчали, начальница говорила, что придетъ въ голову. Зато, если у кого-либо рождалась въ головѣ здравая мысль не въ пятницу (день собранія), а въ другой какой-нибудь день недѣли, и учительница выражала желаніе сообщить свою мысль начальницѣ, послѣдняя говорила умоляющимъ голосомъ: «Mesdames, прошу васъ, ради Бога, поберегите это до пятницы! Изъ учительницъ, «одна не учила иначе какъ въ перчаткахъ и подъ вуалью; другая признавалась чистосердечно, что поступила въ школу съ единственною цѣлью—научиться учить своихъ дѣтей; третья въ порывѣ педагогическаго негодованія позволяла себѣ обзывать учениць дурами». Въ одно изъ воскресеній г-жа Алчевская встрѣтила въ школѣ «толпу безграмотныхъ учениковъ» педагогическихъ курсовъ, пришедшихъ поучать насъ уму-разуму, по распоряженію руководителя школы, патентованнаго педагога С. Видѣла я своими собственными глазами, какъ безобразничали эти неучи надъ бѣдными дѣтьми, какъ доходили до 1.000.000 съ ученицами, едва ознакомившимися съ десяткомъ, какъ запугивали своимъ развязнымъ

прикрикиванiемъ робкихъ дѣтей, какъ по солдатски заставляли отбивать тактъ при хоровомъ чтенiи и т. д.. Я ждала собранiя, разсчитывая въ немъ найти поддержку и справедливость. Собранiе началось отчетомъ С. о непригодности женщинъ-преподавательницъ и необходимости замѣнить ихъ учениками педагогическихъ курсовъ, которые въ прошлое-де воскресенье заявили практически свою пригодность. Собранiе отнеслось сочувствено къ этому отчету, С—му аплодировали»... Исторiя кончилась тѣмъ, что болѣе свѣжiе элементы ушли изъ школы, и она, проволочивъ нѣкоторое время свое существованiе, закрылась.

Въ 1870 году открылись двѣ воскресныхъ школы, являющiяся старѣйшими изъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время въ Россiи учрежденiй этого типа, съумѣвшiя просуществовать цѣлыхъ 29 лѣтъ, благополучно выдержавъ всѣ невзгоды и обратившись въ крупныя образовательныя учрежденiя. Одна изъ нихъ была открыта въ Харьковѣ Х. Д. Алчевскою. Собственно школа эта существовала и ранѣе, но неоффицiально. Она составилась изъ учениць, которыхъ имѣла г-жа Алчевская въ харьковской воскресной школѣ, существовавшей въ 1862 году. Съ закрытiемъ воскресныхъ школъ въ этомъ году, г-жа Алчевская пригласила своихъ учениць къ себѣ на домъ, и здѣсь-то мало-по-малу и образовывалась школа, получившая въ 1870 году оффицiальное существованiе. Харьковская женская воскресная школа, основанная Х. Д. Алчевскою, которая и до сихъ поръ остается во главѣ ея, съиграла видную роль въ дѣлѣ популяризацiи типа воскресныхъ школъ и распространенiя этихъ образовательныхъ учрежденiй по всей Россiи, а потому заслуживаетъ самого серьезнаго вниманiя съ нашей стороны. Въ виду этого исторiя этой школы составитъ особый очеркъ, который и будетъ предложенъ вниманiю читателей «Русской Школы». Пока же скажемъ только, что примѣръ успѣшной дѣятельности харьковской женской воскресной школы вызвалъ съ конца 80-хъ годовъ цѣлое движенiе по устройству воскресныхъ школъ, чему мы и обязаны распространенiемъ этого типа образовательныхъ учрежденiй.

Другая изъ открывшихся въ 1870 году воскресныхъ школъ возникла въ Петербургѣ. Это такъ называемая Владимiрская женская воскресная школа, существующая до сихъ поръ. Школа эта основана г-жею Старынкевичъ, состоящею до сихъ поръ во главѣ школы. Это одна изъ наиболѣе хорошо поставленныхъ нашихъ воскресныхъ школъ и одна изъ наиболѣе многолюдныхъ.

Съ 70-хъ годовъ начали возникать воскресныя школы и въ селахъ. Такъ, по свидѣтельству бывшаго директора народныхъ училищъ Ставропольской губернiи, г. Грушевскаго («О воскресныхъ и

вечернимъ школахъ для взрослыхъ», Кіевъ, 1876, стр. 3—4), въ названной губерніи въ 1871 году была открыта первая воскресная школа для взрослыхъ въ с. Прасковейскомъ, при мѣстномъ двуклассномъ училищѣ. Въ теченіе 1872 и 1873 гг. число сельскихъ воскресныхъ школъ въ губерніи возрасло до 5. Въ 1874 году воскресныхъ школъ въ селахъ Ставропольской губерніи было уже 13, а въ 1875 даже 24. Къ сожалѣнію, движеніе это скоро заглохло, воскресныя школы позакрывались и были такъ основательно забыты, что въ 90-хъ годахъ ихъ пришлось открывать, какъ совершенно новое и неслыханное здѣсь учрежденіе.

Затѣмъ время отъ времени стали дѣлаться попытки устраивать воскресныя школы въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ нашего отечества. Такимъ образомъ, имѣется указаніе на такую попытку, бывшую въ 1873 году въ Бессарабіи. Къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній объ этой попыткѣ мы не имѣемъ, но, вѣроятно, она была недолговѣчна и не упрочилась, такъ какъ въ 90 ые годы и здѣсь пришлось открывать воскресныя школы, какъ нѣчто совершенно новое для этой мѣстности.

Въ слѣдующемъ 1874 году встрѣчаемъ попытку устройства воскресныхъ школъ въ Кубанской области. Здѣсь попытка была предпринята по иниціативѣ начальника области генер. Кармалина, который приказалъ учителямъ начальныхъ школъ обучать по праздникамъ и по вечерамъ въ будніе дни взрослыхъ казаковъ, подлежавшихъ зачисленію на дѣйствительную службу, грамотѣ, а станичнымъ обществамъ приказалъ выдавать учителямъ за занятія особое вознагражденіе. Это начинаніе, имѣвшее исключительно казенный характеръ, само собою разумѣется, не могло долго удержаться и, съ удаленіемъ генер. Кармалина съ должности, исчезло; въ 90-ые годы и здѣсь воскресныя школы были вводимы, какъ дѣло совершенно новое и неизвѣстное никому.

Съ половины 70-хъ годовъ воскресныя школы стали устраиваться кое-гдѣ въ селахъ по иниціативѣ земствъ. Такимъ образомъ, въ 1877 году Царевококшайское земство (Казанской губ.) думало устроить при всѣхъ земскихъ училищахъ воскресныя классы съ цѣлью предоставить окончившимъ курсъ начальной школы возможность повторить пройденное и продолжать дальнѣйшее образованіе. Очевидно, это предположеніе земства не осуществилось, по крайней мѣрѣ, въ въ полномъ объемѣ, такъ какъ позднѣе мы встрѣчаемъ въ Царевококшайскомъ уѣздѣ всего два-три воскресно-повторительныхъ класса.

Въ концѣ 70-хъ годовъ начали возникать воскресныя школы въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи. Устраивались онѣ при

земскимъ школахъ и преподавателями въ нихъ были преподаватели послѣднихъ. За преподаваніе шло особое вознагражденіе отъ земства. Школы эти, увеличившись въ числѣ, существуютъ доселѣ и ведутся довольно успѣшно.

Въ 1881 году бар. Корфъ устроилъ двѣ воскресныя школы въ селахъ Маріупольскаго уѣзда, существовавшія, впрочемъ, очень не долго.

Въ 1882—1883 гг., какъ удостовѣряетъ В. П. Вахтеровъ («Внѣшкольное образованіе народа», Москва, 1896, стр. 175), въ Казанской губерніи, по инициативѣ и на средства губернскаго земства, существовало 45 воскресныхъ и повторительныхъ классовъ съ 1.173 учащимися, и это число дошло въ 1890—1891 году до 75 воскресныхъ классовъ съ 1.621 учащимся. Классы эти существуютъ и теперь. Преподаютъ въ нихъ учителя земскихъ школъ и за занятія въ воскресныхъ классахъ получаютъ особое вознагражденіе отъ губернскаго земства.

Въ томъ-же 1882—1883 учебномъ году возникла мысль объ устройствѣ воскресныхъ школъ въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи. Однако попытка эта почему-то не удалась, и въ слѣдующіе годы, вмѣсто воскресныхъ школъ, были открыты вечерніе классы, открывавшіеся въ будніе дни.

Въ 1884 году воскресные классы, предназначенные для бывшихъ учениковъ земской школы и имѣющіе характеръ и даже носящіе названіе «повторительныхъ», возникли въ числѣ 10 въ Козловскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи.

Въ 1885—1886 учебномъ году была разрѣшена воскресная школа въ слободѣ Ивановкѣ, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Школа эта была устроена при двуклассномъ сельскомъ училищѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ значительно расширенною программою, допускающею преподаваніе исторіи, географіи, геометріи не только на урокахъ объяснительнаго чтенія, но и какъ самостоятельныхъ предметовъ (Вахтеровъ, «Внѣшкольное образованіе», стр. 181). Къ сожалѣнію, не имѣется никакихъ свѣдѣній о судьбѣ этой интересной сельской воскресной школы.

Въ 1888 году Волчанское земство (Харьковской губерніи) открыло 4 сельскихъ воскресныхъ школы.

Въ томъ же 1888 году въ Нѣжинскомъ уѣздѣ были открыты 8 вечерне-воскресныхъ повторительныхъ класса, въ которыхъ занятія велись по праздникамъ днемъ, а въ будніе дни—по вечерамъ.

Въ с. Ижевскій Заводъ въ томъ-же 1888 году была открыта воскресная школа при двуклассномъ сельскомъ училищѣ Министерства Нар. Просв., существовавшая до начала 90-хъ годовъ.

Такимъ образомъ, къ концу 80-хъ годовъ сельскія воскресныя школы и воскресные классы встрѣчались уже въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, хотя и въ довольно ничтожномъ количествѣ. Къ этому надо присоединить еще то обстоятельство, что всѣ эти «школы» и классы» предназначались почти исключительно для бывшихъ учениковъ земскихъ школъ и ограничивались главнымъ образомъ повтореніемъ того, что эти уже ученики проходили въ ежедневной школѣ.

Городскія управленія также выступили въ 70 ыхъ годахъ на путь открытія воскресныхъ школъ. Однако этимъ дѣломъ занялись лишь управленія нѣсколькихъ городовъ. Такимъ образомъ, въ 1876 году были открыты воскресныя школы *московскимъ* городскимъ управленіемъ. Число этихъ школъ, постепенно увеличиваясь, дошло къ 90-мъ годамъ до 16. Воскресныя школы московскаго городского управленія открыты при ежедневныхъ начальныхъ училищахъ тогоже управленія; учащими въ нихъ являются учителя и учительницы ежедневныхъ городскихъ школъ, получающіе за занятія въ воскресныхъ школахъ особое вознагражденіе отъ городского управленія. Число учащихся въ этихъ воскресныхъ школахъ съ 1880 по 1889 г., по свидѣтельству г. Вахтерова («Внѣшкольное образованіе», стр. 170), никогда не падало ниже 1.300, а нерѣдко поднималось до 1.500 чел.; отъ 70 до 100 учениковъ этихъ школъ ежегодно выдерживали въ Московскомъ городскомъ училищномъ совѣтѣ экзаменъ на льготу по отбыванію воинской повинности.

По примѣру Москвы, въ 1879 году были открыты насчетъ городского управленія воскресныя школы въ *Петербургѣ*. Школы эти устроены также при начальныхъ городскихъ училищахъ и занятія въ нихъ ведутся учащими начальныхъ городскихъ школъ, получающими особое вознагражденіе отъ городского управленія. Первоначально было открыто только двѣ воскресныхъ школы, а затѣмъ число ихъ постепенно дошло до 20. Погодныя свѣдѣнія о воскресныхъ школахъ петербургскаго городского управленія приводятся въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Года.	Число воскресныхъ школъ:	Число учащихся:	Среднее число на школу:	Число окончившихъ курсъ въ школахъ:
1879—1880	2	77	38,50	—
1880—1881	8	289	36,12	18
1881—1882	8	345	43,12	27
1882—1883	8	261	32,62	23
1883—1884	8	263	32,87	40
1884—1885	8	269	33,62	30
1885—1886	8	308	38,50	52
1886—1887	8	403	50,37	48
1887—1888	8	410	51,25	43

1888—1889	8	394	49,25	52
1889—1890	8	373	46,62	39
1890—1891	8	458	59,25	51
1891—1892	8	440	55,00	53
1892—1893	12	612	51,00	66
1893—1894	12	604	50,33	59
1894—1895	16	749	46,81	56
1895—1896	16	936	58,50	75
1896—1897	16	1032	64,50	73
1897—1898	20	1156	57,80	70

Всего въ 18 выпусковъ. . . 848

Соотвѣтственно росту числа воскресныхъ школъ, содержимыхъ петербургскимъ городскимъ управленіемъ, растетъ и расходъ этого управленія на воскресныя школы. Въ 1897—1898 учебномъ году на данный предметъ было назначено по смѣтѣ 7,000 рублей, изъ которыхъ не было израсходовано лишь около 150 рублей. Такимъ образомъ, каждая городская воскресная школа обошлась петербургскому городскому управленію около 350 рублей, что, принимая во вниманіе, незначительный численный составъ учащихся въ этихъ школахъ, представляетъ собою значительную сумму сравнительно съ расходами воскресныхъ школъ, устраиваемыхъ по частной иниціативѣ; разница эта объясняется тѣмъ, что въ городскихъ воскресныхъ школахъ трудъ учащихъ оплачивается, тогда какъ въ частныхъ онъ безплатенъ.

Въ 1881 году открыты двѣ воскресныя школы (мужская и женская) на средства *томскаго* городского управленія. Дальнѣйшая поддержка этихъ школъ, однако, скоро перешла въ руки частной иниціативы. Школы эти всегда были не особенно многолюдны, тѣмъ не менѣе въ теченіе двухъ съ половиною десятковъ лѣтъ выполняли свое дѣло доставленія возможности полученія начальнаго образованія той части населенія, которая не имѣла возможности пользоваться обученіемъ въ ежедневной начальной школѣ.

Въ 1885 году была устроена мужская воскресная школа въ *Иркутскѣ*—стараніями тогдашняго городского головы. И эта школа затѣмъ скоро перешла на попеченіе частной инициативы.

Сказаннымъ и ограничивается участіе городскихъ управленій въ дѣлѣ открытія воскресныхъ школъ. Въ 90-ые годы были еще случаи открытія такихъ школъ городскими управленіями, но о нихъ мы будетъ говорить въ другой работѣ, посвященной обозрѣнію развитія воскресныхъ школъ въ Россіи за послѣднія десять лѣтъ.

Я. Абрамовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Сравнительные итоги современнаго положенія начальнаго народнаго образованія въ Западной Европѣ.

Общая характеристика начальнаго народнаго образованія въ XIX вѣкѣ.—Исторія его развитія и добытые результаты.—Внутренняя организація начальнаго народнаго образованія.—Внѣшняя обстановка народныхъ школъ.—Положеніе учащихъ въ народной школѣ.—Матеріальныя затраты на начальное народное образованіе.

На международномъ статистическомъ конгрессѣ, происходившемъ въ Парижѣ въ 1889-мъ году, было признано полезнымъ изслѣдовать методы собиранія статистическихъ данныхъ по начальному образованію въ различныхъ государствахъ, чтобы затѣмъ, сопоставивъ ихъ, выработать общую систему статистическихъ пріемовъ, пригодную для всѣхъ культурныхъ странъ. Для осуществленія этой идеи тутъ же, по иниціативѣ г. Левассера, организовался комитетъ статистики начальнаго народнаго образованія, дѣятельное участіе въ которомъ принималъ и продолжаетъ принимать самъ иниціаторъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ г. Левассеръ работалъ въ области этого вопроса, и результатомъ его серьезныхъ изслѣдованій явился въ 1897 г. обширный и весьма цѣнный трудъ подъ заглавіемъ: «L'enseignement primaire dans les pays civilisés». На 600 страницахъ авторъ даетъ множество статистическихъ свѣдѣній относительно разнообразныхъ сторонъ начальнаго образованія въ культурныхъ странахъ, какъ-то: исторія развитія начальнаго народнаго образованія, число школъ, курсы для взрослыхъ, число учениковъ, образованіе и положеніе учителей, степень грамотности и т. п.

Попытаемся, на основаніе данныхъ вышеуказанной книги г. Левассера, нарисовать картину современнаго положенія начальнаго народнаго образованія въ Западной Европѣ; посмотримъ, какъ оно развивалось, какова его современная организація, какъ велики добытые результаты, но предварительно остановимся на нѣкоторыхъ общихъ чертахъ, характеризующихъ начальное народное образованіе въ XIX вѣкѣ.

---

1) По мнѣнію г. Левассера, изъ всѣхъ особенныхъ чертъ, характеризующихъ XIX-ое столѣтіе, наиболѣе выдающейся является раз-

витіе начальнаго народнаго образованія во всѣхъ государствахъ, заслуживающихъ названіе культурныхъ странъ. Поэтому нашъ вѣкъ по справедливости можетъ быть названъ «вѣкомъ начальнаго народнаго просвѣщенія». Это не значитъ, что онъ выдумалъ начальныя школы,—онѣ существовали и раньше у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, но только въ XIX-мъ вѣкѣ начальное народное образованіе получило широкое развитіе: онъ первый систематизировалъ и сталъ развивать его ради самого образованія, безъ преслѣдованія религіозныхъ цѣлей, какъ это было въ протестантскихъ и католическихъ странахъ въ прежніе вѣка. Главными двигателями великаго движенія въ пользу просвѣщенія народныхъ массъ были, по мнѣнію автора, два мотива—демократизація идей и развитіе прикладныхъ наукъ. Подъ вліяніемъ перваго мотива постепенно росло и укрѣплялось въ сознаніи общества и государства убѣжденіе, что къ благамъ культуры необходимо пріобщить, по возможности, все народонаселеніе страны, а для этой цѣли прежде всего надо широко открыть двери начальной школы. Но, конечно, это убѣжденіе не безъ борьбы завоевало себѣ прочное положеніе въ культурной Европѣ. Всюду, какъ указываетъ г. Левассеръ, являлись люди и партіи, недоброжелательно относившіеся ко всеобщему просвѣщенію. Эти враги образованія боялись, что начальная народная школа подготовитъ почву для пропаганды новыхъ и смѣлыхъ идей, будетъ способствовать развитію критическаго отношенія къ окружающему, подорветъ уваженіе къ общественной іерархіи, а также возбудитъ отвращеніе къ физическому труду. Но были и другіе люди и партіи, которые глубоко вѣрили въ ту истину, что свѣтъ просвѣщенія можетъ вести человѣчество только къ благу и что нѣтъ ничего ужаснѣе и опаснѣе умственной и связанной съ нею нравственной тьмы. Ихъ точкой отправленія было горячее убѣжденіе, что священный долгъ всякаго общества и государства—заботиться, по мѣрѣ силъ и возможности, объ улучшеніи матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ условій жизни всѣхъ своихъ членовъ; а первый шагъ въ этой работѣ, первое могущественное орудіе заключается въ общедоступномъ начальномъ образованіи, которое, обезпечивъ за каждымъ извѣстный уровень умственнаго развитія, поможетъ его матеріальному и нравственному благосостоянію. Эти люди взяли верхъ надъ поборниками тьмы и мало-по-малу провели свои свѣтлыя идеи въ сознаніе культурныхъ обществъ и государствъ. И это торжество идеи всеобщаго просвѣщенія—великая побѣда XIX-го вѣка, великая заслуга, которая доставитъ ему почетное мѣсто на страницахъ исторіи человѣчества. Въ наше время, на исходѣ XIX-го столѣтія, всѣ культурныя общества и государства глубоко убѣждены въ необходимости, ради про-

гресса націи, обезпечить за каждымъ минимумъ образованія, соотвѣтствующій запросамъ времени; и всѣ передовыя правительства включаютъ первый шагъ по этому пути, а именно начальное народное образованіе, въ число самыхъ дорогихъ, самыхъ священныхъ задачъ ихъ дѣятельности. «Въ настоящее время, говоритъ г. Левассеръ,— всеобщее начальное образованіе составляетъ необходимость, безъ которой не можетъ существовать ни одно цивилизованное государство». Вопросъ теперь сводится не къ тому—«надо-ли просвѣщать народъ», а къ тому, «какими путями наилучшимъ образомъ достигнуть цѣли». И въ этомъ послѣднемъ отношеніи XIX вѣкъ сдѣлалъ очень много. Еще въ XVIII-мъ столѣтіи встрѣчаются попытки выработать правильные методы обученія, но въ дѣйствительности лишь XIX-му вѣку принадлежитъ по преимуществу честь выработки педагогическихъ системъ и методовъ ихъ примѣненія на практикѣ; только въ нашемъ столѣтіи было обращено исключительное вниманіе общественныхъ силъ и властей на подготовку учителей, школьные дома, обстановку, пособія и т. п. За это столѣтіе издано всевозможныхъ наглядныхъ и учебныхъ пособій больше, нежели во всѣ предыдущіе вѣка, вмѣстѣ взятые.

Другой мотивъ, двинувшій впередъ начальное народное образованіе, есть развитіе прикладныхъ наукъ и примѣненіе ихъ къ промышленности. Въ различныхъ отрасляхъ послѣдней народились новые пріемы, выдвинулись новыя требованія, для удовлетворенія которыхъ было уже недостаточно простого механическаго навыка. Потребовались профессіональныя знанія, явилась необходимость въ промышленныхъ школахъ, а все это не достижимо безъ соотвѣтствующей общеобразовательной подготовки.

Очень выдающейся чертой въ области начальной народной школы нашего вѣка является то обстоятельство, что у всѣхъ культурныхъ народовъ государство мало-по-малу взяло на себя заботу и верховное руководительство начальнымъ народнымъ образованіемъ. Правда, и до нашего столѣтія встрѣчаются нѣкоторыя проявленія заботы государства о просвѣщеніи народной среды, даже нѣкоторые школьные законы; но это лишь слабыя попытки отдѣльныхъ лицъ и народовъ, не имѣющія органической связи, и потому малорезультатныя. Конечно, благодаря этимъ заботамъ, нѣкоторыя государства были болѣе подвинуты въ отношеніи просвѣщенія, нежели другія, но все же въ общемъ въ концѣ XVIII-го вѣка большинство обитателей цивилизованнаго міра, въ особенности громадное большинство женщинъ, не умѣло ни писать, ни читать. Съ самаго начала XIX го вѣка въ Западной Европѣ начинается сильное движеніе въ пользу заботъ правительства о начальномъ просвѣщеніи народа, что выражается

цѣлымъ рядомъ школьныхъ законодательствъ и мѣръ, клонящихся къ развитію и поддержанію народной школы. Въ Голландіи первые школьные законы относятся къ 1801, 1803 и 1806 гг. Баварія еще въ 1802 г. законодательнымъ порядкомъ установила обязательное посѣщеніе начальной народной школы. Та-же обязательность вводится въ Пруссіи закономъ 1819 г., а въ Баденѣ—1834 г. Во второй половинѣ нашего столѣтія обязательная начальная школа встрѣчается уже повсюду въ Германіи, а заботы правительства направляются еще дальше, а именно—къ введенію и организаціи второй степени народнаго образованія—дополнительной школы. Большинство швейцарскихъ кантоновъ регламентируетъ свое школьнае дѣло въ промежутокъ отъ 1830 до 1848 г. Въ Швеціи народная школа укоренилась еще въ XVIII вѣкѣ; въ 1848 г. школьный законъ придалъ ей характеръ органическаго цѣлаго, и заботы правительства направились, главнымъ образомъ, въ сторону преобразованія подвижныхъ школъ въ постоянныя. Финляндія установила свою школьную систему законами 1858—66 гг. Венгерское правительство сдѣлало очень много въ области государственнаго вмѣшательства въ жизнь начальной народной школы за послѣднія 20 лѣтъ. Во Франціи первый дѣйствительно серьезный школьный законъ, касающійся начальнаго народнаго образованія, относится къ 1833 г., въ Италіи—къ 1830 г., а въ Испаніи—къ 1857 г. Англія въ дѣлѣ вмѣшательства государства въ начальное образованіе народа опоздала сравнительно съ другими государствами Западной Европы, предоставляя полный просторъ частной иниціативѣ; хотя въ 1833 г. парламентъ вотировалъ субсидію народнымъ школамъ, а въ 1839 г. былъ учрежденъ «Комитетъ совѣта по образованію», замѣняющій въ Англіи Министерство Народнаго Просвѣщенія, тѣмъ не менѣе только въ 1870 г. прошелъ въ англійскомъ парламентѣ первый дѣйствительно органическій законъ о начальномъ народномъ образованіи, указывающій на первое серьезное вмѣшательство правительства въ жизнь этого учрежденія.

Мы нарочно привели достаточное количество однообразныхъ фактовъ, чтобы показать, что дѣйствительно въ XIX-мъ вѣкѣ всѣ культурныя правительства дружно принимаются за дѣло начальнаго образованія и берутъ его въ свои руки, какъ дорогую и священную обязанность. Но эти заботы государства не исключаютъ общественной, а также частной иниціативы. Напротивъ, исторія развитія школьнаго дѣла показываетъ, какіе богатые результаты получаются въ тѣхъ случаяхъ, когда эти два начала, т.-е. общество и правительство дѣйствуютъ рука объ руку, работаютъ для одной цѣли. Когда работа правительства идетъ навстрѣчу потребностямъ общества, въ

послѣднемъ зарождается энтузіазмъ, и оно всѣми силами содѣйствуетъ и двигаетъ впередъ благія начинанія правительства. За частными-же школами остается всегда то значеніе, что онѣ, не стѣсняясь строгими регламентами и рамками, являются проводниками новыхъ идей и методовъ въ дѣлѣ воспитанія и обученія.

Итакъ, вотъ двѣ общія выдающіяся черты XIX вѣка въ области начальнаго народнаго образованія въ Западной Европѣ: а) торжество идеи просвѣщенія, такъ сказать, уничтоженіе несправедливой монополіи образованія, принадлежавшей высшимъ классамъ, и б) признаніе всѣми культурными государственными того принципа, что забота о начальномъ народномъ образованіи должна составлять одну изъ главныхъ функцiей дѣятельности правительства.

2) Обратимся теперь къ отдѣльнымъ сторонамъ начальнаго народнаго образованія и посмотримъ, какъ онѣ развились и упрочились въ различныхъ государствахъ Западной Европы. Заботы объ образованіи народной массы проявляются прежде всего въ сѣверныхъ государствахъ—Швеціи, Норвегіи, Даніи и Германіи. Въ Швеціи еще въ 1640 г. государство постановило учредить начальную школу въ каждомъ городѣ, и хотя до нашего столѣтія число постоянныхъ школъ было незначительное, тѣмъ не менѣе подвижныя школы мало-по-малу дѣлали свое дѣло и къ началу XIX вѣка большинство шведовъ умѣли по крайней мѣрѣ читать. Окончательную регламентацію начальнаго образованія въ Швеціи установили школьные законы 1842 и 1882 г. Въ Норвегіи еще въ 1739 г. законъ предписываетъ всѣмъ приходамъ открывать начальныя школы и дѣлаетъ посѣщеніе ихъ обязательнымъ для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, а цѣлый рядъ законовъ XIX вѣка создаетъ мало-по-малу нынѣшнюю организацію начальнаго народнаго образованія. Въ Даніи болѣе или менѣе серьезныя заботы проявляются еще съ начала XVII вѣка, а въ 1814 г. два королевскихъ указа регламентируютъ школьное дѣло, и эта регламентація служитъ основой современнаго начальнаго образованія въ этой странѣ.

Во всѣхъ скандинавскихъ государствахъ начало развитія начальнаго народнаго образованія тѣсно связано съ религіозной реформаціей, которая послужила какъ-бы первымъ сильнымъ толчкомъ. Туже роль сыграла реформація и въ Германіи, гдѣ, собственно говоря, только съ этого времени появляется начальная народная школа. Такъ, напримѣръ, въ Саксоніи еще въ 1540 г. указъ лютеранскаго духовенства предписываетъ учрежденіе начальныхъ школъ, а въ Вюртембергѣ подъ тѣмъ-же вліяніемъ возникаетъ въ 1533 г. начальная школа даже для дѣвочекъ.

Этому благому почину послѣдовали мало-по малу и другія нѣ

мецкія протестантскія государства. Бѣдствія тридцатилѣтней войны пріостановили временно развитіе народной школы, но затѣмъ, начиная съ XVIII вѣка, исторія развитія начальнаго народнаго просвѣщенія въ Германіи представляетъ почти неуклонное и постоянное движеніе впередъ. И, надо отдать справедливость нѣмецкимъ государямъ,—имъ принадлежитъ не малая роль въ этомъ дѣлѣ.

Второй король Прусскій Вильгельмъ I (1713—1740) создалъ около 1500 школъ; Фридрихъ Великій въ 1763 г. издалъ подробный школьный регламентъ, составленный извѣстнымъ нѣмецкимъ педагогомъ Гекеромъ, основателемъ первой учительской семинаріи въ Берлинѣ (1748 г.). Этотъ регламентъ, между прочимъ, предписываетъ обязательное посѣщеніе начальной школы, но, вслѣдствіе матеріальныхъ затрудненій и военныхъ бѣдствій, постановленіе это не приводилось строго въ исполненіе ни въ это, ни въ слѣдующее царствованіе. Лишь съ эпохи Вильгельма III начальное образованіе въ Пруссіи вступаетъ на прочный путь серьезныхъ заботъ со стороны государства. Все это царствованіе и весь періодъ министерства Штейна представляютъ цѣлый рядъ мѣръ, попытокъ, указовъ въ пользу начальной народной школы. И въ результатѣ въ 1840 г. Пруссія имѣетъ уже 23.646 начальныхъ школъ, въ которыхъ при содѣйствіи 29.632 учителей обучается 2.326.000 дѣтей обоего пола. А въ 1851—52 г. изъ числа рекрутовъ 75% умѣетъ и читать и писать, 20% только читать и лишь 4,8% совсѣмъ неграмотныхъ. Подъ вліяніемъ борьбы съ духовенствомъ, желавшимъ во чтобы то ни стало удержать въ своихъ рукахъ воспитаніе подростающихъ поколѣній, въ 50-хъ и 60-хъ гг. замѣчается нѣкоторое замедленіе въ развитіи прусской начальной школы; но, начиная съ 70-хъ годовъ, когда школы были поставлены въ непосредственную зависимость отъ свѣтскихъ властей, когда народные учителя были освобождены отъ подчиненія духовенству, дѣло просвѣщенія народа въ Пруссіи двинулось опять впередъ и продолжаетъ развиваться.

Не будемъ останавливаться на исторіи развитія начальнаго народнаго образованія въ другихъ государствахъ Германской имперіи, укажемъ лишь на то, что многія изъ нихъ,—Саксонія, Вюртембергъ. Гессенъ,—опередили Пруссію и въ смыслѣ болѣе раннихъ заботъ, и въ отношеніи достигнутыхъ результатовъ. Такъ, напримѣръ, въ Вюртембергѣ обязательное посѣщеніе начальной школы было установлено закономъ еще въ 1649 г., а въ настоящее время въ этихъ государствахъ обязательна не только начальная, но и дополнительная народная школа. Вообще исторія развитія начальнаго образованія въ Германіи очень интересна, поучительна и безспорно внушаетъ глубокое уваженіе и къ нѣмецкому обществу, и къ нѣмец-

кимъ правительствамъ. Рука объ руку, не мѣшая, но содѣйствуя другъ другу, эти два фактора съ раннихъ поръ работаютъ на пользу просвѣщенія народа, глубоко сознавая, что благосостояніе націи и государства немыслимо безъ поднятія общаго уровня національнаго развитія до соотвѣтствія съ запросами времени, признавая, что за всякимъ родившимся на свѣтъ человѣкомъ должна быть обезпечена возможность пріобщенія къ благамъ современной ему культуры, и что нарушеніе этого права не только явная несправедливость, но и очень большая опасность какъ для тѣхъ сословій, которыхъ лишаютъ образованія, такъ и для тѣхъ, въ чью пользу узурпируются народныя права.

Во Франціи исторія развитія начальнаго народнаго образованія не представляетъ такой послѣдовательной картины и не имѣетъ такой давности, какъ въ Скандинавіи и Германіи. Правительственные указы, касающіеся начальной школы, встрѣчаются, правда, еще въ XVI в. Генеральные штаты 1560, 1576 и 1588 гг. указываютъ на необходимость открытія начальныхъ школъ въ городахъ и деревняхъ; имъ соотвѣтствуютъ королевскіе указы 1566, 1567, 1598 и 1608 гг. Въ XVII столѣтіи находимъ семь указовъ въ томъ-же направленіи. Но, надо сказать правду, до 1789 г. всѣ эти попытки почти цѣликомъ оставались въ области благихъ пожеланій и очень мало выполнились на практикѣ. Конечно, школы кое-гдѣ возникали, но, во-первыхъ, ихъ было очень мало, а, во-вторыхъ, онѣ распространялись неравномѣрно. Сѣверъ и востокъ представляли болѣе благопріятныя условія, тогда какъ центръ и югъ оставались почти въ полномъ невѣжествѣ. Единственная статистика того времени—брачныя подписи—показываетъ, что въ 1786—1790 гг. изъ 381.494 бракосочетавшихся только 4.705 мужчинъ и 2.687 женщинъ умѣли подписать свою фамилію. Такое печальное положеніе народнаго начальнаго образованія продолжалось до 1789 г. И французская революція не создала народной школы, но все-таки выяснила ея значеніе и необходимость и выдвинула вопросъ о начальномъ образованіи такъ серьезно, что съ тѣхъ поръ онъ уже не сходилъ со сцены. Въ національномъ и законодательномъ собраніи, во времена конвента, съ разныхъ сторонъ обсуждается вопросъ о народномъ образованіи, пишутся планы, проекты; но все это не переходитъ еще въ жизнь, и къ концу директоріи положеніе начальной школы не измѣнилось сравнительно съ 1789 г. Наполеонъ, создавая лицеи и университеты, не сдѣлалъ ничего для начальнаго народнаго образованія. Во времена реставраціи вопросъ чуть-чуть двинулся впередъ: появилась первая учительская семинарія и увеличилось нѣсколько число народныхъ школъ. Но на серьезный путь про-

гресса исторія развитія начальной школы во Франціи вступаетъ только въ 30-хъ годахъ, въ періодъ министерства Гизо, школьный законъ котораго, изданный въ 1833 г., впервые поставилъ вопросъ о начальномъ народномъ образованіи на прочный путь практическаго осуществленія. Въ силу этого закона каждая община должна учредить начальную школу; каждый округъ съ 6.000 жителей долженъ имѣть высшую народную школу, а каждый департаментъ учительскую семинарію. Чтобы придать закону возможно большую жизненную силу въ смыслѣ скорѣйшаго осуществленія на практикѣ, Гизо подробно регламентировалъ финансовую сторону вопроса. И вотъ, въ очень короткій срокъ времени законъ этотъ достигъ поразительныхъ результатовъ. Такъ, напримѣръ, въ промежутокъ времени отъ 1830 до 1848 г. число школъ возрасло съ 27.000 до 46.684; число школьныхъ домовъ съ 10.800 до 24.000; число учительскихъ семинарій достигло 86; изъ числа рекрутовъ неграмотныхъ было въ 1829—53%, въ 1848—36%, а въ 1856—33%. Въ этотъ-же періодъ времени появляются курсы для взрослыхъ, и въ 1847 г. статистика насчитываетъ уже 6877 такихъ курсовъ со 115.164 учащимися. Во время второй республики и имперіи Наполеона III народное начальное образованіе не переставало прогрессировать, хотя и произошла нѣкоторая задержка подъ вліяніемъ борьбы съ духовенствомъ и оппозиціи двора. Тѣмъ не менѣе къ концу имперіи число начальныхъ школъ достигло 70.179 съ 4.722.000 учениковъ, а изъ всего числа рекрутовъ въ началѣ 70-хъ годовъ 8590 умѣли по крайней мѣрѣ читать. Весь періодъ третьей республики, начиная съ 1877 г. и до нашихъ дней, представляетъ блестящій и неуклонный путь прогресса начальной народной школы во Франціи. Законъ 1878 г. обязалъ всѣ общины построить по особому плану школьные дома, ассигновавъ на это 60 мил. фр. субсидіи и столько-же заимообразно. Въ 1879 г. законъ обязалъ каждый департаментъ на ряду съ мужской имѣть и женскую учительскую семинарію. Денежныя затраты за этотъ промежутокъ времени выросли съ 54 мил. фр. въ 1871 г. до 108 мил. фр. въ 1880 г. Наконецъ, тремя законами 1881, 1882 и 1886 г. дѣло начальнаго народнаго образованія было доведено до современнаго состоянія. Эти законы установили три основныхъ принципа, а именно: даровое обученіе въ начальной школѣ, обязательное ея посѣщеніе всѣми дѣтьми школьнаго возраста и свѣтскій характеръ школы, т.-е. полную ея независимость отъ духовенства.

Исторія развитія начальнаго народнаго образованія во Франціи имѣетъ, какъ мы видѣли, иной характеръ, нежели въ Германіи; тѣмъ не менѣе и въ ней не мало поучительнаго, отраднаго и обод-

яющаго. Эта исторія показываетъ—какъ много можно сдѣлать въ короткій промежутокъ времени, если серьезно приняться за дѣло. При дружномъ усиліи правительства и общества не страшны отсталость и запоздалость; надо лишь ясно сознать необходимость и плодотворность работы,—тогда найдутся и средства, и силы. Нашла-же ихъ Франція послѣ тяжелой передряги 1870—1871 гг. И нѣтъ сомнѣнія, что, не жалѣя средствъ на народное образованіе, она обезпечила за собой успѣхъ во всякой международной борьбѣ гораздо болѣе, нежели многомилліонными затратами на военныя сооруженія. Въ этомъ краткомъ очеркѣ исторіи развитія начальнаго народнаго образованія во Франціи мы остановили вниманіе лишь на мѣрахъ и усиліяхъ правительства. Но надо прибавить, что и общество французское не мало поработало и продолжаетъ работать на поприщѣ внесенія свѣта въ среду народа. Особенно много сдѣлала въ этомъ отношеніи знаменитая Лига просвѣщенія, основанная Жаномъ Масе.

Въ Австріи первыя болѣе или менѣе серьезныя заботы о просвѣщеніи народа проявляются во второй половинѣ XVIII-го вѣка, при Маріи Терезіи и Іосифѣ II, когда были учреждены учительскія семинаріи и даже установлено обязательное посѣщеніе ихъ. Въ 1816 г. законъ предписалъ учрежденіе повторительныхъ школъ для ремесленныхъ учениковъ и малолѣтнихъ рабочихъ.

Въ этотъ-же періодъ времени школы были отданы въ вѣдѣніе духовенства, что повліяло на сокращеніе программъ. Въ 1869 г., подъ вліяніемъ либеральной партіи, школы были переданы вновь въ гражданское вѣдомство, и съ тѣхъ поръ началось ихъ довольно быстрое развитіе какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ. Съ этихъ поръ собственно начинается строгое исполненіе закона объ обязательномъ посѣщеніи школъ, что не замедлило обнаружиться въ результатахъ, благопріятныхъ для школы. Такъ, въ 1867 г. на каждые 100 рекрутъ 66 были совершенно неграмотны, въ 1888 г. только 31.

Въ Венгріи развитіе шло приблизительно тѣмъ-же порядкомъ и особенно сильно двинулось впередъ за послѣднія 25 лѣтъ.

Среди большихъ государствъ Западной Европы Англія много позже другихъ принялась за дѣло всенароднаго образованія. До нашего столѣтія вся забота о начальныхъ школахъ лежала почти исключительно на англійскомъ духовенствѣ. Съ начала XIX-го вѣка въ Англіи возникаетъ нѣсколько частныхъ обществъ, посвятившихъ себя дѣлу народнаго образованія, а государство начало интересоваться этимъ вопросомъ лишь послѣ реформы 1832 г., подъ вліяніемъ демократическаго движенія. Въ промежутокъ времени отъ 1832 до 1870 г. вмѣшательство государства въ жизнь школы вы-

ражалось лишь незначительными субсидіями на школьные дома, на увеличеніе жалованья учителямъ и на другія потребности школы. Только въ 1870 г. появился знаменитый законъ Форстера, «законъ начальнаго образованія», впервые регламентирующій первую ступень народнаго образованія. Этимъ актомъ англійское правительство включило начальныя школы въ число своихъ ближайшихъ заботъ, и только съ этого времени начинается серьезное и постоянное вмѣшательство правительства въ жизнь начальной школы *).

Чтобы не утомлять читателей подробностями, не будемъ останавливаться на исторіи развитія начальнаго образованія въ другихъ государствахъ западной Европы; укажемъ лишь на то, что первое мѣсто по болѣе раннимъ заботамъ занимаютъ Финляндія, Голландія и Швейцарія, а въ остальныхъ государствахъ исторія развитія начальнаго образованія почти не выходитъ за отдѣлы нашего столѣтія. Послѣднее мѣсто принадлежитъ Греціи, Сербіи, Болгаріи и Турціи.

Какъ-же велики результаты, добытые этой болѣе или менѣе продолжительной работой въ пользу просвѣщенія народа въ различныхъ государствахъ западной Европы? Чтобы отвѣтитить на этотъ вопросъ, мы приводимъ сравнительную таблицу, составленную на основаніи данныхъ изъ книги г. Левассера:

Названіе государства.	Населеніе на □ километръ.	Одна школа на какое пространство.	На сколько жител. 1 учитель.	Число учащихся на 100 жител.	Число неграмотныхъ на 100 новобранцевъ.	Даты введенія обязател. обученія.
Саксонія	253	6,5 □ км.	320	17,8	0,01—1890 г.	1769 г.
Баденъ	115	4,0 □ »	462	16,7	0,03—1890 »	1834 »
Баварія	77	10,5 □ »	249	14,9	0,04—1895 »	1802 »
Гессенъ	135	7,1 □ »	364	16,5	0,06—1894 »	1733 »
Швеція	10	41,4 □ »	355	14,0	0,2 —1890 »	—
Швейцарія	72	4,9 □ »	316	15,7	0,6 —1894 »	1874 »
Финляндія	—	—	—	11,6	4,9 —1893 »	—
Голландія	148	7,5 □ »	283	14,3	5.5 —1893 »	нѣтъ.
Франція	71	6,4 □ »	256	14,5	7,4 —1890 »	1882 г.
Бельгія	218	4,7 □ »	472	10,8	15,0 —1894 »	нѣтъ.
Австрія	83	15,7 □ »	565	13,7	30,8 —1888 »	1805 г.
Венгрія	56	19,1 □ »	705	12,4	36,0 —1890 »	1848 »
Италія	106	4,9 □ »	526	8,2	40,0 —1893 »	1877 »
Румынія	42	32,8 □ »	959	4,7	89,1 —1892 »	1893 »
Англія	200	7,7 □ »	600	17,2	—	1876 »
Шотландія	53	25,8 □ »	477	16,5	—	1872 »
Ирландія	56	9,9 □ »	270	11,1	—	нѣтъ.
Португалія	55	17,3 □ »	908	4,6	—	нѣтъ.

*) О благодѣтельномъ вліяніи закона 1870 г. свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя: въ 1873 г. изъ всего числа бракосочетавшихся 44,2% не умѣли подписать фамиліи, а въ 1893 г. только 10,7%.

Для опредѣленія степени грамотности населенія въ Великобританіи и Португаліи находимъ у г. Левассера иныя данныя, а именно: изъ всего числа бракосочетавшихся въ 1883 г. въ Англіи 14,1%, а въ Шотландіи 9,2% было неграмотныхъ; въ Ирландіи въ 1881 г. 33,5%, въ Португаліи-же въ 1878 г. изъ всего количества жителей неграмотныхъ было 79,1%. Считаемъ долгомъ оговориться, что приведенная таблица даетъ лишь приблизительное понятіе о состояніи начальнаго народнаго образованія въ Западной Европѣ, во-первыхъ, по той причинѣ, что, какъ указываетъ самъ г. Левассеръ, пріемы собиранія статистическихъ свѣдѣній въ различныхъ государствахъ весьма разнообразны, во-вторыхъ, данныя, заимствованныя нами у г. Левассера, относительно числа школъ, учителей, учениковъ и т. п., относятся не къ одному какому либо году, а къ разнымъ, колеблясь приблизительно въ предѣлѣ отъ 1888 до 1894 г.; наконецъ, количество жителей взято нами изъ ежегодника профессора Гикмана (Hickmann) за 1887 г. Пропускъ нѣкоторыхъ государствъ Европы въ данной таблицѣ объясняется тѣмъ, что мы не пользовались данными позже 1888 г.

М. Страхова.

(*Окончаніе будетъ*).

Высшее женское образованіе въ Чехіи и Сербіи въ связи съ образованіемъ общимъ.

(По личнымъ наблюденіямъ).

Основаніемъ для настоящей статьи послужило нынѣшнее путешествіе мое въ Чехію и Сербію. Путешествіе это, въ связи съ предъидущимъ, въ 1895 г. *), дало мнѣ много интереснаго матеріала для наблюденій надъ постановкою учебнаго дѣла вообще и женскаго образованія въ частности. Англія и Бельгія избраны были мною какъ аванпосты высшаго женскаго образованія, Чехія и Сербія привлекали меня какъ государства, населенныя единоплеменнымъ намъ народомъ. Интересно было взглянуть, въ какой мѣрѣ молодая Сербія проявляетъ свою самобытность. Увлеклась-ли она слѣпою подражательностью, или выработала систему сообразно условіямъ ея быта.

Прежде чѣмъ дать отчетъ о моихъ наблюденіяхъ по этому предмету, считаю долгомъ выразить благодарность всѣмъ лицамъ, принявшимъ меня по-братски и оказавшимъ содѣйствіе и поддержку.

Допущеніе женщины къ высшему образованію уже вышло изъ области мечтаній и стало совершившимся фактомъ. Присматриваясь къ поступательному движенію женщины, невольно поражаешься той энергіей и настойчивостью, съ какими она стремится къ цѣли. Только грядущія поколѣнія въ состояніи будутъ вполнѣ оцѣнить ту выдержку и послѣдовательность, съ которыми женщина ведетъ борьбу за право на высшее образованіе, ни однимъ ложнымъ шагомъ не скомпрометировавъ своего дѣла. Если правда, что способность къ объединенію есть признакъ культурнаго прогресса, то женщина проявила этотъ признакъ весьма ощутительно. Всѣ слабости, приписываемыя ея полу: мелочность, зависть, легкомысліе—внезапно стушевались. Сословія, возрасты, состоянія—все объединилось и

*) Напечатано въ «Русской Школѣ».

стало сообща работать. Женщины сразу уразумѣли, что въ единеніи ихъ сила, и принялись дѣятельно помогать другъ другу.

Культурныя націи поняли, что стремленіе женщины къ высшему образованію есть серьезно обоснованное движеніе, съ которымъ приходится считаться, и стали мало-по-малу открывать для женщинъ двери университетовъ. Можно было ожидать, что новый порядокъ вещей отразится на всемъ строѣ женскаго образованія и что средніи учебныя заведенія, или хотя часть ихъ, получатъ организацію, соотвѣтствующую той цѣли которой она должна служить. Однако ничего подобнаго не случилось. Всѣ заведенія, содержимыя или субсидируемыя правительствами, остались безъ измѣненія.

Такія явленія, на первый взглядъ странныя, объясняются очень просто. Правительства культурныхъ странъ, уступая давленію лучшихъ умовъ стараго и новаго свѣта, согласились допустить женщинъ къ слушанію университетскихъ лекцій, но, опасаясь ихъ конкуренціи, стараются уменьшить, насколько возможно, приливъ женскаго элемента въ храмъ науки, создавая различные тормозы въ родѣ отсутствія средствъ для подготовки.

Само собою разумѣется, что подобные тормозы не въ силахъ удержать женщину отъ вступленія въ святилище, которое наконецъ открыло для нея свои двери. На помощь женщинѣ явилась женщина-же. Для подготовки къ аттестату зрѣлости образовались различные курсы, частныя учебныя заведенія и просвѣтительныя общества. Съ однимъ изъ такихъ обществъ въ Прагѣ я и хочу познакомить читателя.

Вся Чехія покрыта сѣтью всевозможныхъ обществъ и союзовъ, среди которыхъ женскія по числу своему и дѣятельности играютъ видную роль. Самое замѣчательное изъ дамскихъ обществъ—«Минерва». Цѣль его—содѣйствіе высшему женскому образованію; средства—созданіе первой въ Австріи классической женской гимназіи.

Но прежде, чѣмъ говорить подробно о дѣятельности «Минервы», необходимо коснуться общей постановки женскаго образованія въ Чехіи. Для низшаго образованія существуютъ народныя и мѣщанскія школы (Volks-und Bürgercshule)—въ родѣ нашихъ начальныхъ и городскихъ училищъ. Дѣвушки, окончившія курсъ въ городскомъ училищѣ въ возрастѣ 14—15л., возвращаются въ семьи или идутъ въ профессіональныя школы. Для достаточныхъ классовъ есть нѣсколько частныхъ учебныхъ заведеній при монастыряхъ и такъ называемая «Высшая дѣвичья школа» въ Прагѣ и Брюннѣ. Эта школа, субсидируемая городомъ и правительствомъ, является высшею только по сравненію со школами низшаго типа, но отнюдь не въ смыслѣ того, что принято называть высшимъ образованіемъ. Это 6-ти классное сред-

нее учебное заведенiе въ родѣ нашихъ женскихъ гимназiй, съ класными дамами и учителями мужчинами. «Высшая дѣвичья школа» никакихъ правъ не даетъ. Окончившiя въ ней курсъ ученицы не допускаются къ преподаванiю даже въ начальныхъ училищахъ. Плата за учениц 20 гульденовъ; женскiй педагогическiй персоналъ получаетъ отъ 800—1000 гульденовъ въ годъ. Директоръ—мужчина.

Время однако беретъ свое. Въ Чехiи, какъ и въ другихъ странахъ, проснулась у женщинъ потребность въ умственной культурѣ, къ этому присоединилась необходимость найти новые источники заработка. Вѣчныя указанiя на роль женщины, какъ женщины и матери, потеряли прежнее значенiе. Статистика показываетъ, какое огромное число женщинъ изъ образованныхъ классовъ остаются незамужними. Наконецъ, высшее образованiе не мѣшаетъ замужеству, а содѣйствуетъ ему, подготовляя не свѣтскихъ куколъ, а настоящихъ помощницъ мужу, развитыхъ настолько, чтобъ понимать значенiе обязанностей жены и матери.

Общество «Минерва» задалось цѣлью содѣйствовать удачному разрѣшенiю этого вопроса и принялось работать съ неусыпной энергiей и строгой послѣдовательностью.

Не малую борьбу выдержала «Минерва», прежде чѣмъ достичь цѣли. Борьба здѣсь была тяжелѣе, чѣмъ во многихъ другихъ государствахъ. Чехи—народъ культурый въ полномъ смыслѣ слова. Въ этой странѣ нѣтъ неграмотныхъ. Начальное образованiе продолжается 7 лѣтъ, поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что чешскiе крестьяне и ремесленники—достаточно образованные и развитые люди. Они интересуются печатью, во многихъ деревняхъ есть читальни. Рѣдкiй многосемейный крестьянинъ не мечтаетъ имѣтъ хоть одного сына въ университетѣ. При такихъ условiяхъ въ Чехiи является перепроизводство интеллигенцiи. Профессiи переполнены; для всѣхъ желающихъ не находится мѣстъ. Понятно, что всякая конкуренцiя является здѣсь весьма нежелательною.

Смѣло и мужественно выступила «Минерва» на защиту женскихъ интересовъ. Доброжелатели не сулили ей успѣха, противники осыпали насмѣшками, нерѣдко доходя до полнаго забвенiя приличiй и самой грубой брани. Но эта-то горячая полемика по поводу новаго образа мыслей и была знакомъ слабости противниковъ и безнадежности ихъ сопротивленiя.

Не далѣе какъ два года тому назадъ вспыхнулъ бой съ небывалой силой. Возникла обширная литература за и противъ, но обстоятельства показали, что это былъ бой послѣднiй. «Минерва» агитировала съ такимъ успѣхомъ, что на вѣнскомъ рейхсратѣ 1896 г. чешскiе депутаты подняли вопросъ о высшемъ женскомъ образова-

ніи и представили его на разсмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія Гауча.

Съ большимъ интересомъ слѣдили въ рейхсратѣ за ходомъ преній по данному вопросу. Министръ въ длинной рѣчи іезуитскаго характера заявилъ, что онъ считаетъ себя обязаннымъ принять во вниманіе запросы, о которыхъ такъ много говорится и пишется, прибавивъ при этомъ, что онъ будетъ держаться середины между красной эмасипацией и несправедливымъ угнетеніемъ.

Раздѣляя мнѣніе, что желательно было-бы дать женской молодежи образованіе, равноцѣнное мужскому, чтобы расширить средства ея къ заработку, министръ выразилъ готовность содѣйствовать этимъ цѣлямъ, пока онѣ не идутъ въ разрѣзъ съ призваніемъ женщины, не подрываютъ семейныхъ основъ и не наносятъ ущерба интересамъ мужчинъ, угрожая имъ опасною конкуренціею. Допущеніе женщинъ ко всѣмъ профессіямъ, уже переполненнымъ мужчинами, могло-бы повести за собою уменьшеніе мужского заработка, при которомъ стало-бы затруднительнымъ и почти невозможнымъ содержать семью. Поэтому министръ находитъ, что въ данную минуту настоитъ надобность открывать для женщинъ не классическія гимназіи, а большее число общеобразовательныхъ школъ (высш. дѣв. школъ), которыя подготовляли-бы женщину къ обязанности хозяйки дома и матери семейства. Частной иниціативѣ, впрочемъ, министръ предоставляетъ право открывать учебныя заведенія типа гимназій для подготовки дѣвушекъ къ экзамену на аттестатъ зрѣлости, необходимый для допущенія въ университеты. Правительство, говоритъ онъ, будетъ внимательно слѣдить за результатами, которые покажутъ, настолько такія заведенія практичны и пригодны для жизни, и въ какой мѣрѣ женщина съумѣетъ этимъ воспользоваться. Если-же женщины, продолжаетъ министръ, путемъ частныхъ гимназій, или инымъ способомъ, подготовятся и сдадутъ экзаменъ зрѣлости, одинаковый съ мужчинами, было-бы несправедливо лишать ихъ хоть частички той выгоды, на которую даетъ имъ право экзаменъ. Равно несправедливо было-бы считать недѣйствительными дипломы, полученные женщинами въ заграничныхъ университетахъ. Цѣль, къ которой женщина, получившая высшее образованіе, должна стремиться, представляется министру ясной. Высшее образованіе должно открывать ей путь къ высшей педагогической дѣятельности въ качествѣ учительницы женскихъ среднихъ школъ (высш. дѣвичьихъ школъ), развитію которыхъ государство намѣрено содѣйствовать по мѣрѣ силъ. Не возбраняется также женщинѣ медицинская карьера.

Результатомъ этихъ преній было изданіе закона, утвержденнаго

въ мартѣ 1896 г., о допущеніи женщинъ къ экзамену зрѣлости для поступленія на факультеты философскій и медицинскій.

Въ то же время предоставлено было дѣвушкамъ, получившимъ достаточную подготовку, держать выпускной экзаменъ въ учительскомъ институтѣ на право преподаванія въ низшихъ школахъ.

Достигнутыми результатами благоразумная часть женскаго общества нашла возможнымъ пока удовольствоваться. Въ совѣтѣ «Минервы», собравшемся по этому поводу, рѣшено было выработать программу гимназіи «Минервы» такимъ образомъ, чтобы старшіе классы этой гимназіи преслѣдовали двоякую цѣль: однѣхъ учеництъ подготовляли-бы къ экзамену на аттестатъ зрѣлости, другихъ—къ выпускному экзамену въ учительскомъ институтѣ.

Но еще раньше этого рѣшенія, «Минерва», разсчитывая на благопріятный исходъ ея ходатайства, ввела въ своей гимназіи преподаваніе древнихъ языковъ. Такимъ образомъ, новый законъ засталъ ее во всеоружіи, съ запасомъ воспитанницъ, почти готовыхъ воспользоваться дарованнымъ имъ правомъ.

Въ теченіе семи лѣтъ бодро и мужественно отстаивала «Минерва» великое дѣло женскаго образованія. Отражая своимъ серебрянымъ щитомъ нападенія, клеветы и насмѣшки, «Минерва» тихими, но твердыми шагами шла впередъ, настойчиво преслѣдуя культурныя цѣли. Но, несмотря на энергію и настойчивость, Обществу, по собственному сознанію, трудно было-бы справиться съ своей задачей, если-бы магистратъ города Праги не пришелъ къ нему на помощь. Въ ту пору, когда нравственному успѣху мѣшалъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ, городъ великодушно снабдилъ гимназію помѣщеніемъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ, что дало возможность Обществу устремить все свое вниманіе на учебное дѣло.

Въ скоромъ времени будетъ построенъ для гимназіи «Минервы» домъ, который дастъ ей возможность развить ея дѣятельность. Настоящее-же ея помѣщеніе такъ тѣсно, что позволяетъ одновременно содержать только три класса, распредѣленные слѣдующимъ образомъ: одинъ годъ дѣйствуютъ — 2, 4 и 6 классы, другой годъ — 3, 5 и 7. Перваго класса въ «Минервѣ» нѣтъ.

Такъ какъ дѣвицы поступаютъ въ гимназію изъ городскихъ училищъ уже изрядно подготовленными, то онѣ успѣваютъ въ одинъ годъ пройти два класса, посвящая большую часть времени древнимъ языкамъ. По пословицѣ «не красна изба углами, а красна пирогами», это симпатичное заведеніе успѣло уже дать осязательные результаты. Пятнадцать минервистокъ выдержали блистательно экзаменъ зрѣлости и приняты: восемь—на философскій и семь—на медицинскій факультеты. Одиннадцать готовились къ экзамену на осень 1898 г.

Чрезвычайно обширную дѣятельность по отдѣлу женскаго профессіональнаго образованія развиваетъ «женскій профессіональный союзъ въ Прагѣ». Число членовъ его доходитъ до 3.000. Дѣйствительные члены—все женщины; ежегодный членскій взносъ 5 гульд. Мужчины допускаются, какъ соревнователи, съ платою 8 гульд. въ годъ, но безъ права голоса.

Школа помѣщается въ великолѣпномъ домѣ, принадлежащемъ «союзу». Въ школѣ 700 ученицъ и два отдѣленія: коммерческое и ремесленное. Въ коммерческомъ отдѣленіи (курсъ трехлѣтній) дѣвушки обучаются коммерческимъ наукамъ, стенографіи и иностраннымъ языкамъ. Ремесленное отдѣленіе имѣетъ обширныя мастерскія для обученія всякаго рода шитью, вышиванью, рисованію по матеріи, фарфору, гравированію и выжиганію по дереву и т. д. Плата взимается сообразно количеству избранныхъ предметовъ, отъ 50 крейцеровъ до 4 гульд. въ мѣсяцъ. Триста бѣднѣйшихъ ученицъ освобождены отъ платы. При школѣ 27 учительницъ и 8 учителей.

«Союзъ» имѣетъ свой органъ «Женскіе Листы» и справочное бюро для пріисканія занятій окончившимъ курсъ ученицамъ. Онъ-же устраиваетъ выставки ученическихъ работъ и принимаетъ участіе въ другихъ выставкахъ, на которыхъ получилъ много почетныхъ отзывовъ. Предсѣдательницею и душою обоихъ этихъ Обществъ, «Минервы» и «Профессіональнаго союза», состоитъ писательница г-жа Красногорская, очень напоминающая покойную нашу Стасову. Она-же редакторъ «Женскихъ Листовъ», въ которыхъ нерѣдко появляются статьи о женскомъ движеніи въ Россіи. Въ одномъ изъ нумеровъ (сентябрь 1895 г.) помѣщенъ былъ некрологъ Н. В. Стасовой, очень тепло написанный.

Въ послѣднее время въ Вѣнѣ и Пештѣ открыто по одной классической гимназіи для дѣвушекъ.

Въ Сербіи дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Страна молодая, недавно начавшая жить самостоятельною жизнью, Сербія свободна отъ предразсудковъ, съ которыми такъ трудно бороться старымъ государствамъ. Положеніе женщинъ здѣсь болѣе обезпечено, доступъ къ высшему образованію достался ей сравнительно легко, но для подготовки къ этому образованію здѣсь тоже почти ничего не сдѣлано.

Въ Бѣлградѣ основана «Высшая дѣвичья школа» по образцу чешской, но съ значительными улучшеніями. Ученицы, окончившія полный курсъ, имѣютъ право учить въ низшихъ школахъ, а по истеченіи десятилѣтней практики и сдачѣ добавочнаго экзамена изъ избраннаго предмета онѣ могутъ стать учительницами «Высшей дѣвичьей школы». Весь персоналъ школы состоитъ изъ женщинъ, исключая законоучителя и временно профессора методики. Во главѣ

школы стоитъ начальница—съ окладомъ въ 3.000 фр. (динаровъ) при готовой квартирѣ и пятилѣтнихъ прибавкахъ въ 250 фр.

Бѣлградская дѣвичья школа обширна и многолюдна. Въ ней 6 классовъ, при 18 параллеляхъ, и 800 ученицъ. Школа занимаетъ нѣсколько смежныхъ зданій; при школѣ церковь во имя св. Наталіи, покровительницы школы. Поютъ воспитанницы, и поютъ прекрасно. Ухо сѣверянина, привыкшее къ жиденькимъ звукамъ сѣверныхъ пташекъ, пріятно поражается сочными грудными тонами южныхъ соловьевъ. Въ день храмового праздника, 26-го авг., служба совершается соборне, часто при участіи митрополита. Другой праздникъ, торжественно справляемый во всей Сербіи, посвященъ имени св. Саввы, покровителя Сербскаго государства. Въ дѣвичьей школѣ, послѣ обѣдни и молебна, происходитъ въ конференцъ-залѣ торжественное собраніе. Воспитанницы поютъ гимны, декламируютъ стихи; профессорадамы говорятъ рѣчи. Въ этотъ день въ школѣ бываетъ много прежнихъ воспитанницъ и почетныхъ посѣтителей. Король Александръ, которому приходится присутствовать на торжественномъ богослуженіи во дворцѣ, изъявилъ сожалѣніе, что не можетъ бывать на праздникѣ школы и просилъ отложить торжество до полудня, что и будетъ исполнено на слѣдующій годъ.

Програма дѣвичьей школы соотвѣтствуетъ программамъ нашихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Сверхъ того, проходятся: основы химіи, гигіена, педагогика и дидактика съ методиками. Для практическихъ занятій выпускныхъ ученицъ назначается одна изъ начальныхъ городскихъ школъ. Съ 1897 г. русскій языкъ введенъ, какъ обязательный предметъ, во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Уроки гимнастики обязательны. Кромѣ обычныхъ гимнастическихъ пріемовъ, сюда относится обученіе правильной постановкѣ тѣла при хожденіи, сидѣніи, письмѣ. Практикуются общественныя и національныя игры. Обращено вниманіе на манеры и грацію.

Весною воспитанницы совершаютъ экскурсіи съ образовательною цѣлію. При школѣ есть общество вспомоществованія, въ пользу котораго даются въ стѣнахъ заведенія музыкально-литературные вечера. Участіе-же ученицъ въ постороннихъ концертахъ воспрещается. Вообще регламентъ для внѣшкольнаго поведенія очень строгъ: ученицы не имѣютъ права посѣщать балы, свадьбы, театры; на публичныя гулянья могутъ ходить только съ родителями. Министерство Народнаго Просвѣщенія входитъ въ самые тѣсное общеніе со школой, вмѣшиваясь во всѣ ея распорядки.

Другая подобная школа находится въ Крагуевацѣ. Въ провинціи, гдѣ нѣтъ такихъ школъ, открыты для дѣвушекъ параллельные классы въ мужскихъ гимназіяхъ. Программа одна и та же. Многія

изъ Бѣлградскихъ дѣвушекъ, имѣющія виды на высшее образованіе въ «Великой школѣ», поступаютъ въ провинціальныя гимназіи.

«Велика школа» есть нѣчто среднее между университетомъ и политехникумомъ. Въ ней три отдѣленія: философское, юридическое и инженерное. Курсъ 4-хъ лѣтній. На полный университетъ у Сербіи пока нѣтъ средствъ.

Въ мужскихъ гимназіяхъ греческій языкъ не обязателенъ; латинскій начинается съ 5-го класса. Сербы примѣнили у себя ту самую систему, о которой безплодно мечтаетъ французскій профессоръ и публицистъ Жюль Леметръ. Отсутствіе греческаго языка нѣсколько затрудняетъ молодыхъ людей, которые идутъ въ заграничные университеты, но Сербы не смущаются этимъ. «Зачѣмъ, говорятъ они, мы будемъ вводить у себя то, что уже и на западѣ отживаетъ свой вѣкъ». Для желающихъ, впрочемъ, есть для греческаго языка добавочные курсы. На новые языки обращено большое вниманіе, особенно на нѣмецкій, необходимый сербамъ въ торговлѣ. Педагогическій персоналъ обставленъ вполнѣ удовлетворительно. Профессоръ получаетъ 2300 фр. и 5-ти-лѣтнія прибавки въ 500—600 фр. Доценты (учителя) 1.550 и 5-лѣтнія прибавки въ 250. Третій разрядъ, учителя низшихъ и сельскихъ школъ, получаютъ 300 фр., съ такими-же прибавками въ 250 фр.

Какъ доценты, такъ и профессора имѣютъ не болѣе десяти уроковъ въ недѣлю. Предполагается, что большее число обременило-бы учителя и лишило-бы его возможности работать для своей усовершенствованія. Такъ какъ плата производится не по-урочно, то профессорамъ и разсчета нѣтъ обременять себя уроками.

Пенсіи начинаются послѣ 10-лѣтней службы—въ размѣрѣ 40%. По истеченіи 80-лѣтія, весь окладъ съ прибавками идетъ въ пенсію. Вдова пользуется половинною пенсіею, хотя-бы ея мужъ служилъ всего одинъ день. Самый малый размѣръ вдовьей пенсіи—35 динаровъ въ мѣсяцъ.

Педагогическій трудъ оцѣнивается въ Сербіи соотвѣтственно образовательному цензу, безъ различія пола. Въ одномъ только сербы заразились дурнымъ примѣромъ Европы: пенсія матери на дѣтей не переходитъ. За то Сербія дала своимъ гражданамъ такое благо, какъ обученіе не только обязательное, но и безплатное. Каждый сербъ повиненъ школьному налогу въ два франка въ годъ, и за это его дѣти обезпечены воспитаніемъ. Гдѣ-бы ни учились они, въ низшей, средней или высшей школѣ, за обученіе съ нихъ платы не взимается.

Приглядываясь къ постановкѣ учебнаго дѣла въ многочисленныхъ заведеніяхъ различныхъ типовъ за границей, нельзя не за-

мѣтить ихъ капитальныхъ достоинствъ, хотя они не лишены также и недостатковъ. Къ первымъ относится правильное распредѣленіе времени, равномѣрное чередованіе труда и отдыха, своевременное подтягиваніе отсталыхъ учениковъ. Классный день разбитъ на двѣ части, съ перерывомъ въ два часа (отъ 12—2). Такой промежутокъ даетъ ученику возможность освѣжиться, отдохнуть и хорошо поѣсть. Средній классъ за границей обѣдаетъ обыкновенно въ 1 часъ. Два раза въ недѣлю классы оканчиваются въ 12 ч. Остальное время посвящено прогулкѣ, играмъ на свѣжемъ воздухѣ, повторенію трудныхъ уроковъ. По свидѣтельству родителей, неравномѣрное распредѣленіе заданнаго не угнетаетъ учениковъ. Въ Англіи, по субботамъ, послѣ полудня, существуютъ репетиціонные классы для учениковъ, получившихъ на недѣлѣ дурныя отмѣтки. Три раза въ годъ, послѣ большихъ праздниковъ Рождества, Пасхи, каникулъ, слабымъ ученикамъ дается переэкзаменовка.

Сравнительная краткость каникулъ (6 недѣль) позволяетъ преподавателямъ проходить предметъ основательно, не комкая его и не стремясь дальше, пока не будетъ усвоено пройденное. За-границей признаютъ необходимость отдыха, но только въ извѣстной степени. Избытокъ считается вреднымъ, разслабляющимъ и парализующимъ умственныя силы. Тамъ даже крѣпкіе ученики во время продолжительныхъ праздниковъ не сидятъ безъ дѣла.

Къ недостаткамъ, общимъ всей учебной системѣ, слѣдуетъ тонести: неподвижность программъ, многопредметность, неравноцѣнность средняго образованія обоихъ половъ и конкурсные экзамены на преміи.

М. Лялина.

МѢРЫ БОРЬБЫ СЪ АЛКОГОЛИЗМОМЪ ПУТЕМЪ ШКОЛЫ.

Чтобы вести борьбу съ алкоголизмомъ путемъ школы, представляется путь двоякій:

A) *воспитывать самихъ учащихся въ духѣ воздержанія и трезвости при посредствѣ безукоризненной санитарной обстановки самой школы, ученія и учащихся*, и

B) *обучать дѣтей гигіенѣ; вселять въ нихъ здравыя понятія о сохраненіи тѣла цѣлымъ и невредимымъ въ видахъ совершенствованія какъ тѣлесной, такъ и нравственной и умственной природы человѣка, и тѣмъ самымъ готовить въ нихъ будущихъ проводниковъ въ обществѣ идей здравой гигіены и нравственности.*

Ad A) *Первый путь борьбы: оздоровленіе учащихся.* Когда учащійся правильно обставленъ въ гигіеническомъ и педагогическомъ отношеніи, и всѣ физіологическія и психологическія требованія его природы находятъ полное удовлетвореніе, тогда въ немъ будутъ обнаруживаться здоровые, трезвые, человѣчные инстинкты, а все ненормальное, грубое, животное не найдетъ себѣ мѣста въ его жизни. Что такое собственно учащійся? Это—юный (отрокъ или юноша) представитель умственнаго труда: a) проводящій *бо́льшую часть времени за умственными занятіями*, b) въ *сидячемъ положеніи* тѣла (при отсутствіи движенія), c) при *антисанитарной обстановкѣ* школы и ученія, d) подъ вліяніемъ *нравственнаго угнетенія* и e) рутиннаго, строго-формальнаго отношенія къ дѣлу.

Всѣ эти условія ведутъ 1) къ нарушенію вещественнаго обмѣна въ тѣлѣ (къ развитію болѣе или менѣе выраженнаго брадитрофическаго діатеза [maladie par ralentissement de la nutrition Бушара (Bouchard)], слѣдовательно, къ пониженію, къ ослабленію всей вообщее жизнедѣятельности юнаго организма; 2) къ развитію, главнымъ образомъ, нервности (reizbare Schwäche, по Hasse), слѣдовательно, къ ослабленію предпочтительно мышечной и нервной дѣятельности, и 3) къ нравственной неуравновѣшенности, къ подавленію воли, характера.

Что учащіеся въ современной средней школѣ перенапряжены, переутомлены, тѣлесно и нравственно подавлены—признано большинствомъ ученыхъ врачей, каковы А. Кэй, Прейеръ, Лёвенталь, Шмидтъ-Монаръ, Ланьо, Крайтнъ-Броунъ и др., а главное V-мъ Нюрнбергскимъ съѣздомъ германскихъ гигіенистовъ, Парижской медицинской академіей 1887 г. и Школьной Берлинской конференціей 1890 г. А когда въ слабомъ тѣлѣ оказывается потребность въ дѣятельности, то она можетъ быть поддерживаема только при помощи искусственныхъ ирритаментовъ, т.-е. мѣръ тѣлеснаго или нравственнаго насилія (поощреній, наградъ или угрозъ, внушеній, наказаній), или такъ-наз. возбуждающихъ веществъ (спиртныхъ, наркотическихъ).

Какъ на основныя причины употребленія въ юномъ возрастѣ спиртныхъ напитковъ, обыкновенно указываютъ (въ особенности педагоги) слѣдующія: a) небрежное воспитательное отношеніе къ дѣтямъ родителей или вообще воспитателей; b) примѣръ, дурные товарищи, знакомые; c) иногда ложный стыдъ; d) слабость характера; e) склонность къ развлеченіямъ, къ праздности, къ лѣности.

Не отрицая пагубнаго вліянія всѣхъ этихъ причинъ на учащагося, мы считали-бы, главное, несоотвѣтственнымъ ихъ распредѣленіе и ихъ недостаточную полноту. Изъ пяти означенныхъ причинъ первая имѣетъ болѣе или менѣе прямое отношеніе къ дѣлу, прочія-же четыре коренятся въ одной общей причинѣ, а именно,—въ слабости воли, характера, обусловливаемой въ свою очередь причиной болѣе глубокой: слабостью организаціи, неудовлетворительностью тѣлеснаго воспитанія.

Должно допустить, что слабость воли зависитъ отъ плохихъ нервовъ и мышцъ; неудовлетворительность-же этихъ послѣднихъ обусловливается дѣйствіемъ школьнаго режима и ученія на тѣлесное здоровье дѣтей. Такимъ образомъ, мѣрами къ предотвращенію склонности и увлеченія спиртными напитками со стороны учащихся являются, очевидно, слѣдующія: сохраненіе и улучшеніе тѣлеснаго здоровья; укрѣпленіе, закаленіе тѣла и духа соотвѣтственными средствами гигіеническаго и педагогическаго свойства, и затѣмъ предоставленіе учащимся возможности затрачивать накопляющуюся (потенціальную) энергію въ ихъ тѣлѣ вполнѣ отвѣчающими природѣ дѣтей тѣлесными упражненіями и иными (умственными и нравственными) развлеченіями. Результатомъ правильной гигіенической обстановки и разумнаго воспитанія будетъ обнаруженіе здоровыхъ, трезвыхъ инстинктовъ, а тѣмъ самымъ предотвращеніе, подавленіе инстинктовъ грубыхъ, животныхъ.

Мы имѣемъ въ виду собственно учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ полагаемъ, что борьба съ алкоголизмомъ пу-

темъ школы можетъ быть дѣйствительно успѣшной, главнымъ образомъ, при посредствѣ лицъ, прошедшихъ эти именно заведенія и развѣ еще заведенія профессіональныя, гдѣ обучаются субъекты, состоящіе въ порѣ полового развитія или уже люди взрослые. Ученики начальныхъ школъ слишкомъ еще молоды и неразвиты, чтобъ въ состояніи были воспринимать сознательно и проводить въ жизнь какіе-бы ни было совѣты и указанія на пользу личнаго, а тѣмъ болѣе общественнаго оздоровленія. Къ тому-же въ пору ранняго дѣтства вліяніе школы обыкновенно мало отражается на нравственномъ воспитаніи и встрѣчаетъ до того могущественный противовѣсъ во вліяніи родительскаго дома, что разсчитывать на такое воспитаніе едва-ли представляется какая-либо возможность. Правда, сообщаются примѣры отрезвляющаго дѣйствія школы (или такъ-называемой грамотности) не только на дѣтей, но и на ихъ родителей, но эти примѣры рѣдки, да, строго говоря, и сомнительны. Если начальная школа и можетъ дѣйствовать нравственно на дѣтей, то только въ условіяхъ, напр., режима пріютскаго, при которомъ дѣти остаются весь почти день внѣ дома, внѣ вліянія родителей, но всѣ начальныя школы нельзя преобразовать въ пріюты, равно нельзя всѣхъ малолѣтокъ избавить отъ пагубнаго вліянія дурныхъ родителей.

Принимая, далѣе, въ соображеніе, что учащіеся въ среднихъ заведеніяхъ принадлежатъ, по сравненію съ дѣтьми начальныхъ школъ, предпочтительно къ культурнымъ, да и достаточнымъ классамъ общества, и что всѣ мѣры къ строго-гигіенической обстановкѣ и раціональному тѣлесному воспитанію могутъ быть успѣшнѣе проводимы на ученикахъ средней школы, мы должны, конечно, допустить, что нравственное оздоровленіе путемъ раціональнаго тѣлеснаго и умственнаго воспитанія можетъ повести къ благопріятнымъ результатамъ именно въ условіяхъ средней школы и на ученикахъ этой только школы.

Разумѣется, попытки борьбы съ алкоголизмомъ путемъ начальной школы могутъ быть признаны желательными и, пожалуй, принесутъ и извѣстную долю пользы, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать, что дѣло это очень трудное и требуетъ со стороны школьнаго персонала и общества такого умѣнія и такихъ жертвъ, на которыя едва-ли способны и такія страны, какъ Англія или Америка. Во всякомъ случаѣ, до окончательнаго выясненія раціональныхъ средствъ описываемой борьбы, приходится ограничиваться воздѣйствіемъ предпочтительно на учащихся среднихъ учебныхъ заведеній и на учащихся вообще взрослыхъ.

Въ цѣляхъ тѣлеснаго и нравственнаго оздоровленія (укрѣпленія,

закаленія) учащихся, долженъ быть установленъ подходящій санитарный режимъ, а именно:

1) *Надо, главнымъ образомъ, заботиться о времяпрепровожденіи учащихся въ часы отдыха: устраивать разнообразныя развлеченія, игры, прогулки, экскурсіи и даже атлетическій спортъ въ допустимыхъ силами дѣтей предѣлахъ.*

Надо замѣтить, что мы распредѣляемъ наши санитарныя требованія или правила исключительно по важности воспитательнаго ихъ значенія въ жизни тѣлесной и нравственной учащихся.

Первымъ требованіемъ мы ставимъ заботу о цѣлесообразномъ времяпрепровожденіи учащихся именно потому, что всѣ безнравственныя мысли и дѣйствія зачинаются обыкновенно въ минуты отдыха, свободы отъ занятій, и потому что услѣдить за дѣтьми въ эти минуты оказывается дѣломъ наиболѣе труднымъ, даже едва-ли возможныхъ. На мѣры полицейскаго надзора въ дѣлѣ предотвращенія какихъ-бы ни было нравственныхъ недостатковъ или пороковъ разсчитывать вообще рискованно: надзоръ этотъ ведетъ только къ наисильнѣйшей осторожности со стороны надзираемыхъ и къ необычайной изобрѣтательности по части утаиванія всего запретнаго. Однимъ изъ лучшихъ средствъ борьбы слѣдуетъ признать мѣры, содѣйствующія отвлеченію вниманія отъ всего безнравственнаго; отвлеченіе-же вниманія будетъ успѣшнымъ при сосредоточеніи его на предметахъ и явленіяхъ оздоровляющаго характера. Искуснымъ воспитателемъ слѣдуетъ считать не того, который при помощи личнаго надзора, угрозъ и наказаній способенъ кое-какъ поддерживать дисциплину въ классѣ, но того, кто часы отдыха дѣтей съумѣетъ заполнить такъ, что имъ не придетъ и на мысль отвлекаться въ сторону вреднаго, запретнаго. Увлеченіе играми и разными забавами у дѣтей бываетъ настолько велико, что нерѣдко забываются ими не только обязательныя занятія, но даже туалетъ, ѣда, сонъ. Указаніями этими долженъ поучаться и пользоваться каждый воспитатель, если хочетъ, чтобъ труды его на пользу нравственнаго оздоровленія питомцевъ увѣнчивались успѣхомъ.

2) *Надо заботиться о соблюденіи въ чистотѣ тѣла и объ его укрѣпленіи путемъ примѣненія холодныхъ ваннъ, душей, купанья. Въ цѣляхъ закаливанія-же важны и подходящія тѣлесныя упражненія, какъ-то: плаванье, катанье на конькахъ (на лыжахъ), гребля, англійскія игры.*

3) *Важно не только заботиться о предоставленіи учащимся возможности упражнять ихъ мышечную дѣятельность при посредствѣ игръ, прогулокъ, экскурсій и т. п.,* но *необходимо быть внимательнымъ ко всякому, даже кратковременному нарушенію (задержкѣ) этой*

дѣятельности, какъ, напримѣръ, при часовыхъ классныхъ или внѣклассныхъ занятіяхъ. При непрерывномъ сидѣньи, при несмѣняемыхъ почти движеніемъ занятіяхъ необходимо поставить правиломъ: подымать въ классѣ по временамъ (каждые 1/2 или 1/4 часа) всѣхъ учениковъ и заставлять ихъ продѣлывать извѣстные гимнастическіе пріемы, въ формѣ такъ называемыхъ вольныхъ движеній или упражненій по шведской системѣ.

4) *Слѣдуетъ установить сроки сна: для младшихъ учениковъ 11 часовъ (отъ 8 ч. вечера до 7 час. утра), а для старшихъ 10 часовъ (отъ 9 часовъ веч. до 7 час. утра)—на зимнее время года.*

Такъ какъ со стороны многихъ родителей и даже родителей-педагоговъ намъ приходилось неоднократно выслушивать упрекъ въ томъ, что мы придаемъ слишкомъ большое значеніе, въ цѣляхъ оздоровленія учащихся, каждой отдѣльной детали гигіеническаго ихъ режима, то, пользуясь настоящимъ случаемъ опредѣленія нормы часовъ сна, считаемъ полезнымъ высказать слѣдующее.

На здоровье человѣка вліяютъ всѣ детали гигіенической его обстановки; каждая изъ нихъ оказываетъ свою долю дѣйствія. Вотъ почему, при установленіи санитарнаго регулятива, необходимо имѣть въ виду всѣ до единой детали, распредѣляя ихъ развѣ или сортируя только по степени или по роду ихъ благопріятнаго или пагубнаго вліянія на человѣка. Число часовъ, напр., сна или отдыха, или разстоянія между сроками ѣды и т. п. имѣютъ самое существенное вліяніе на правильность накопленія и траты вещества и силы въ организмѣ, т. е. на вещественный его обмѣнъ, слѣдовательно, желательно было-бы устанавливать ихъ по отношенію къ возрасту, полу, тѣлосложенію, темпераменту и пр. учащихся, по возможности строго держась указаній физіологіи и гигіены, и настаивать на точномъ примѣненіи ихъ на практикѣ. И строгость эта въ данномъ случаѣ необходима именно потому, что учащійся отрокъ или юноша, въ силу исключительности своего положенія—въ силу большаго или меньшаго злоупотребленія умственнымъ органомъ (головнымъ мозгомъ) въ ущербъ всѣмъ прочимъ органамъ тѣла—требуетъ особеннаго вниманія къ правильности жизненнаго своего режима, къ доброкачественности гигіенической своей обстановки.

На числѣ 10 — 11 часовъ сна, а не на меньшемъ, мы настаиваемъ, напр., потому что практика ученической жизни говоритъ именно за эту цифру, какъ минимальную. Внѣ условій учебной жизни, юные субъекты обычно довольствуются меньшимъ числомъ часовъ сна, нежели учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства. Даже и дѣти, учащіяся, но живущія въ лучшихъ условіяхъ санитарной и педагогической обстановки, напр., воспитан-

ники военныхъ корпусовъ или нѣкоторыхъ привилегированныхъ заведеній, не только могутъ спать часомъ, двумя менѣе по сравненію съ классиками и реалистами, но обыкновенно не обнаруживаютъ и потребности спать долѣе этихъ послѣднихъ. Такимъ субъектамъ, конечно, можно совѣтовать 9, 8 даже 7 часовъ сна въ сутки, не рискуя насиловать ихъ природы или перенапрягать нервную ихъ систему.

5) *Надо заботиться о здоровой, удовлетворительной пищѣ дѣтей и о правильныхъ срокахъ ѣды; для младшихъ: въ 7½ часовъ утра молоко или cafe au lait, въ 10½ час. завтракъ, въ 2 часа обѣдъ, въ 5 час. легкая закуска и въ 7½ ч. вечера ужинъ; а для старшихъ учениковъ: въ 7½ час. утра молоко или café au lait; въ 10½ час. завтракъ, въ 3 часа обѣдъ и въ 8 час. вечера ужинъ. Итого: 5 сроковъ ѣды для младшихъ и 4-е для старшихъ.*

Satur venter non studet libenter (сытое брюхо къ ученію глухо)—должно означать только то, что послѣ ѣды не слѣдуетъ тотчасъ-же приниматься за работу, но отнюдь не то, что для хорошей работы требуется воздержаніе отъ пищи. Дѣти нуждаются не въ меньшемъ количествѣ пищи, чѣмъ взрослые, но только распредѣленіе пищи у тѣхъ и другихъ должно быть не одинаковое. Вслѣдствіе меньшей вмѣстимости желудочно-кишечнаго канала, съ одной стороны, и большей быстроты перевариванія и усвоенія пищи съ другой, дѣти нуждаются въ болѣе частыхъ срокахъ ѣды сравнительно со взрослыми, но зато въ нѣсколько меньшихъ разовыхъ количествахъ пищи. По питательности, т. е. по содержанію питательныхъ составныхъ частей, дѣтская пища не должна особенно отличаться отъ пищи взрослыхъ: дѣти нуждаются въ такой пищѣ не только для поддержанія тѣла въ должномъ составѣ, но и для роста его и развитія *).

Ни въ какомъ возрастѣ доброкачественность пищи не отзывается столь чувствительно на жизнедѣятельности, т. е. на тѣлесномъ, нравственномъ и умственномъ состояніи человѣка, какъ именно въ возрастѣ дѣтскомъ, что доказывается весьма наглядно въ учебныхъ заведеніяхъ, особенно интернатахъ: чѣмъ хуже по пищевому довольствію заведеніе, тѣмъ худшими оказываются и успѣхи въ ученіи, и нравственность воспитанниковъ. Вообще, тѣсная связь тѣлесной обстановки учащихся, а главное—удовлетворительнаго пищевого до-

---

*) Осторожнаго только отношенія въ дѣтской пищѣ требуетъ употребленіе веществъ вкусовыхъ. Спиртные напитки должны быть совершенно исключены изъ пищевого довольствія дѣтей, и даже въ случаяхъ заболѣваній слѣдуютъ обращаться къ нимъ съ величайшей сдержанностью. Вообще дѣтей лучшее всего было-бы совсѣмъ не пріучать къ спиртнымъ, наркотическимъ и даже прянымъ веществамъ.

вольствія, съ психическимъ ихъ благосостояніемъ находитъ въ послѣднее время какъ объясненіе въ данныхъ науки, такъ и полное подтвержденіе на практикѣ. Вотъ почему и при нравственномъ воспитаніи юнаго поколѣнія родители и педагоги, а конечно и врачи, отнюдь не должны упускать изъ виду вопроса о питаніи учащихся, этого важнѣйшаго вопроса дѣтской гигіены.

6). *На умственныя занятія младшимъ ученикамъ (до 15—16 л.) полагается въ сутки не свыше 5 часовъ, а старшимъ не свыше 7¹/₂ час., а именно: для младшихъ на время отъ 9 до 12¹/₂ ч. утра и отъ 4 до 7 ч. вечера, всего 6¹/₂ час., а за вычетомъ 1¹/₂ часа на рекреаціи и ѣду, 5 час., а для старшихъ учениковъ на время отъ 8 ч. утра до 1¹/₂ ч. пополудни и отъ 4 до 8 час. вечера, всего 9¹/₂ ч., а за вычетомъ 2 ч. на ѣду и рекреаціи, 7¹/₂ час.*

Время отъ 12¹/₂ до 4 ч. для младшихъ и отъ 1¹/₂ до 4 ч. вечера для старшихъ идетъ на отдыхъ (развлеченія и игры) и на обѣдъ.

Дообѣденные часы посвящаются (умственнымъ) класснымъ занятіямъ, вечерніе—внѣклассным занятіямъ (приготовленіе уроковъ, чтеніе).

Воскресенье считается днемъ отдыха отъ умственныхъ занятій и употребляется для отдаленныхъ прогулокъ, экскурсій или общихъ игръ въ широкихъ размѣрахъ. Старшимъ ученикамъ, впрочемъ, можно дозволить часа 2—3 и для чтенія.

Касательно пагубнаго дѣйствія на нервную систему дѣтей непосильныхъ умственныхъ занятій мнѣнія врачей и педагоговъ начинаютъ въ послѣднее время сходиться; разногласіе обнаруживается по отношенію развѣ нормы числа часовъ занятій и распредѣленія ихъ въ теченіе сутокъ.

Въ идеальной общеобразовательной школѣ д-ра Ридди въ Абботсгольмѣ (въ Дербишайрѣ) утреннія часы (числомъ 5) идутъ на классныя занятія, послѣполуденные на ручной трудъ и игры, а вечерніе—на искусство и развлеченіе. Извѣстный германскій педагогъ Германъ Шиллеръ не допускаетъ въ первыхъ классахъ вечернихъ занятій и строго слѣдитъ за чередованіемъ трудныхъ предметовъ легкими и тѣлесными упражненіями. Большинство педагоговъ распредѣляютъ умственныя занятія на классныя (утреннія) и внѣклассныя (вечернія), а промежуточные между ними часы отдаютъ на обѣдъ, тѣлесныя упражненія и игры и полный отдыхъ.

Какъ это дѣло распредѣленія времени учащихся ни важно, тѣмъ не менѣе для здоровья дѣтей гораздо бо́льшее значеніе имѣетъ количественное отношеніе занятій — число учебныхъ часовъ на дню. Наиболѣе гнетущая дѣтей французская школа допускаетъ до 10—12 часовъ занятій; болѣе снисходительныя школы другихъ странъ ста-

вятъ нормой 9—10 часовъ, т.-е. больше, чѣмъ допустимо для человѣка взрослаго.

Такой режимъ сильно расшатываетъ здоровье дѣтей, да и ведетъ къ неважнымъ результатамъ умственнаго развитія, а главное— къ ослабленію воли, характера. Вотъ почему англійскіе педагоги (особенно педагоги, завѣдывающіе частными школами), наиболѣе внимательные къ здоровью дѣтей, допускаютъ наименьшее число часовъ занятій и склоняются къ признанію того принципа, по которому работа считается тѣмъ плодотворнѣе, тѣмъ производительнѣе, чѣмъ менѣе требуетъ она (caeteris paribus) напряженія и времени. Всѣ умственныя занятія сводятся ими предпочтительно на утренніе часы, затѣмъ слѣдуетъ строгое чередованіе занятій съ тѣлесными упражненіями и развлеченіями, такъ что ученіе не только не обременяетъ дѣтей, но приноситъ дѣтямъ умственное и нравственное удовлетвореніе, если не сказать «наслажденіе». Въ старшихъ классахъ означенныхъ школъ учащіеся тратятъ на занятія времени не свыше 7 часовъ (включая сюда и искусства, и ручной трудъ).

Принимая все только-что сказанное въ соображеніе, мы и приходимъ къ тому заключенію, что 5 часовъ умственныхъ занятій для младшихъ классовъ средней школы въ сутки и $7^1/_2$ час. для старшихъ классовъ должно признать вполнѣ подходящею нормою, не допускающею никакихъ измѣненій въ сторону увеличенія. И на такой максимальной цифрѣ мы настаиваемъ, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ нравственнаго оздоровленія учащихся, такъ какъ въ числѣ угнетающихъ нервную систему вліяній, а слѣдовательно, и грозящихъ нравственной неуравновѣшенностью, первую, можно сказать, роль играетъ именно умственное переутомленіе, связанное съ непосильными занятіями.

7) *Касательно умственныхъ занятій вообще надо замѣтить, что умственный трудъ составляетъ естественную потребность организма, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы учебный матеріалъ соотвѣтствовалъ возрасту, силамъ и способностямъ учащихся.* Если такое условіе умственнаго воспитанія нарушается (не выполняется или извращается), то умственный трудъ угрожаетъ крайнимъ напряженіемъ мозга и посягаетъ на общее здоровье.

Каждый современный педагогъ знакомъ съ положеніемъ, что ученіе должно идти отъ простого къ сложному, отъ конкретнаго къ абстрактному и т. д., а между тѣмъ проводить это положеніе въ жизнь едва-ли удается кому, кромѣ, пожалуй, педагоговъ американскихъ. Современная европейская школа отличается именно тѣмъ, что, придерживаясь отчасти принциповъ Спенсера, изощряется противорѣчить имъ на каждомъ шагу. Дѣтямъ не только преподносится

для зубренія множество обобщеній и отвлеченій, но прямо преподаваніе цѣлыхъ предметовъ ведется дедуктивнымъ, апріорнымъ путемъ, съ кое-какими лишь дополненіями, прикрасами конкретнаго характера. Основные предметы средней школы, древніе языки и математика, многими учащимися просто на просто отзубриваются отъ доски до доски, ни малѣйше не вліяя на умственное развитіе. Чтобы толково ознакомиться съ любымъ предметомъ, пройденнымъ въ стѣнахъ средней школы, приходится начинать его съ азовъ въ зрѣломъ возрастѣ. Конечно, все это происходитъ оттого, что методы современнаго обученія не отвѣчаютъ природѣ дѣтей, ихъ умственнымъ силамъ и способностямъ, или, проще говоря, разсчитаны не на юныхъ, а на взрослыхъ индивидуумовъ. Слѣдствіемъ такого несоотвѣтствія оказывается страшное напряженіе умственныхъ силъ дѣтей, ведущее къ общему ослабленію организма, а слѣдовательно и къ тѣлесному, и къ нравственному угнетенію. Правда, въ послѣднее время педагоги, особенно въ Америкѣ, стали обращать вниманіе на улучшеніе методовъ обученія, однако робкія ихъ начинанія не приводятъ еще къ ощутительнымъ результатамъ.

Любопытно, что въ видахъ нравственнаго воспитанія введены, напр., во Франціи, особые предметы подъ фирмой Enseignement moral et civique, которые имѣютъ цѣлью вселять въ умы и сердца учащихся основы морали и гражданственности, однако и при обученіи этимъ предметамъ грѣшатъ обиліемъ недоступныхъ дѣтямъ отвлеченностей и чисто-теоретическихъ свѣдѣній, а потому бьютъ, такъ-сказать, мимо цѣли и часто даже вмѣсто пользы приносятъ вредъ учащимся.

8) *Необходимо со стороны школы всяческое содѣйствіе самостоятельной дѣятельности (самодѣятельности) учащагося; поощреніе продуктивности насчетъ рецептивности, въ ущербъ ей. Рецептивная, обычная школьная дѣятельность удручаетъ, подавляетъ, продуктивная-же (творческая) радуетъ, удовлетворяетъ, возбуждаетъ учащагося.* Этому требованію наиболѣе отвѣчаютъ педагоги американскіе. У нихъ, кстати, не мѣшало-бы поучиться не только русскимъ, но и вообще европейскимъ педагогамъ, которые, повидимому, задались цѣлью не только подавлять въ учащихся всякую самодѣятельность и продуктивность, но и обезличивать ихъ сколько возможно, дѣлать ихъ простыми автоматами. Такое воспитаніе вредитъ, къ несчастью, не одному умственному развитію: оно лишаетъ учащихся энергіи, иниціативы, обезволиваетъ ихъ и обращаетъ въ жертвы нравственной распущенности, развращенія.

9) *По отношенію къ учащимся взрослымъ необходимо стараться сосредоточивать ихъ вниманіе на серьезныхъ темахъ для чтенія, для*

сочиненій, устраивать для нихъ собранія, на которыхъ вносились-бы ими поочередно доклады или рефераты по разнообразнымъ вопросамъ наукъ и искуствъ—для коллективнаго съ ихъ стороны обсужденія и оцѣнки сообщаемаго. Словомъ, необходимо вызывать живой обмѣнъ мнѣній молодыхъ людей, удовлетворяющій стремленію ихъ къ самодѣятельности, къ самообразованію, къ самосовершенствованію.

Ничто, повидимому, не удовлетворяетъ такъ самолюбія, не подымаетъ такъ душевнаго настроенія молодого человѣка, какъ роль проводника въ среду сверстниковъ собственныхъ идей, личныхъ воззрѣній, главное—защита, остаиваніе ихъ, побѣда надъ оппонентами. Вообще, литературныя и научныя бесѣды всегда будутъ служить наилучшимъ средствомъ къ здоровому, трезвому времяпрепровожденію людей въ юную пору ихъ жизни.

10) *Учащіеся должны по возможности избѣгать праздныхъ, пустыхъ бесѣдъ, чтенія развращающихъ книгъ, посѣщенія оперетокъ, кафе-шантановъ и подобныхъ заведеній, но, съ другой стороны, избѣгать и удаленія отъ общества, уединенія.*

11) *Въ случаѣ желанія (resp. наклонности) ученика къ предпочтительному занятію тою или другою наукою или искусствомъ, слѣдуетъ не только не препятствовать, но поощрять такое желаніе и даже способствовать успѣху самаго занятія, имѣя при этомъ, конечно, въ виду, чтобы послѣднее не шло въ прямой ущербъ обязательнымъ курсовымъ занятіямъ.*

Подобное занятіе оказываетъ, обыкновенно, въ высшей степени оздоровляющее вліяніе на ученика.

12) *Не надо забывать и стороны эмоціональной.*

Въ заботахъ объ умственномъ развитіи значительно упускаются педагогами изъ виду потребности жизни эмоціональной. Задерживаемыя или подавляемыя чувства, освободившись наружу, выражаются рѣзко, бурно и проявляютъ стремленіе достигать высшей степени. Неудовлетворенныя эмоціи требуютъ усиленнаго, сверхсмѣтнаго обнаруженія, поэтому, когда запасъ въ организмѣ энергіи не великъ (нарушенъ), то является потребность въ искусственномъ возбужденіи (къ услугамъ тутъ являются спиртные напитки, табакъ, наркотическія вещества, половыя увлеченія). Вотъ почему *необходимо заботиться объ удовольствіяхъ дѣтей въ часы отдыха, объ удовлетвореніи требованій ихъ соціальныхъ, религіозныхъ, эстетическихъ и объ устраненіи всего, дѣйствующаго депримирующимъ образомъ на тѣло и на душу.*

Принебреженіемъ къ эмоціональной сторонѣ дѣтей, намъ кажется объясняется, главнымъ образомъ, увлекаемость учащихся всевозможными грубыми животными проявленіями ихъ природы, въ числѣ которыхъ abusus in baccho et venere оказывается на первомъ планѣ.

13) *При борьбѣ съ алкоголизмомъ въ школѣ необходимо имѣть въ виду всѣ наичаще встрѣчаемые нравственные недостатки и пороки учащихся, а не одно только увлеченіе спиртными напитками. Должны быть въ школѣ (въ школьномъ возрастѣ) установлены общія мѣры тѣлеснаго и нравственнаго оздоровленія, съ цѣлью укрѣпленія, закаленія учащихся, а главное—съ цѣлью вызова въ нихъ противодѣйствія ко всѣмъ враждебнымъ (resp. развращающимъ) вліяніямъ, обнаруживающимся въ нихъ самихъ и въ окружающей ихъ средѣ.*

Для школьнаго врача, или, точнѣе, для врача, хорошо знакомаго со школой и учащимися, представляется крайне неудобнымъ, нецѣлесообразнымъ говорить спеціально о борьбѣ съ алкоголизмомъ, упуская изъ виду одновременную борьбу съ другими нравственно и тѣлесно развращающими вліяніями школьнаго возраста. Французскій ученый Эли Губеръ подъ развращающими вліяніями юношества (agents perturbateurs de la jeunesse) разумѣетъ три: куреніе табаку, увлеченіе спиртными напитками и онанизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти три агента въ школьномъ возрастѣ такъ тѣсно связаны между собою, что говорить о нихъ раздѣльно становится прямо неудобнымъ. Въ силу какой-то случайности, то тотъ, то другой, то третій изъ этихъ агентовъ овладѣваетъ юношей, а за нимъ въ короткое время овладѣваютъ имъ и остальные. Въ одной Англіи, да и то въ лучшихъ ея интернатахъ, удалось не допустить этихъ враговъ въ жизнь учащихся юношей, другимъ-же странамъ приходится пока бороться съ ними безуспѣшно, несмотря на всѣ старанія школьной администраціи и родительскаго дома. И безуспѣшность эта зависитъ значительною долею оттого, что борьба противъ сказанныхъ агентовъ ведется не противъ всѣхъ ихъ разомъ, а обыкновенно противъ каждаго порознь, и при томъ вся борьба противъ зла ограничивается большею частью примитивными мѣрами дисциплинарнаго воздѣйствія: внушеніями, разными наказаніями. Въ сущности, дѣйствительнѣе всего было-бы установить здоровый, раціональный санитарный режимъ въ жизни учащихся, а затѣмъ, не думая ни о какой борьбѣ, предоставить самимъ дѣтямъ заботу о ихъ нравственномъ оздоровленіи, сохраняя за воспитателями лишь право болѣе или менѣе частаго контролированія.

Само собою, на это могутъ возразить, что подобныя мѣропріятія возможны въ интернатахъ, а не въ экстернатахъ, гдѣ учащіеся остаются подъ надзоромъ школы въ теченіе одной какой-нибудь трети сутокъ, а остальныя двѣ трети живутъ въ родительскомъ домѣ. Справедливо, но кто-же мѣшаетъ родителямъ установить такіе санитарные и педагогическіе порядки, при которыхъ оздоровленіе пойдетъ еще успѣшнѣе, чѣмъ въ лучшей школѣ? Вообще, только при дружномъ участіи школы и родительскаго дома возможно настоящее

нравственное воспитаніе, въ особенности-же, когда дѣло касается борьбы съ злѣйшими недостатками и пороками школьнаго возраста.

Въ настоящее время мы наблюдаемъ то печальное явленіе, что родители упрекаютъ школу въ полномъ небреженіи къ нравственному воспитанію учащихся, а педагоги стараются снять съ себя всякую о немъ заботу и свалить ее на родительскій домъ, тогда какъ и педагоги, и родители, и тѣ и другіе одинаково обязаны блюсти это дѣло. А такъ какъ педагоги по образованію своему и по практической подготовкѣ стоятъ несравненно выше большинства родителей, то на нихъ должна-бы была лежать и обязанность, объ руку съ воспитаніемъ умственнымъ, заботиться, насколько возможно, и о воспитаніи нравственномъ и тѣлесномъ дѣтей. Они же, кстати, должны-бы были являться воспитателями не только дѣтей, но и ихъ родителей, и вообще вести себя такъ, чтобы вліяніе ихъ не ограничивалось стѣнами школы, но распространялось за ея предѣлы, въ родительскій домъ, и давало себя чувствовать на всѣхъ подробностяхъ жизни, на всемъ поведеніи учащихся. Вообще, сваливаніе со стороны педагоговъ отвѣтственности за нравственное воспитаніе учащихся на родителей представляетъ одно изъ самыхъ прискорбныхъ явленій современной школы и крайне компрометируетъ педагоговъ, какъ спеціалистовъ по воспитанію. Можно, впрочемъ, утѣшаться тѣмъ, что это недоразумѣніе разрѣшится и въ ближайшемъ будущемъ школа явится не только мѣстомъ обученія, но и мѣстомъ полнаго, цѣлостнаго, гармоническаго воспитанія подростающаго поколѣнія. А тогда—что особенно важно въ цѣляхъ нравственнаго оздоровленія учащихся—и борьба съ разными развращающими вліяніями юношества, слѣдовательно и съ алкоголизмомъ, приметъ надлежащее направленіе и достигнетъ желаемыхъ результатовъ.

14) *На ряду съ указанными положительными мѣрами воздѣйствія къ нравственному оздоровленію, не мѣшаетъ обращать вниманіе и на мѣры отрицательныя, а именно: на устраненіе всевозможныхъ разслабляющихъ вліяній въ жизненномъ режимѣ дѣтей: напр., наклонности къ объяденію (обжорству), къ сонливости, къ распущенности, къ увлеченію куреніемъ, онанизмомъ и т. д.* Если проявляется одна изъ такихъ наклонностей, то она быстро ведетъ къ ослабленію тѣла, къ развинченности, а слѣдовательно, и къ вызову потребности въ возбуждающихъ веществахъ (спиртныхъ, наркотическихъ).

15) *Мѣры санитарныя не только не исключаютъ мѣръ чисто-нравственнаго воздѣйствія, но даже находятъ въ нихъ поддержку, подкрѣпленіе.* Правда, однѣ нравственныя мѣры, примѣняемыя въ формѣ наставленій, поученій (особенно-же въ формѣ стѣнныхъ таблицъ), остаются большею частью мертвой буквой, «гласомъ вопію-

щаго въ пустынѣ», зато онѣ о азываются большею частью цѣлесообразнымъ въ томъ случаѣ, когда идутъ отъ любимаго и уважаемаго лица (любимыхъ отца, матери, учителя или товарища).

16) *Предлагаемое многими привлеченіе учащихся (даже съ начальной школы) къ участію въ обществахъ трезвости или въ различныхъ союзахъ и кружкахъ (Schüler-Verbindungen), съ цѣлью успѣшности борьбы съ пьянствомъ, едва-ли представляетъ мѣру педагогическаго характера и, кромѣ того, угрожаетъ извѣстными опасностями, могущими парализовать благія намѣренія учредителей означенныхъ обществъ, союзовъ и кружковъ.* Общительность, коллегіальность хороша, но только по отношенію къ юнымъ личностямъ она не можетъ быть допустима безъ надзора старшихъ, руководителей, воспитателей (да и то любимыхъ и уважаемыхъ дѣтьми), хотя-бы и въ самой мягкой, умѣренной формѣ (напр., подъ условіемъ, чтобы старшіе принимали непосредственное дѣятельное участіе во всѣхъ собраніяхъ учащихся).

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ слѣдующему выводу:

Самое важное условіе для тѣлеснаго и нравственнаго оздоровленія учащихся состоитъ въ томъ, чтобы послѣдніе никогда не оставались праздными, чтобы вся накопляющаяся въ ихъ тѣлѣ энергія постоянно находила возможность затрачиваться путемъ соотвѣтственнаго умственнаго труда и здоровыхъ развлеченій.

На ряду съ этимъ необходима строго-гигіеническая обстановка учащагося, особенно же существенны мѣры къ удовлетворительному укрѣпленію, закаливанію тѣла при посредствѣ холода и движенія на чистомъ воздухѣ (пріученія къ перемѣнамъ температуры и влажности воздуха).

Если ко всему этому въ школѣ не будетъ нравствевннаго гнета со стороны учащихъ и начальства, и будутъ принимаемы мѣры къ удаленію развращающихъ элементовъ (дурныхъ учениковъ и прислуги), то тогда можно ручаться, что различные agents perturbateurs de la jeunesse (E. Goubert) не найдутъ мѣста въ жизни, въ нравахъ и обычаяхъ учащихся.

Всѣ упомянутыя условія и мѣры не могутъ быть однако проводимы одними педагогами (не знакомыми съ физіологіею и гигіеною), *но непремѣнно при помощи врачей-гигіенистовъ. Необходимъ въ учебныхъ заведеніяхъ строгій медико-санитарный надзоръ, и тогда только тѣлесное, нравственное и умственное воспитаніе найдутъ твердую точку опоры и могутъ привести къ желаемымъ результатамъ.*

Ad B. Второй путь борьбы съ алкоголизмомъ при посредствѣ школы, это: обучать дѣтей гигіенѣ и вселять въ нихъ здравыя по-

нятія о важности сохраненія тѣла цѣлымъ и невредимымъ въ видахъ совершенствованія, какъ тѣлесной, такъ и умственной, и нравственной природы человѣка, и тѣмъ самымъ готовить въ нихъ будущихъ проводниковъ въ обществѣ идей здравой гигіены и раціональнаго воспитанія.

Основы общественной и личной гигіены можно сообщать учащимся и низшей, и средней, и высшей школы, особенно-же тогда, когда имѣется подобающая подготовка по физикѣ, химіи, анатоміи и физіологіи. При преподаваніи гигіены необходимо имѣть въ виду ознакомленіе учащихся не только съ гигіеною тѣла, но и съ извѣстными подробностями умственной и нравственной гигіены, а именно: съ отношеніемъ къ здоровью умственнаго труда, занятій искусствами и литературой, съ вліяніемъ на человѣка эмоцій и страстей, съ значеніемъ ровнаго, хорошаго душевнаго настроенія, мира и любви въ жизни личной и общественной, и съ гигіеническимъ значеніемъ умѣренности, воздержности и трезвости въ отношеніи къ себѣ и окружающимъ. Для проведенія въ убѣжденіе молодыхъ людей идей о необходимости нравственнаго оздоровленія въ высшей степени важно дать имъ вполнѣ уразумѣть извѣстную сентенцію Саллюстія (Omnis homines qui sese student praestare и т. д.): «Кто хочетъ стать выше животнаго, тотъ постоянно долженъ думать о томъ, чтобъ не поддаться лѣни и бездѣйствію, подобно скотамъ, согбеннымъ къ землѣ и повинующимся мамону». Надо выяснить различіе между человѣкомъ и животнымъ, указать на высоту положенія человѣка въ ряду живыхъ существъ и на необходимость умственнаго и нравственнаго совершенствованія человѣка въ цѣляхъ индивидуальнаго и общественнаго благосостоянія и міровогo прогресса; надо дать понять весь ужасъ и позоръ нравственнаго паденія человѣка, уподобляющагося скоту при увлеченіи низкими побужденіями и страстями, въ родѣ увлеченія половыми аномаліями, объяденіемъ, опьяненіемъ и пр. Надо вообще истолковывать молодымъ людямъ значеніе истиннаго воспитанія, состоящаго въ недопущеніи или устраненіи всего чисто-животнаго, скотскаго въ отправленіяхъ и дѣйствіяхъ человѣка, въ установленіи гармоніи всѣхъ сторонъ жизни—тѣлесной, нравственной и умственной, и въ привитіи всего гуманнаго, идеально-высокаго и совершеннаго.

Ознакомленіе съ гигіеною желательно вести не только путемъ лекцій и репетицій, т.-е. класснаго преподаванія, но и посредствомъ предоставленія учащимся возможности чтенія подходящихъ монографій и статей по различнымъ санитарнымъ вопросамъ и мѣропріятіямъ; посредствомъ устроенія литературно-гигіеническихъ бесѣдъ и публичныхъ чтеній на темы по личному и общественному здравоохраненію. Особенно важными должны быть признаны темы по

тѣмъ подробностямъ гигіены, которыя имѣютъ отношеніе къ улучшенію нравственности молодыхъ людей, напр., о нравственномъ вліяніи тѣлесныхъ упражненій, о пользѣ воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ, отъ куренія табаку, отъ половыхъ аномалій, о необходимости разумныхъ, трезвыхъ развлеченій, объ экскурсіяхъ, путешествіяхъ и т. п.

Лучшимъ средствомъ къ воспитанію въ молодыхъ людяхъ будущихъ проводниковъ идей трезвости и воздержанія могло-бы служить, повидимому, проведеніе въ убѣжденіе ихъ необходимости дѣйствовать на окружающихъ главнымъ образомъ своимъ личнымъ примѣромъ, своимъ личнымъ поведеніемъ. Надо знать, что на молодыхъ людей особенно сильно (спасительно или губительно) дѣйствуетъ среда, въ числѣ-же единицъ среды ближе всего къ молодымъ людямъ стоятъ учителя, воспитатели. Если въ воспитателѣ является личность, чуждая, враждебная всему низкому, животному, попирающему все благородное, гуманное, тогда и воспитанники его будутъ далеки отъ стремленія слѣдовать грубымъ инстинктамъ животной природы. Въ нихъ не разовьются черты нравственной распущенности и вся ихъ жизненная энергія найдетъ полное удовлетвореніе въ обычномъ нормальномъ умственномъ трудѣ, въ любимыхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, въ развлеченіяхъ эстетическаго свойства. Да, въ здоровой гигіенической обстановкѣ и въ разумномъ воспитаніи коренятся собственно основы нравственнаго поведенія человѣка, а такъ какъ современная педагогія предпочтительно заботиться о развитіи умственныхъ силъ учащихся, а на тѣло и на душу ихъ обращаетъ вниманіе весьма малое или даже нулевое, то понятно, что разсчитывать на внушеніе учащимся идей трезвости и воздержанія со стороны школы представляется весьма мало надежды.

Казалось-бы, что воздѣйствіе на нравственность дѣтей было-бы возможно со стороны товарищей или со стороны родительскаго дома, но это весьма сомнительно. Если и нельзя согласиться съ тѣмъ, что современная семья находится въ періодѣ постепеннаго разложенія (какъ утверждаютъ нѣкоторые), то все-таки должно признать, что родители, даже интеллигентные, не имѣютъ большею частью никакого понятія о воспитаніи и предоставляютъ дѣтей на собственный ихъ произволъ или, въ лучшемъ случаѣ, на попеченіе боннъ, гувернантокъ, гувернеровъ. Товарищи учащихся идутъ изъ семей этихъ именно родителей, людей «нервнаго вѣка», слабыхъ, индолентныхъ, и, не находя ни въ нихъ, ни въ школьныхъ руководителяхъ надлежащей нравственной опоры, распускаются, падаютъ этически (деморализируются) и оказываются способными влiять на другихъ только развращающимъ образомъ.

*

Въ виду такого печальнаго положенія дѣла остается надежда на нравственное оздоровленіе учащихся только при посредствѣ врачей-гигіенистовъ. Благодаря медико-педагогической подготовкѣ, эти врачи могли-бы, конечно, пещись о здоровьѣ дѣтей и объ установленіи раціональной тѣлесной и нравственной ихъ гигіены, вообще способствовать всестороннему, гармоническому ихъ воспитанію и, само собою, искорененію въ нихъ тѣлесныхъ и нравственныхъ недостатковъ и пороковъ, противъ которыхъ не въ силахъ ничего сдѣлать обыкновенные воспитатели.

Но, спрашивается, дошло-ли общество до пониманія важности участія спеціалистовъ по гигіенѣ въ дѣлѣ воспитанія и образованія юношества, въ дѣлѣ совершенствованія его нравственности? Мы въ этомъ положительно сомнѣваемся. Одна только Англія, да и та лишь въ немногихъ привилегированныхъ школахъ, проводитъ нѣкоторыя здравыя идеи педагогіи, остальныя-же страны на каждомъ шагу погрѣшаютъ въ основныхъ положеніяхъ этой науки. Это по отношенію къ умственному и отчасти къ тѣлесному воспитанію. Что-же касается воспитанія нравственнаго, то оно почти не существуетъ нигдѣ или-же ведется шаблонно, по традиціи. по правиламъ грубой эмпиріи.

Итакъ, все вышеизложенное приводитъ насъ къ слѣдующему выводу: *Надо оздоровить сначала самоё школу, самихъ педагоговъ, а затѣмъ приняться за нравственное оздоровленіе и учащихся.* Но какими-же мѣрами и средствами?

Установленіемъ обязательнаго врачебно-санитарнаго надзора въ школахъ, допущеніемъ врачей-гигіенистовъ въ составъ (равноправныхъ съ педагогами) *членовъ школьной администраціи и введеніемъ вообще такой системы воспитанія, въ которой какъ умственное, такъ и тѣлесное и нравственное воспитаніе шли-бы рука объ руку, содѣйствовали-бы другъ другу и стремились-бы къ достиженію той идеальной гармоніи, на которой такъ давно уже и такъ безплодно настаиваютъ психологи и врачи, и о которой не хотятъ знать педагоги-чиновники.*

Намъ скажутъ: средства эти и мѣры непримѣнимы, пожалуй, даже немыслимы въ современной школѣ. Согласны. Тогда надо бросить и надежду на оздоровленіе юношества и ждать, когда настанетъ время сознанія со стороны общества и самихъ педагоговъ неудовлетворительности дѣйствующихъ системъ воспитанія. Разъ сознаніе это явится, явится и возможность участія настоящихъ спеціалистовъ (психологовъ и гигіенистовъ) въ дѣлѣ воспитанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ окажется возможность и борьбы не только съ пьянствомъ

но и со множествомъ другихъ безнравственныхъ проявленій въ жизни учащихся.

Правда, отказавшись отъ надежды дѣйствовать на нравственное оздоровленіе учащихся путемъ школы или при посредствѣ родителей, можно было-бы предложить дѣйствовать на нихъ при посредствѣ лекцій и бесѣдъ врачей *внѣ стѣнъ школы*. Мѣра эта отнюдь не безнадежна; за нее говоритъ и опытъ нѣкоторыхъ врачей и педагоговъ, интересовавшихся дѣломъ и пытавшихся на свой страхъ морализировать учащихся. Обыкновенно достаточно бываетъ для отрока или юноши увѣренности, что толковое слово, совѣтъ идетъ къ нему не изъ устъ чиновника-учителя, а отъ добраго сердца—и дѣйствіе на многихъ оказывается магическое: сѣмя падаетъ точно на подготовленную почву и даетъ добрый плодъ.

Дѣти дорожатъ дружественнымъ, теплымъ къ нимъ отношеніемъ старшихъ и внимаютъ словамъ и увѣщаніямъ только тѣхъ, кто къ нимъ не враждебенъ. Ничего подобнаго мы не находимъ въ оффиціальныхъ представителяхъ школьнаго дѣла: эти лица тяготятся дѣтьми, вѣчно раздражены; они не знаютъ и не понимаютъ обыкновенно иныхъ мѣръ нравственнаго воздѣйствія, кромѣ полицейскихъ, иныхъ мѣропріятій, кромѣ шаблонныхъ наградъ и наказаній. Въ оффиціальной педагогіи нѣтъ души, нѣтъ жизни, а безъ души, безъ жизни немыслимо воспитаніе юныхъ существъ, да при этихъ условіяхъ и жизнь взрослыхъ становится безотрадной, невыносимой. Въ № отъ 30 марта 1898 г. «Новаго Времени» читаемъ слѣдующее: «Одинъ старый педагогъ возстаетъ въ «Гражданинѣ» противъ обвиненій его коллегъ въ черствости сердца. Виноватъ во всемъ, по его мнѣнію, гимназическій уставъ 1871 года, изгнавшій сердечность и теплоту между учащими и учащимися и потребовавшій отъ первыхъ только оффиціальныхъ отношеній къ послѣднимъ, чѣмъ нравственное вліяніе учителей было совершенно парализовано подрѣзано въ корнѣ». «Гимназіи лишены были всякой иниціативы въ веденіи своего дѣла; все свелось къ точному исполненію пунктовъ правилъ, указанныхъ въ разныхъ постановленіяхъ и распоряженіяхъ. Мудрено-ли послѣ этого, что одни изъ педагоговъ обратились въ чиновниковъ, а другіе разочарованы и озлоблены». «Не столько надо думать о томъ, чтобы выбирать въ педагоги людей съ сердцемъ, что очень мудрено,—сколько поставить ихъ въ такія условія, при которыхъ сердце ихъ не зачерствлялось, не засыхало и не озлоблялось: поболѣе къ нимъ надо вниманія и довѣрія. Условія-же дѣятельности педагога, которая, по своему характеру, должна быть не формальная, а нравственная, дѣйствительно, невыносимы».

Намъ кажется, что для борьбы со всевозможными безнравствен-

ными проявленіями дѣтской природы наиболѣе подходящими лицами были-бы врачи, или-же врачи купно съ педагогами, но отнюдь не одни исключительно педагоги.

Участіе врачей вообще въ воспитаніи дѣтей важно и незамѣнимо во-первыхъ, потому что умственное развитіе—эта конечная цѣль школьнаго ученія—находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ раціональнаго, строго-гигіеническаго ухода за тѣломъ воспитываемыхъ юношей, а во-вторыхъ, потому что нравственные недостатки и пороки обыкновенно ближайшимъ образомъ связаны съ нарушеніемъ тѣлеснаго-же здоровья дѣтей. Къ этому, любой почти нравственный недостатокъ влечетъ за собою и дружно уживается съ другими нравственными-же недостатками, такъ что на нравственно-падшихъ или близкихъ къ паденію субъектахъ мы всегда почти наблюдаемъ одновременное обнаруженіе самыхъ разнообразныхъ пороковъ.

Педагоги рѣшительно безсильны бороться съ такимъ сложнымъ физіологическимъ зломъ,—и не по недостатку желанія, но просто по недостатку знанія. На врача собственно слѣдовало-бы возложить эту борьбу, такъ какъ у врача, главнымъ образомъ, найдутся для нея и мѣры, и средства.

А. Виреніусъ.

Характеръ, способы его изученія и классификація его типовъ.

(Этологическій этюдъ).

I.

Воспитаніе характера является, конечно, главнѣйшимъ, если не единственнымъ содержаніемъ воспитанія вообще.

Въ самомъ дѣлѣ, что понимается (и должно пониматься) подъ словомъ «воспитаніе»? Каждый согласится, что это есть подготовка или выработка въ ребенкѣ или юношѣ такихъ свойствъ, которыя необходимы для наиболѣе совершеннаго существованія какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго общества и, наоборотъ, въ подавленіи и уничтоженіи (или въ выработкѣ умѣнія подавлять и сдерживать) всѣхъ такихъ свойствъ, которыя мѣшаютъ наиболѣе совершенной жизни личности и общества.

Я вездѣ прибавлялъ «и общества», имѣя въ виду, что *воспитаніе должно ставить себѣ двойную цѣль:* благо самой воспитываемой личности и благо личностей, окружающихъ ее или приходящихъ съ нею въ соприкосновеніе. Но это и есть, въ сущности, вся общественная среда, все общество, на которомъ больше или меньше, прямо или косвенно отражаются дѣйствія личности.

Можетъ казаться, что эта истина настолько признается всѣми, что стала банальной. Однако знакомство съ исторіей педагогики убѣждаетъ въ противномъ: раціонализмъ XVIII в. требовалъ воспитанія *индивидуалистическаго*, т.-е. требовалъ, чтобы создавали *абстрактнаго человѣка, построеннаго теоретически-идеально.* Эти взгляды до сихъ поръ живутъ и борятся съ противоположными, требующими, чтобы воспитаніе приспособляло личность къ требованіямъ общества или, какъ выразился Гизо, въ своемъ знаменитомъ циркулярѣ 1833 года, обращаясь къ педагогамъ: «vous confiant un enfant, chaque famille vous demande de lui rendre un honnête homme, et le pays un bon sitoyen».

Лишь сравнительно недавно эта точка зрѣнія стала разрабатытываться научно во Франціи—Альфредомъ Фулье, Гюйо, Франкомъ,

д'Арвиромъ, а въ Германіи — Дильтеемъ (Dilteye) и др. Фулье въ своемъ сочиненіи «L'Enseignement au point de vue nationales» говоритъ: «Le danger que doit éviter une nation c'est la dispersion de la societé en individus, qui n'auraient plus d'autres préocupations que celles de leur intérêts, et pour qui l'idée des dévoirs et des liens sociaux tendrent à disparaitre».

Правда, какъ всякая боевая идея, и эта мысль явилась,—особенно во Франціи,—поводомъ къ педагогическимъ крайностямъ, а именно къ требованію *націонализма* въ педагогикѣ. Истинное воспитаніе должно соединять синтетически высокое развитіе индивидуальности съ общественностью. (См. мою статью «Воспит. съ эволюц. точки зрѣнія»)

Итакъ, возвращаясь къ моей мысли—о почти полномъ совпаденіи воспитанія съ образованіемъ характера, мы видимъ, что воспитаніе стремится выработать или подавить именно тѣ свойства, сочетаніе которыхъ въ личности мы называемъ характеромъ.

Что такое *характеръ?*

Это—совокупность свойствъ личности, дающая основаніе и право разсчитывать на извѣстное поведеніе, на извѣстный сортъ поступковъ, и въ то-же время дающая основаніе разсчитывать на невозможность противоположнаго поведенія или сорта поступковъ.

Въ этомъ отношеніи понятіе о характерѣ человѣческой личности почти не отличается отъ понятія характера любого изъ неодушевленныхъ предметовъ. Когда мы говоримъ, напр., что знаемъ свойства химическихъ элементовъ или свойства воды, минерала, какого-нибудь растенія, или животнаго, или группы растеній и животныхъ, относящихся къ такимъ-то или такимъ-то видамъ и даже разновидностямъ,—что понимаемъ мы подъ словами: «*знать свойства*»? Это значитъ—знать, какимъ образомъ будетъ вести себя кислородъ, вода, металлъ, дерево въ такихъ-то и такихъ-то условіяхъ и отношеніяхъ.

Но когда дѣло идетъ о неодушевленныхъ предметахъ, эти наши знанія вполнѣ точны, благодаря возможности точныхъ изслѣдованій о свойствахъ тѣлъ и законахъ соотношенія этихъ свойствъ. Однако и въ этой области наука далеко еще не сказала своего послѣдняго слова и не закончила своихъ опытовъ. Всего болѣе извѣстны свойства (или характеры) наиболѣе простыхъ тѣлъ, т.-е. такъ называемыхъ химическихъ элементовъ; затѣмъ—свойства минераловъ... Но чѣмъ выше поднимаемся мы въ область сложныхъ явленій, тѣмъ свойства становятся сложнѣе и тѣмъ труднѣе опредѣлить съ полной точностью поведеніе даннаго предмета при всевозможныхъ условіяхъ. Такъ, мы можемъ дедуктивно и a priori предсказать почти безоши-

бочно, какъ будетъ вести себя кислородъ при соприкосновеніи съ тѣмъ или другимъ веществомъ, хотя-бы еще и не изслѣдованнымъ въ этомъ отношеніи. Но уже относительно растенія или животнаго наши дедукціи изъ общихъ свойствъ будутъ менѣе точны, наши предсказанія менѣе обезпечены, потому что малѣйшее видоизмѣненіе въ условіяхъ можетъ произвести и неожиданный результатъ, просто потому, что намъ не были еще извѣстны *всѣ* свойства даннаго растенія или животнаго и именно тѣ свойства, которыя проявились въ данномъ, неожиданномъ отношеніи или случаѣ. И это зависитъ исключительно отъ *сложности свойствъ*, отъ ихъ многообразныхъ и часто совершенно новыхъ сочетаній между собою при новыхъ условіяхъ.

Кромѣ сложности и капризнаго сочетанія свойствъ при разныхъ условіяхъ, здѣсь представляется еще и то затрудненіе, что мы имѣемъ дѣло не съ физическими или механическими свойствами, которыя могутъ быть изслѣдованы нагляднымъ и точнымъ опытомъ, а съ свойствами психическими, скрытыми въ нѣдрахъ личности и проявляющимися только въ дѣйствіяхъ сложныхъ, запутанныхъ, могущихъ имѣть тысячи самыхъ различныхъ причинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, одинъ и тотъ-же поступокъ (напр., помощь бѣдняку) можетъ вызываться совершенно различными свойствами характера или личности: у одного человѣка—добротой или состраданіемъ, у другого—тщеславіемъ и честолюбіемъ, у третьяго—корыстью (напр., надеждой на «полученіе сторицей» подаянной лепты) и т. д. и т. д.

Значитъ, судя только по нѣсколькимъ дѣйствіямъ, мы можемъ быть приведены въ крайне сложныя ошибки: честолюбца или корыстолюбца, ожидающаго за свой грошъ получить рубль (т.-е. жаднѣйшаго изъ лихоимцевъ), мы можемъ принять за любящаго, сострадательнаго филантропа и т. п. Необходимы сотни наблюденій, чтобы отыскать истинный мотивъ дѣйствія, а затѣмъ изъ него сдѣлать выводъ о свойствѣ личности *).

Къ этому прибавляется еще и то затрудненіе, что человѣческая личность обладаетъ хитростью, лицемѣріемъ, т.-е. искусственной скрытностью, искусственнымъ запутываніемъ нашихъ наблюденій надъ нею, чего, конечно, нѣтъ ни у какихъ другихъ объектовъ изслѣдованія, даже у животныхъ, не говоря уже о растеніяхъ и минералахъ.

Повидимому, это азбучная истина, о которой странно даже и упоминать. Но замѣчательно, что она постоянно забывается въ обык-

*) Не даромъ народная мудрость говоритъ, что съ человѣкомъ нужно съѣсть пудъ соли, чтобы узнать его.

повенной жизни, а въ школѣ особенно: лицемѣръ, льстецъ, разсчетливый тихоня стоятъ на лучшемъ счету; имъ даютъ высшія отмѣтки по поведенію, лучшіе дипломы, имъ всюду открыта дорога въ обществѣ, въ служебной или иной карьерѣ. А, между тѣмъ, это—опаснѣйшіе хищники и обманщики, таящіе въ себѣ самое глубокое неуваженіе, презрѣніе къ тѣмъ, кого они вводятъ въ заблужденіе своей хитростью.

Наоборотъ, личности правдивыя, искреннія, горячія, доказывающія уже одной своей правдивостью и искренностью, что они не чужды уваженія и довѣрія къ тѣмъ, съ кѣмъ они искренни и правдивы,—встрѣчаютъ почти вездѣ гоненіе, униженіе; имъ закрываютъ пути, считая ихъ людьми опасными и безпокойными...

Такимъ образомъ, ко всѣмъ вышеперечисленнымъ причинамъ трудности опредѣленія свойствъ человѣка прибавляется еще одна, заключающаяся въ самихъ наблюдателяхъ или изслѣдователяхъ: это—субъективное отношеніе къ дѣлу, возникающее изъ мелочного самолюбія, изъ нежеланія вдуматься или просто изъ лѣни и желанія покоя: съ людьми лживыми, льстецами живется *(повидимому)* покойнѣе: они постоянно,—какъ говорится,—«гладятъ по шерсткѣ, и только отдаленные результаты и въ школѣ, и въ цѣломъ государствѣ даютъ чувствовать эту гибельную ошибку.

Послѣ этого вступленія, показавшаго читателю трудности какъ самой задачи, такъ и еще болѣе ея разрѣшенія на практикѣ,—въ школѣ и государствѣ,—перейдемъ къ разсмотрѣнію характера, его типовъ и тѣхъ свойствъ, которыя лежатъ въ основаніи этихъ типовъ.

II.

Старая теорія темпераментовъ и ея преобразованія.

Теорія темпераментовъ, отъ которыхъ производили различія характеровъ, очень древняго происхожденія. Ея основателями считаютъ Аристителя и греческихъ врачей, которые, сдѣлавъ геніальныя, для того времени, наблюденія и обобщенія, ввели въ нихъ не мало химерическаго, свойственнаго вообще мышленію той эпохи.

Такъ, самые темпераменты они объясняли, напримѣръ, преобладаніемъ въ организмѣ жидкостей или космическихъ элементовъ и т. п. Къ существовавшимъ у древнихъ четыремъ темпераментамъ (сангвиническому, меланхолическому, холерическому и лимфатическому или флегматическому) Кабанисъ прибавилъ впослѣдствіи еще два: нервный и мускульный. Нѣмцы до сихъ поръ держатся теоріи темпераментовъ вслѣдъ за Кантомъ. Даже Лотце и Вундтъ почти безъ измѣненій повторяютъ классификацію Канта. Лотце замѣняетъ только меланхолическій темпераментъ—сантиментальнымъ.

Болѣе точную постановку вопроса о характерѣ сдѣлали англичане. Милль, въ своей «Системѣ Логики», проектируетъ даже особую науку «Этологію» (науку о характерѣ), которая *должна выводиться изъ общихъ законовъ психологіи.* Онъ опредѣлялъ «Этологію», какъ «науку, соотвѣтствующую искусству воспитанія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, понимая подъ нимъ образованіе какъ національныхъ или коллективныхъ характеровъ, такъ и характеровъ индивидуальныхъ».

Указывая методы, которыми должна идти «эта важная, но еще несовершенная наука», Милль намѣчалъ два главныхъ процесса ея: «первый долженъ состоять въ выводѣ изъ частныхъ обстоятельствъ, условій и положеній—ихъ этологическихъ результатовъ и въ сравниваніи этихъ теоретическихъ выводовъ съ результатами, подтверждаемыми общимъ опытомъ; второй процессъ, наоборотъ, долженъ состоять въ болѣе или менѣе широкомъ изученіи различныхъ типовъ человѣческой природы, какіе можно встрѣтить въ мірѣ... При этомъ изслѣдователь долженъ не только анализировать и намѣчать обстоятельства или условія, при которыхъ преобладаетъ данный типъ, но еще и разработать задачу психологически, *объяснивъ отличительные признаки типа частностями данныхъ условій или обстоятельствъ*».

Теорія темпераментовъ пользовалась только частью этихъ процессовъ изслѣдованія, а именно: изъ человѣческихъ свойствъ, полученныхъ наблюденіемъ, она (группируя ихъ въ типы или темпераменты) создавала нѣкоторую классификацію характеровъ, а изъ нея дѣлала обратные выводы къ частнымъ случаямъ. То-есть, говоря иначе, тутъ былъ cirulus viciosus: свойства личности выводили изъ темперамента, а темпераментъ изъ этихъ-же свойствъ!

Вѣдь прежде, чѣмъ опредѣлить темпераментъ Ивана или Петра, было необходимо изучить свойства ихъ личности. Какая-же польза была отъ того, что совокупность этихъ свойствъ сперва классифицировали въ тотъ или иной темпераментъ (при чемъ они, конечно, не укладывались сполна на это прокрустово ложе человѣческой абстракціи), а затѣмъ изъ этого обрубленаго *характера*, ставшаго въ изуродаванномъ видѣ *темпераментомъ*, дѣлали выводы обратно—о характерѣ, т.-е. о будущемъ поведеніи, при чемъ неизбѣжно ошибались.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ природѣ есть типы въ чистомъ видѣ, какъ они придуманы нашей абстракціей? Развѣ можно встрѣтить человѣка, у котораго къ одному темпераменту не примѣшивалось бы свойствъ другого?

И поправка была внесена «смѣшанными темпераментами». Но

дѣло едва ли много улучшилось, даже и тогда, когда въ него вмѣшались новѣйшіе физіологи, старавшіеся опредѣлить анатомическія и физіологическія условія темпераментовъ. Вѣдь и эти болѣе точныя опредѣленія имѣли точкой исхода опредѣленія психологическія и только подставляли подъ формулы старыхъ психологовъ анатомическіе и физіологическіе термины...

Причины заблужденій оставались тѣ-же: т.-е. темпераменты въ чистомъ видѣ въ природѣ не встрѣчались; слѣдовательно, истинный характеръ личности обрубался по абстракціи, а выводы практическія дѣлались не изъ подлиннаго характера, а изъ этой обрубленной пародіи на характеръ. Всѣ почти помѣси, всѣ детали, конечно, не попадали въ счетъ, а часто онѣ-то и составляютъ всю суть характера и поведенія *).

Но неужели группированіе характеровъ на типичные темпераменты не принесло никакой пользы?

Этого я не хотѣлъ сказать. Теоретически оно было полезно во многихъ отношеніяхъ.

Во 1-хъ, оно было первымъ шагомъ къ нѣкоторой классификаціи характеровъ, а каждая основанная на наблюденіи классификація (какъ и правильная гипотеза) помогаетъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, даетъ новыя точки исхода для дальнѣйшихъ, болѣе детальныхъ и точныхъ наблюденій.

Но это не все: ученіе о темпераментахъ пріучило умы видѣть въ области явленій человѣческой воли существованіе *причинъ* (закона причинности). Между тѣмъ схоластическія и метафизическія теоріи *свободной воли* доказывали отсутствіе у воли причинъ или мотивовъ, ошибочно видя въ этомъ ея свободу.

На самомъ дѣлѣ, если-бы воля была *безпричинна*,—какъ думали схоластики и думаютъ даже многіе метафизики нашего времени,— то никакое воспитаніе не было-бы мыслимо; не былъ-бы возможенъ никакой разсчетъ на то или другое поведеніе человѣка, обусловленное его характеромъ—врожденнымъ или даннымъ воспитаніемъ; не было-бы мыслимо никакое исправленіе или улушеніе характера,— моральной-ли проповѣдью, или примѣромъ, или воздѣйствіемъ религіи, или устрашающимъ воздѣйствіемъ уголовнаго закона **).

---

*) Я не говорю уже о фактахъ, опровергающихъ значеніе темпераментовъ въ образованіи характера, какъ, напримѣръ, фактъ, хорошо извѣстный психіатрамъ, состоящій въ томъ, что глубокое поврежденіе черепа совершенно измѣняло характеръ человѣка, дѣлало его изъ веселаго, дѣятельнаго—меланхолическимъ, мрачнымъ, лѣнивымъ...

**) Гёксли давно сказалъ, что «воспитаніе потому только и возможно, что человѣческое тѣло есть машина».

Ученіе о темпераментахъ выяснило наглядно, что воля безъ мотивовъ есть не только не свободная воля, но *воля просто больная*; она принадлежитъ характерамъ, называемымъ въ психіатріи *импульсивными*, т.-е. дѣйствующимъ подъ вліяніемъ любого мимолетнаго побужденія, несдерживаемаго никакой координаціей другихъ мотивовъ, болѣе прочныхъ и устойчивыхъ, образующихъ ядро настоящей, здоровой личности,—ея внутреннее «я».

Наконецъ, еще одна заслуга теоріи темпераментовъ состояла въ томъ, что когда эти послѣдніе были сведены на термины анатомическіе и физіологическіе, то сдѣлалась наглядной анатомо-физіологическая основа характеровъ и личностей. А это было огромнымъ шагомъ впередъ. Благодаря этому, выяснилось, что не все можетъ быть измѣнено въ характерѣ личности однимъ психическимъ воздѣйствіемъ; это заставило обратить большее вниманіе на физическое воспитаніе, припомнивъ старинное изреченіе: «mens sana in corpore sano» и т. д., и т. д.

И опять я долженъ предостеречь читателя отъ обратной крайности, въ которую способны впадать дюжинные умы при каждой новой теоріи, при каждомъ новомъ открытіи. Увлеченія и крайности явились какъ въ области отрицанія «свободной воли», такъ и въ области объясненія всѣхъ явленій этологіи одними наслѣдственными и анатомо-физіологическими свойствами организма. Въ противоположность схоластическому *индетерминизму* (т.-е. отсутствію у воли всякихъ опредѣленій), явились поклонники *детерминизма*, т.-е. теоріи, отрицавшей всякую автономію или самостоятельное значеніе самой человѣческой личности и ея воли, на томъ основаніи, что всякій актъ воли, всякое хотѣніе, желаніе, стремленіе заранѣе опредѣлены или предопредѣлены какой-либо предъидущей причиной, условіемъ, мотивомъ, а эти причины условія и мотивы, въ свою очередь, опредѣлены еще чѣмъ-либо далѣе предстоящимъ и т. д., и т. д. въ безконечность...

Въ этой крайности, кажущейся вполнѣ логической на первый взглядъ, заключалась та основная ошибка, что упускалось изъ виду основное свойство всѣхъ чувствующихъ организмовъ—стремиться къ устраненію страданія и къ доставленію себѣ пріятныхъ ощущеній. И хотя это общее ствойство, лежащее въ подпочвѣ всякой воли, заложено въ личности безъ ея воли, т.-е. детерминистически, но результаты, получающіеся изъ этого стремленія, состоятъ въ милліонахъ стремленій и исканій, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ (стремленій—получить пріятное ощущеніе и избѣгнуть—непріятнаго), при чемъ эти стремленія не только обусловлены оригинальными особенностями каждой индивидуальности (ея вкусами. чувствительностью etc., etc.),—на что можно-бы возразить, что и эти

особенности тоже детерминированы,—но главное то: эти стремленія заставляютъ каждый индивидуумъ *искать*, безсознательно или сознательно, всевозможныхъ и старыхъ, и совершенно новыхъ путей самоудовлетворенія. Это вѣрно не только относительно человѣка, но и любой амёбы, которая во всякомъ условіи, въ какое ставитъ ее случай, пробуетъ, хотя-бы и слѣпо, всевозможные выходы. Отсюда происходятъ совершенно новыя комбинаціи удовлетвореній и дѣйствій, цѣлей и средствъ; отсюда—прогрессъ или развитіе живыхъ цѣлей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и органовъ для достиженія ихъ. Этотъ прогрессъ, поднимаясь выше и выше, достигъ, наконецъ, своей высшей стадіи въ человѣкѣ и его главномъ органѣ—умѣ. Исканіе новыхъ (или старыхъ) выходовъ стало уже не слѣпымъ дѣломъ «пробованія» всевозможныхъ путей и средствъ, а сознательнымъ процессомъ обдумыванія и выбора; это повело къ совершенно новымъ и неожиданнымъ *изобрѣтеніямъ* путей или средствъ, къ открытіямъ новыхъ отношеній и законовъ, т.-е., если *теоретически* и можно сказать, что весь этотъ процессъ развитія детерминированъ предъидущими условіями въ рядахъ поколѣній, въ законахъ жизни и природѣ, въ условіяхъ жизни каждаго даннаго индивидуума, то, тѣмъ не менѣе, *практически* онъ опредѣляется только свойствами и особенностями данной индивидуальности, ея «я», и это «я», эта индивидуальность, ища *своихъ* путей, и находя ихъ *по своему*, *творитъ изъ себя* вѣчно новое, прогрессирующее, измѣняя по новому и приспособляя къ себѣ самую среду. И это не все: она воздѣйствуетъ и на другіе индивидуумы и *на себя*, потому что каждый вновь открытый путь или выходъ вызываетъ въ ней новыя дѣятельности, функціи, органы. Эти органы могутъ быть видимыми, какъ, напр., въ низшемъ животномъ царствѣ образованіе крыльевъ, костей, мозга и т. п., могутъ быть и не видимы, какъ, напр., образованіе въ нервно-мозговой системѣ привычекъ, новыхъ идей, плановъ, потребностей, инстинктовъ. Это такіе-же органы жизни, но заложенные внутри организма, въ нервно-мозговой системѣ, и проявляющіеся только въ дѣйствіи.

Отсюда, очевидно, что понятіе темперамента, а тѣмъ болѣе связанное съ нимъ понятіе безусловнаго детерминизма (анатомо-физіологическаго и наслѣдованнаго) представляютъ крайность, если ихъ брать въ смыслѣ полной неподвижности, недопускающей никакого измѣненія, новизны и творчества.

Эта крайность была-бы гибельна для всякой *теоріи* воспитанія, такъ какъ теоретически она должна отрицать всякое воспитаніе. Но на практикѣ ея зло меньше, чѣмъ въ теоріи, такъ какъ потребность практики заставила самихъ детерминистовъ внести въ нее

слѣдующую поправку: «такъ какъ все детерминировано, то, стало быть, детерминировано и наше стремленіе воспитывать, и наши способы воспитанія и прогрессъ этихъ способовъ, пріемовъ, теоріи...»

Отсюда выводъ: воспитаніе нужно, такъ какъ оно есть также одинъ изъ факторовъ образованія личности, детерминированный, а потому имѣющій законное мѣсто и назначеніе въ жизни и прогрессѣ.

Дѣло сводится, такимъ образомъ, на теоретическое разногласіе, а въ практикѣ примиряются и детерминисты, и индетерминисты, однако-же не крайніе изъ нихъ: крайніе индетерминисты вреднѣе для дѣла воспитанія, чѣмъ крайніе детерминисты. Какъ я ужъ показалъ выше, полный индетерминизмъ, т. е. отрицаніе у воли мотивовъ и причинъ, совершенно уничтожаетъ всякій смыслъ у воспитальныхъ дѣятельностей.

Истина, какъ мы видѣли, заключается въ примиреніи обѣихъ крайностей на строго-научной почвѣ, а именно: 1) мы не можемъ *мыслить* ничего, что не было бы обусловлено какой-либо причиной, поэтому для *мышленія* (т.-е. теоретически) человѣческая личность и ея дѣйствія детерминированы; 2) но такъ какъ въ числѣ этихъ обусловливающихъ причинъ имѣется и субъективное стремленіе къ удаленію страданія и доставленію себѣ пріятныхъ состояній, то отсюда возникаютъ безконечные ряды новыхъ сочетаній, изобрѣтеній, приспособленій—функціональныхъ, органическихъ, умственныхъ и механическихъ, постоянно творящихъ новизну въ мірѣ внѣшнемъ и въ мірѣ внутреннемъ самихъ индивидуумовъ, т.-е. измѣняющихъ не только среду, но и самое «я», ея характеръ, ея способности, даже ея темпераментъ.

Отсюда *практически* совершенно правильно и неизбѣжно возникаетъ признаніе *автономіи* личности и ея значенія въ прогрессѣ какъ среды, такъ и самой личности. А отсюда—огромное значеніе и воспитанія, какъ сознательной выработки личностей и характеровъ для наилучшаго и наисовершеннаго существованія.

То-же слѣдуетъ сказать и о детерминизмѣ самихъ теорій или способовъ и пріемовъ воспитанія. *Теоретически* они детерминированы, но это не мѣшаетъ ихъ *свободѣ*, ихъ творчеству и новизнѣ и не только *практически*, но даже съ теоретической точки зрѣнія, потому что детерминизмъ вовсе не есть противоположность (или антитеза) свободы, автономіи и творчества, какъ думали нѣкоторые метафизики и схоластики. Детерминизмъ говоритъ и можетъ говорить только о прошедшемъ, т.-е. объ общихъ причинахъ явленій, лежащихъ въ прошедшемъ. Но сами эти причины таковы по природѣ своей, что вѣчно творятъ новизну, творятъ *свободно*, т.-е. свободнымъ исканіемъ, попытками, милліонами «пробованій» и вы-

боромъ, соотвѣтственнымъ общему складу данной личности, даннаго «я». А эти безчисленныя «я» или личности, несмотря на свое обще родовое сходство, безконечно разнообразны, каждая въ своемъ родѣ, и нѣтъ такого индивидуума, который былъ-бы абсолютно похожъ на какой-нибудь предъидущій или будущій, какъ нѣтъ такой капли воды, которая была бы безусловно тожественна съ другой каплей. Но что вѣрно относительно воды (вещества неорганическаго), то вѣрно въ удесятеренной степени относительно органическаго, т.-е. болѣе сложнаго вещества, а тѣмъ болѣе относительно такого въ высшей степени сложнаго организма, какъ человѣческій.

Этимъ косвенно указывается и *относительное* значеніе наслѣдственности, какъ одной изъ причинъ, детерминирующихъ характеръ и поведеніе личности. Болѣе подробное опредѣленіе ея значенія читатели найдутъ дальше.

III.

Классификація Бэна и Пере.

Приведенный въ первой главѣ проектъ Джона Стюарта Милля о новой наукѣ, *этологіи*, не остался безъ результатовъ, хотя и до сихъ поръ не осуществленъ не только вполнѣ, но даже и въ значительной части своей, несмотря на попытки такихъ выдающихся представителей психологіи, какъ Т. Рибо, Бэнъ, Пере (Perez), Поланъ и мн. др.

Задача, поставленная Миллемъ черезчуръ широка и сложна, чтобы ее было можно выполнить сразу во всѣхъ частяхъ. Пока дѣло шло, главнымъ образомъ, о чисто эмпирической классификаціи различныхъ типовъ характера.

Одинъ изъ первыхъ сдѣлалъ попытку въ этомъ родѣ Александръ Бэнъ, въ своей работѣ «Stydy of Character» (1861 г.), переведенной и на русскій языкъ. Онъ классифицируетъ всѣ характеры въ три группы: *умственную* (интеллектуальную), *эмоціональную* (съ развитой способностью душевныхъ движеній или чувствованій) и, наконецъ, *волевую* или энергическую, съ преобладающей способностью дѣйствія.

Эта классификація имѣла важное значеніе, такъ какъ ставила задачу на почву общаго психологическаго подраздѣленія человѣческихъ душевныхъ свойствъ (умъ, чувствованіе, воля). Этимъ давалась сразу не только классификація характеровъ, но и, до нѣкоторой степени, ихъ психологическое *объясненіе*. Въ самомъ дѣлѣ, когда характеры были сведены на три основанія, повидимому, столь зна-

комыя каждому, то въ нихъ исчезла ихъ загадочность, а слѣдовательно, стали понятнѣе способы и самая возможность оперировать надъ характерами.

Слѣдующей, выдающейся попыткой слѣдуетъ считать попытку Пере (Perez), извѣстнаго изслѣдователя психологіи дѣтей. Въ своемъ сочиненіи «Le caractère de l'enfant à l'homme» онъ даетъ общую классификацію характеровъ по типамъ главнѣйшихъ *двигательныхъ* проявленій. Такъ какъ проявленія характера мы имѣемъ только въ дѣйствіяхъ, которыя, въ свою очередь, являются лишь различными формами движенія, то Пере полагаетъ, что движенія можно разсматривать не только какъ выраженіе внутренней личности, но и какъ элементы и факторы простыхъ или сложныхъ явленій нравственной личности. Остается отыскать въ серіи двигательныхъ проявленій нѣсколько главныхъ видовъ, представляющихъ нѣкоторые виды характера. Быстротѣ движеній соотвѣтствуетъ перый типъ характера, *живой* типъ, которому противополагается типъ *медлительный.* При сильно выраженной энергіи, мы будемъ имѣть, такъ называемый, *пылкій* типъ *) (ardent); при той-же энергіи, соединенной съ живостью, которая преобладаетъ надъ энергіей, получается типъ *живой-пылкій* (vif-ardents); при соединеніи-же съ медлительностью— типъ *медленно-пылкій*; наконецъ, преобладаніе и счастливая гармонія движеній даетъ типъ *уравновѣшенный* (des equilibres).

Въ 6 этихъ типовъ (конечно, пользуясь ихъ разнообразными сочетаніями) могутъ,—по мнѣнію Пере,—размѣститься всѣ индивидуальные характеры. Но иногда въ одномъ и томъ-же индивидуумѣ могутъ сочетаться и живость, и медлительность, напр., живое воображеніе съ медленностью движеній или рѣчи, и, наоборотъ, живыя движенія съ созерцательнымъ умомъ. Но такія совпаденія противоположностей сравнительно рѣдки. «Природа, — по словамъ Пере,—не любитъ, несмотря на свой вкусъ къ разнообразію, соединенія противорѣчій и контрастовъ въ одномъ и томъ-же индивидуумѣ. Кромѣ того, эти кажущіяся или частичныя противорѣчія указываютъ только на существованіе различныхъ степеней въ двигательныхъ качествахъ, образующихъ характеръ».

Для нагляднаго поясненія этой классификаціи приведемъ нѣсколько примѣровъ детальнаго описанія характеровъ, какъ оно дается Пере. Начнемъ съ *живого* типа. Живость подразумѣваетъ подвижность, сильную *диффузію* чувствованій. Конечно, у живыхъ ха-

*) «Пылкій характеръ есть характеръ, обладающій сильными эмоціями, слѣдствіемъ чего является какой-нибудь органическій аффектъ»—таково опредѣленіе Пере, не отличающееся опредѣленностью.

рактеровъ съ слабой комплекціей эта эмоціональная диффузія измѣнчивѣе и болѣе способна къ рѣзкимъ переходамъ, чѣмъ у комплекцій крѣпкихъ. Далѣе идутъ, быть можетъ, и вѣрныя сами по себѣ черты этого типа, но ихъ едва ли возможно подводить исключительно подъ «движенія». Такъ, по словамъ Пере, этотъ типъ способенъ испытывать быстрыя антипатіи, *насмѣшливъ безъ злобы* (?); онъ предрасположенъ (вслѣдствіе настоятельной потребности *возбужденія*) къ исканію всего, что льститъ тщеславію. Почему потребность возбужденія можетъ удовлетворяться исключительно или преимущественно удовлетвореніемъ тщеславія, Пере не объясняетъ. Далѣе: этотъ типъ, вслѣдствіе недостаточной склонности къ упорному вниманію, болѣе способенъ быстро схватывать, понимать и усваивать чужое, чѣмъ создавать собственныя открытія и «проникать за наружную оболочку вещей» и т. д., и т. д.

Переходя къ моральнымъ свойствамъ этого типа,—въ тѣсномъ смыслѣ слова,—Пере находитъ, что люди, принадлежащіе къ нему, рѣдко переходятъ за уровень посредственности въ нравственномъ отношеніи. Ихъ природныя дарованія встрѣчаютъ въ этой сферѣ препятствіе въ недостаткѣ волевой энергіи (энергіи воли) и въ отсутствіи духа послѣдовательности. Ихъ воля отличается недостаткомъ терпѣливости, упорства какъ при составленіи ими сужденій или выводовъ, такъ и при обдумываніи дѣйствій.

Соединеніе *живости съ пылкостью,* съ преобладаніемъ того или другого изъ этихъ свойствъ, образуетъ, какъ мы видѣли, переходный или промежуточный типъ *живой-пылкій* (vif-ardent). Здѣсь подвижность впечатлѣній соединена съ устойчивостью. «То, что живость заставляетъ изглаживаться или ускользать, подхватывается пылкостью для себя и вырабатывается по своему».

И у этого типа частныя черты, намѣчаемыя Пере, крайне интересны и характерны сами по себѣ, такъ какъ онѣ рисуютъ почти художественно типъ, дѣйствительно существующій. Но эти черты опять-таки трудно связать исключительно или преимущественно съ движеніемъ. Напр., «люди этого типа расточительны въ смыслѣ—и траты своего времени,и траты денегъ, и въ изобиліи «добрыхъ совѣтовъ». У нихъ есть свойства, способныя и нравиться, и ненравиться, такъ какъ они соединяютъ въ себѣ всевозможныя противорѣчія. У нихъ есть наклонность сомнѣваться въ себѣ, послѣ того какъ они имѣли о себѣ преувеличенное мнѣніе. Послѣ ожесточенной борьбы, они способны протянуть руку побѣжденному противнику; они скользятъ слегка (passent en courant) по всему тому, чего нельзя понять сразу, вдругъ, а потому не способны сдерживать ни своихъ словъ, ни своихъ обобщеній. У нихъ превосходная память на лица и мѣста, чѣмъ объ-

ясняется то любопытство, которое заставляетъ ихъ критиковать и пережовывать (ruminer) всѣ идеи, какія ихъ интересовали съ начала. Это—натуры составныя, удерживающія въ себѣ все и понемножку всего; они способны одновременно и къ легкомысленной вѣрѣ въ предразсудки, и къ остроумному вышучиванію ихъ», etc., etc...

О пылкомъ типѣ мы уже упоминали (въ примѣчаніи). Пылкость,—по опредѣленію Пере,—есть способность производить болѣе или менѣе обычно тѣ энергическія и стремительныя движенія, которыя въ ряду психическихъ функцій соотвѣтствуютъ болѣе или менѣе сильной чувствительности и болѣе или менѣе могучему интеллекту. «Борьба—ихъ элементъ». Храбрые и подозрительные, они всегда готовы къ войнѣ.

Кромѣ того, пылкость (l'ardeur), т.-е. интенсивность эмоцій, влечетъ за собою сильное воспріятіе, а слѣдовательно и точную, сильную память, и вниманіе, останавливающееся въ отдѣльности на нѣкоторыхъ разсѣянныхъ предметахъ, наконецъ,—умъ прямой, фанатическій, затемняемый избыткомъ предубѣжденій.

Разсмотрѣвъ *живой* типъ, перейдемъ къ *медлительному*.

Весьма понятно, что человѣкъ можетъ быть медлительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, но можетъ обнаруживать это свойство меньше въ какихъ-нибудь такихъ дѣйствіяхъ, которыя соотвѣтствуютъ частямъ мозга, болѣе упражнявшимся у предковъ; и въ этихъ частныхъ дѣйствіяхъ этотъ типъ можетъ проявлять быстроту и энергію.

Чувствительность у медлительнаго типа—поверхностна и притуплена. При этомъ, у сильныхъ и крѣпкихъ изъ нихъ является преобладающей чертой индифферентизмъ, самоудовлетвореніе и эгоизмъ. У анемичныхъ-же преобладаютъ: изнѣженность, безпокойство, чувствительность къ мелкимъ препятствіямъ, но неспособность испытывать крупныя печали. Природная лѣность и равнодушіе приводятъ ихъ безсознательно къ пылкому эгоизму. Такъ, Фантенеллъ держался правила; «нужно всегда сердце имѣть холоднымъ, а желудокъ—горячимъ». Непостоянство ихъ, въ сферѣ чувствованій, имѣетъ особый характеръ: когда вы вполнѣ увѣрены въ ихъ расположеніи, они, находясь, вдали отъ васъ, начинаютъ переживать свои впечатлѣнія отъ вашей личности, и все сразу мѣняется по отношенію къ вамъ. Ихъ отличительные умственные признаки—это способность изумляться и мечтать. Прибавьте къ этому «рутину», такъ какъ они, рабы привычки, потому что привычка экономизируетъ движенія. Ихъ умъ вѣчно работаетъ въ одномъ кругѣ; ихъ кажущееся постоянство чаще всего есть лишь сопротивленіе какому-либо новому побужденію, а ихъ сдержанность—просто апатія.

*

Я не буду приводить характеристики уравновѣшеннаго типа. Онъ понятенъ самъ собою послѣ предъидущихъ характеристикъ.

Не отрицая значенія классификаціи Пере, такъ какъ способность къ движенію играетъ, дѣйствительно, весьма важную роль въ образованіи характера (что чувствуется особенно ясно на крайнихъ типахъ—живомъ и медлительномъ), нельзя не признать, однако, что всѣ свойства характера не могутъ быть сведены на одно движеніе. Мало этого, вѣдь и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ способность къ движенію является достаточнымъ объясненіемъ, намъ остается неизвѣстнымъ главное: отчего-же зависитъ та или иная степень развитія этой способности? Судя по тому, что Пере считаетъ пылкій типъ особенно нуждающимся въ воспитаніи, и что вообще онъ признаетъ значеніе воспитанія, очевидно, что не одни только врожденныя или наслѣдственныя свойства организаціи образуютъ ту или иную подвижность.

Гораздо шире ставитъ классификацію характеровъ Т. Рибо (извѣстный психологъ и редакторъ «Revue Philosophique»). Къ этой классификаціи мы и перейдемъ теперь.

Л. Оболенскій.

(*Окончаніе будетъ*).

МЫСЛИ О ВОСПИТАНИИ И ОБУЧЕНИИ.

(*Продолженіе*).

Глава VI.

II. *Распредѣленіе учебныхъ занятій учащихся и вліяніе его на ихъ здоровье тѣлесное и духовное. Мѣры противъ вреднаго вліянія такого распредѣленія на здоровье воспитанниковъ. Связь въ преподаваніи разныхъ предметовъ.*

По учебнымъ планамъ 1890 г. ученики гимназіи имѣютъ въ недѣлю 22 часовыхъ урока въ приготовительномъ классѣ, въ I — 23, во II — 28, а въ остальныхъ классахъ по 29. Кромѣ того, они занимаются необязательными предметами: музыкою, пѣніемъ и гимнастикою, а на Кавказѣ, сверхъ того, желающіе и однимъ изъ мѣстныхъ языковъ.

Недостатки настоящаго распредѣленія уроковъ въ нашихъ гимназіяхъ заключаются въ слѣдующемъ:

1) Всѣ ежедневные уроки, за исключеніемъ нѣкоторыхъ по искусствамъ, сгрупированы такъ, что почти непрерывно слѣдуютъ одинъ за другимъ, между ними назначены промежутки всего отъ 5 до 10 минутъ, и только послѣ 3-го урока—30 минутъ.

2) Во всѣхъ классахъ, начиная съ приготовительнаго, въ которомъ учатся дѣти въ возрастѣ отъ 8 до 10 лѣтъ, до VIII включительно, въ которомъ ученики достигаютъ нерѣдко 20 лѣтъ и болѣе, продолжительность каждаго урока одинакова. Несообразность такого равенства продолжительности уроковъ такъ очевидна, что на ней я считаю даже излишнимъ останавливаться.

3) Кромѣ учебныхъ занятій учащихся въ заведеніи, имъ назначаются еще домашнія занятія. Такія занятія, какъ устныя, такъ нерѣдко и письменныя, обыкновенно назначаетъ каждый учитель по своему предмету, не соображаясь, большею частію, съ работами, назначенными другими учителями *).

---

*) По распоряженію Виртембергскаго правительства 21 декабря 1890 г.:

1) Латинскій языкъ положено преподавать, начиная со 2-го класса (въ

4) Переутомленіе учащихся во всѣхъ среднихъ заведеніяхъ, на которое жалуются почти вездѣ, не есть вымыселъ, оно существуетъ въ большей или меньшей степени, во всѣхъ гимназіяхъ, смотря по меньшему или большему вниманію со стороны гимназическаго начальства и учителей къ количеству и качеству ученическаго труда, и происходитъ отъ разныхъ причинъ, а главнымъ образомъ отъ вреднаго распредѣленія учебныхъ занятій въ гимназіяхъ и дома. Не только дѣти въ возрастѣ 10—12 лѣтъ, но даже ученики взрослые, достигшіе 20—25 лѣтняго возраста, просидѣвъ на урокахъ 5—6 часовъ сряду, съ небольшими промежутками, не могутъ не испытывать усталости, тѣлесной и умственной, по причинѣ продолжительнаго сидѣнія и умственнаго напряженія, къ которому довольно часто присоединяется и тревожное состояніе, при суровыхъ и рѣзкихъ выходкахъ нѣкоторыхъ учителей,—а такіе учителя встрѣчаются нерѣдко и въ настоящее время. Къ сему слѣдуетъ присовокупить усиленную дѣятельность учениковъ при исполненіи ими домашнихъ работъ, устныхъ и письменныхъ, назначаемыхъ 4—5 учителями, и продолжающихся иногда за полночь. Такая усиленная дѣятельность ученика не только ведетъ къ разстройству тѣлеснаго здоровья, но она приноситъ положительно вредъ и духовной его сторонѣ, не говоря о томъ, что основательное приготовленіе 4—5 уроковъ не можетъ соотвѣтствовать силамъ средняго ученика. Благо бы, если-бъ нынѣшняя система многопредметнаго обученія, ежедневно до утомленія, оправдывалась *богатствомъ* пріобрѣтаемыхъ знаній. Но и этого нѣтъ, да и быть не можетъ: умъ, подобно тѣлу, по замѣчанію Спенсера, способенъ усваивать питательный матерьялъ только до извѣстной мѣры. Все-же усваиваемое сверхъ этой мѣры или не воспринимается, или отбрасывается, или-же служитъ къ разстройству ума, подобно тому какъ желудокъ разстраивается частымъ и чрезмѣрнымъ переполненіемъ его пищею. И какъ это послѣднее, часто повторяясь, вызываетъ иногда отвращеніе къ извѣстной пищѣ, подобнымъ-же образомъ и нагрузка головы нѣкоторыми свѣдѣніями способна вызвать ненависть не только къ извѣстнымъ учебнымъ предметамъ, но даже и къ образованію вообще. Сверхъ того, самое разнообразіе предметовъ, изучаемыхъ сперва въ одно утро, а потомъ въ одинъ вечеръ,

---

Вирт.—10 классовъ въ гимназіи), а греческій — съ 5-го; уроковъ-же для латинскаго языка назначено 82 (прежде было 102), а для греческаго—40 (42).

Съ цѣлію уменьшенія обремененія учениковъ домашними работами, Берлинская школьная конференція высказалась въ пользу системы *классныхъ преподавателей*, въ противоположность *системѣ преподавателей-спеціалистовъ*.

Я нахожу такую мѣру весьма полезною для прогимназич. 4-хъ классовъ.

Примѣчаніе автора.

требующее отъ учениковъ постоянной перемѣны ихъ вниманія отъ однихъ предметовъ къ другимъ, не позволяющей имъ углубиться въ изучаемое, не можетъ служить имъ въ пользу; оно невольно пріучаетъ ихъ усваивать преподаваемыя имъ знанія поверхностно и относиться не только къ нимъ, но и ко всему въ жизни тоже поверхностно, легко и безъ должнаго вниманія. Такого рода занятія учащихъ развиваютъ въ нихъ отсутствіе твердыхъ убѣжденій, разсѣянность, излишнее самомнѣніе и безхарактерность. «Для юношества, говоритъ А. Коменскій, будетъ пыткою, когда его ежедневно 6, 7 и 8 часовъ будутъ занимать уроками и упражненіями и, кромѣ того, еще нѣкоторыми частными занятіями. Неразумно поступаетъ тотъ, кто старается учить учениковъ не столько, сколько они могутъ *усвоить*, а *сколько онъ требуетъ*... Воспитатель юношества, подобно врачу, есть только слуга природы, а не господинъ ея». По мнѣнію Коменскаго, преподавателямъ можно учащихъ занимать ежедневно часа 4 и столько-же частными занятіями. Наизусть заставлять заучивать только главнѣйшее. Изучаемое слѣдуетъ распредѣлять *по мѣрѣ способности воспріятія*.

Выше уже я говорилъ, что безобразные поступки нашей современной молодежи, а также повторяющіеся случаи самоубійствъ берутъ свое начало нерѣдко въ школѣ, при развитіи въ томъ или другомъ слабомъ субъектѣ разстройства его организма *).

*) Л. П. (Эльпе) въ своихъ «Научныхъ письмахъ» («Новое Время» за 1893 г., № 6.248) предлагаетъ весьма вѣроятное разъясненіе итальянскимъ профессоромъ Моссо явленія *усталости*. Оно, по этому разъясненію, есть *одинъ изъ симптомовъ самоотравленія организма посредствомъ накопившихся въ крови ядовитыхъ продуктовъ разрушенія тканей, какъ слѣдствія дѣятельности послѣднихъ*. Такое объясненіе утомленія, ведущаго, при частномъ повтореніи его, къ распространенной теперь болѣзни, называемой *неврастеніей*, подтверждается слѣдующими 2-мя опытами: a) если утомленную мышцу, отказывающуюся работать, промыть слабымъ физіологическимъ растворомъ поваренной соли, то она дѣлается способной къ работѣ, и b) если въ кровь животнаго, не подвергавшагося до того никакому утомленію, ввести продуктъ распада или разрушенія тканей, то животное обнаружитъ признаки утомленія. Значитъ, усталость или утомленіе, или даже и переутомленіе, будутъ-ли они физическими или умственными, происходятъ не только отъ истощенія мышечныхъ или нервныхъ силъ и отъ расходованія того матеріала, который служитъ источникомъ энергіи этихъ силъ. Но эта энергія встрѣчаетъ, кромѣ того, противодѣйствіе въ ядовитыхъ продуктахъ разрушенія тканей, что и проявляется въ ощущеніи организмомъ утомленія. Во время дѣятельности тканей и клѣтокъ организма происходитъ отдѣленіе кислорода, который способствуетъ къ разрушенію или сгоранію упомянутыхъ ядовитыхъ продуктовъ, а слѣдовательно—и къ прекращенію усталости.

Итакъ, противъ усталости нервовъ, мозга и мышцъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ служитъ развитіе жизненной энергіи вообще и въ частности—нервной, какъ содѣйствующей къ освобожденію связаннаго въ клѣткахъ кисло-

5) Объ учителяхъ тоже слѣдуетъ сказать, что какъ-бы ни были они крѣпки здоровьемъ, старательны и свѣдущи въ своемъ предметѣ, но и они не въ состояніи сохранить въ одинаковой степени энергію непрерывно въ теченіе 5—6 часовъ: послѣ 3-хъ, а тѣмъ болѣе послѣ 4 и 5 уроковъ сряду, они становятся вялыми, недостаточно внимательными къ ходу своихъ работъ въ классѣ, а нѣкоторые изъ нихъ даже и раздражительными; все это замѣтно отражается на вниманіи и поведеніи, а слѣдовательно и на производительности учебныхъ занятій учащихся. Вслѣдствіе такого ненормальнаго состоянія учителей и учениковъ, шалость послѣднихъ происходитъ чаще на 4-хъ и 5-хъ урокахъ, чѣмъ на 1-хъ и 2-хъ. Объ этомъ мною уже было упоминаемо и выше.

Поэтому, на послѣднихъ урокахъ, т.-е. 4, 5 и 6, усвоеніе знаній учениками оказывается значительно слабѣе, чѣмъ на первыхъ уроках дня.

рода, уничтожающаго, посредствомъ сожиганія, ядовитые продукты, обусловливающіе усталость.

Поэтому *постепенное* пріученіе организма, путемъ работы, къ «ядамъ усталости» и подъемъ жизненной энергіи, усиливающей процессы окисленія, должны служить главнѣйшимъ средствомъ противъ усталости мозга и мышцъ. Слѣдовательно, посильное упражненіе въ работѣ можетъ выработать въ организмѣ способность противодѣйствія отравленію его *«ядами усталости»* и энергію органовъ, ведущую къ усиленію окисленія клѣточекъ и парализаціи вліянія этихъ ядовъ. Для развитія окисленія клѣтокъ необходимъ чистый воздухъ и устраненіе наркотическихъ веществъ.

Чувство усталости цѣлесообразно для организма такъ-же, какъ и чувство боли. Послѣднее предохраняетъ насъ отъ поврежденія тѣла, а первое—отъ отравленія ядами усталости.

Чѣмъ усталость будетъ значительнѣе, тѣмъ болѣе энергіи организмъ долженъ употребить на борьбу съ ядовитыми продуктами, и менѣе—на работу. При высшей-же степени усталости вся энергія будетъ поглощена борьбою съ названными продуктами и, при слабости ея, будетъ способствовать къ усиленію ея количества.

Вотъ почему работа, какъ физическая, такъ и умственная, послѣ утомленія не только не производительна, но даже вредна для организма работающаго. Головныя боли, которыми страдаютъ по временамъ слабые здоровьемъ ученики, служатъ также признакомъ значительнаго отравленія ихъ организма ядовитыми продуктами.

Между физической и умственной работой существуетъ тѣсная связь, вслѣдствіе которой значительная мышечная работа ослабляетъ способность къ умственной, и обратно. Поэтому, очень ошибаются тѣ наши доморощенные воспитатели, которые думаютъ ослабить вредныя послѣдствія умственной работы учащихся физическими работами или гимнастикой: значительная усталость, будетъ-ли она физическая, или умственная, требуетъ безусловнаго отдыха, а иначе первая, смѣненная второю, или наоборотъ,—одинаково вредны и производятъ въ одинаковой мѣрѣ отравленіе организма.

Директоръ одной изъ нашихъ гимназій (г. Моръ—въ статьѣ «Къ вопросу объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій». См. «Русскую Школу» за 1892 г.) силится доказать, что «въ настоящее время, при строгомъ соблюденіи всѣхъ сдѣланныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія распоряженій (1890 и 1891 гг.), не существуетъ и не можетъ существовать обремененія учениковъ нашихъ гимназій умственною и *сидячею* (?) работою», что нѣкоторые *врачи-гигіенисты заблуждаются*, приписывая происхожденіе разныхъ школьныхъ болѣзней мозговому переутомленію, происходящему отъ обученія въ гимназіяхъ, и что въ заграничныхъ гимназіяхъ, въ довольно значительной мѣрѣ, ежедневныя обязательныя работы продолжительнѣе, чѣмъ у насъ. Такъ: въ баварскихъ гимназіяхъ суточная работа (классная и домашняя) продолжается въ теченіе времени отъ 5 ч. 20 мин. до 7 час., въ виртембергскихъ—отъ 4 час. 50 мин. до 7 час. 20 минутъ, а у насъ—всего отъ 4 час. 41 мин. до 7 час. 7 минутъ. Наконецъ, наше Министерство, *благодаря разнымъ коммиссіямъ*, занимавшимся пересмотромъ гимназическихъ программъ, значительно облегчило учениковъ гимназій, назначивъ число уроковъ для учебныхъ заведеній въ классѣ и дома значительно меньшее, сравнительно съ уставомъ 1864 г. и особенно сравнительно съ уставомъ 1828 г. Такъ: въ 1864 г. число учебныхъ часовъ отдѣльно въ разныхъ классахъ простиралось отъ 27 до 30, въ 1828 г.—отъ 33 до 36, а въ 1890 г.—отъ 22 до 29. Изъ сопоставленія этихъ цыфръ авторъ приведенной статьи приходитъ къ заключенію, что классныхъ занятій у учениковъ гимназій прежняго времени было значительно больше, чѣмъ теперь. Почему-же,—спрашиваетъ онъ,—прежде не было жалобъ, а теперь онѣ вездѣ слышатся?

Авторъ и его единомышленники—члены послѣдней формаціи преобразовательныхъ коммиссій по учебному дѣлу—полагаютъ, что умственное переутомленіе учащихся происходитъ отъ количества ихъ учебныхъ занятій въ теченіе дня, независимо отъ того, какъ эти занятія будутъ расположены. Такое мнѣніе совершенно ошибочно: утомленіе вообще, а умственное въ особенности происходитъ не отъ значительнаго числа часовъ учебныхъ занятій,—но не свыше 6 час. въ классѣ и 2—3 часовъ дома,—а главнымъ образомъ отъ непрерывности ихъ, большого разнообразія, отъ тѣлеснаго истощенія вслѣдствіе непринятія въ свое время питательной пищи и отъ *недостатка тѣлесныхъ движеній на воздухѣ*. Въ этомъ заключается и причина того, что почти во всѣхъ заграничныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ уроки утренніе и послѣобѣденные, между которыми есть значительный промежутокъ времени, достаточный для обѣда, для тѣлесныхъ упражненій и для движенія на свѣжемъ воздухѣ при

переходѣ учащихся изъ классовъ домой и обратно,—что въ нихъ учащіеся не испытываютъ утомленія ни тѣлеснаго, ни умственнаго, несмотря на бо́льшее число часовъ, чѣмъ у насъ, назначенное на суточныя учебныя занятія. На этомъ-же основаніи и учебныя занятія по уставу 1828 г. въ гимназіяхъ были не столь утомительны для учащихся, какъ теперь, даже были производительнѣе.

Подобно тому какъ чрезмѣрное принятіе пищи въ теченіе короткаго времени, и притомъ не случайное, а повторяющееся изо дня въ день, какъ я уже объ этомъ выше говорилъ, оказываетъ вредное вліяніе на организмъ и нерѣдко ведетъ къ полному его разстройству, точно такимъ-же образомъ и принятіе духовной пищи, часто даже не приготовленной для сознательнаго усвоенія ея умомъ, служитъ только во вредъ духовному организму, особенно организму юному, слабому и еще не окрѣпшему.

Что касается до такъ называемой, по выраженію автора, *сидячей работы* (рисованія, чистописанія и пр.), то напрасно ее считаетъ онъ вообще не утомительною. По моимъ наблюденіямъ, такія работы будутъ тѣмъ полезнѣе, чѣмъ болѣе будутъ оживленными и осмысленными. Сидѣніе въ классѣ, хотя-бы на урокѣ чистописанія, безъ умственной дѣятельности будетъ производить умственную апатію, подобно тому какъ отсутствіе тѣлесной дѣятельности производитъ тѣлесное разслабленіе. Мысль ученика должна работать посильно даже на урокахъ рисованія и чистописанія.

6) Въ таблицѣ числа недѣльныхъ уроковъ, приложенной къ учебнымъ планамъ 1890 г., распредѣлено число уроковъ по отдѣльнымъ предметамъ въ различныхъ классахъ безъ достаточныхъ педагогическихъ основаній; такъ, назначенное на каждый предметъ число уроковъ въ теченіе всего курса распредѣлено по классамъ, съ предоставленіемъ права педагогическимъ совѣтамъ увеличивать или уменьшать его въ отдѣльныхъ классахъ, но при соблюденіи условій, чтобы число уроковъ по всѣмъ предметамъ въ недѣлю не превышало суммъ, положенныхъ по уставу, т.-е. чиселъ 22, 23, 28 и 29, а также, чтобы число уроковъ, положенное по отдѣльному предмету для всего 8-лѣтняго курса, оставалось неизмѣннымъ. Соблюденіе такихъ условій необходимо въ видахъ достиженія равномѣрности занятій учениковъ въ классахъ; но назначеніе почти одинаковаго числа уроковъ во всѣхъ классахъ по тому или другому предмету *не всегда соотвѣтствуетъ потребностямъ изученія различныхъ предметовъ.* Такимъ образомъ, напр., по новымъ языкамъ назначено, по таблицѣ числа недѣльныхъ уроковъ, почти одинаковое число ихъ во всѣхъ классахъ, тогда какъ въ классахъ, въ которыхъ начинается обученіе того или другого языка, слѣдовало-бы назначить

ихъ сравнительно большее число. для того чтобы дать возможность учащимся освоиться съ новымъ для нихъ говоромъ и строемъ языка, что будетъ достигнуто тогда, когда между впечатлѣніями, получаемыми ими отъ новыхъ для нихъ звуковъ, будутъ небольшіе промежутки времени. Это необходимо теперь въ особенности, когда и наши оффиціальные педагоги приходятъ къ убѣжденію, что практическое изученіе языка должно предшествовать теоретическому.

7) Оба новые языка вводятся одновременно во 2-мъ классѣ, въ которомъ преподается латинскій языкъ. Такимъ образомъ, русскія дѣти во 2-мъ классѣ должны изучать 3 иностранныхъ языка, а дѣти-инородцы, къ которымъ принадлежатъ ученики закавказскихъ гимназій, будутъ изучать ихъ 4, такъ какъ русскій языкъ есть то-же для нихъ иностранный. Такое стремленіе одновременно начинать изученіе дѣтьми нѣсколькихъ языковъ составляетъ одну изъ крупныхъ нашихъ педагогическихъ ошибокъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ и находящихся въ противорѣчіи съ естественнымъ развитіемъ дѣтей: ни одно изъ нихъ не начинало говорить одновременно на 2-хъ и 3-хъ языкахъ, такъ какъ впечатлѣнія, получаемыя дѣтьми, начинающими изученіе даже 2-хъ новыхъ языковъ, не только не могутъ быть прочными, но постоянно будутъ ослабляться одни другими.

Съ цѣлью возможнаго устраненія поименованныхъ недостатковъ, я находилъ-бы необходимымъ принять слѣдующія мѣры:

1) Для ослабленія, если не для уничтоженія тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя происходятъ какъ для учениковъ, такъ и для учителей, вслѣдствіе почти непрерывныхъ ихъ занятій на 5, а иногда даже и на 6 урокахъ, я положительно считаю необходимымъ возвратиться къ тому порядку, касающемуся распредѣленія дневныхъ уроковъ, который существовалъ въ гимназіяхъ еще по уставамъ 1804 г., а потомъ 1828 г. и который сохраненъ до сихъ поръ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи и Германіи. По этому порядку, уроки должны быть назначаемы такъ: утромъ отъ 8 до 11 часовъ, и послѣ обѣда отъ 2 до 4 часовъ, за исключеніемъ приготовительнаго и 1 классовъ, въ которые дѣти будутъ имѣть по 2 урока утромъ и по 2 или по одному послѣ обѣда. При всемъ кажущемся неудобствѣ такого распредѣленія, оно будетъ имѣть хорошее вліяніе на сохраненіе тѣлесныхъ и умственныхъ силъ какъ учащихся, такъ и учителей. Самый переходъ дѣтей, 2 раза, изъ дому въ гимназію и обратно, будетъ служить только въ пользу для ихъ тѣлеснаго здоровья: движеніе дѣтей на воздухѣ, сопряженное съ такимъ переходомъ, будетъ имѣть освѣжающее вліяніе и на ихъ умственную дѣятельность, которая, не подвергаясь утомленію вслѣдствіе своей продолжительности, будетъ проявляться несравненно про-

изводительнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Возраженіе, приводимое нѣкоторыми лицами и состоящее въ указаніи на значительность разстояній въ большихъ городахъ, которыя приходится проходить дѣтямъ, не можетъ имѣть значенія, такъ какъ большіе города имѣютъ и по нѣскольку гимназій, а если не имѣютъ, то ничто не мѣшаетъ городскимъ обществамъ изыскать средства для устройства ихъ ради блага своихъ дѣтей.

Очевидно, что предлагаемое распредѣленіе учебныхъ занятій будетъ оказывать благотворное вліяніе и на учителей, особенно исполненныхъ энергіи и добросовѣстно трудящихся на пользу юношества *).

---

*) Въ Баваріи, на основаніи распоряженіи тамошняго министерства народнаго просвѣщенія отъ 28-го января 1891 г., введено слѣдующее распредѣленіе занятій въ гимназіяхъ:

a) *до обѣда*:

1-й ур. отъ 8 до 9 час. перерывъ 10 минутъ.
2-й » » 9 ч. 10 мин. до 10 ч., перерывъ 15 мин.
3-й » » 10 » 15 » » 11 » » 15 »
4-й » » 11 » 15 » » 12 » » 2 часа на обѣдъ и отдыхъ.

b) *послѣ обѣда*:

5-й ур. отъ 2 час. до 3 час., перерывъ 10 минутъ.
6-й » » 3 час. 10 мин. до 4 часовъ.

Въ промежутки между уроками производятся, по возможности, *вольныя движенія, игры* и пр., а также *вентиллированіе* классовъ.

Домашнія работы (вѣроятно, письменныя) даются по одной въ классахъ отъ 1-го—3-го на 2 недѣли, а въ классахъ отъ 4-го—9-го—на цѣлый мѣсяцъ.

Во избѣжаніе *переутомленія* ученика, при ежедневномъ исполненіи имъ домашнихъ работъ, учителя должны входить во взаимное соглашеніе между собою при опредѣленіи размѣра уроковъ. *Максимумъ* продолжительности ежедневныхъ домашнихъ занятій положенъ:

для I класса — 1 час.
» II—V кл. — 2 »
» VI—IX » — 4 »

Воскресеніе должно быть свободно.

Рекомендуется усилить *домашнее чтеніе* нѣмецкими (а у насъ — русскими) писателями, а въ старшихъ преподаватели руководятъ болѣе способныхъ учениковъ въ чтеніи лат., греч. и фр. писателей.

Вопросъ *о переводѣ* учениковъ въ высшій классъ рѣшаетъ педагогическій совѣтъ, а также и преподаватели слѣдующаго класса, въ который переводится ученикъ.

Совѣтъ можетъ переводить и тѣхъ учениковъ, которые оказали успѣхи *неудовлетворительные* по нѣкоторымъ предметамъ.

Письменныя испытанія зрѣлости *производятся* по лат., греч., нѣм. и мат.; получившихъ *неудовлетворительную отмѣтку* на письменныхъ работахъ по лат. и греч. и въ то же время по нѣмецкому или математикѣ—не допускаютъ къ устнымъ испытаніямъ.

Ученики-же, получившіе, за годовое занятіе, за письменныя работы не менѣе 4,59, могутъ быть освобождены отъ устныхъ испытаній.

Обращаемъ вниманіе на соблюденіе *санитарныхъ и гигіеническихъ* условій.

Это распредѣленіе ученическихъ занятій и испытаній заслуживаетъ подражанія, за исключеніемъ 4-го утренняго урока, который вреденъ для здоровья.

Статистическія данныя, ниже приведенныя мною, указываютъ на печальное явленіе, происхожденіе коего, по моему убѣжденію, находится въ зависимости, между прочимъ, и отъ существующаго распредѣленія учебныхъ занятій учащихся. Изъ этихъ данныхъ видно, что изъ числа поступившихъ въ гимназію, съ цѣлью получить гимназическое образованіе, едва только $^1/_3$ или даже $^1/_4$ достигаетъ своей цѣли, т.-е. оканчиваетъ курсъ гимназіи съ успѣхомъ и получаетъ такъ-называемый аттестатъ зрѣлости. Въ 1890 г. въ гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа число получившихъ такой аттестатъ было 138 изъ 156, допущенныхъ къ окончательному испытанію, или 88,5% послѣдняго числа; относительно-же общаго числа учащихся, 3.000, въ 8 гимназіяхъ округа 138 составляетъ 4,6%. Средній % оканчивающихъ курсъ за 10 лѣтъ, относительно общаго числа учащихся, выражается числомъ 3,3%, тогда какъ число оканчинающихъ курсъ должно-бы доходить до 12%, при совершенно правильномъ положеніи обученія и воспитанія въ гимназіяхъ. Значитъ, оканчиваетъ курсъ только число, нѣсколько большее $^1/_4$ поступившихъ, или, иначе говоря, гимназіи существуютъ для значительнаго меньшинства стремящихся получить гимназическое образованіе. Но и получившіе аттестаты зрѣлости, за исключеніемъ самаго незначительнаго изъ нихъ числа, достигаютъ окончанія курса не по истеченіи 8 лѣтъ послѣ своего поступленія въ 1-й классъ, а въ срокъ болѣе продолжительный. Оканчивающихъ-же курсъ въ теченіе 8 лѣтъ пребыванія ихъ въ 8-ми классахъ гимназіи оказывается не болѣе 2% числа поступившихъ, или не болѣе $^1/_{50}$ этого числа. Да и небольшому числу кончающихъ курсъ гимназіи приходится по временамъ оказывать снисхожденія по тому или другому предмету, особенно во вниманіе къ тѣмъ изъ нихъ, которые обнаруживаютъ весьма хорошіе успѣхи въ главныхъ учебныхъ предметахъ.

Возрастъ учениковъ, оканчивающихъ гимназическій курсъ въ гимназіяхъ Кавказскаго округа, по свѣдѣніямъ 1890 г., очень мало разнящихся отъ подобныхъ свѣдѣній за 10 предшествовавшихъ лѣтъ, выражался слѣдующими числами:

Изъ числа 138 окончившихъ курсъ имѣли возрастъ:

17 л.	8	или	5,8%	числа 138.
18 »	22	»	16%	»
19 »	30	»	21,7%	»
20 »	30	»	21,7%	»
21 и болѣе	48	»	34,8%	»

Въ кавказскихъ реальныхъ училищахъ число оканчивающихъ курсъ VII класса выражается по возрасту числами процентовъ, до-

вольно близко подходящихъ къ предыдущимъ. Такъ: изъ числа 84 окончившихъ курсъ въ 1898 г.

17 л. было	6	(7,1%)
18 » »	12	(14,8%)
19 » »	15	(17,9%)
20 » »	21	(25,6%)
21 г. »	30	(35,6%)

Приведенныя статистистическія данныя показываютъ, что наибольшій % оканчивающихъ курсъ кавказскихъ мужскихъ среднихъ заведеній принадлежитъ уже молодымъ людямъ, перешедшимъ 20-тилѣтній возрастъ, тогда какъ при правильномъ веденіи учебновоспитательнаго дѣла въ заведеніяхъ—возрастъ оканчивающихъ курсъ въ этихъ заведеніяхъ долженъ былъ-бы быть не ниже 17-ти-лѣтняго и не выше 19-ти-лѣтняго, а въ крайнемъ случаѣ—20-ти-лѣтняго возраста. Запоздалое учениками окончаніе курса нашихъ среднихъ заведеній происходитъ: отъ недосточнаго прилежанія дѣтей и юношей, недостаточнаго пониманія ими изучаемыхъ учебныхъ предметовъ, недостатка педагогическаго образованія и энергіи учителей, недостатка здоровья учащихся и, наконецъ, распредѣленія учебныхъ занятій въ заведеніяхъ, не соотвѣтствующаго потребностямъ тѣлеснаго и духовнаго развитія учащихся Съ устраненіемъ всѣхъ этихъ причинъ, очевидно, наступитъ и окончаніе учениками курса среднихъ заведеній въ возрастѣ, не превышающемъ 19 лѣтъ.

2) Еще въ 1879 г. Попечительскій Совѣтъ, состоящій при Кавказскомъ учебномъ округѣ, по моему предложенію, постановилъ, чтобы число домашнихъ работъ, назначаемыхъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не превышало 3-хъ, считая въ томъ числѣ и письменныя. Эта мѣра оказалась полезною особенно въ тѣхъ заведеніяхъ, начальства коихъ, понявъ значеніе ея, отнеслись къ ней сочувственно. Такъ, Совѣтъ Тифлисской мужской прогимназіи, руководимый своимъ директоромъ, постановилъ, чтобы всѣ новые уроки были разучиваемы учениками въ классахъ подъ руководствомъ учителей, и чтобы для домашнихъ самостоятельныхъ занятій была назначаема на одинъ вечеръ всего только *одна работа*. Очевидно, что при такомъ ограниченіи самостоятельныхъ домашнихъ работъ ученикамъ представляется полная возможность исполнить ихъ вполнѣ основательно, а не поверхностно. Благодаря приведеннымъ мѣропріятіямъ, и успѣхи учениковъ получаются въ округѣ, и особенно въ названной прогимназіи, довольно удовлетворительными, несмотря на значительность и разнообразіе инородческаго состава учащихся.

3. a.) Распредѣленіе уроковъ должно быть составлено такъ, чтобы въ каждомъ классѣ было сосредоточено преимущественное вниманіе учащихся на 1-мъ или 2-хъ предметахъ, съ тою цѣлію, чтобы ученики, имѣя большее число уроковъ по этимъ предметамъ сравнительно съ другими, могли освоиться съ отличительными характеристическими особенностями вновь изучаемаго ими предмета, а по языкамъ получить значительное количество звуковыхъ впечатлѣній и оборотовъ, свойственныхъ тому или другому языку, вводимому въ число новыхъ для учениковъ предметовъ. Усвоенныя такимъ образомъ свѣдѣнія, служа основою послѣдующихъ свѣдѣній по изучаемымъ предметамъ, значительно облегчатъ изученіе этихъ предметовъ въ слѣдующихъ классахъ.

3. b.) Новые и древніе языки должны быть вводимы въ разныхъ классахъ, по одному въ каждомъ классѣ, такъ: въ 1 классѣ я находилъ бы полезнымъ ввести только одинъ французскій языкъ, какъ легчайшій и наиболѣе распространенный въ обществѣ, а слѣдовательно и удобнѣйшій для изученія сперва практически, а потомъ и теоретически. Этотъ языкъ, при увеличенномъ числѣ 8—10 уроковъ въ недѣлю, дѣти должны усвоить въ теченіе учебнаго года на столько, чтобы могли пользоваться имъ самостоятельно, т.-е. могли понимать читаемое, доступное имъ по своему содержанію. Во 2 классѣ такимъ-же образомъ и съ такою же цѣлью долженъ быть введенъ 2-ой новый языкъ, нѣмецкій, и тоже при увеличенномъ числѣ недѣльныхъ уроковъ 8—10. Въ 3 классѣ я полагаю необходимымъ ввести латинскій языкъ при 10 урокахъ въ недѣлю и наконецъ въ 4 классѣ долженъ быть введенъ греческій языкъ, при 8 урокахъ въ недѣлю.

3. c.) Примѣняя такой принципъ, само собою разумѣется, мы должны уменьшить число уроковъ по языкамъ въ другихъ классахъ.

Минувшій свыше 20-ти-лѣтній опытъ показалъ, что одно значительное число уроковъ по латинскому и греческому языкамъ въ классахъ, особенно въ низшихъ, въ которыхъ изученіе ихъ, особенно при грамматическомъ методѣ преподаванія (исключительно), было непосильно дѣтямъ, имѣло вредное вліяніе и на изученіе другихъ предметовъ, и даже на изученіе самихъ древнихъ языковъ; необходимо нужно заботиться не столько о числѣ уроковъ, сколько о подготовленіи хорошихъ учителей (каковыхъ у насъ не было, за немногими исключеніями), равно какъ и о введеніи распредѣленія учебныхъ занятій соотвѣтственно силамъ учащихъ и учащихся. Подготовленные учителя и при проектируемомъ мною числѣ уроковъ достигнутъ результатовъ несравненно лучшихъ, нежели тѣ, каковые получались до сихъ поръ. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ прежняго времени, даже

при значительно меньшемъ противъ нынѣшняго числѣ уроковъ, въ то время, когда обученіе латинскому языку начиналось съ 4-го класса, всего при 4 урокахъ (по 1½ ч.) въ недѣлю, ученикъ усвоивалъ у хорошихъ учителей латинскій языкъ не хуже, чѣмъ теперь.

Нижеприводимая таблица числа недѣльныхъ уроковъ въ гимназіяхъ, какъ я думаю, будетъ соотвѣтствовать тѣмъ принципамъ, о которыхъ я упомянулъ, особенно если будутъ допущены или даже введены утреннія и послѣобѣденные уроки:

Названія.	I	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	Всего.
Законъ Божій	2	2	2	2	2	1	1	2	14 — 2
Русскій языкъ.........	4	4	3	3	3	3	4	4	28 — 1
Латинскій языкъ.......	—	—	10	4	4	4	4	4	30 — 12
Греческій языкъ........	—	—	—	8	4	4	4	4	24 — 9
Математика...........	4	4	3	3	3	3	3	3	26 — 3
Физика................	—	—	—	—	—	3	3	2	8 + 1
Ест. ист. и гигіена.....	—	—	—	—	4	2	2	2	10 + 10
Исторія	—	—	3	2	2	2	2	2	13 + 1
Геогр. и космогр........	—	3	2	2	2	2	2	2	15 + 7
Французскій языкъ.....	10	2	2	2	2	2	2	2	24 + 5
Нѣмецкій языкъ........	—	10	2	2	2	2	2	2	22 + 3
Рисов. и черченіе	3	3	2	1	1	1	—	—	11 + 1
Итого	23	28	29	29	29	29	29	29	225

Примѣчаніе. Гимнастика должна быть преподаваема между 2-мъ и 3-мъ уроками по утрамъ, а

Пѣніе—между 4-мъ и 5-мъ уроками по полудни.

Гимнастикой должны заниматься ученики, по возможности, ежедневно по 20 минутъ, а пѣніемъ по ½ часа, два раза въ недѣлю. Въ теченіе такого-же времени желающіе могутъ обучаться и ручному труду.

Педагогическимъ Совѣтамъ слѣдуетъ предоставить возможность, съ разрѣшенія окружнаго начальства, увеличивать въ каждое учебное полугодіе, въ отдѣльныхъ классахъ, число уроковъ по однимъ предметамъ, уменьшая его въ то-же время по другимъ. Эта мѣра

способствовала-бы къ сосредоточенію занятій учащихся въ теченіе каждаго полугодія на меньшемъ числѣ учебныхъ предметовъ и въ то-же время на усиленіи занятій этими предметами, что, очевидно, послужило-бы къ болѣе основательному изученію учащимися всего гимназическаго курса. Къ осуществленію этой мѣры способствовало-бы введеніе въ нашихъ среднихъ заведеніяхъ учебныхъ полугодій, т.-е. замѣна учебныхъ годовъ учебными семестрами, съ раздѣленіемъ каждаго класса на 2 отдѣленія и переводомъ учащихся въ высшія отдѣленія по истеченіи каждаго семестра. Такое нововведеніе не представляло-бы ни малѣйшаго затрудненія въ классахъ, имѣющихъ параллели. А что оно способствовало-бы къ поднятію уровня энергіи учащихся и учащихъ, то это, мнѣ кажется, совершенно очевидно.

Въ гимназіяхъ, въ которыхъ большинство учащихся не русскаго происхожденія, приведенная таблица могла-бы быть нѣсколько измѣнена, или-же курсъ приготовительнаго класса долженъ быть увеличенъ до 3 лѣтъ: въ ней, при нынѣшней продолжительности курса приготовительнаго класса, въ 1-мъ классѣ должно быть назначено отъ 8 до 10 уроковъ на русскій языкъ, такъ какъ этотъ языкъ для инородцевъ, напр., армянъ, татаръ и пр., есть иностранный. Тогда французскій языкъ, какъ главный, долженъ быть отнесенъ ко 2-му классу, нѣмецкій—къ 3-му, латинскій къ 4-му и, наконецъ, греческій—къ 5-му.

Уроки въ приготовительномъ, 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и даже въ 4-мъ, т.-е. прогимназическихъ, классахъ должны быть, по моему убѣжденію, получасовые и съ классными учителями, а не съ предметными.

4) Кромѣ раціональнаго распредѣленія учебныхъ занятій по днямъ недѣли, для достиженія цѣлей преподаванія въ отношеніи правильнаго усвоенія знаній учащимися, истинная школа должна заботиться объ установленіи возможно тѣсной связи въ преподаваніи разныхъ учебныхъ предметовъ. Отсутствіе такой связи вообще есть одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ нашей школы. Этотъ недостатокъ обнаруживается не только при преподаваніи отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ, но даже и при сообщеніи ученикамъ свѣдѣній по одному и тому-же предмету. Такъ, напр., ученики учатъ отдѣльные неправильные глаголы, но не сравниваютъ ихъ между собою, не составляютъ изъ нихъ отдѣльныхъ группъ; географія древней Галліи и Франціи проходится безъ сопоставленія съ данными современной географіи Франціи; событія церковной исторіи—безъ отношенія ихъ къ современнымъ имъ событіямъ всеобщей исторіи; эпосъ русскій не сравнивается съ эпосомъ греческимъ, и пр. При такомъ преподаваніи, знанія усваиваются учениками преимущественно памятью,

механически, безъ вліянія на развитіе мыслительной способности и самодѣятельности. Такія знанія скоро улетучиваются, оставляя въ душѣ ученика слабые слѣды.

О необходимости тѣсной связи при преподаваніи не только между частями каждаго предмета, но, по возможности, и между различными учебными предметами учебнаго курса, я упоминалъ уже при разсматриваніи каждаго учебнаго предмета въ отдѣльности, теперь же нахожу полезнымъ остановиться на разсмотрѣніи сего вопроса, соединивъ въ одно цѣлое сказанное прежде о каждомъ предметѣ, въ виду важности этого вопроса и почти повсемѣстнаго отсутствія примѣненія его въ дѣлѣ преподаванія:

Связь *Закона Божія* съ другими учебными предметами должна выражаться въ томъ, чтобы христіанскія истины, нерѣдко соприкасающіяся съ истинами, излагаемыми въ сихъ учебныхъ предметахъ, не только не были обходимы, но должны быть усвояемы учениками съ соотвѣтствующею имъ сердечною теплотою; такія истины часто встрѣчаются въ разныхъ поэтическихъ и вообще литературныхъ произведеніяхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. События священной и церковной исторіи должны быть сопоставляемы съ современными имъ событіями исторіи всеобщей и русской, и обратно.

Подобнымъ-же образомъ географическія данныя, касающіяся событій священной и церковной исторіи, должны быть сравниваемы съ соотвѣтственными данными географіи древней и современной. События священной исторіи представляютъ наилучшій матеріалъ для устнаго и письменнаго изложенія въ низшихъ классахъ какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ, равно какъ и матеріалъ для изученія сихъ послѣднихъ. Какъ письменное, такъ и устное изложеніе должно отличаться ясностью, точностью и правильностью, а письменное, сверхъ того, не только стилистической и грамматической правильностью, но, по возможности, и каллиграфическимъ изяществомъ. Ученики какъ 1-го, такъ и приготовительнаго классовъ должны знать главныя молитвы и произносить ихъ съ должнымъ благоговѣніемъ, а также по временамъ писать ихъ въ своихъ тетрадяхъ, на урокахъ каллиграфіи, правильно и красиво. *Преподаваніе исторіи и географіи всеобщей* должно находиться въ подобной связи съ преподаваніемъ исторіи и географіи русской, а также съ географіею древнею.

Необходимость взаимной связи преподаванія *русскаго языка* со всѣми предметами школьнаго курса очевидна. Все, излагаемое по какому-бы то ни было предмету устно, должно быть излагаемо вполнѣ правильно—какъ относительно произнесенія разныхъ словъ, такъ и отдѣльныхъ предложеній и періодовъ. Письменныя изложенія изу-

ченнаго по разнымъ предметамъ должны отличаться правильностью во всѣхъ отношеніяхъ, съ разстановкою знаковъ препинанія, не исключая и каллиграфической. Предварительно изложенія учениками, какъ письменнаго, такъ и устнаго, учитель долженъ позаботиться о правильности такого изложенія, принявъ къ тому надлежащія, по его усмотрѣнію, мѣры, т.-е. разъяснивъ учащимся смыслъ читаемаго и обративъ ихъ вниманіе на логическія ударенія; но если ошибки, въ какомъ-бы то ни было родѣ, т.-е. грамматическія, стилистическія, логическія или каллиграфическія будутъ сдѣланы учениками, то учитель обязанъ отмѣтить ихъ и непремѣнно требовать, чтобы онѣ были или устно высказаны, или написаны въ исправленномъ видѣ. Исправленіе должно касаться не только ошибокъ грамматическихъ и касающихся научнаго изложенія, но и каллиграфическихъ. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ вообще и особенно въ тѣхъ, въ которыхъ есть много туземцевъ, какъ-то: армянъ, татаръ, грузинъ, и пр., ученики часто неправильно произносятъ слова и дѣлаютъ ошибки въ согласованіи словъ. Такія ошибки, по исправленіи ихъ, какимъ нибудь однимъ ученикомъ, должны быть въ исправленной формѣ произносимы хоромъ, т.-е. или цѣлымъ классомъ, или отдѣльными группами.

Въ переводахъ *съ древнихъ и новыхъ языковъ на русскій* ученики, кромѣ буквальныхъ переводовъ, должны составлять совершенно правильные переводы, соотвѣтствующіе духу русскаго языка и чуждые романизмовъ, еллинизмовъ, галлицизмовъ и германизмовъ; сверхъ того, они должны быть упражняемы въ обратныхъ переводахъ съ русскаго текста на иностранный.

Связь русскаго языка съ древними и новыми, а также взаимная связь сихъ послѣднихъ можетъ и должна проявляться: *a*) въ письменномъ изложеніи прочитаннаго на иностранномъ языкѣ и на языкѣ русскомъ; *b*) въ сравненіи между собою словъ, формъ, грамматическихъ правилъ (зак. яз.) и конструкцій предложеній языковъ иностранныхъ и языковъ русскаго и церковно-славянскаго; *c*) въ ученическихъ сочиненіяхъ по иностраннымъ источникамъ и *d*) въ обратныхъ переводахъ съ русскаго языка на иностранный. Наконецъ, *e*) для болѣе основательнаго усвоенія иностраннаго языка, особенно практически, необходимо одинъ изъ предметовъ, напр., всеобщую исторію, преподавать на этомъ языкѣ, сверхъ предварительнаго изученія ея на русскомъ. Кромѣ того, было-бы полезно нѣкоторые отдѣлы римской исторіи, предварительно пройденные на русскомъ языкѣ, изучить и на латинскомъ, по Титу Ливію. Подобнымъ-же образомъ необходимо нѣсколько главъ одного изъ Евангелистовъ изучить не только по-славянски, но и по-гречески.

Нашъ покойный академикъ Ѳ. И. Буслаевъ вотъ что писалъ

*

о своихъ занятіяхъ съ однимъ изъ своихъ учениковъ (Воспоминаніе Буслаева, «Вѣстникъ Европы», апрѣль 1891 г.): «положивъ въ основу нашихъ занятій чтеніе и разсказъ, или письменное изложеніе прочитаннаго, я *соединялъ* вмѣстѣ уроки исторіи съ изученіемъ языка, слога, и литературы, разумѣется, придерживаясь для себя нѣкоторой системы въ постепенности, ознакомляя моего ученика съ каждымъ изъ этихъ разнородныхъ предметовъ и не обременяя его вниманія подробностями... Главнымъ источникомъ и пособіемъ для насъ была многотомная исторія Карамзина, изъ которой я выбиралъ наиболѣе интересные эпизоды не только государственнаго и политическаго содержанія, но и особенно бытового, изъ частной, семейной жизни нашихъ предковъ и всенародной»...

Даже изъ этой краткой выписки нашего замѣчательнаго профессора-педагога видно, до какой степени связь въ преподаваніи разныхъ предметовъ способствуетъ основательному ихъ изученію.

Чтобы связь въ преподаваніи различныхъ учебныхъ предметовъ была дѣйствительною, для этого и учебныя руководства должны быть составлены соотвѣтственнымъ образомъ, а именно такъ, чтобы 1) въ нихъ заключалось изложеніе учебнаго предмета, вполнѣ доступное для пониманія тому возрасту, для котораго руководство предназначено, и 2) чтобы къ каждому руководству былъ приложенъ рядъ вопросовъ, отвѣты на которые должны имѣть болѣе или менѣе близкое отношеніе къ другимъ учебнымъ предметамъ, и особенно къ тому учебному предмету, который для даннаго класса будетъ признанъ главнымъ предметомъ. Такъ, напр., если для II-го класса будетъ признанъ главнымъ предметомъ франц. языкъ, въ такомъ случаѣ въ этомъ классѣ и преподаваніе другихъ предметовъ должно концентрироваться около этого предмета. Поэтому и къ руководству для II класса по французскому языку, какъ къ главному предмету, долженъ быть приложенъ рядъ вопросовъ, относящихся къ другимъ предметамъ даннаго класса, съ тѣмъ, чтобы преподаватель главнаго предмета требовалъ по этимъ вопросамъ и соотвѣтственныхъ отвѣтовъ отъ учащихся. Такимъ образомъ, преподаватель II-го класса, въ которомъ будетъ главнымъ предметомъ французскій языкъ, обязанъ во 2-е полугодіе предлагать ученикамъ на французск. языкѣ и вопросы, относящіеся къ другимъ предметамъ, преподаваемымъ во II-мъ классѣ, требуя отвѣтовъ на французскомъ языкѣ. Очевидно, такая связь будетъ способствовать къ достиженію болѣе или менѣе основательныхъ знаній какъ по главному предмету, такъ и по второстепеннымъ.

К. П. Яновскій.

(*Продолженіе будетъ*).

Примѣчаніе къ главѣ VI-й.

Придавая большое значеніе *основательности* изученія учащимися учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ школѣ, основательности, какъ главнѣйшему средству правильнаго воспитанія, и будучи убѣжденъ, на основаніи многолѣтнихъ наблюденій, что основательность обученія въ школѣ можетъ быть достигнута посредствомъ проведенія *тѣсной связи* въ преподаваніи и сосредоточеніи, въ данное время (напр., въ то или другое полугодіе), вниманія учащихся на возможно меньшемъ числѣ учебныхъ предметовъ преподаванія, я счелъ умѣстнымъ дополнить главу, касающуюся *«распредѣленія учебныхъ занятій учащихся»*, *примѣрнымъ распредѣленіемъ занятій ихъ въ* теченіе нѣсколькихъ дней, при слѣдующихъ условіяхъ: 1) когда въ преподаваніи первенствующее вниманіе будетъ обращено на русскій языкъ, 2) когда такое вниманіе будетъ обращено на устное изученіе живого языка французскаго и 3) когда будетъ обращено особенное вниманіе на изученіе того же языка устное, письменное и книжное.

По *первому* распредѣленію всѣ учебныя занятія должны быть сосредоточены около русскаго языка: соображаясь съ его требованіями, по указанію учителя, должны быть преподаваемы всѣ другіе предметы класса. По 2-му распредѣленію, особенное вниманіе, при 16 получасовыхъ урокахъ, должно быть обращено на усвоеніе учениками устной рѣчи вводимаго новаго языка. Это распредѣленіе можетъ быть примѣняемо не долѣе одного мѣсяца при 16 получасовыхъ урокахъ въ недѣлю. По 3-му же распредѣленію, ученики должны усвоить умѣніе писать и читать все усвоенное ими устно; потомъ устно и письменно они должны стремиться къ изложенію проходимаго по всѣмъ другимъ учебнымъ предметамъ класса, разумѣется, въ предѣлахъ возможности.

1. Распредѣленіе (недѣльное) учебныхъ занятій въ 1-мъ классѣ, въ которомъ предположено усиленное преподаваніе русскаго языка, при получасовой продолжительности каждаго урока.

На З. Божій предполагается назначить	4	получас.	ур.	или	2	часовыхъ:
на ариѳметику	8	»	»		4	»
» географію	4	»	»		2	»
» русскій яз.	16	»	»		8	»
на чистопис. и рис.	6	»	»		3	»
» гимнастику	6	»	»		3	»
» пѣніе и музыку	4	»	»		2	»
	48	получас.	ур.	или	24	часовыхъ.

Понедѣльникъ.	1. Рус. языкъ.	Выразит. чтеніе небольшой статьи или отрывка учителемъ и бесѣда его съ учен. относит. словъ и всего содержимаго.
	2. »	Выразит. чтеніе той-же статьи отдѣльными учениками и хоромъ. Остановки при чт.; логич. удареніе.
	3. »	Изученіе наизусть учениками предыдущ. статьи.
	4. Зак. Божій.	Изученіе молитвы, цѣлой или части, съ объясненіемъ словъ и выраж. и указаніемъ на отношеніе ея къ ближнимъ нашимъ и намъ самимъ.
	5. Гимнастика.	Гимнастическія игры и вольныя движенія.
	6. Зак. Божій.	Письмо изученной молитвы съ соблюденіемъ требованій орѳограф. и каллигр.
	7. Рисованіе.	Рисованіе и черченіе линейныхъ фигуръ.
	8. Пѣніе.	Пѣніе вообще, а если можно, то и молитвы, которая была изучаема.
	Домаш. работа.	Красивое и правильное письмо изученной статьи и умѣніе писать ее.

Вторникъ.	1. Рус. языкъ.	Разборъ изученной статьи, этимологическій и синтакс. Составл. предложеній изъ словъ статьи.
	2. »	Склоненіе и спряженіе предложеніями словъ, входящихъ въ статью (ученики подбираютъ сами предл.).
	3. »	Красивое письмо отдѣльныхъ предложеній статьи, а также составляемыхъ учениками.
	4. Ариѳметика.	Рѣшеніе простыхъ задачъ.
	5. Гимнастика.	Упражненіе, под. предыдущимъ.
	6. Ариѳметика.	Письменное изложеніе текста задачи на предыдущ. урокѣ и ея рѣшенія.
	7. Рисованіе.	Рисованіе и черченіе линейныхъ фигуръ.
	8. Пѣніе и муз.	
	Домаш. работа.	Составленіе 2—3 предложеній изъ словъ, входящ. въ изучаемую статью. Рѣшеніе 2-хъ задачъ, подобныхъ тѣмъ, которые рѣшались въ классѣ.
Среда.	1. Зак. Божій.	Разсказъ событій изъ свящ. исторіи, чтеніе соотвѣтств. главъ изъ Библіи или Евангелія.
	2. »	Разсказъ учениками этихъ событій и письменное изложеніе оныхъ.
	3. Рус. языкъ. 4. »	Занятія, подобныя предыдущимъ.
	5. Гимнастика.	Под. предыдущ.
	6. Чистописан.	Красивое письмо цифръ и числъ.
	7. Рисованіе.	Рисованіе линейныхъ фигуръ.
	8. Пѣніе и муз.	
	Домаш. работа.	Письменное изложеніе разсказа изъ священной исторіи.
Четвергъ.	1, 2 и 3 ур. по русск. языку.	Занятія, подобныя предыдущимъ.
	4. Гимнастика.	Тоже.
	5. Географія.	Знакомство съ глобусомъ и на немъ съ физич. геогр.
	6. »	Письм. изложеніе вкратцѣ усвоеннаго на предыд. урокѣ.
	7. Рисованіе.	
	8. Пѣніе и муз.	
	Домаш. работа.	Чтеніе и письменная работа по рус. яз.
Пятница.	1, 2 и 3 рус. яз.	Занятія подобныя предъидущимъ.
	4. Гимнастика.	Тоже.
	5. Ариѳметика.	Умствен. рѣш. задачъ.
	6. »	Письменное.
	7. Географія.	Знакомство съ картой.
	8. Пѣніе и муз.	
	Домаш. работа.	Черч. карты.
Суббота.	1, 2. Рускій яз.	Теоретическія и практ. занятія.
	3. »	Бесѣда учителя съ учениками о занятіяхъ ихъ въ теченіе недѣли.
	4. Гимнастика. 5 и 6 ариѳмет. 7. Географія.	Занятія подобныя предъидущимъ.
	8. Письмо.	Упражненіе въ крас. письмѣ цифръ.
	Домаш. раб. въ субботу или въ воскресенье.	Письменное изложеніе вкратцѣ учебныхъ занятій въ теченіе прошлой недѣли.

2. Распредѣленія 3-хъ-дневныхъ учебн. занятій во 2-мъ классѣ, на 1 мѣсяцъ при усиленномъ изученіи устно франц. языка, при $^1/_2$ часовой продолжительности каждаго урока.

На	3. Божій полагается	4 получ. ур.	2 ч.	На	франц. яз.	16 получ. ур.	8 ч.
»	русскій яз. »	8 »	4 »	»	рисованіе	4 »	2 »
»	ариѳметику »	8 »	4 »	»	гимнастику	6 »	3 »
»	географію »	4 »	2 »	»	пѣніе и муз.	6 »	3 »
					Всего. .	56 получ. ур.	28 ч.

Понедѣльникъ.	1. Зак. Божій.	Разсказы изъ свящ. исторіи Новаго Завѣта учителемъ. Разсказы того-же самаго ученикомъ.
	2. »	Чтеніе мѣстъ, относящихся къ предыдущ. разск. въ Евангеліи по русски и славянски.
	3. Русскій яз.	Описаніе класса, состава его изъ учениковъ и учит. и учеб. предметовъ, изучаемыхъ ученикомъ.
	4. »	Письменное изложеніе, съ соблюденіемъ правильности изложенія въ логич., грам. и каллигр. отношеніи.
	5. Гимнастика.	Обыкнов. упраж. и игры.
	6. Франц. яз.	Изученіе на фр. яз. словъ и фразъ, необходимыхъ для описанія класса на ур. р. яз.
	7. »	Составленіе описанія класса изъ словъ и фразъ, усвоенныхъ учениками, какъ отдѣльными учениками, такъ и хоромъ.
	8. Рисованіе.	Согласно требованія минист. прогр.
	9. Пѣніе и муз.	По усмотр. уч.
	Домаш. работа.	Письменное излож. вкратцѣ (правильно во всѣхъ отнош.) разсказа свящ. исторіи.
Вторникъ.	1. Франц. яз.	Продолженіе усвоенія учениками описанія класса, согласно съ описаніемъ на ур. р. яз.
	2. »	Продолженіе.
	3. »	Изученіе словъ и фразъ, входящихъ въ разсказъ по свящ. исторіи.
	4. Географія.	Описаніе государствъ по министер. прогр.
	5. Гимнастика.	Обыкнов. упраж.
	6. Франц. яз.	Составленіе фразъ изъ словъ, усвоенныхъ на предыд. урок., отдѣльн. уч. и хоромъ.
	7. Русскій яз.	Изученіе части стихотв. или басни, преимущ. такихъ, которыя существуютъ и во франц. литер., напр. басни Крылова, передѣл. изъ Лафонтена
	8. Пѣніе и муз.	По усмотр.
	Домаш. работа.	Письмо. съ соблюд. орѳогр. и каллигр. треб., изученнаго въ классѣ части стихотв.
Среда.	1. Ариѳметика.	Рѣшеніе задачъ, относящ. къ дробямъ и числамъ прост. и именов.
	2. »	Письменное изложеніе и рѣшеніе задачъ.
	3. Франц. яз.	Усвоеніе на франц. яз. названій нѣсколькихъ числъ цѣлыхъ, дробныхъ, именов. и простыхъ.
	4. »	Составленіе изъ усвоеннаго фразъ.
	5. Гимнастика.	Обыкнов. упражненія.
	6. Франц. яз.	Продолженіе предыдущихъ занятій по усвоенію учениками словъ для описанія учебныхъ пособій, мебели, географ. названій и пр.
	7. »	Продолженіе такихъ занятій.
	8. Пѣніе и муз.	
	Домаш. работа.	Рѣшеніе ариѳм. задачъ, черченіе геогр. картъ.

Учебныя занятія, находящіяся въ такой между собою связи, какая представлена приблизительно въ настоящемъ распредѣленіи, ведутся въ теченіе мѣсяца. Въ продолженіе этого времени учащіеся должны усвоить устно отъ 200 до 300 франц. словъ и изъ книгъ составленныя фразы и описанія. Все это должно находиться въ связи, по возможности, съ главными свѣдѣніями, сообщаемыми по другимъ учебнымъ предметамъ 2-го класса.

3. Распредѣленіе учебныхъ занятій во 2-мъ классѣ (на 3 дня), при 16 получасовыхъ урокахъ въ недѣлю, по истеченіи одного мѣсяца, въ теченіе котораго учащіеся должны были нѣсколько ознакомиться съ французскою устною рѣчью. Теперь во все время остающейся части учебнаго года, составляющей почти 8 мѣсяцевъ, они должны упражняться: a) въ чтеніи, при чемъ учитель предварительно долженъ посредствомъ бесѣдъ съ учащимися доводить ихъ до пониманія читаемаго; b) въ выучиваніи цѣлыхъ прочитанныхъ статей или отрывковъ изъ нихъ; c) въ устномъ изложеніи прочитаннаго, а также усвоеннаго на другихъ предметахъ преподаванія, и d) въ письменномъ изложеніи (безошибочно, выучённаго наизусть, а также разсказаннаго).

Понедѣльникъ.	1. Франц. яз.	Списываніе учениками медленно съ доски одного или нѣсколькихъ предложеній, усвоенныхъ ими устно.
	2. »	Выборка учениками изъ написаннаго текста буквъ французскаго алфавита и записываніе ихъ въ тетради, противъ соотвѣтствующихъ буквъ русскаго алфавита (сей послѣдній, для удобства, долженъ быть написанъ не по направленію строкъ, а по направленіямъ къ нимъ перпендикулярнымъ).
	3. »	Чтеніе по тетрадямъ записанныхъ предложеній отдѣльнымъ ученикомъ и хоромъ.
	4. Зак. Божій.	Священная исторія. Разсказы и чтеніе св. Евангелія.
	5. Гимнастика.	Обыкн. занятія.
	6. Франц. яз.	Изложеніе разсказа изъ св. исторіи на франц. яз. устно, а потомъ нѣск. фразъ письменно.
	7. Рисованіе.	Обыкн. занятія.
	8 Пѣніе и муз.	Обыкн. занятія.
	Дом. занятія.	Письмо текста, который былъ предметомъ занятій на франц. урокѣ.
		Письменное изложеніе части разсказа св. исторіи на русскомъ языкѣ и нѣсколькихъ предложеній на французскомъ.

Вторникъ.	1. Ариѳметика.	Рѣшеніе задачъ, устно и письменно.
	2. Франц. яз.	Изложеніе на франц. языкѣ текста задачи устно и, по возможности, письменно.
	3. »	Чтеніе по книгѣ статьи, извѣстной ученикамъ по содержанію.
	4. »	Списываніе ея и потомъ выучиваніе наизусть.
	5. Гимнастика.	Обыкн. занятія.
	6. Географія.	Описаніе страны, въ видѣ бесѣды, съ помощію карты.
	7. »	Письменное изложеніе усвоеннаго, или черченіе геогр. карты страны.
	8. Франц. яз.	Краткое изложеніе на фр. яз. усвоеннаго на урокѣ географіи.
	9. Пѣніе и муз.	Обыкн. занятія.
	Дом. занятія.	1) Рѣшеніе ариѳм. задачъ.
		2) Опис. на фр. яз. усвоеннаго на урокѣ геогр.

Среда.	1. Русскій яз.	Изученіе стихотвор. на р. яз. такого, которое существуетъ и на фр. яз.
	2. »	Письменно изложеніе части этого стихотвор.
	3. Франц. яз.	Чтеніе того-же стихотвор. на фр. яз.
	4. »	Изученіе наизусть этого стихотвор. на фр. яз.
	5. Гимнастика.	Обыкн. занятія.
	6. Русскій яз.	Грамматич. и логич. разборъ выученнаго стихотвор.
	7. Франц. яз.	Грамматич. и логич. разборъ выуч. фр. стихотвор.
	8. »	Письменное изложеніе части выученнаго стихотвор.
	9. Пѣніе и муз.	Обыкн. занятія.
	Дом. занятія.	Повтореніе разученнаго въ классѣ на фр. яз. и продолженіе выучиванія грамматич. разбора на фр. яз. Спряженіе въ предложеніи какого-нибудь извѣстнаго глагола въ одномъ какомъ-нибудь времени.

Вышеприведенныя распредѣленія II и III учебныхъ занятій въ среднемъ заведеніи, въ теченіе 3-хъ дней недѣли представляютъ достаточное понятіе о возможной связи преподаванія учебныхъ предметовъ класса съ фр. языкомъ, изученіе котораго предположено въ этомъ классѣ преобладающимъ, сравнительно съ изученіемъ другихъ предметовъ. При такомъ преподаваніи, можно надѣятся, что будетъ достигнуто достаточное знаніе фр. языка учениками, даже съ переводомъ ихъ въ 3-й классъ. Въ этомъ послѣднемъ планѣ недѣльныхъ уроковъ будетъ назначено меньше, чѣмъ во 2-мъ, но знанія учащихся будутъ укрѣпляться и расширяться, если только будетъ поддержана разумная связь въ преподаваніи. Грамматическія знанія учащихся должны получаться на основаніи усвоеннаго ими матеріала, а также и одновременно съ такимъ усвоеніемъ. Систематическое-же изученіе грамматики, какъ изученіе законовъ языка, должно быть отнесено на высшіе классы VI, VII и VIII, и притомъ такое изученіе должно быть сравнительнымъ, въ соотвѣтствіи съ грамматическими свойствами другихъ языковъ, изучаемыхъ въ заведеніяхъ, какъ-то—нѣмецкаго, латинскаго, греческаго, русскаго и славянскаго. Сверхъ того, начиная съ IV класса слѣдуетъ ввести самостоятельное чтеніе цѣльныхъ произведеній французскихъ, начиная съ легкихъ. Отчеты о такомъ чтеніи должны быть представляемы на французскомъ и русскомъ языкахъ учителями сихъ предметовъ. Одни изъ учебныхъ предметовъ, лучше всего исторія всеобщая или римская и греческая, должны быть изучаемы на французскомъ языкѣ, по какому-нибудь изъ доступныхъ ученикамъ сочиненій, напр., Ламе-Флери, Дюрюи и пр., независимо отъ изученія предмета на русскомъ языкѣ.

Болѣе подробныя указанія на способы изученія новыхъ языковъ изложены въ «Отчетѣ о занятіяхъ коммиссіи для изысканія мѣръ къ улучшенію преподаванія новыхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Я остановился такъ долго на разсмотрѣніи вопроса о *распредѣленіи* уроковъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ вообще, а въ среднихъ въ особенности, потому что такому *распредѣленію* я придаю чрезвычайно важное значеніе. Одновременное изученіе учащимися 6, 7, 8, 9 и 10 учебныхъ предметовъ, безъ всякой связи между ними, ведетъ къ развитію въ учащихся не сосредоточенности вниманія на преподаваемыхъ предметахъ, а—разсѣянности такого вниманія. Отъ этого происходитъ не основательное, а поверхностное изученіе учебнаго курса. Если къ этому присоединить тотъ вредъ, который происходитъ отъ значительнаго числа уроковъ (5, а иногда 6), слѣдующихъ одинъ за другимъ, часто безъ принятія учениками пищи, и такого-же числа, иногда, уроковъ, назначаемыхъ для домашнихъ занятій, тогда будутъ понятны тѣ неудовлетворительные, а

иногда печальные результаты, къ которымъ наша школа приводитъ наше юношество. Особенно замѣтный получается вредъ отъ неправильнаго распредѣленія преподаванія языковъ. Вмѣсто сосредоточенія вниманія учащихся сперва на одномъ, потомъ постепенно на другихъ языкахъ, преподаваніе ихъ происходитъ, даже въ началѣ, одновременно и растянуто на цѣлыя 6, 7 и 8 лѣтъ, при незначительномъ числѣ уроковъ. Отъ этого въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ не только получаются слабые успѣхи по новымъ языкамъ, но даже нерѣдко, при слабыхъ, большею частію, преподавателяхъ, ученики забываютъ и то, что знали при поступленіи въ заведенія; нѣкоторые изъ нихъ, умѣвшіе говорить на томъ или другомъ языкѣ, по окончаніи курса въ среднемъ заведеніи забываютъ разговорный языкъ.

Весьма желательно, чтобы въ низшихъ классахъ, особенно въ тѣхъ, въ которыхъ начинается преподаваніе какого-нибудь живого языка, при увеличенномъ числѣ уроковъ по этому предмету, были не предметные, а классные учителя, разумѣется, вполнѣ знакомые съ учебными предметами и методикой ихъ преподаванія, такъ какъ при этомъ только условіи можетъ быть достигнута связь въ преподаваніи, а съ нею вмѣстѣ и основательное усвоеніе началъ учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ этихъ классахъ, т.-е. будетъ достигаться то усвоеніе при которомъ и возможно успѣшное усвоеніе учащимися учебнаго курса средняго заведенія, при учителяхъ-педагогахъ.

О педагогической подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведенiй *).

Вопросъ о подготовкѣ учителей въ среднія учебныя заведенія имѣетъ громадную важность въ дѣлѣ нашего отечественнаго образованія. Въ настоящее время онъ настолько назрѣлъ, что поставленъ на разрѣшеніе г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Наши высшія учебныя заведенія и, главнымъ образомъ, университеты съ ихъ двумя факультетами,—историко-филологическимъ и физико-математическимъ,—эти по преимуществу разсадники учителей для среднихъ учебныхъ заведеній, никогда не давали, не даютъ, да и не могутъ дать намъ хорошихъ учителей, потому что наши университеты или, лучше сказать, эти два факультета, стремящіеся изучать науку ради самой науки, оторваны отъ практической жизни и имѣютъ такую постановку учебнаго дѣла, при которой исключается всякая возможность практической педагогической подготовки студентовъ для учительской дѣятельности. При этомъ спѣшу оговориться, дабы не быть ложно понятнымъ: настоящимъ своимъ зявленіемъ я крайне далекъ отъ утвержденія, что у насъ нѣтъ хорошихъ учителей среднихъ учебныхъ заведеній изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ университетахъ. Такихъ учителей у насъ довольно много, но всѣ они своей педагогической подготовкой и опытностью обязаны не университету, а жизни, своей служебной дѣятельности. При этомъ весьма печально то обстоятельство, что ихъ педагогическая подготовка куплена цѣною опытовъ надъ живыми экземплярами, надъ многочисленными учениками, которые прошли чрезъ ихъ руки. Педагогическая подготовка молодыхъ учителей, по уставамъ учебныхъ заведеній, ввѣряется директорамъ ихъ; но по многимъ причинамъ такая подготовка не можетъ идти успѣшно. Во-1-хъ, не всѣ гг. директора учебныхъ заведеній сами стоятъ на высотѣ педагогической опытности; во-2-хъ,

---

*) При составленіи настоящаго проекта я, къ сожалѣнію, не имѣлъ подъ руками ни журналовъ Ученаго Комитета за № 1155 и 1262, ни проекта педагогической семинаріи московскаго педагога. *Примѣч. автора.*

только очень и очень немногіе директора учебныхъ заведеній могутъ быть опытными въ разныхъ методическихъ и иногда весьма важныхъ вопросахъ по всѣмъ предметамъ учебнаго курса своего заведенія, наконецъ, въ 3-хъ, директорамъ учебныхъ заведеній, какъ это ни странно, не дано самыхъ необходимыхъ и могущественныхъ средствъ для выработки въ учителяхъ ввѣренныхъ имъ учебныхъ заведеній педагогической опытности. Правда, директору заведенія не только предоставлено право, но и вмѣнено въ обязанность посѣщать уроки учителей и «подробнѣе вникать во всѣ вопросы, касающіеся обученія, характера и поведенія воспитанниковъ» (§ 4 инструкціи для учительскихъ семинарій); но ни въ одномъ изъ уставовъ учебныхъ заведеній нѣтъ ни одного параграфа, который-бы предоставлялъ право директору заведенія подвергать уроки учителей разбору въ педагогическомъ совѣтѣ заведенія. Вслѣдствіе этого педагогическіе совѣты нашихъ учебныхъ заведеній, обремененные разными другими дѣлами и обязанностями, лишены могущественнаго средства вырабатывать въ молодыхъ учителяхъ общими, дружными усиліями педагогическую опытность. Можетъ быть, многимъ изъ моихъ коллегъ по Кавказскому учебному округу покажется настоящее мое заявленіе неправильнымъ, такъ какъ каждый изъ директоровъ, въ силу возложенной на него обязанности руководить учителей въ преподаваніи, можетъ eo ipso подвергать обсужденію въ совѣтѣ заведенія и уроки ихъ. На это я долженъ возразить, что въ данномъ случаѣ я разумѣю не Кавказскій учебный округъ, а всю Россію, всѣ наши учебные округа, гдѣ подобныя явленія считаются выходящими вонъ изъ установленныхъ служебныхъ рамокъ и могущими создать неудобныя, ненормальныя отношенія какъ преподавателей между собой, такъ и всѣхъ ихъ къ директору заведенія. Вслѣдствіе такого страннаго взгляда и не принято въ нашемъ учебномъ вѣдомствѣ прибѣгать къ указанному средству. Я знаю одного директора учебнаго заведенія на одной изъ нашихъ многочисленныхъ окраинъ, который вздумалъ было подвергать обсужденію въ совѣтѣ уроки преподавателей; но результатомъ этого явилось обостреніе отношеній какъ среди самой корпораціи, такъ и къ начальству округа. Корпорація заведенія довольно справедливо заявляла, что такого новшества она не знаетъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, а начальство не только нашло не тактичной такую дѣятельность директора, но и превышающей его власть, такъ какъ ни однимъ изъ уставовъ учебныхъ заведеній не предоставлено ясно такого права директору заведенія, что также не менѣе справедливо. Между тѣмъ, въ качествѣ директора учительской семинаріи, я долженъ заявить, что даваніе пробныхъ уроковъ воспитанниками выпускного класса и обсужденіе этихъ

уроковъ въ такъ-называемыхъ «педагогическихъ собраніяхъ» служатъ однимъ изъ главныхъ и могущественныхъ средствъ выработки изъ нашихъ воспитанниковъ болѣе или менѣе опытныхъ въ дѣлѣ учителей начальныхъ училищъ. Съ этимъ положеніемъ, я увѣренъ, согласится каждый директоръ учительской семинаріи и учительскаго института. Вотъ этого-то могущественнаго средства и лишенъ директоръ учебнаго заведенія въ дѣлѣ педагогической подготовки молодыхъ учителей среднихъ учебныхъ заведеній. Желая покончить здѣсь съ этимъ вопросомъ, я долженъ высказать, что какъ-бы ни былъ рѣшенъ вопросъ о подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній, директорамъ послѣднихъ должно быть не только предоставлено право, но и вмѣнено въ обязанность не только посѣщать уроки наставниковъ и приглашать на эти уроки другихъ преподавателей, но и подробно, всесторонне разбирать ихъ въ педагогическомъ совѣтѣ, или-же въ особыхъ предметныхъ коммиссіяхъ *).

Приступая къ рѣшенію вопроса о педагогической подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній, я долженъ прежде всего заявить, что въ подготовленныхъ учителяхъ нуждаются не только гимназіи, реальныя училища, но и учительскіе институты, учительскія семинаріи и всѣ вообще учебныя заведенія, имѣющія характеръ среднихъ. Слѣдовательно, дѣло педагогической подготовки учителей должно быть организовано такъ, чтобы всѣ означенныя учебныя заведенія получали подготовленныхъ учителей.

«**Въ какой формѣ было-бы желательно осуществить мысль о педагогической подготовкѣ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній: въ формѣ-ли одного или немногихъ центральныхъ учрежденій для всей Имперіи, или по округамъ въ видѣ особыхъ семинарій или курсовъ, самостоятельныхъ или при существующихъ учебныхъ заведеніяхъ, и, въ послѣднемъ случаѣ,—при какихъ именно, или въ какой-либо формѣ?**» спрашиваетъ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія въ своемъ циркулярѣ, отъ 16 ноября 1898 года за № 27.971. Отвѣчая на первую половину поставленнаго вопроса, я долженъ высказать, что нельзя въ данномъ случаѣ ограничиваться учрежденіемъ одного или даже не-

---

*) По указаннымъ выше самимъ авторомъ причинамъ, мы полагаемъ, что, при настоящей односторонней педагогической подготовкѣ директоровъ нашихъ средне-учебныхъ заведеній, никоимъ образомъ не желательно вмѣнять имъ въ обязанность подробно, всесторонне разбирать эти уроки въ педагогическомъ Совѣтѣ, или въ особыхъ предметныхъ коммиссіяхъ. Хотя это и могло-бы принести большую пользу начинающимъ преподавателямъ, но принесло-бы немало вреда дѣлу, вызывая сильное обостреніе взаимныхъ отношеній между членами педагогической корпораціи и отношеній ихъ къ начальнику учебнаго заведенія.
Ред.

многихъ центральныхъ педагогическихъ учрежденій для всей Имперіи, такъ какъ наше отечество слишкомъ велико и крайне разнообразно какъ по своимъ естественнымъ условіямъ и составу народонаселенія, такъ, слѣдовательно, и по условіямъ педагогической дѣятельности. Условія эти такъ разнообразны, сложны и вмѣстѣ съ тѣмъ не похожи другъ на друга, что нельзя, пока, еще и думать о нивеллировкѣ ихъ во всѣхъ частностяхъ и деталяхъ однимъ общеимперскимъ масштабомъ, который, впрочемъ, обязательно долженъ лежать въ основѣ всѣхъ нашихъ стремленій, сводя все къ единству Россіи. У насъ пока, что ни край, что ни учебный округъ, то новыя условія для государственной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣтительной дѣятельности: разныя географическія и этнографическія условія, разныя мѣстныя историческія традиціи и народныя стремленія, разныя способствующія и противодѣйствующія нашему дѣлу условія. Въ самомъ дѣлѣ, какая громадная разница въ мѣстныхъ условіяхъ для нашей русской созидательной работы, напр., въ слѣдующихъ округахъ: Рижскомъ, Варшавскомъ, Виленскомъ, Кавказскомъ, Казанскомъ, Оренбургскомъ, Западно-Сибирскомъ, въ Восточной Сибири и Туркестанѣ, съ одной стороны, и въ Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Кіевскомъ и Одесскомъ—съ другой!? И вмѣстѣ съ тѣмъ какая громадная разница между этими округами, раздѣленными мною на двѣ группы?! Всякій государственный дѣятель, а въ томъ числѣ и педагогъ, долженъ быть вполнѣ обстоятельно знакомъ съ условіями, среди которыхъ ему приходится работать, а это возможно только тогда, когда наши дѣятели будутъ изучать эти условія на мѣстѣ, въ живой ихъ дѣйствительности, въ самомъ жизненномъ водоворотѣ народныхъ страстей и стремленій. На основаніи этого я полагаю, что педагогическая подготовка молодыхъ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній должна происходить не въ какомъ-либо одномъ или немногихъ пунктахъ нашего обширнаго отчества, а по учебнымъ округамъ, въ мѣстахъ резиденціи попечителей учебныхъ округовъ, подъ ближайшимъ опытнымъ руководствомъ лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ. Въ каждомъ учебномъ округѣ есть свои хорошія традиціи, есть люди — живые носители этихъ традицій. Только при условіи живого, непосредственнаго общенія со всѣми этими лучшими сторонами нашихъ учебныхъ округовъ наши педагоги и будутъ хорошо ознакомлены какъ съ особенностями веденія учебно-воспитательнаго дѣла, такъ и со всѣми условіями нашего государственнаго дѣла вообще. Не могу согласится я и съ тѣмъ мнѣніемъ, что эту педагогическую подготовку нашихъ учителей слѣдуетъ возложить на университеты. Какъ до сего времени наши университеты не дали намъ хорошихъ учителей среднихъ

учебныхъ заведеній, такъ и впредь они не могутъ дать ихъ по причинамъ, изложеннымъ выше. Я ничего не имѣю противъ введенія въ курсъ наукъ историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ преподаванія педагогики; конечно, лучше что-нибудь, чѣмъ ничего; но въ то-же время я не могу ожидать отъ университетскаго преподаванія педагогики особыхъ услугъ педагогической подготовкѣ молодыхъ людей. Въ университетѣ педагогика будетъ преподаваться, главнымъ образомъ, какъ наука, для нашихъ-же цѣлей важно изученіе ея, какъ живого и самаго высшаго и труднаго искусства. Университетъ, какъ поставленный отдѣльно отъ педагогическаго дѣла и учебныхъ заведеній, въ которыхъ это дѣло дѣлается, и можетъ преподавать педагогику, только какъ науку чисто теоретическую, научить-же живому дѣлу воспитанія могутъ только люди практики, люди, стоящіе у самаго этого дѣла. Только они, богатые своимъ педагогическимъ опытомъ, и могутъ преподавать авторитетныя указанія, какъ вести въ тѣхъ или другихъ случахъ дѣло воспитанія вообще и обученія въ частности. А всѣ эти указаніи, наставленія-совѣты, вытекающіе изъ опыта и направленные на опытъ, и есть самые цѣнные, самые необходимые для нашего учебно-воспитательнаго дѣла. Сверхъ этого, нельзя не согласиться съ глубоко-правдивымъ замѣчаніемъ нашего высокоуважаемаго г. попечителя Кавказскаго Учебнаго округа К. П. Яновскаго, который говоритъ слѣдующее: «Поверхностное усвоеніе тѣхъ или другихъ научныхъ истинъ нельзя считать полезнымъ; скорѣе оно вредно, такъ какъ, не пріучая человѣка къ основательности умственной работы, развиваетъ въ немъ верхоглядство, легкость характера, излишнее самомнѣніе и пустое тщеславіе. Къ сожалѣнію, наши высшія учебныя заведенія, большею частью, выпускаютъ молодыхъ людей, которые не отличаются знаніемъ наукъ, изучаемыхъ ими въ этихъ заведеніяхъ». («Русская Школа» 1898 года, апрѣль; Мысли о воспитаніи и обученіи стр. 96). Сводя къ одному все вышеизложенное о мѣстѣ, къ которому должна быть пріурочена педагогическая подготовка молодыхъ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній, я долженъ сказать, что она должна быть организована отдѣльно при каждомъ учебномъ округѣ, и не при университетахъ, а подъ ближайшимъ наблюденіемъ попечителя округа.

Переходя къ вопросу о формѣ, которую должно принять это важное дѣло,—педагогическая подготовка молодыхъ учителей,—я не желалъ-бы облекать ее въ форму какого-либо учебнаго заведенія, напр., педагогической семинаріи или института, а также и пріурочивать ее къ какому-либо существующему учебному заведенію, напр., къ извѣстной гимназіи. Первая изъ этихъ формъ нежелательна по

слѣдующимъ соображеніямъ. Педагогическая семинарія или институтъ, безъ всякаго сомнѣнія, приметъ форму учебнаго заведенія съ своими шаблонными профессорами и лекціоннымъ способомъ преподаванія, съ тѣми-же семестрами, экзаменами и другими неизбѣжными формами, безъ которыхъ не обходится у насъ ни одно учебное заведеніе и которыя мало способствуютъ лучшей постановкѣ учебнаго дѣла. Не нужно забывать и того обстоятельства, что мы имѣемъ въ настоящемъ случаѣ дѣло съ вполнѣ образованными людьми, которые уже въ гимназіяхъ удостоены аттестатовъ зрѣлости и успѣшно прошли университетскій курсъ наукъ. Они ужъ слишкомъ много учились, много знаютъ, слишкомъ много слушали и готовили уроковъ и лекцій, слишкомъ много въ своей, хотя и не долгой жизни, сдали экзаменовъ. Довольно уже съ нихъ этихъ уроковъ, лекцій и экзаменовъ. Да едва-ли такая постановка дѣла,—слушаніе лекцій и сдача экзаменовъ,—такая слишкомъ пассивная и весьма шаблонная, мертвенная подготовка къ педагогическому поприщу привлечетъ много нашихъ университантовъ въ эти педагогическія теплицы. Нельзя также и пріурочить дѣло подготовки молодыхъ учителей къ какому-либо одному учебному заведенію. Это значило-бы прежде всего съуживать это дѣло, нанося этимъ самымъ вредъ ему. Въ подготовленныхъ учителяхъ, какъ я сказалъ выше, нуждаются не однѣ только гимназіи и реальныя училища, а всѣ учебныя заведенія, имѣющія характеръ среднихъ, или говоря точнѣе, всѣ тѣ, которыя имѣютъ у себя учителей съ высшимъ образовательнымъ цензомъ. Не говоря уже о томъ, что наши учебныя заведенія разнаго типа имѣютъ и разные учебные предметы (древніе языки въ мужскихъ гимназіяхъ, естественныя науки въ реальныхъ училищахъ, сельскохозяйственныя отрасли знаній въ учительскихъ семинаріяхъ), одни и тѣже учебные предметы въ учебныхъ заведеніяхъ разнаго типа имѣютъ разный объемъ, разныя цѣли и характеръ преподаванія, словомъ, разную постановку (русскій языкъ, математика, исторія и географія въ гимназіяхъ и учительскихъ семинаріяхъ; естествовѣдѣніе въ реальныхъ училищахъ и въ учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ и пр.). Пріурочивая-же педагогическую подготовку учителей къ какому-либо учебному заведенію, напр., къ гимназіи, мы только съузимъ ее въ ущербъ самому дѣлу. Гораздо будетъ практичнѣе, если кандидаты на должность учителей, раздѣлившись на предметныя группы, сообразно своему образовательному цензу, изучатъ практическую постановку дѣла преподаванія избранныхъ ими предметовъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподаются эти предметы. Тогда эти кандидаты могутъ выбирать и быть назначаемы по предметамъ своей спеціальности въ любое учеб-

ное заведеніе того или другого типа. Значитъ, дѣло нужно организовать такъ, чтобы эти молодые люди въ своихъ занятіяхъ не были пріурочены къ одному какому-либо учебному заведенію, а были поставлены въ связь со всѣми учебными заведеніями даннаго города, а если возможно, то и съ окрестными, ближайшими къ этому городу учебными заведеніями такого типа, какого почему-либо нѣтъ въ резиденціи попечителя округа (напр., въ Тифлисѣ нѣтъ учительской семинаріи, но такое учебное заведеніе есть вблизи Тифлиса, въ Гори, съ которымъ имѣется прекрасное и скорое сообщеніе).

Мнѣ кажется, было-бы всего цѣлесообразнѣе облечь подготовку учителей для среднихъ учебныхъ заведеній въ форму, близкую къ педагогическому обществу. Только при этомъ условіи и возможно, по моему мнѣнію, достигнуть того, чтобы эта подготовка была наиболѣе разумна, наиболѣе самодѣятельна, а слѣдовательно, и продуктивна. Лекціонный способъ преподаванія, этотъ остатокъ средневѣковой старины, по совершенно вѣрному замѣчанію нашихъ крупныхъ педагоговъ Н. И. Пирогова и К. П. Яновскаго, долженъ быть почти оставленъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ онъ парализуетъ самодѣятельность учащихся; онъ съ успѣхомъ можетъ быть практикуемъ, по авторитетному указанію К. П. Яновскаго, только въ слѣдующихъ случаяхъ: «1) когда студенты уже болѣе или менѣе ознакомлены съ предметомъ, которому посвящена та или другая лекція, посредствомъ чтенія или изученія сочиненія, касающагося того-же предмета; опытный профессоръ можетъ дать нѣсколько такихъ лекцій, съ цѣлью дополненія или же разъясненія того, что изучали студенты самостоятельно; и 2) лекціи не только могутъ быть допускаемы, но даже онѣ необходимы, когда сопряжены съ нѣкоторыми опытами и наблюденіями, какъ, напр., при преподаваніи опытныхъ наукъ. («Русская Школа», 1898 г., апрѣль, стр. 104). Главнымъ-же средствомъ ознакомленія съ извѣстной наукой должно быть признано самостоятельное изученіе ея учащимися. Только при этомъ условіи и развивается самодѣятельность учащагося, которая, по справедливому заключенію нашего высокоуважаемаго педагога, есть важное педагогическое средство, при которомъ «вниманіе сосредоточивается на изучаемомъ предметѣ или на исполняемой работѣ несравненно интенсивнѣе, чѣмъ при пассивной дѣятельности» (тамъже, стр. 101). Исходя изъ этого вполнѣ вѣрнаго и авторитетнаго указанія, мы и должны позаботиться о томъ, чтобы эта педагогическая подготовка молодыхъ учителей была наиболѣе самодѣятельна и самостоятельна. Условія для такой работы всѣ на лицо: полная и законченная предварительная умственная подготовка молодыхъ людей и сравнительное богатство въ настоящее время педагогической

литературы даже на русскомъ языкѣ. Самостоятельныя занятія означенныхъ молодыхъ людей должны быть организованы примѣнительно къ тому, что совѣтуетъ сдѣлать для нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній высокоуважаемый К. П. Яновскій (тамъ-же, стр. 103—106). Руководители, которые будутъ вести это дѣло, придерживаясь выработанной и утвержденной попечителемъ округа программы, должны организовать свои занятія съ извѣстной группой молодыхъ педагоговъ слѣдующимъ образомъ. Выбравъ какой-либо педагогическій вопросъ или даже цѣлый небольшой отдѣлъ изъ педагогики или методики извѣстнаго предмета и указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ все относящееся сюда болѣе или менѣе цѣнное въ педагогической литературѣ: руководства, отдѣльныя монографіи, разные трактаты до журнальныхъ педагогическихъ статей включительно, поручить одному, двумъ или болѣе практикантамъ обслѣдовать этотъ вопросъ или отдѣлъ всесторонне, обративъ ихъ вниманіе на главныя, существенныя и второстепенныя части избраннаго предмета, на болѣе цѣнныя и менѣе важныя статьи съ тѣмъ, чтобы въ извѣстное время было сдѣлано ими въ общемъ собраніи извѣстной группы молодыхъ педагоговъ сообщеніе иногда письменное, но чаще всего, за недостаткомъ времени, устное. Обслѣдованный такимъ образомъ педагогическій или методическій вопросъ сдѣлается достояніемъ всей группы. При этомъ должно быть предоставлено широкое право обмѣну мыслей, возраженіямъ и спорамъ. Роль руководителя должна заключаться въ томъ, чтобы внимательно выслушать сообщеніе, которое покажетъ, на сколько данное лицо обстоятельно обслѣдовало извѣстный вопросъ, въ возбужденіи преній по интересующему вопросу, въ направленіи и руководствѣ этихъ преній, въ суммированіи полученныхъ педагогическихъ итоговъ и въ дополненіи ихъ, если это окажется нужнымъ, своими мнѣніями и соображеніями, въ иллюстраціи примѣрами изъ своей педагогической практики. Одновременно съ этимъ другой педагогическій вопросъ или отдѣлъ можетъ быть порученъ для изученія другой группѣ педагоговъ, которая сдѣлаетъ свои подобныя сообщенія въ слѣдующую затѣмъ очередь и т. д. Такое живое, почти вполнѣ самостоятельное изученіе педагогическаго дѣла, руководимое опытнымъ и умѣлымъ лицомъ, будетъ самое плодотворное, цѣлесообразное и вполнѣ цѣнное, такъ какъ далось не пассивнымъ, а вполнѣ активнымъ путемъ. Такое живое общеніе молодыхъ педагоговъ между собой и съ своими опытными руководителями, провѣряемое къ тому-же на живомъ дѣлѣ воспитанія и обученія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ даннаго города, разовьетъ не только знаніе, но и любовь къ педагогическому дѣлу, вкусъ къ педагогической литературѣ, обогатитъ прочными

свѣдѣніями, выработаетъ педагогическую наблюдательность и искреннее, сердечное желаніе честно работать на педагогическомъ поприщѣ. «При такой работѣ,—говоритъ нашъ педагогъ К. П. Яновскій,—въ примѣненіи къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, будетъ происходить дѣйствительное воспитаніе духовныхъ силъ молодыхъ людей, на которыхъ воспитательное вліяніе профессоровъ будетъ обнаруживаться осязательно; образуется тѣсная связь между студентами и профессорами, что̀ такъ необходимо для духовнаго развитія молодежи» (тамъ-же, стр. 106). Въ примѣненіи-же къ нашему дѣлу я долженъ сказать, что при такомъ способѣ подготовки молодыхъ педагоговъ, образуется тѣсная и живая связь между ними и дѣломъ воспитанія и обученія въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ они будутъ въ это время практически работать. При такомъ способѣ подготовки совершенно излишни не только лекціи, которыя зачастую бываютъ сухи, безжизненны и даже безсодержательны, но и всякіе экзамены до выпускныхъ включительно. Всѣ руководители молодыхъ педагоговъ, до главы этого дѣла включительно, будутъ ежедневно видѣть, кто и какъ изъ нихъ работаетъ и относится къ своему дѣлу. Только такой способъ педагогической подготовки и привлечетъ къ этому дѣлу людей, желающихъ серьезно и самостоятельно работать, всякій-же другой, шаблонный, избитый способъ оттолкнетъ всѣ лучшія и разумныя силы. Кому-же, въ самомъ дѣлѣ, охота вѣчно пассивно учиться и сдавать экзамены?! Такъ, по моему мнѣнію, должна быть организована теоретическая часть педагогической подготовки учителей среднихъ учебныхъ заведеній. Она должна состоять изъ ознакомленія съ физіологіей и гигіеной человѣка вообще и школьной въ особенности, общей педагогикой и дидактикой, исторіей педагогики и методикой тѣхъ учебныхъ предметовъ, къ преподаванію которыхъ готовятся молодые люди. Никакихъ другихъ предметовъ и наукъ не должно быть преподаваемо; не долженъ быть преподаваемъ даже и тотъ учебный предметъ, къ преподаванію котораго готовятся молодые люди. Это дѣло не наше, а дѣло университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній; наше дѣло дать только теоретическую и, главнымъ образомъ, практическую педагогическую подготовку тѣмъ изъ окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые желаютъ быть учителями и которые уже основательно знакомы съ предметомъ своей науки. Время для занятія положенными педагогическими отдѣлами должно быть назначено вечеромъ, такъ какъ утреннее классное время должно быть посвящено практическимъ занятіямъ по педагогикѣ: дѣлу обученія и воспитанія.

Во главѣ этихъ педагогическихъ курсовъ или педагогическаго

общества съ цѣлью подготовки учителей среднихъ учебныхъ заведеній долженъ быть поставленъ особый директоръ. Лицо это должно быть вполнѣ компентентное въ вопросахъ педагогическихъ, и богатое своей педагогической опытностью. На него должно быть возложено: подробная, всесторонняя и наиболѣе практическая организація веденія этого дѣла, общее руководство этимъ дѣломъ, изысканіе разныхъ способовъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ, чтобы практическая подготовка молодыхъ педагоговъ была наиболѣе полна и всестороння, соглашеніе и приведеніе къ единству всѣхъ руководителей молодыхъ педагоговъ по разнымъ учебнымъ предметамъ, полный контроль надъ ними, присутствіе, по его усмотрѣнію, на вечернихъ педагогическихъ собраніяхъ, когда могутъ быть приглашаемы имъ и разныя свѣдущія въ педагогическомъ дѣлѣ лица, а также предсѣдательствованіе въ совѣтѣ этихъ курсовъ, членами котораго должны быть всѣ предметные руководители. Ему-же, какъ наиболѣе свѣдущему лицу въ вопросахъ общей педагогики, должно быть поручено ознакомленіе молодыхъ людей съ общей педагогикой (по отдѣлу душевнаго воспитанія), дидактикой и исторіей педагогики; наконецъ, на него-же должно быть возложено руководство молодыхъ людей въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, понимая послѣднее въ болѣе тѣсномъ смыслѣ (изученіе дѣтскихъ характеровъ, индивидуальныхъ ихъ особенностей, исправленіе тѣхъ или другихъ недостатковъ и развитіе добрыхъ, положительныхъ сторонъ ихъ характеровъ). Само собою понятно, что лицо это должно быть выбрано самое просвѣщенное въ педагогическомъ дѣлѣ во всемъ учебномъ округѣ и, сообразно своему въ высшей степени важному значенію, должно быть вполнѣ обезпечено въ матеріальномъ отношеніи, получая содержанія не мѣнѣе 4.000 р. въ годъ, при готовой квартирѣ. Ознакомленіе молодыхъ людей съ вопросомъ физическаго воспитанія, которое въ послѣднее время предъявляетъ все бо̀льшія права на наше особое вниманіе, должно быть поручено свѣдущему въ этомъ дѣлѣ просвѣщенному врачу; онъ долженъ ознакомить молодыхъ людей съ физіологіей и гигіеной человѣка вообще и дѣтской, школьной въ особенности; на него-же должна быть возложена и подача медицинской помощи на означенныхъ курсахъ. Годовое содержаніе ему можетъ быть назначено въ 800 р. Этихъ двухъ назначеній вполнѣ достаточно для постановки преподаванія общеобязательныхъ педагогическихъ предметовъ.

Далѣе, молодые педагоги, сообразно своему образовательному цензу и стремленіямъ каждаго, раздѣляются, съ цѣлью спеціализироваться въ преподаваніи предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ, на группы. Такихъ группъ можетъ быть семь: 1) по Закону Божію,

2) русскому языку, логикѣ и исторіи, 3) географіи и естествовѣдѣнію, 4) математикѣ, физикѣ и космографіи, 5) древнимъ языкамъ: латинскому и греческому, 6) новымъ языкамъ: французскому и нѣмецкому и 7) туземнымъ языкамъ. (Географію я присоединяю къ естествовѣдѣнію, такъ какъ, по моему убѣжденію, этотъ учебный предметъ, какъ онъ понимается въ настоящее время послѣ знаменитаго Риттера, можетъ съ бо́льшимъ успѣхомъ преподавать не историкъ, а именно естественникъ). По каждой изъ этихъ группъ долженъ быть назначенъ особый опытный руководитель, хорошій методистъ своего дѣла, изъ числа состоящихъ на службѣ учителей среднихъ учебныхъ заведеній. По своей прямой службѣ въ учебныхъ заведеніяхъ эти руководители не должны быть обременены работой; поэтому они должны имѣть только отъ 12 до 15 уроковъ въ недѣлю. Чѣмъ больше они будутъ имѣть свободнаго времени по своимъ учебнымъ заведеніямъ, тѣмъ съ бо́льшей возможностью они посвятятъ себя дѣлу подготовки молодыхъ педагоговъ, которое потребуетъ отъ нихъ много работы и энергіи. При этомъ необходимо замѣтить, что эти такъ называемые предметные руководители обязательно должны состоять въ должности учителя какого-либо учебнаго заведенія, потому что только при условіи веденія живого дѣла преподаванія, они и могутъ быть хорошими и авторитетными руководителями, въ противномъ-же случаѣ они явятся безпочвенными теоретиками. Они должны ознакомить молодыхъ людей со всѣми подробностями и частностями преподаванія своего предмета въ учебныхъ заведеніяхъ разнаго типа, или, говоря яснѣе, съ методикой его. При этомъ можетъ случиться, что иногда трудно будетъ отыскать такого опытнаго руководителя, который могъ-бы хорошо и обстоятельно ознакомить своихъ слушателей съ методикой преподаванія предметовъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ; въ такомъ случаѣ придется назначить по одному и тому-же предмету двухъ, но не болѣе, руководителей. Кромѣ ознакомленія съ методикой учебныхъ предметовъ тѣмъ-же путемъ, какой указанъ выше для общепедагогическихъ предметовъ, эти руководители должны практически знакомить молодыхъ людей съ преподаваніемъ; съ этою цѣлью они даютъ въ присутствіи ихъ образцовые уроки. Но ограничиваться слушаніемъ уроковъ однихъ только руководителей нежелательно; чѣмъ бо́льшее количество уроковъ прослушаютъ молодые люди у разныхъ опытныхъ наставниковъ даннаго города, которые могутъ вести прекрасно дѣло своего преподаванія по разнымъ отдѣламъ учебнаго предмета, тѣмъ будетъ больше пользы для дѣла. А потому, руководители или сами, или чрезъ посредство директора курсовъ должны входить въ соглашеніе съ этими другими опытными учителями, прося ихъ дать

въ присутствіи молодыхъ педагоговъ тѣ или другіе образцовые уроки. Первое учебное полугодіе должно быть, по моему мнѣнію, посвящено только этому дѣлу; пусть молодые педагоги на первое время, изучая методику преподаванія предмета, только пока внимательно слушаютъ уроки опытныхъ лицъ, а по вечерамъ въ педагогическихъ собраніяхъ по отдѣльнымъ группамъ, подъ руководствомъ своихъ менторовъ въ этомъ дѣлѣ, отдаютъ отчетъ въ томъ, что видѣли, слышали и наблюдали, подвергая и самые уроки критическому разбору не съ цѣлью порицанія оныхъ, а съ цѣлью лучшаго усвоенія себѣ тѣхъ или другихъ пріемовъ преподаванія. Въ слѣдующее затѣмъ полугодіе и въ остальной второй годъ своей подготовки,— молодые люди сами упражняются въ преподаваніи, подъ наблюденіемъ своихъ руководителей; въ теченіе второго полугодія перваго года и перваго полугодія второго года эти пробные уроки должны быть даваемы по заранѣе составленнымъ и одобреннымъ руководителями конспектамъ; въ остальное-же полугодіе уроки должны быть даваемы ими уже безъ конспектовъ. И опять: уроки эти могутъ и должны быть даваемы не только въ томъ учебномъ заведеніи и въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ преподаетъ самъ руководитель, но во всѣхъ другихъ классахъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, по соглашенію съ начальствомъ послѣднихъ, подъ непремѣннымъ условіемъ,—въ присутствіи руководителя и всей данной группы молодыхъ педагоговъ. Вообще я долженъ замѣтить, чѣмъ въ бо̀льшую связь и съ бо̀льшимъ количествомъ разнообразныхъ учебныхъ заведеній будутъ поставлены молодые люди, съ цѣлью практическаго изученія преподаванія, тѣмъ болѣе плодотворными результатами будетъ сопровождаться педагогическая подготовка ихъ. Большая часть утренняго кaсснаго времени должна быть посвящена этимъ урокамъ и посѣщенію разныхъ учебныхъ заведеній; но, впрочемъ, должно быть оставлено достаточно времени молодымъ людямъ на домашнія занятія для ознакомленія съ общепедагогическими предметами, чтеніе педагогической литературы, составленіе конспектовъ и пр. Вполнѣ, по моему мнѣнію, будетъ достаточно, если образцовымъ и пробнымъ урокамъ будетъ ежедневно посвящено по три часа. Всѣ эти уроки вечеромъ въ особыхъ педагогическихъ собраніяхъ по предметнымъ группамъ должны быть тщательно и всесторонне обсуждены. Эти педагогическія конференціи, направляемыя опытной рукой руководителя, должны носить на себѣ непринужденный характеръ бесѣдъ, гдѣ каждый можетъ свободно высказывать свои возраженія, сомнѣнія и подавать совѣты, наблюдая лишь одно, чтобы не задѣвать самолюбія и личности другъ друга. Тогда эти бесѣды будутъ самымъ могущественнымъ средствомъ выработки педагогическаго умѣнья,

такта и опытности. На этихъ-же бесѣдахъ молодые педагоги должны давать отчетъ въ своемъ знакомствѣ съ разными употребляемыми въ учебныхъ заведеніяхъ учебниками, а равно и съ дѣтской школьной литературой по этому предмету, дѣлая критическія сравнительныя оцѣнки ихъ. На эту сторону дѣла должно быть обращено самое серьезное вниманіе, такъ какъ наши гг. учителя страдаютъ отсутствіемъ надлежащаго знанія по этой крайне важной отрасли педагогическаго дѣла. Хорошій учитель долженъ хорошо знать сравнительное достоинство разныхъ учебниковъ своего предмета и всю дѣтскую литературу по нему, отлично знать, кому изъ учениковъ, когда, въ какой части проходимаго курса и что̀, какую книжку дать для домашняго чтенія. Только тогда наше учебное дѣло и пойдетъ хорошо и успѣшно, когда наши ученики не будутъ довольствоваться одними сухими, безжизненными учебниками, а будутъ освѣжать свои уроки путемъ систематическаго и разумнаго чтенія доступныхъ имъ книжекъ и тѣмъ самымъ положатъ прочное начало самообразованію.

Продолжительность занятій на этихъ курсахъ не можетъ быть менѣе двухъ лѣтъ; нашъ учебный годъ, богатый вакаціоннымъ временемъ и разными праздниками, такъ малъ, что въ продолженіе одного года молодому человѣку нельзя выработать въ себѣ достаточную педагогическую опытность въ сложномъ и трудномъ дѣлѣ воспитанія и обученія дѣтей.

Что касается вопроса о денежномъ вознагражденіи предметныхъ руководителей молодыхъ людей въ дѣлѣ ихъ педагогической подготовки, то я не могу не высказать затрудненія по опредѣленію этой не менѣе существенной стороны дѣла. Дѣло въ томъ, что при этомъ опредѣленіи я не знаю, что̀ мнѣ принять за исходную точку своихъ соображеній: настоящее-ли поурочное содержаніе учителя средняго учебнаго заведенія, или будущее проектируемое повышеніе его въ окладѣ содержанія; а потому мнѣ въ высшей степени трудно вычислить весь расходъ на подготовку молодыхъ педагоговъ. Буду держаться современной нормы содержанія учителя гимназіи. Это во 1-хъ. Во 2-хъ, нужно разъ навсегда согласиться съ тѣмъ, чтобы эти гг. руководители молодыхъ педагоговъ, какъ наилучшія педагогическія силы, которымъ, къ тому-же, предстоитъ много труда по новому дѣлу, были хорошо обставлены въ матеріальномъ отношеніи. Только при этомъ условіи мы и можемъ привлечь на эту работу лучшихъ людей. Современная жизнь стала настолько дорога, что скромному труженнику едва хватаетъ въ годъ на содержаніе себя и своей семьи 2.500 — 3.000 рублей. Поэтому было-бы весьма желательно, чтобы эти руководители по преподаванію, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ и трудныхъ предметовъ получали въ общей сложности за весь свой трудъ какъ по прямой своей службѣ

въ учебномъ заведеніи, такъ и на этихъ педагогическихъ курсахъ не менѣе 3.000 р. въ годъ. Выше мною было опредѣлено, что учитель-руководитель долженъ имѣть не болѣе 15 уроковъ въ учебномъ заведеніи, въ которомъ онъ состоитъ по прямой своей службѣ; за такое количество уроковъ учитель, напр., гимназіи, по прослуженіи 5 лѣтъ, у насъ, въ Закавказьѣ, какъ привиллегированной мѣстности, получаетъ жалованья, квартирныхъ и добавочныхъ 1.480 р. въ годъ. Исходя отсюда и, сообразуясь съ трудностью веденія дѣла преподаванія разныхъ учебныхъ предметовъ, а также съ образовательнымъ цензомъ и служебнымъ положеніемъ руководителей, я постараюсь опредѣлить приблизительное дополнительное денежное вознагражденіе гг. руководителямъ за ихъ трудъ подготовки молодыхъ педагоговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить всѣ расходы по организаціи этого дѣла.

1. Директору, при готовой квартирѣ	4.000 р.
2. Врачу-преподавателю педагогики по отдѣлу физическаго воспитанія.	800 »
3. Руководителямъ по	
а) Закону Божію	800 »
б) русскому языку, логикѣ и исторіи	1.500 »
в) географіи и естествовѣдѣнію	1.500 »
г) математикѣ, физикѣ и космографіи.	1.500 »
д) древнимъ языкамъ: латинскому и греческому. .	1.500 »
е) новымъ языкамъ: французскому и нѣмецкому .	1.500 »
и ж) туземнымъ языкамъ.	900 »
(по 300 р. за каждый изъ языковъ).	
4. На дополнительное вознагражденіе разнымъ лицамъ за образцовые уроки и участіе въ педагогическихъ конференціяхъ.	1.000 »
5. На предметъ приглашенія на одну и ту-же группу двухъ руководителей.	900 »
6. На библіотеку и учебныя пособія.	1.000 »
7. На наемъ помѣщенія	2.000 »
и 8. Содержаніе дома, наемъ прислуги и канцелярскіе расходы	3.000 »
Итого. . . .	21.900 р.

Въ объясненіе составленнаго мною штата, я долженъ сказать слѣдующее: 1) Сумму въ 1.000 р. на дополнительное вознагражденіе разнымъ лицамъ за образцовые уроки и за участіе ихъ въ педагогическихъ конференціяхъ я считаю вполнѣ необходимой, потому что только при этомъ условіи и возможно будетъ склонить того или другого опытнаго въ своемъ дѣлѣ учителя, но не попавшаго

въ число руководителей на эти курсы, принять дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ и подѣлиться съ молодыми педагогами своей опытностію. Сумма эта должна быть выдаваема или распредѣляема совѣтомъ этихъ курсовъ. 2) На предметъ приглашенія, если потребуется, на одну и ту же группу двухъ руководителей сумму въ 900 р. я считаю также необходимой; при этомъ положенная нормальная плата за руководительство должна быть понижена по крайней мѣрѣ на одну треть. 3) Сумма въ 1.000 р. внесена мною на пріобрѣтеніе такихъ педагогическихъ сочиненій, руководствъ и журналовъ, а также и учебныхъ пособій, которые окажется нужнымъ имѣть всегда подъ рукой и при томъ въ достаточномъ количествѣ, или которыхъ не окажется въ данномъ городѣ. До тѣхъ поръ, пока у этого педагогическаго общества не составится своя собственная вполнѣ достаточная библіотека, ему должно быть предоставлено право пользоваться библіотеками всѣхъ учебныхъ заведеній. 4) Хотя курсы эти и не носятъ на себѣ характера учебнаго заведенія, а слѣдовательно и не нуждаются въ классныхъ комнатахъ, но тѣмъ не менѣе для нихъ должно быть особое помѣщеніе, при чемъ достаточно 7 комнатъ для педагогическихъ вечернихъ собраній по отдѣльнымъ группамъ, 1 зала общихъ собраній для общепедагогическихъ предметовъ и разныхъ другихъ цѣлей, 1 комната для библіотеки, 1 для канцеляріи и 6 комнатъ для директора. Означенная мною арендная плата за 16 комнатъ въ 2.000 р., я думаю, будетъ вполнѣ достаточна и для самаго дорогого города, за исключеніемъ развѣ столицъ. 5). На содержаніе дома, отопленіе, освѣщеніе, поддержаніе чистоты, наемъ прислуги, наемъ письмоводителя, канцелярскіе расходы, пріобрѣтеніе разныхъ предметовъ мною назначается сумма въ 3.000 р. Какъ ни велика можетъ показаться эта сумма на первый взглядъ, но ея едва хватитъ въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ резиденціи гг. попечителей учебныхъ округовъ.

Слѣдовательно, весь расходъ по устройству проектируемыхъ мною педагогическихъ курсовъ или педагогическаго Общества съ цѣлью подготовки учителей среднихъ учебныхъ заведеній выразится въ цыфрѣ 21.900 р. въ годъ на каждый округъ въ привиллегированныхъ мѣстностяхъ Имперіи, каковыхъ учебныхъ округовъ у насъ пять: Виленскій, Варшавскій, Рижскій, Кавказскій и Западно-Сибирскій. Принимая же во вниманіе, что въ остальныхъ семи учебныхъ округахъ: Петербургскомъ, Московскомъ, Казанскомъ, Оренбургскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ и Кіевскомъ должность учителя среднихъ учебныхъ заведеній менѣе обезпечена въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ, напр., учитель гимназіи за 15 уроковъ, по прослуженіи 5 лѣтъ, получаетъ только 1.080 р. въ

годъ, то справедливость требуетъ назначить вознагражденія учителямъ-руководителямъ первыхъ шести группъ (*а—е*) на проектируемыхъ мною педагогическихъ курсахъ больше, чѣмъ исчислено мною для окраинъ, а именно по 400 р. на группу, что составитъ новый расходъ на каждый округъ въ 2.400 р., а на всѣ 7 округовъ 16.000 р. Такимъ образомъ весь расходъ по проектируемой мною организаціи педагогической подготовки молодыхъ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній исчисляется: для 5 округовъ въ привиллегированныхъ мѣстностяхъ Имперіи (по 21.900 р.) въ 109.500 р. и для остальныхъ 7 округовъ (по 24.300 р.) 170.100 р., а всего 279.600 р. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что расходъ въ 900 р. на приготовленіе учителей по туземнымъ языкамъ потребуется только для весьма немногихъ округовъ. Поэтому суммы въ въ 272 т. р. будетъ вполнѣ достаточно для организаціи дѣла на проектируемыхъ мною основаніяхъ для всей Россіи. Подобный расходъ ни въ какомъ случаѣ нельзя признать для такого обширнаго государства, какъ наше отечество, громаднымъ *). Что касается остальныхъ мѣстностей Россійской Имперіи, какъ напр. Восточной Сибири и Туркестана, то они могутъ, пока не сформируются въ учебные округа, имѣть для своихъ немногочисленныхъ учебныхъ заведеній подготовленныхъ учителей изъ сосѣднихъ округовъ.

Въ заключеніе всѣхъ своихъ разсужденій я долженъ сказать, что я старался придать подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній наиболѣе жизненности, исключивъ изъ нея всякую излишнюю формальность и придавъ работѣ молодыхъ людей наиболѣе самодѣятельности и всесторонности, стараясь оживить ее разумностью и наибольшей практичностью. На сколько я успѣлъ достичь всего этого въ предлагаемомъ мною проектѣ, предоставляю судить объ этомъ людямъ, которые богаче меня жизненнымъ опытомъ вообще и педагогическимъ въ частности. Еще одно послѣднее замѣчаніе: въ предлагаемомъ мною проектѣ я старался выяснить только главныя основы интересующаго меня вопроса, не вдаваясь въ частности, детали этого дѣла, выработку которыхъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ предоставить тѣмъ лицамъ, которыя будутъ призваны вести это дѣло.

М. Миропіевъ.

---

*) Кромѣ того, нужно замѣтить, что, съ увеличеніемъ содержанія учителей среднихъ учебныхъ заведеній, этотъ расходъ, какъ и составленные мною вышеприведенные штаты, могутъ подвергнуться значительному сокращенію, въ зависимости отъ количества прибавки за 15 недѣльныхъ уроковъ.

Къ вопросу о подготовленіи преподавателей.

(Историческая справка).

Въ статьѣ: «По поводу циркуляра управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ» мы привели главнѣйшія изъ осуществленныхъ на дѣлѣ мѣропріятій правительства по подготовкѣ преподавателей средней школы.

Въ настоящее время для болѣе всесторонняго освѣщенія вопроса мы разскажемъ объ одной небезъинтересной попыткѣ этого-же рода, которая, однако, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, не получила практическаго осуществленія. Мы имѣемъ въ виду проектъ изданія «педагогическаго и дидактическаго руководства для учителей гимназій». Проектъ этотъ возникъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, при выработкѣ новаго устава гимназій, и принадлежалъ тогдашнему предсѣдателю ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія М. С. Воронову.

Въ числѣ причинъ, затрудняющихъ правильное развитіе нашихъ гимназій, говоритъ авторъ проекта «педагогическаго и дидактическаго руководства для учителей», въ мотивированной запискѣ къ нему, одною изъ главныхъ слѣдуетъ считать неудовлетворительное, въ педагогическомъ отношеніи, приготовленіе учителей. Признавая за ними достаточное обладаніе знаніями для преподаванія, авторъ проекта находитъ, что учителя нашихъ гимназій большею частію незнакомы ни съ общими началами воспитанія и обученія, ни съ различными способами примѣненія этихъ началъ къ тому или другому предмету. Вотъ почему гимназическое преподаваніе лишено у насъ единства и твердаго основанія и носитъ на себѣ чисто случайный и неопредѣленный характеръ.

На этотъ коренной недостатокъ, какъ полагаетъ авторъ проекта, и слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, слѣдуетъ его устранить и дать преподаванію въ гимназіяхъ характеръ сознательный. Съ этой цѣлью авторъ и предлагаетъ составить педагогическое и дидактическое руководство для учителей гимназій. Мотивируя свое предложеніе, авторъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ.

Цѣль гимназическаго обученія заключается въ доставленіи общаго образованія, т.-е. въ основательномъ, правильномъ духовномъ раз-

витіи учащихся, посредствомъ преподаванія учебныхъ предметовъ, которые входятъ въ составъ гимназическаго курса. Цѣль эта достигается, какъ скоро учащіеся прохожденіемъ гимназическаго курса пріобрѣтаютъ привычку къ разумному и самостоятельному труду и разовьютъ въ себѣ сознаніе своихъ силъ и способностей настолько, что будутъ имѣть возможность посвятить себя дальнѣйшимъ спеціальнымъ занятіямъ, согласно съ своимъ призваніемъ.

Если таково назначеніе гимназій, а иного они имѣть не могутъ, какъ заведенія общеобразовательныя, то отсюда ясно слѣдуетъ, что учебный курсъ гимназій долженъ состоять только изъ такихъ предметовъ, которые необходимы для этого общаго образованія учащихся, при этомъ преподаваніе каждаго предмета должно подчиняться этой общей цѣли обученія и, наконецъ, каждый учитель долженъ являться не просто преподавателемъ своего отдѣльнаго предмета, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельнымъ дѣятелемъ, который содѣйствуетъ достиженію одной для всѣхъ учителей цѣли — общаго образованія учащихся.

Вотъ почему, по мнѣнію автора, для каждаго учителя гимназіи недостаточно знать только вполнѣ свой предметъ; ему, сверхъ того, необходимо:

1) Знать, въ чемъ состоитъ общее образованіе и почему тѣ, а не другіе предметы должны входить въ учебный гимназическій курсъ.

2) Понимать, какое значеніе для развитія учащихся имѣютъ эти учебные предметы вообще и преподаваемый имъ предметъ въ особенности и какая связь между всѣми учебными предметами заключается въ этомъ отношеніи.

3) Знать общія правила преподаванія, вытекающія изъ природныхъ законовъ развитія человѣка.

4) Умѣть примѣнять эти общія правила обученія къ преподаваемому имъ предмету, и потому знать всѣ частныя правила и всѣ методы преподаванія этихъ предметовъ и, наконецъ,

5) Знать, или, по крайней мѣрѣ, имѣть отчетливое понятіе о замѣчательнѣйшихъ сочиненіяхъ по всѣмъ этимъ отдѣламъ и особенно по своему предмету.

Какими-же способами и средствами учитель можетъ достичь начертаннаго авторомъ идеала преподавателя? Какъ извѣстно, учитель пріобрѣтаетъ свои знанія въ университетѣ и расширяетъ ихъ дальнѣйшимъ изученіемъ предмета. Для доставленія-же ему возможности преобрѣсти всѣ вышеозначенныя педагогическія и дидактическія свѣдѣнія, безъ которыхъ онъ не можетъ быть хорошимъ учителемъ, авторъ проекта и предлагаетъ составить особое руководство для учителей гимназій.

Согласно съ вышеизложенною цѣлью это руководство должно раздѣляться на двѣ части: *общую* и *специальную*.

I. Общая часть.

Общая часть руководства заключаетъ въ себѣ слѣдующие четыре отдѣла:

1) Историческій очеркъ среднихъ учебныхъ заведеній, имѣющихъ цѣлью общее образованіе, т.-е. гимназій и реальныхъ училищъ въ западной Европѣ и въ нашемъ отечествѣ. Въ этомъ очеркѣ должно быть ясно изложено: какимъ образомъ развивалось пониманіе общаго образованія до настоящаго времени и какими средствами и путями старались сообщать его въ различныя времена и у разныхъ народовъ, т.-е. очеркъ этотъ долженъ заключать въ себѣ исторію постепеннаго образованія настоящаго общеобразовательнаго учебнаго курса. Изъ такого историческаго очерка каждый преподаватель лучше всего узнаетъ, что слѣдуетъ понимать подъ общимъ образованіемъ въ настоящее время.

2) Необходимыя для учителя свѣдѣнія о духовномъ развитии человѣка.

3) Составъ учебнаго общеобразовательнаго курса классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ и общее значеніе каждаго учебнаго предмета для развитія учащихся.

4) Общія правила преподаванія (общая дидактика), вытекающія изъ законовъ духовнаго развитія человѣка:

а) По отношенію къ ученику.

б) По отношенію къ преподаваемому предмету и

в) По отношенію къ самому учителю.

Въ концѣ каждаго изъ означенныхъ четырехъ отдѣловъ должны быть указаны замѣчательнѣйшія сочиненія, особенно отечественныя, съ изложеніемъ ихъ содержанія и съ критическою оцѣнкою ихъ.

Объемъ общей части предполагается отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

II. Специальная часть.

Специальная часть руководства должна заключать въ себѣ изложеніе правилъ и методовъ преподаванія по отдѣльнымъ учебнымъ предметамъ (частная методика) а именно:

1) Преподаваніе закона Божія. Подробное значеніе этого предмета въ общеобразовательномъ курсѣ. Историческое описаніе методовъ преподаванія закона Божія въ западной Европѣ и у насъ. Критическое указаніе на лучшія сочиненія о преподаваніи закона Божія и учебныя руководства по этому предмету на родномъ языкѣ.

2) Преподаваніе отечественнаго языка. Психологическое значеніе

языка. Историческое изложеніе методовъ преподаванія отечественнаго языка у насъ и въ западной Европѣ. Современные методы преподаванія. Критическое указаніе на лучшія сочиненія по этому предмету и на учебныя руководства.

3) Преподаваніе древнихъ языковъ. Психологическое значеніе ихъ. Исторія преподаванія. Современные методы. Лучшія сочиненія и руководства.

4) Преподаваніе новыхъ языковъ. (То-же).

5) Преподаваніе математики. Психологическое значеніе этого предмета. Исторія преподаванія. Современные методы у насъ и въ западной Европѣ. Критическое указаніе на лучшія сочиненія и учебныя математическія руководства.

6) Преподаваніе естественныхъ наукъ. Исторія преподаванія. Современные методы. Критическое указаніе на лучшія сочиненія и учебныя руководства.

7) Преподаваніе отечественной исторіи и

8) Преподаваніе исторіи всеобщей. Психологическое значеніе. Исторія преподаванія. Современные методы. Указанія на лучшія сочиненія и руководства.

9) Преподаваніе отечественной географіи. (То-же)

10) Преподаваніе всеобщей географіи. (То-же).

11) Преподаваніе рисованія и черченія.

12) Преподаваніе чистописанія.

13) Обученіе пѣнію и музыкѣ.

14) Главныя правила училищной дисциплины.

15) Законоположенія, касающіяся учителей гимназій.

Спеціальная часть должна составить не менѣе 30 печатныхъ листовъ.

Такимъ образомъ, по плану автора, все руководство должно было заключать въ себѣ отъ 55—60 листовъ. Матеріалами-же для составленія его могутъ служить различныя подобныя заграничныя руководства на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, исторія общей педагогики, различныя монографіи по преподаванію отдѣльныхъ предметовъ и проч. А такъ какъ дѣло воспитанія и обученія постоянно развивается, какъ на западѣ, такъ и у насъ, то, по изданіи общаго руководства, авторъ проекта его, по примѣру западной-же Европы, предполагалъ издавать ежегодно дополненія къ нему.

Для составленія такого руководства авторъ проекта его предлагаетъ слѣдующія мѣры:

1) Образовать при Ученомъ Комитетѣ особую коммиссію изъ спеціалистовъ и поручить этой коммиссіи составленіе означеннаго руководства, возложивъ обработку всей общей части руководства на одно лицо, основательно знакомое какъ съ исторіею педагогики и

дидактики, такъ и съ современнымъ состояніемъ общеобразовательныхъ училищъ на западѣ и въ нашемъ отечествѣ, а обработку спеціальной части поручить нѣсколькимъ спеціалистамъ, знающимъ дѣло не только теоретически, но и практически. Труды коммиссіи по составленію руководства должны быть провѣряемы Ученымъ Комитетомъ и, только по одобреніи со стороны послѣдняго, могутъ быть печатаемы.

2) Редакція составляемаго руководства, для сохраненія однообразія, должна быть поручена одному лицу. Трудъ этотъ, равно какъ и руководство вообще всѣми работами коммиссіи, авторъ проекта принималъ на себя безмездно, съ тѣмъ однако, чтобы выборъ сотрудниковъ предоставленъ былъ ему.

3) На составленіе руководства потребуется приблизительно слѣдующая сумма:

а) На вознагражденіе составителей руководства, считая по 50 р. за листъ, за 60 листовъ . . . . 3.000 »

б) На напечатаніе руководства въ числѣ 2400 экземпляровъ, считая за листъ по 30 руб. . . . . 1.800 »

в) На бумагу и прочее . . . . 1.700 »

Итого . . 6.500 р.

Сумму эту предполагалось позаимствовать изъ капитала Ученаго Комитета, предназначеннаго, между прочимъ, на изданіе руководствъ и учебныхъ пособій, съ тѣмъ, чтобы въ капиталъ этотъ возвращена была сумма, которая получится со временемъ отъ продажи руководства, въ числѣ 2.000 экземпляровъ *). Такой суммы, считая каждый экземпляръ въ двухъ частяхъ по 2 рубля, составится 4.000 рублей: слѣдовательно вся издержка изъ капитала Ученаго Комитета составитъ въ сущности только 2.500 р. и можетъ быть вознаграждена впослѣдствіи, такъ какъ руководство составитъ собственность Ученаго Комитета.

4) Вышеозначенныя предположенія представить на благоусмотрѣніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

5) Въ случаѣ одобренія этихъ предположеній, руководство должно быть составлено и издано въ теченіе двухлѣтняго срока.

По выслушаніи и обсужденіи этого предложенія, Ученый Комитетъ опредѣлилъ: «Предположеніе г. предсѣдателя признать вполнѣ полезнымъ и соотвѣтствующимъ цѣли какъ въ отношеніи основной идеи, такъ и въ предположенныхъ имъ средствахъ къ ея осуществленію; но при семъ, съ цѣлью облегченія возможности пользоваться предположеннымъ изданіемъ напечатать его въ количествѣ не менѣе 4.000 экземпляровъ и пустить въ продажу не дороже

*) Остальные 400 экз. предполагалось въ продажу не выпускать, а распредѣлить по распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія.

1 рубля за экземпляръ. Для достиженія этой цѣли, по мнѣнію Ученаго Комитета, въ случаѣ надобности, могла бы быть назначена изъ капитала Ученаго Комитета сумма хотя бы и нѣсколько болѣе той, которая означена г. предсѣдателемъ *)».

Это опредѣленіе Ученаго Комитета было заслушано въ совѣтѣ Министра Народнаго Просвѣщенія, который съ своей стороны опредѣлилъ **):

«Вполнѣ одобривъ мысль изданія означеннаго руководства и планъ онаго, а также средства къ исполненію сего плана, совѣтъ министра, для привлеченія къ участію въ составленіи спеціальной части руководства наибольшаго числа лицъ, спеціально посвятившихъ себя педагогическому поприщу, полагалъ: 1) Предоставить г. предсѣдателю Ученаго Комитета, дѣйствительному статскому совѣтнику Воронову, принявшему на себя редакцію всѣхъ работъ по руководству, поручить составленіе общей части онаго кому либо изъ педагоговъ, по его избранію, а къ составленію спеціальной части руководства пригласить отъ имени Ученаго Комитета всѣхъ желающихъ, посредствомъ печатнаго объявленія въ «Вѣдомостяхъ», съ тѣмъ, чтобы лица, которыя пожелаютъ принять участіе въ этомъ трудѣ, заявили предварительно о такомъ желаніи Ученому Комитету въ извѣстный опредѣленный срокъ и затѣмъ представили свои работы въ Ученый Комитетъ также къ назначенному сроку. 2) Разрѣшить г. предсѣдателю Ученаго Комитета лицамъ, представившимъ въ назначенный срокъ труды, которые признаны будутъ ученымъ комитетомъ лучшими и наиболѣе соотвѣтствующими принятому плану, выдать опредѣленное денежное вознагражденіе, не менѣе 75 руб. за печатный листъ, изъ общей суммы, назначенной на изданіе руководства. 3) На покрытіе издержекъ по изданію руководства назначить въ распоряженіе г. предсѣдателя комитета до 8.000 руб. изъ суммъ Ученаго Комитета, опредѣленныхъ на изданіе руководствъ и учебныхъ пособій и 4) Руководство напечатать въ 2.400 экземпляровъ, распредѣленіе которыхъ предоставить г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

Сколько намъ извѣстно этотъ проектъ не былъ осуществленъ и такого краткаго универсальнаго педагогико-дидактическаго руководства на свѣтѣ не появлялось.

Нужно ли сожалѣть объ этомъ?

Н. Арепьевъ.

---

*) Журналъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія 23 декабря 1863 года (№ 16).

**) Журналъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 4 января 1864 г. № 7.

Учительскій вопросъ въ народной школѣ.

Мысль о необходимости введенія всеобщаго обученія выдвинула на очередь *учительскій вопросъ*, который оказался настолько сложнымъ, важнымъ и трудно разрѣшимымъ, что самая идея о всеобщемъ обученіи должна отступить на задній планъ впредь до удовлетворительнаго его разрѣшенія.

Въ самомъ дѣлѣ, качество школы находится въ непосредственной связи съ высотою уровня учителя, и какъ бы много ни было училищъ, при плохомъ педагогическомъ персоналѣ они, конечно, стоятъ весьма не много. Но гдѣ взять *хорошихъ учителей* *), принимая во вниманіе, что ихъ требуется цѣлая армія? Говоримъ «цѣлая армія» вовсе не для краснаго словца, а это дѣйствительно такъ. Постараемся произвести подсчетъ, хотя-бы для однѣхъ только земскихъ губерній, относительно которыхъ имѣются лучшія свѣдѣнія, чѣмъ о губерніяхъ, гдѣ нѣтъ земскихъ учрежденій. По первой всеобщей переписи населенія Россійской имперіи, въ земскихъ губерніяхъ насчитывалось въ 1897 г. 66.569.012 жителей обоего пола.

По нашимъ вычисленіямъ **), весьма близко подходящимъ къ подобнымъ вычисленіямъ другихъ лицъ, школьный возрастъ составляетъ 10% всего населенія; слѣдовательно, въ земскихъ губерніяхъ

---

*) На съѣздѣ, состоявшемся въ этомъ году въ Бреславлѣ и привлекшемъ до 3.000 директоровъ, ректоровъ, педагоговъ и народныхъ учителей, принята была между прочимъ слѣдующая резолюція: 1) Народное просвѣщеніе и образованіе, получаемое народными учителями, находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ, и возростающая потребность въ просвѣщеніи требуетъ расширенія границъ образованія, получаемаго народными учителями. 2) Народные учителя должны получать общее и спеціальное образованіе, и первое должно быть закончено раньше нежели приступаютъ ко второму. 3) Общее образованіе, получаемое народными учителями, должно быть шире и глубже, нежели получаемое ими теперь; оно не должно быть дано имъ въ особыхъ институтахъ, но въ общихъ среднихъ школахъ. 4) Если учителямъ дано будетъ болѣе широкое общее образованіе, то учительскія семинаріи должны носить характеръ исключительно педагогическихъ институтовъ.

**) См. «Народ. Нач. Обр. въ Курск. губ., стр. 66—80.

таковыхъ обоего пола лицъ долженствуетъ быть 6.656.901. Если принять за норму на одного учителя 60 учащихся *), то требуется для однѣхъ земскихъ губерній армія въ 110.948 учителей или, въ среднемъ, на каждую земскую губернію по 3.263 учителя. Въ школахъ Министерства Нар. Просв. *). по оффиціальнымъ даннымъ за 1894 г., обучалось обоего пола лицъ 1.048.017. Вычитая эту цифру изъ 6.656.901, получимъ въ остаткѣ 5.608.884 лицъ обоего пола школьнаго возраста, для обученія которыхъ, на основаніи вышеприведенныхъ разсчетовъ, необходимо 93.481 учителей, или, въ среднемъ, на одну земскую губернію по 2.749 человѣкъ.

Такое количество потребуется въ томъ, конечно, случаѣ, если-бы во всѣхъ земскихъ губерніяхъ *сразу* введено было всеобщее обученіе, чего, само собою разумѣется, ожидать почти невозможно.

Въ виду этого, произведемъ еще минимальные разсчеты, предполагая, въ первомъ случаѣ, что всеобщее обученіе *для обоего пола лицъ* вводится постепенно, въ теченіе 10 лѣтъ, а во второмъ случаѣ, что таковое обученіе проектируется лишь для мальчиковъ, считая, что школьный возрастъ послѣднихъ составляетъ 5% населенія. Не принимая во вниманіе приростъ населенія, въ первомъ случаѣ потребуется ежегодно для всѣхъ земскихъ губерній по 9.348 учителей, а на каждую губернію, въ среднемъ, по 275, а во вторыхъ— для всѣхъ губерній 4.674, а для каждой въ отдѣльности, въ среднемъ, по 137.

Но и этотъ минимумъ, при которомъ, собственно говоря, *всеобщее обученіе* не достигается, такъ какъ подъ таковымъ подразумѣвается *обученіе всѣхъ дѣтей школьнаго возраста обоего пола*, и этотъ, повторяемъ, минимумъ, при современныхъ условіяхъ, ни одною земскою губерніею удовлетворенъ быть не можетъ.

Мало этого, въ приведенныхъ разсчетахъ предполагается, что всѣ учителя и учительницы сидятъ на мѣстахъ, такъ что въ каждый новый годъ приходится пополнять лишь новыя школы, не заботясь о старыхъ. Современная дѣйствительность совершенно опровергаетъ возможность такой мысли и, напротивъ, представляетъ много данныхъ, констатирующихъ *бѣгство учителей*. Это печальное явленіе настолько важно, что, прежде чѣмъ дѣлать какіе-либо выводы и предлагать проектъ на основаніи вышеизложеннаго, считаемъ нужнымъ подольше остановиться на немъ.

---

*) Наиболѣе принятая норма 40 учащихся на 1 учителя.

**) Дѣло идетъ о наиболѣе правильно поставленныхъ школахъ и педагогически подготовленныхъ учителяхъ, вслѣдствіе чего мы принимаемъ во вниманіе лишь школы, находящіяся въ вѣдѣніи Министерства Народ. Просвѣщенія.

Въ одномъ изъ іюльскихъ №№ за текущій годъ въ «Курской Газетѣ» напечатано было слѣдующее:

«Въ сегодняшнемъ № (176) «Курской Газеты», въ отдѣлѣ «мѣстной хроники» напечатано весьма печальное сообщеніе. Оказывается, что какъ только въ харьковской губерніи открылась винная монополія, тотчасъ не только учителя, но и учительницы народныхъ школъ во множествѣ устремились на вновь открывшіяся мѣста, а такъ какъ всѣхъ нельзя было удовлетворить, то *уже теперь, заранѣе* учащіе народныхъ училищъ Харьковской губерніи подали прошеніе управляющему акцизными сборами Курской губерніи, дабы ихъ имѣли въ виду, когда у насъ будетъ учреждена монополія. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что и учащіе Курской губерніи точно также поспѣшатъ послѣдовать примѣру своихъ харьковскихъ товарищей. Такимъ образомъ, «бѣгство учителей», отмѣченное повсемѣстно, въ сильной степени проявляется и у насъ. Конечно, по адресу учителей и учительницъ посыпятся порицанія, что какъ, молъ, такое «великое дѣло», какъ обученіе народа, промѣнивается на «кабакъ», гдѣ условія далеко не блестящія и трудъ далеко не легкій, а главное однообразный. Совершенно вѣрно; но не слѣдуетъ забывать, что учитель тоже человѣкъ, что у него также есть потребности, изъ которыхъ даже самыя элементарныя не могутъ быть удовлетворены, благодаря нищенскому содержанію».

Самое же извѣстіе, на которое ссылается газета, таковы:

«При открытіи въ Харьковской губерніи *винной монополіи*, предоставлено было не мало должностей по казенной продажѣ питей народнымъ учителямъ и учительницамъ. Большинству же изъ нихъ не удалось получить такихъ мѣстъ, благодаря тому или другому обстоятельству. Такъ какъ въ непродолжительномъ времени должно послѣдовать введеніе казенной продажи въ Курской губерніи, то большинство народныхъ учителей и учительницъ Харьковской губерніи, не получившихъ здѣсь мѣстъ по винной монополіи, обратились съ этими просьбами къ управляющему акцизными сборами Курской губерніи. Многіе изъ нихъ теперь получили увѣдомленія о томъ, что они зачислены кандидатами на просимыя ими должности».

Черезъ три №№, именно въ 179 № «Курской Газеты», мы читаемъ еще такое сообщеніе:

«Въ послѣднее время въ Харьковѣ появилось *множество учителей* народныхъ училищъ, *пріискивающихъ себѣ болѣе выгодныя должности на желѣзныхъ дорогахъ* и *въ другихъ учрежденіяхъ*. Главная причина, заставляющая учителей бросать свои, можно сказать, насиженныя мѣста, гдѣ они прослужили по 10—15 лѣтъ, заключается въ томъ, что, какъ извѣстно, ихъ трудъ вознаграждается очень скудно, а вопросъ объ эмеритальныхъ кассахъ для учителей до сихъ поръ еще не рѣшенъ».

Этими свѣдѣніями дѣло однако не ограничивается: мы могли бы привести многое множество данныхъ, но размѣръ статьи заставляетъ насъ воспользоваться только наиболѣе существеннымъ матеріаломъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія статья Н. Скворцова, напечатанная въ «Приднѣпровскомъ Краѣ». Въ ней авторъ, констатируя фактъ «бѣгства учителей», указываетъ и на причины такого печальнаго явленія. Именно, пишетъ онъ слѣдующее:

«Изслѣдованія положенія народнаго образованія уже неоднократно указывали на тотъ странный фактъ, что, несмотря на продолжительное существова-

ніе земскихъ школъ, у насъ еще и до сихъ поръ не выработался типъ народнаго учителя-профессіоналиста, который посвятилъ-бы всю свою жизнь педагогической дѣятельности въ народной школѣ. Напротивъ, русскій народный учитель остается въ школѣ, сравнительно, весьма недолго: черезъ пять, много восемь лѣтъ онъ безслѣдно исчезаетъ для школы. Такимъ образомъ, народная школа какъ-бы обречена вѣчно довольствоваться перемѣннымъ контингентомъ преподавателей. Въ послѣднее время случаи оставленія учителемъ своей основной профессіи не только не уменьшаются, но возрастаютъ, при томъ въ значительной степени гуртовой уходъ учителей изъ народныхъ школъ сдѣлался уже въ настоящее время такимъ явленіемъ, которое остановило на себѣ вниманіе и провинціальной печати и, наконецъ, земскихъ собраній. Въ теченіе нынѣшняго года въ Екатеринославской губерніи печать указала на огульный уходъ учителей въ «казенную монополію».

То-же самое сообщалось и относительно Виленской и Могилевской губерній. Въ указанныхъ сообщеніяхъ, къ сожалѣнію, не было никакого преувеличенія, и лишь только стали открываться осеннія очередныя собранія, какъ раздались голоса земцевъ о «бѣгствѣ» учителей, принявшемъ уже такой характеръ, при которомъ является серьезное опасеніе относительно обезпеченія всѣхъ школъ болѣе или менѣе удовлетворительнымъ учительскимъ персоналомъ. О бѣгствѣ учителей говорили и въ арзамасскомъ и череповецкомъ, и въ лукояновскомъ и ельнинскомъ и нѣкоторыхъ другихъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, но никакихъ мѣропріятій противъ этого печальнаго явленія собранія не предпринимали; только череповецкое земское собраніе составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе.

На череповецкомъ земскомъ собраніи вопросъ объ огульномъ уходѣ учителей поднялъ гласный, бывшій нѣкогда народнымъ учителемъ. По адресу такихъ учителей онъ сдѣлалъ слѣдующій упрекъ: «эта молодежь не вполнѣ понимаетъ, что она дѣлаетъ, покидая изъ корыстныхъ цѣлей народную школу, не послуживъ ей хотя-бы нѣсколько лѣтъ за свое образованіе; подобные учителя обманываютъ земство, обманываютъ воспитавшую ихъ семинарію: земство, затративъ на ихъ подготовку народныя средства, въ концѣ концовъ остается безъ учителей и вынуждено довольствоваться мало развитыми епархіалками и лицами, часто далеко не отвѣчающими назначенію учителя. Скромное вознагражденіе въ 240—300 рублей не можетъ почитаться для учителя, вышедшаго изъ крестьянской среды, вполнѣ приличнымъ мотивомъ ухода въ учительскій институтъ». Собраніе поддержало доводы гласнаго и постановило: «ходатайствовать предъ новгородскимъ губернскимъ земствомъ, чтобы къ земскимъ стипендіатамъ череповецкой учительской семинаріи неуклонно примѣнялось правило, какъ общая мѣра для всѣхъ уѣздовъ губерніи, объ обязательномъ прослуженіи установленнаго числа лѣтъ (4 года) въ начальныхъ народныхъ училищахъ, содержащихся на средства уѣздныхъ земствъ».

Мы видимъ, что череповецкое земство избрало средствомъ, могущимъ задержать учителей въ народной школѣ, ходатайство о томъ, чтобы съ намѣревающимися бѣжать учителями было поступаемо «по всѣмъ строгостямъ закона». Какъ ни странно такое постановленіе, но оно до извѣстной степени предрѣшалось самой постановкой вопроса. Видимо, и самъ гласный, возбудившій вопросъ о мѣрахъ пресѣченія и предупрежденія, и остальные его коллеги исходили изъ такого приблизительно положенія: учительство въ народной школѣ крайне тяжелая обязанность, а потому каждый стремится отдѣлаться отъ нея и при первой возможности бѣжитъ изъ школы; для нѣкоторыхъ учительство, дѣйствительно, является обязанностью, какъ средство вознагражденія земства, давшаго возможность получить учителю извѣстное образованіе; разъ земство нуждается въ учителяхъ, оно можетъ прибѣгнуть къ репрессаліямъ и съ помощью строгостей закона заставить уклоняющихся отбывать неукоснительно повинность. Однако нельзя сказать, чтобы это постановленіе не противорѣчило заявленію самого гласнаго. Указывая на то, что земству приходится довольствоваться «мало развитыми епархіалками или лицами, часто далеко не отвѣчающими назначенію учителя», гласный, слѣдовательно, хотѣлъ обезпечить школы не просто учительскимъ персоналомъ, но наиболѣе способными, отвѣчающими своему назначенію преподавателями. Весь вопросъ въ томъ—насколько помогутъ въ этомъ случаѣ «строгости закона»? Положимъ, череповецкому земству удастся задержать десятокъ-другой сбирающихся въ бѣга учителей, но будутъ-ли они дѣйствительно желательными учителями? Отвѣтъ, надѣюсь, слишкомъ ясенъ. Учителя задержатъ на два, на три лишнихъ года, прикрѣпятъ къ школѣ,—что-же, онъ будетъ отбывать повинность, но не ищите-же послѣ этого въ школьныхъ занятіяхъ такого педагога ничего иного, кромѣ именно формальнаго отбыванія силою навязанной обязанности. Средство, къ которому обратилось череповецкое земство, весьма легко можетъ привести его къ такой коллизіи: то самое земство, которое изловило и водворило учителя въ школу, черезъ полгода, много-много черезъ годъ, поспѣшитъ дать невольнику полную отпускную, если искренно пожелаетъ имѣть «отвѣчающихъ истинному назначенію учителя» преподавателей.

Ошибка череповецкаго собранія коренится въ томъ, что оно стало рѣшать вопросъ о средствахъ удержанія учителей въ школѣ раньше, нежели выяснило причины, заставляющія народныхъ учителей окончательно перемѣнить ихъ профессію. Правда, намекъ на эти причины слышится въ обвиненіи учителей въ «корыстныхъ побужденіяхъ», заставляющихъ ихъ стремиться въ учительскій институтъ, но вѣдь это только намекъ, при томъ непровѣренный, а не ука-

занія разнообразныхъ причинъ огульнаго бѣгства народныхъ учителей изъ школъ. Если-же намекъ справедливъ, если дѣйствительно учителя уходятъ изъ школъ только въ силу «корыстныхъ побужденій», то вопросъ о способахъ и средствахъ задержать бѣгство рѣшался-бы болѣе или менѣе просто. Но вся и бѣда въ томъ, что одни только «корыстныя побужденія» врядъ-ли были-бы въ состояніи создать огульное стремленіе учителей разстаться со школой и съ выбранной ранѣе профессіей. Нѣсколько странно, почему такъ много учителей, пробывъ нѣсколько лѣтъ въ народной школѣ, обязательно заражаются «корыстными побужденіями»? Естественнѣе всего предположить, что въ намекѣ гласнаго заключается лишь часть тѣхъ причинъ, которыя гонятъ учителя и въ сидѣльцы, и въ писцы, и въ статистику, и въ контору, словомъ—куда бы то ни было, только вонъ поскорѣе изъ школы. Во всякомъ случаѣ, справедливость такого предположенія легко провѣрить: стоитъ только разсмотрѣть современное положеніе народнаго учителя. Я подчеркиваю слово «современное», потому что жалобы на огульное бѣгство учителей особенно часто стали раздаваться лишь въ послѣднее время. О положеніи учителей говорили цѣлые годы, говорятъ и теперь и, вѣроятно, долго еще будутъ говорить. Положеніе это выяснено вполнѣ, и я ограничусь лишь суммированіемъ того, что было говорено уже на страницахъ общей и спеціально педагогической печати.

Матеріальное положеніе народныхъ учителей, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, поражаетъ своею скудостью. Если въ аграрномъ вопросѣ встрѣчается терминъ нищенскій надѣлъ, то исторія русской народной школы съ полной справедливостью можетъ начертать на своихъ страницахъ аналогичный терминъ—нищенскій окладъ. Не стану обременять ваше вниманіе громоздскимъ цифровымъ матеріаломъ о минимальныхъ и максимальныхъ нормахъ этого оклада,—ихъ вы въ любой мѣсяцъ встрѣтите или на страницахъ нашихъ журналовъ, или-же на столбцахъ ежедневной печати. Ограничусь выводами, которые неоднократно появлялись и точно такъ же неоднократно будутъ появляться въ печати. Общепринятаго оклада для народныхъ учителей хватаетъ лишь для удовлетворенія насущнѣйшихъ физическихъ потребностей учителя-одиночки, учителя-бобыля. Если-же у учителя развиты духовныя потребности, умственные запросы, интересъ къ общественной жизни,—онъ долженъ до конечнаго минимума обрѣзать физическія потребности, чтобы имѣть возможность удовлетворить частичку умственныхъ запросовъ. Семейный учитель долженъ совершенно заглушить послѣдніе. Но тягостнѣе всего отзывается на сознаніи народнаго педагога полная необезпеченность въ несчастномъ случаѣ или старости и полная невозмож-

ность дать образованіе своимъ дѣтямъ. Не лучше матеріальнаго положенія—правовое положеніе нар. учителя. Онъ находится въ полной зависимости не только отъ каждаго члена училищнаго совѣта или чиновника дирекціи народныхъ училищъ, но и отъ старосты, старшины, писаря, урядника и даже кабатчика. Печать очень часто давала сообщенія о томъ, какъ тому или другому лицу изъ перечисленнаго начальства удавалось выхлопатывать переводъ учителя вопреки собственнаго желанія учителя и желанія сельскаго общества. Правовое положеніе дѣлаетъ народнаго учителя существомъ приниженнымъ, боязливымъ, вѣчно трепещущимъ, заискивающимъ передъ писаремъ, старостой и урядникомъ. Это и понятно. Въ случаѣ недовольства учителемъ, начинается травля,—и учитель или самъ спѣшитъ скорѣе убраться, или получаетъ предложеніе сдѣлать это, но уже отъ своего начальства. Трудность положенія народныхъ учителей увеличилась со времени прискорбныхъ споровъ о томъ, гдѣ и какой быть школѣ, между агентами вѣдомствъ, въ рукахъ которыхъ находится у насъ дѣло народнаго образованія, и хотя земская школа существуетъ и поднесь, многимъ изъ ея учителей пришлось пережить трудныя минуты только изъ-за того, что какому-либо не по разуму усердному агенту надо было-бы во что бы то ни стало доказать непригодность той или иной земской школы. И многіе изъ учителей, примиряясь съ нищенскимъ окладомъ, теряли мужество въ такой борьбѣ и обращались въ бѣгство. И въ большинствѣ случаевъ нѣтъ ни лицъ, ни учрежденій, которыя поставили-бы своей цѣлью возстановлять нарушенныя права учителя и помогать ему, одолѣваемому темными силами деревни. Правовое или, вѣрнѣе, безправное положеніе учителя таково, что онъ зачастую поставленъ въ необходимость отказаться отъ всѣхъ знакомствъ, отъ посѣщеній своихъ сотоварищей и жить отшельникомъ: съ сельской буржуазіей не всякій учитель рѣшится вести дружбу. На эти стороны своего сѣренькаго житья-бытья учителя уже не разъ указывали, и въ такихъ указаніяхъ нѣтъ и тѣни преувеличенія или преднамѣреннаго сгущенія красокъ: сколько фактовъ, подтверждающихъ справедливость этихъ указаній, вы найдете въ провинціальныхъ газетахъ, но сколько такихъ и болѣе возмутительныхъ фактовъ теряется въ деревенской глуши, не попадая въ печать.

Мы разсмотрѣли три основные пункта въ положеніи народнаго учителя. Попробуемъ теперь суммировать полученные нами выводы.

Получая нищенскій окладъ, урѣзывая во всемъ свои потребности до минимума, дрожа за свое будущее, влача самое беззащитное существованіе, чувствуя полную зависимость отъ произвола всѣхъ, начиная со старосты и урядника, обращенный постановкой школь-

наго дѣла въ простого ремесленника, учитель не выдерживаетъ и съ отчаяньемъ бѣжитъ изъ школы, пока еще молодъ, пока, стало-быть, есть сила и шансы добиться иной работы, бѣжитъ «куда-нибудь»—на любое мѣсто... Что-же? Отсидѣлъ за стойкой положенное время, и никому нѣтъ дѣла, какъ пользуется онъ свободнымъ временемъ, у кого бываетъ, какую книжку читаетъ и т. д. и т. п.

Слѣдовательно, вопросъ вовсе не въ корыстолюбіи народныхъ учителей, а главнымъ образомъ—въ совокупности тѣхъ ненормальныхъ условій, которыя окружаютъ дѣятельность учителя русской народной школы. Конечно, печально будущее той школы, изъ которой, при всякомъ удобномъ случаѣ, спѣшитъ убѣжать ея учитель, но развѣ менѣе печально положеніе этого учителя? Никакія строгости закона, къ которымъ обратилось череповецкое земство, не удержатъ учителя въ школѣ и, слѣдовательно, не обезпечатъ для послѣдней требуемаго комплекта желательныхъ педагоговъ, если земства, въ концѣ концовъ, не обратятъ вниманія и не предпримутъ коренныхъ мѣропріятій для измѣненія тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ трудъ народнаго учителя не подвигомъ — о, нѣтъ!—а полуголоднымъ, приниженнымъ и пришибленнымъ существованіемъ среди страха, трепета и схоластики.

Приведеннаго, думаемъ, достаточно, чтобы убѣдиться, что не только является необходимость изысканія мѣръ къ образованію требуемаго педагогическаго персонала, для вновь устраиваемыхъ школъ, но точно такъ-же приходится изобрѣтать способы для удержанія на мѣстахъ уже нѣкоторыхъ учителей и учительницъ.

Прежде всего попытаемся разрѣшать количественный, такъ сказать, вопросъ, т.-е. другими словами: что сдѣлать, чтобы во всякое время возможно было имѣть такое число учителей, какое требуется для вновь учреждаемыхъ школъ?

Намъ думается, что громадную роль въ данномъ случаѣ сыграло-бы устраненіе тѣхъ пріемовъ, которые слишкомъ широко примѣняются при опредѣленіи учителей: мы говоримъ о такъ называемой «*политической неблагонадежности*»: Несмотря на то, что изъ всѣхъ европейскихъ странъ Россія въ политическомъ отношеніи страна самая тихая, нигдѣ, несомнѣнно, не числится такого громаднаго количества «неблагонадежныхъ», какъ именно у насъ. И это объясняется весьма просто. При господствѣ принципа «предупрежденія и пресѣченія», администрація прежде всего опасается давать категорически хорошую аттестацію, такъ-какъ съ нея-же взыщутъ, разъ аттестуемый впослѣдствіи совершитъ преступленіе. Если-бы дѣло при запросахъ касалось *совершенныхъ проступковъ*,

понятно, вопросъ разрѣшился-бы весьма просто: или, въ отвѣтъ на запросъ, перечислить всѣ *дѣйствительно совершенныя* преступныя дѣянія и сказать—*нѣтъ*, или отвѣтить, что никакихъ проступковъ не было, а потому и препятствій не встрѣчается; но вѣдь вся суть въ томъ, что агенты администраціи должны высказать *свой взглядъ*, безъ какихъ-бы то ни было фактовъ, какого мнѣнія она о данномъ лицѣ, *можетъ-ли оно быть* вреднымъ? Кто-же рѣшится на такіе вопросы давать положительные отвѣты. Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, при невысокомъ вообще нашемъ культурномъ уровнѣ, собираніе свѣдѣній о благонадежности поручается обыкновенно низшимъ, иногда совершенно неразвитымъ, даже неграмотнымъ агентамъ, неимѣющимъ никакой возможности оріентироваться въ порученномъ имъ дѣлѣ. Устраненіе вопроса о неблагонадежности впредь до совершенія преступленія дало бы возможность цѣлому ряду лицъ занять учительскія мѣста, которыхъ нынѣ получить они не могутъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, благодаря лишь излишней подозрительности или недоразумѣніямъ. Въ тѣсной связи съ вопросомъ о неблагонадежности находится и вопросъ относительно труднаго разрѣшенія или, собственно говоря, недозволенія занимать мѣста учителей народныхъ училищъ лицамъ съ высшимъ образованіемъ. А между тѣмъ не мало нашлось-бы такихъ лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые съ удовольствіемъ отправились-бы въ деревню, если не навсегда, то на довольно продолжительное время. Недавно на эту тему въ «Сынѣ Отечества» помѣщена была статья («Нѣчто о культурномъ безлюдьи и многолюдьи»), въ которой, между прочимъ, говорится:

«Въ Россіи далеко не всѣ кончающіе курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ находятъ практическое приложеніе своимъ знаніямъ и десятки тысячъ интеллигентныхъ людей остаются за штатомъ и почти безъ всякаго дѣла прозябаютъ въ центрахъ. Постояннымъ жителямъ не только Петербурга и Москвы, но и вообще большихъ городовъ прекрасно извѣстно, какъ велико предложеніе на каждую грошовую должность безъ черной работы. Не менѣе также извѣстно, что всѣ эти «желающіе» получить мѣсто живутъ обыкновенно крайне бѣдно, не имѣютъ приличной одежды, часто и подолгу голодаютъ, наживаютъ всякія хроническія болѣзни, до чахотки включительно. Какъ безконечно грустно становится, когда подумаешь: неужели эти люди обречены судьбою на такую жизнь? Неужели не найдется для нихъ куска хлѣба? И еще грустнѣе становится, когда вспомнишь, что тамъ, «въ глубинѣ Россіи», существуетъ страшная потребность въ живыхъ, интеллигентныхъ людяхъ. Деревня бьется, какъ рыба объ ледъ, хлопочетъ цѣлые годы объ открытіи школы, врачебнаго или фельдшерскаго пункта и даетъ почти все для этого. Послѣ цѣлаго ряда ходатайствъ, умаливаній и упрашиваній, земство рѣшаетъ открыть школу, врачебный или фельдшерскій пунктъ. Но, увы, сплошь и рядомъ, они не могутъ быть открыты, за неимѣніемъ учителя, врача, фельдшера, акушерки. Намъ передаютъ слѣдующій фактъ, иллюстрирующій положеніе въ столицѣ интеллигентныхъ

людей, не имѣющихъ постоянной, хорошо оплачивающейся работы. На-дняхъ одному изъ мѣстныхъ обывателей, г. Н—ву, понадобилось переписать набѣло около 70 листовъ обыкновенной писчей бумаги, и онъ обратился къ посредству газетной публикаціи. Не успѣла еще она пройти, какъ наканунѣ выхода газеты, вечеромъ, на квартиру г. Н—ва явилось уже нѣсколько человѣкъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, которые, очевидно, провѣдали о публицаціи черезъ кого-либо изъ знакомыхъ въ типографіи газеты. На другой-же день г. Н—въ буквально подвергся осадѣ со стороны многочисленныхъ посѣтителей и, въ концѣ концовъ, чтобы положить предѣлъ безпокойству, наклеилъ на дверяхъ извѣщеніе о томъ, что переписчикъ нанятъ. Несмотря на это, квартира его еще два дня осаждалась людьми, жаждавшими получить работу. Въ общемъ, по приблизительному подсчету г. Н—ва, за первые два дня къ нему явилось до 200 человѣкъ, среди которыхъ было очень много дамъ. Въ погонѣ за кускомъ хлѣба, они не обращали вниманія на то, что полистная плата была сравнительно низкая, а нѣкоторые изъ нихъ соглашались даже писать по 5 коп. съ листа, лишь-бы только работа была передана имъ. Мало того,—нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и одна женщина, получивъ отказъ въ работѣ, попросили г. Н—ва дать имъ хоть что-нибудь «Христа ради», такъ какъ имъ, по ихъ словамъ, уже нечего ѣсть.

Далѣе приводится рядъ данныхъ, доказывающихъ, что лица, окончившіе курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, *не желаютъ* ѣхать въ деревню, но, къ сожалѣнію, неизвѣстно. сколько изъ нихъ *не могутъ* ѣхать: послѣднихъ, несомнѣнно, большинство...

На почвѣ той-же «неблагонадежности» понизился и уровень нашихъ учительскихъ семинарій, а также ограничены выпуски изъ нихъ. Уровень понизился потому, что педагогическій персоналъ въ большинствѣ семинарій не выдерживаетъ критики, а выпускъ ограниченъ вслѣдствіе того, что семинаріи, превращенныя въ закрытыя учебныя заведенія, не имѣютъ лицъ приходящихъ, или, по крайней мѣрѣ, таковыхъ стараются избѣгать. Понятно, что земство не въ силахъ содержать на полномъ иждивеніи слишкомъ большое количество учащихся, и послѣднихъ въ семинаріяхъ весьма ограниченное число. Вотъ что дѣлаетъ такъ называемая «неблагонадежность»! Уничтоженіе ея, очевидно, дало бы тысячи новыхъ лицъ въ качествѣ учителей народныхъ училищъ.

Но этого, понятно, еще мало: учителей, какъ мы видѣли, требуется у насъ армія, а во вторыхъ—и лицамъ съ высшимъ и среднимъ образованіемъ необходима спеціальная подготовка для своихъ занятій въ качествѣ преподавателей народныхъ школъ. Въ виду сказаннаго, важнымъ мѣропріятіемъ для увеличенія контингента педагогическаго персонала и успѣшнаго приспособленія къ дѣлу являются *учительскіе съѣзды и педагогическіе курсы*.

Съѣзды и курсы должны быть въ каждой губерніи *постоянными*, ежегодными, при чемъ въ нихъ, помимо учителей и учительницъ должны принимать участіе всѣ окончившіе курсъ въ среднихъ учеб-

ныхъ заведеніяхъ и желающіе учительствовать въ народной школѣ, а также и вообще всѣ желающіе, изъ которыхъ, несомнѣнно, нѣкоторые могутъ пожелать быть учителями народныхъ училищъ, при чемъ изъ ихъ среды возможны очень хорошіе педагоги. Кому неизвѣстно, что есть не мало лицъ, получившихъ прекрасное домашнее образованіе, нерѣдко превосходящее таковое среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеній; затѣмъ, несомнѣнно, найдется не мало лицъ, которыя путемъ самообразованія достигли высокихъ степеней знанія и хотя не имѣютъ дипломовъ, однако могутъ считаться людьми вполнѣ образованными и развитыми. Наконецъ, сами съѣзды и курсы могутъ даже съ бо̀льшимъ успѣхомъ, нежели иныя учебныя заведенія, подготовлять наиболѣе способныхъ изъ лицъ даже съ небольшимъ образованіемъ: обмѣнъ мыслей значительнаго количества лицъ, образцовые уроки выдающихся педагоговъ могутъ сдѣлать очень и очень многое. При этомъ можно установить градаціи, что, для полученія мѣста учителя или учительницы, лица съ высшимъ или спеціальнымъ образованіемъ могутъ, до поступленія на мѣсто, всего, напримѣръ, одинъ разъ участвовать въ съѣздахъ и курсахъ, которые, къ слову сказать, должны происходить одновременно, лица съ среднимъ образованіемъ—два раза, съ низшимъ—три, конечно, принимая во вниманіе способности участниковъ, такъ какъ иной съ низшимъ образованіемъ можетъ оказаться много способнѣе лица съ высшимъ образованіемъ и т. д. Вообще, менѣе всего здѣсь должно быть формализма. Вотъ что, по нашему мнѣнію, необходимо предпринять, чтобы всегда подъ руками имѣть достаточный контингентъ учителей и учительницъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу *объ удержаніи учителей на мѣстахъ*, чтобы работа ихъ не была похожа на верченіе бѣлки въ колесѣ: не успѣешь найти учителей для новыхъ школъ, какъ, глядишь, изъ старыхъ всѣ поразбѣжались.

Безправіе и полная подчиненность всѣмъ, несомнѣнно, составляютъ одно изъ самыхъ тяжелыхъ условій въ жизни учителя, какъ основательно указываетъ г. Скворцовъ. Кто только не властвуетъ надъ учителемъ! Селеніе in corpore, староста, урядникъ, старшина, волостное правленіе, священникъ, приставъ, земскій начальникъ, земская управа in corpore, училищный совѣтъ in corpore, инспекторъ народныхъ училищъ, директоръ народныхъ училищъ. Это нѣчто невѣроятное! И всѣмъ этимъ лицамъ и учрежденіямъ учитель не только долженъ повиноваться, но и «угождать» каждому сообразно его праву. Углубляясь въ суть этого всеподчиненія, если можно такъ выразиться, учителя, мы и здѣсь увидимъ, что главная причина кроется въ томъ-же опасеніи относительно неблагонадежности.

Въ самомъ дѣлѣ, при надлежащей постановкѣ дѣлъ, только двѣ власти компетентны относительно учителя: представители Министерства Народнаго Просвѣщенія и земскихъ управъ. А между тѣмъ чуть-ли не всѣмъ предоставлено право смотрѣть за учителемъ, а разъ такое право существуетъ, желающихъ воспользоваться имъ всегда найдется, не говоря уже о томъ, что каждый, чувствуя себя выше учителя, считаетъ себя «начальствомъ» послѣдняго. Чтобы показать, какія тяжелыя послѣдствія проистекаютъ отъ такой постановки дѣла, приведемъ двѣ корреспонденціи изъ «Орловскаго Вѣстника»: одна изъ гор. Корачева, другая—съ границы Брянскаго и Рославльскаго уѣздовъ. Въ первой говорится слѣдующее:

«На-дняхъ въ здѣшній училищный совѣтъ учительницею земской школы села Гавриловскаго, Сомовской волости, Л. И. Гуляевой поданъ рапортъ о грустномъ и очень характерномъ для положенія у насъ сельскаго учителя инцидентѣ. Сущность рапорта заключается въ слѣдующемъ: 25-го марта учительница, г-жа Гуляева, по обыкновенію, пришла въ церковь съ своими мальчиками и стала съ ними на своемъ мѣстѣ, которое она занимала все время ея службы въ с. Гавриловскомъ, въ продолженіе около 5 лѣтъ. Среди обѣдни она получаетъ черезъ сторожа распоряженіе батюшки оставить это и занять другое мѣсто въ церкви. Сторожъ выразилъ это распоряженіе въ такой грубой формѣ, что бѣдная учительница растерялась и не знала, что дѣлать. Замѣшательство ея принято было за отказъ повиноваться этому распоряженію и оно было приведено въ исполненіе силой: мѣстный степной богатырь, «хозяинъ церкви», ктиторъ ея, эксъ-кабатчикъ И. П. З. быстро подошелъ къ г-жѣ Гуляевой, накричалъ на нее и сталъ съ грубою силою расталкивать и расшвыривать учениковъ по церкви, причемъ у нѣкоторыхъ мальчиковъ порвалъ платье. Къ учительницѣ-же З. обратился съ угрозой, что и ей то-же будетъ. Она, оскорбленная, испуганная, стояла, опершись о клиросъ, съ глазами полными слезъ, съ дрожащими губами, готовая разрыдаться. Тѣмъ временемъ два или три маленькихъ мальчугана, не понимая въ чемъ дѣло, снова подошли къ своей учительницѣ. Этотъ новый признакъ «неповиновенія» со стороны учительницы и учениковъ вызвалъ новую грозу. И громовержцемъ явилась теперь уже душа этой агитаціи противъ учительницы, мѣстная мелкопомѣстная барыня, г-жа К. Она въ свою очередь подошла къ этимъ двумъ-тремъ мальчугамъ и, громко топоча ногами, раскричалась на нихъ: «Какъ вы смѣли подойти къ ней!» (къ учительницѣ). Оскорбленная еще разъ, г. Гуляева уже почти безъ сознанія достояла до конца службы и вышла изъ церкви съ горькимъ чувствомъ незаслуженной обиды. Но это еще не все. Воинственное настроеніе въ лагерѣ «хозяевъ» продолжалось. На слѣдующій день въ школу къ учительницѣ вдругъ входятъ богатырь З. и съ нимъ гавриловскій староста и еще одинъ крестьянинъ. Оставшись наединѣ съ г. Гуляевой, З., между прочимъ, произнесъ слѣдующую характерную для степного богатыря угрозу: «Если мы васъ станемъ кусать, то отъ васъ ничего не останется».

Сообщивъ далѣе, что г. К. съ ненавистью относится къ учительницѣ, видя въ ней конкурентку своимъ перезрѣлымъ дочерямъ, корреспондентъ такъ заканчиваетъ свое письмо: «Но Богъ съ ними, съ романами,—это не наше дѣло. Насъ болѣе интересуетъ суть этого дѣла, эти вопіющіе факты насилія надъ личностью учитель-

ницы и полной ея беззащитности въ деревнѣ. «Хозяева» деревни могутъ выгнать ея дѣтей изъ церкви и изъ школы на улицу, грозить тѣмъ же и ей; могутъ безнаказанно оскорблять бѣдную дѣвушку, и все дѣло можетъ кончиться «рапортомъ на имя училищнаго Совѣта», который сдѣлаетъ выговоръ кому слѣдуетъ и тѣмъ дѣло кончится. Какъ-же, однако, заброшена у насъ сельская школа, какъ мало у нея друзей!

Корреспондентъ съ границъ Брянскаго и Рославльскаго уѣздовъ пишетъ:

«Помимо матеріальныхъ невзгодъ и нравственнаго униженія, тѣсно связаннаго съ безправнымъ служебнымъ положеніемъ нашего сельскаго учителя, послѣдняго нерѣдко преслѣдуетъ доносъ «по начальству». И къ какимъ только средствамъ не прибѣгаютъ лица, желающія во что-бы то ни стало скомпрометировать и опозорить въ глазахъ начальства личность почему-либо ненавистнаго, хотя ни въ чемъ неповиннаго сельскаго учителя!.. Для примѣра приведемъ слѣдующій фактъ. Недавно на одного изъ учителей Т—аго министерскаго училища на имя директора народныхъ училищъ Смоленской губ. поступило прошеніе за подписью всѣхъ сельскихъ старостъ и выборныхъ крестьянъ сосѣднихъ къ Т—у деревень. Въ прошеніи заключалась жалоба на учителя, который якобы «только пьетъ, школьниковъ бьетъ, и ничего не учитъ»; прошеніе заканчивалось «всепокорнѣйшею» просьбою о переводѣ учителя въ другое училище, въ случаѣ-же неудовлетворенія этого ходатайства крестьяне заявили, что «перестанутъ ребятъ своихъ пускать въ школу». Директоръ народныхъ училищъ, по полученіи этого прошенія, счелъ нужнымъ для провѣрки подписей и допроса крестьянъ, подписавшихся въ прошеніи, переслать его къ мѣстному земскому начальнику. Въ камерѣ земскаго начальника и обнаружился весь этотъ злостный подвохъ, устроенный недоброжелателями Т—аго учителя. Вызванные земскимъ начальникомъ крестьяне, значившіеся въ прошеніи, единогласно заявили, что учителемъ своимъ они вполнѣ довольны и никогда даже не думали писать на него какихъ-либо жалобъ; при этомъ нѣкоторые изъ подписавшихся въ прошеніи крестьянъ оказались неграмотными, а грамотные самимъ дѣломъ доказали подлогъ своихъ рукъ».

Но это рѣдкій директоръ народныхъ училищъ и незаурядный земскій начальникъ: въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ такого рода «всепокорнѣйшія просьбы» на учителя оканчиваются изгнаніемъ послѣдняго.

Совсѣмъ иное дѣло было-бы, еслибы учитель, получая вознагражденіе *исключительно отъ земства*, находился только-бы въ вѣдѣніи послѣдняго и училищнаго Совѣта, при чемъ, для большей гарантіи, было-бы желательно, чтобы совершенное устраненіе учителя отъ занимаемаго имъ мѣста зависѣло отъ учительскаго съѣзда съ участіемъ земствъ и училищнаго Совѣта, какъ это кое-гдѣ уже установлено относительно врачей, судьба которыхъ находится въ рукахъ такого коллегіальнаго учрежденія, какъ врачебный Совѣтъ. Привлеченіе съѣздовъ къ обсужденію проступковъ учителей имѣло-бы громадное вліяніе: каждый учитель, съ одной стороны, зналъ-бы,

что онъ прочно держится на мѣстѣ, покуда не дастъ своего заключенія съѣздъ, а съ другой стороны, каждый учитель, опасаясь публичнаго обсужденья своихъ проступковъ, конечно, постарается избѣгать таковыхъ болѣе, нежели при таинственномъ разборѣ дѣла.

Нужно-ли говорить, что при такого рода условіяхъ многіе безбоязненно отправились-бы на мѣста народныхъ учителей.

Если на первомъ планѣ стоитъ необходимость улучшенія общественныхъ условій для учителя, охраненіе его гражданскаго достоинства, то второе мѣсто несомнѣнно занимаетъ забота объ экономическомъ положеніи его. Много писалось объ этомъ, но мы не можемъ не удержаться, чтобы не привести здѣсь выдержки изъ дневника нынѣ покойной учительницы М. Я. Соколовой, напечатаннаго въ «Орлов. Вѣст.». Вотъ эти выдержки:

7 января: «пріѣхала къ Соловьеву и ночевала у хозяевъ по невозможности быть въ зданіи школы». 8 января: «Занятія не было, потому что учениковъ явилось мало и воздухъ въ школѣ былъ неисправенъ». 9 января: «Ученики явились, но не всѣ. Занятіе было благополучно». 14 января «Утромъ—скука или, лучше сказать, тоска невыносимая. Занятіе немного разсѣяло, но не успокоило меня окончательно, а только чуть-чуть. Не удивительно, что мнѣ хотѣлось плакать весь день, только я не желала, чтобы видѣли мои слезы, и сдерживалась... Почему? Узнайте!» 16 янв. «Занятіе прошло благополучно, хотя мнѣ и пришлось подрать горло порядкомъ... Но что же дѣлать? Такова настоящая судьба моя. А горлу то больно!» 17 янв. «Голова была въ безпорядкѣ, а слѣдовательно, и все въ школѣ тоже». 23 янв. «Занятіе прошло благополучно, только утомило меня достаточно». 24 янв. «Особеннаго ничего; болѣла голова весь день». 26 янв.: «Ходила въ церковь. Замерзла. Невесело; часа три пролежавъ, не заснула». 27 янв.: «Занятіе продолжалось до 3 часовъ. Послѣ обѣда писала до вечерняго чая приблизительно часа три, такъ что рука сильно заболѣла; къ тому-же и замерзла. Словомъ, пріятнаго мало—ничего». 30 янв.: «Вечеромъ угорѣла вдребезги». 31 янв.: «Угаръ продолжался всю ночь и далѣе—измучилъ окончательно, такъ что въ пятницу я не подымалась и не занималась. Благодарю Бога, что жива осталась—такъ и думала, что конецъ наступилъ. Грустная исторія». 1 февраля: «Занималась, но занятіе утомило меня, такъ какъ я еще не совсѣмъ оправилась отъ противнаго угара». 2 февраля. «Можно сказать, всю ночь не спала. День-же прошелъ очень, очень плохо, такъ что и распространяться о немъ не хочу,—лучше умолчу». 3 февр. «Учениковъ было очень мало по случаю непогоды, къ достаточному моему неудовольствію». 5 февр. «Утромъ чуть не замерзла... Хорошаго мало». 6 февр. «Ночью угорѣла пуще прежняго—такъ и думала, что умру». 7 февр.: «Занятія не было, а почему—ясно выше». 8 февр. «Нехорошо, не пріятно».

Нѣсколько мѣсяцевъ дневникъ не велся, изрѣдка попадаются замѣтки чисто личнаго характера. Затѣмъ 12 ноября краткая, но краснорѣчивая помѣтка: «Угорѣла». 13 ноября: «Болѣла голова, а въ концѣ классовъ невыносимо, такъ что я вышла изъ класса при законоучителѣ, и онъ скоро отпустилъ учениковъ. Я пообѣдала и легла, но не спала, а такъ немного отдохнула и встала, принялась

читать». 19 ноября: «Угорѣла... Ужасная боль головы». 23 ноября: «Ѣздила въ больницу, неудачно». 25 ноября: «Спала мало. Занятіе прошло хорошо. Думаю о прошломъ и предстоящемъ». 9 декабря: «Прибылъ фонарь. Священникъ и я налаживали, закоптились. Угаръ». 10 декабря: «Угорѣла ужасно, всю ночь рвалась и не спала». 11 декабря: «Не поднялась и не занималась». Положеніе по-истинѣ ужасное, и при такихъ условіяхъ возможно на мѣста учителей заманить или людей, находящихся въ безвыходномъ положеніи, или самоотверженныхъ. Первыхъ имѣть не совсѣмъ желательно, а вторыхъ мало, поэтому, естественно, слѣдуетъ разсчитывать на хорошихъ учителей, но которые будутъ заниматься при нормальныхъ условіяхъ, т.-е. при имѣніи человѣческаго жилища и болѣе или менѣе достаточнаго вознагражденія. Что касается послѣдняго, то врядъ ли земства будутъ въ силахъ самостоятельно разрѣшить вопросъ о гонорарѣ.

Намъ думается, что вполнѣ хорошіе учителя возможны при окладѣ въ 600 руб. Это достаточно, пожалуй, и для людей съ высшимъ образованіемъ, принимая во вниманіе готовую квартиру и полгода свободнаго времени *).

При 600 руб., для однихъ земскихъ губерній, для всего числа учителей (110.948) потребуется денегъ 66.568.800 р., или, въ среднемъ, на каждую земскую губернію 1.957.906 руб. **) Врядъ ли, повторяемъ, выдержитъ земскій бюджетъ такую сумму, и было-бы спра-

*) Объ этомъ можно отчасти судить по нѣкоторымъ даннымъ изъ земской практики. Такъ, недавно въ газетахъ изъ Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губ., напечатано было такого рода сообщеніе: «Нашъ уѣздъ въ отношеніи обезпеченія будущности народныхъ учителей можно назвать выдающимся. Увеличивающееся прогрессивно вознагражденіе, доходящее до 500 руб., нерѣдкія единовременныя пособія учителямъ и введенная года два тому назадъ эмеритальная касса вполнѣ обезпечиваютъ народныхъ учителей. Достаточное матеріальное обезпеченіе не мало способствуетъ привлеченію на должности учителей людей способныхъ, отдающихся дѣлу народнаго просвѣщенія всей душой. Въ уѣздѣ найдется не мало такихъ лицъ, которыя могли бы праздновать двадцатипятилѣтніе юбилеи своей педагогической дѣятельности. Введенная недавно эмеритальная касса представляетъ существенный интересъ для тѣхъ учителей, которые прослужили уже не одинъ десятокъ лѣтъ; имъ предоставлено право сдѣлать за прошедшіе годы взносы, а слѣдовательно и имѣть возможность, по истеченіи извѣстнаго времени, получать пенсію. Въ виду особыхъ заслугъ нѣкоторыхъ учителей, педагогическій Совѣтъ возбудилъ ходатайство, чтобы слѣдуемые съ этихъ учителей за прошедшіе годы взносы въ эмеритальную кассу, были пополнены изъ средствъ земства. Такимъ образомъ, въ то время, какъ въ однихъ мѣстахъ учителя бѣгутъ, въ другихъ, какъ Александр. у., они, благодаря сравнительной обезпеченности, почти всю жизнь не оставляютъ школы.

**) Въ 1895 году максимальная затрата земствъ на всѣ нужды начальнаго народнаго образованія была въ Московской губ. и выразилась цыфрою 582.399 р. 36 коп.

ведливо, хотя въ половинномъ размѣрѣ, придти въ данномъ случаѣ на помощь земствамъ государству. Конечно, иные возопятъ, что отъ государства требуется слишкомъ много, но на это можно возразить общеизвѣстнымъ фактомъ, что культура повышаетъ настолько интенсивность труда населенія, что никакія другія мѣропріятія не дадутъ такихъ высокихъ процентовъ на затраченный капиталъ, какъ ссуда на народное образованіе *).

Мы полагаемъ, что указанныя нами мѣропріятія по неотложному учительскому вопросу дали бы возможность быть въ достаточной степени увѣреннымъ, что недостатка въ учителяхъ у народныхъ школъ не будетъ, тогда какъ безъ такого рода мѣропріятій вопросъ о всеобщемъ обученіи, по нашему мнѣнію, совершенно не разрѣшимъ.

И. Бѣлоконскій.

---

*) Недавно обнародованы свѣдѣнія о расходахъ на народныя школы въ Пруссіи за періодъ съ 1886 по 1897 гг. Оказывается, что вознагражденіе учителей требовало 10 лѣтъ тому назадъ 88½ милліоновъ, теперь-же оно поглощаетъ 133 милліона; издержки на зданія и пособія увеличились вдвое, съ 27 на 52 милліона. Еще прямѣе улучшеніе школы выражается въ томъ, что въ 1886 г. каждый школьникъ стоилъ странѣ 24 марки въ годъ, а теперь онъ требуетъ 37 марокъ. Въ большихъ городахъ, понятно, не довольствуются и такими условіями: гор. Берлину каждый школьникъ стоитъ 67 марокъ. Замѣтимъ еще, что эта статистика относится къ періоду до изданія закона 1897 г. о вознагражденіи народныхъ учителей, значительно поднявшаго положеніе сельскаго учителя. Безъ всякаго преувеличенія можно предположить, что въ настоящее время Пруссія, со своими 32 милліонами жителей составляющая только четвертую долю нашего отечества, отпускаетъ на первоначальное народное образованіе (изъ государственнаго и мѣстныхъ бюджетовъ) около 100 милл. руб. въ годъ.

О постановкѣ преподаванія педагогики въ женскихъ гимназіяхъ.

Преподаваніе педагогики въ женскихъ гимназіяхъ въ настоящее время поставлено очень неопредѣленно. По этому предмету не существуетъ ни обязательнаго плана занятій, ни общепринятаго учебника. Отсюда естественно происходитъ большое разнообразіе преподаванія педагогики въ разныхъ гимназіяхъ. Единственными началами, одинаково лежащими въ основѣ преподаванія педагогики во всѣхъ министерскихъ женскихъ гимназіяхъ, являются только слѣдующія два неопредѣленныхъ положенія: 1) педагогика должна преподаваться въ связи съ психологіей и 2) на ряду съ теоретическимъ преподаваніемъ, должны происходить нѣкоторыя практическія упражненія, въ видѣ рефератовъ ученицъ о прочитанныхъ книгахъ и составленіи характеристикъ ученицъ младшихъ классовъ. Такія неопредѣленныя указанія невольно порождаютъ много вопросовъ: въ какомъ объемѣ слѣдуетъ вводить психологію въ курсъ педагогики? Какой характеръ слѣдуетъ придавать самому курсу педагогики—теоретическій или историческій? Какую ближайшую цѣль должны преслѣдовать практическія упражненія ученицъ и какъ надо ихъ поставить? Всѣ эти вопросы разными преподавателями рѣшаются различно. Одни все преподаваніе педагогики сводятъ къ элементарному курсу психологіи, въ которомъ попутно дѣлаются нѣкоторыя замѣчанія по теоріи и исторіи педагогики. Другіе поступаютъ какъ разъ обратно, стараясь придать своему курсу практическій педагогическій характеръ и ограничивая преподаваніе психологіи только разъясненіемъ нѣкоторыхъ наиболѣе употребительныхъ терминовъ. Еще большей неопредѣленностью отличается постановка практическихъ упражненій. Одни смотрятъ на нихъ какъ на дѣло, органически связанное съ курсомъ, у другихъ-же они являются какимъ-то внѣшнимъ придаткомъ къ курсу, чѣмъ-то въ родѣ практическаго экзамена для ученицъ, испытанія ихъ педагогической находчивости и проницательности.

Все это показываетъ, что вопросы о постановкѣ преподаванія педагогики въ женскихъ гимназіяхъ далеко еще нельзя признать

окончательно выясненными, и поэтому всякая попытка снова серьезно пересмотрѣть его, по меньшей мѣрѣ, является не безполезной. Итакъ, попробуемъ сдѣлать такую попытку.

Цѣль преподаванія педагогики въ женскихъ гимназіяхъ, съ моей точки зрѣнія, заключается въ томъ, чтобы возбудить въ ученицахъ *осмысленное отношеніе къ вопросамъ педагогическаго характера*, познакомить ихъ съ главнѣйшими *педагогическими теоріями* и сдѣлать ихъ способными къ пониманію *современной педагогической литературы*.

Осмысленно относиться къ вопросамъ педагогическаго характера— это значитъ умѣть ясно и точно *ставить* подобные вопросы, подмѣчать ихъ *связь* съ другими вопросами и понимать, какого рода *знанія* требуются для ихъ разрѣшенія. А все это предполагаетъ въ извѣстной степени развитую способность къ психическому и логическому анализу. Слѣдовательно, для того, чтобы возбудить въ человѣкѣ осмысленное отношеніе къ вопросамъ педагогическаго характера, прежде всего необходимо пробудить въ немъ способность къ психологическому и логическому анализу. Совершенно не умѣя разбираться въ психологическихъ и логическихъ вопросахъ, невозможно понимать и оцѣнивать педагогическія теоріи. Поэтому изученію педагогическихъ теорій должно предшествовать знакомство съ основными началами *психологіи* и *логики*.

Здѣсь я особенно настаиваю на томъ, что знакомство съ психологіей должно *предшествовать* изученію педагогическихъ теорій, а не идти параллельно съ ними. Надо помнить, что пониманіе законовъ психическихъ явленій (особенно для человѣка непривычнаго)—дѣло нелегкое, требующее большого вниманія. Поэтому мнѣ представляется нецѣлесообразнымъ перемѣшивать разъясненіе чисто-психологическихъ вопросовъ съ изложеніемъ педагогическихъ теорій. Это невольно будетъ разсѣивать вниманіе слушательницъ, отвлекая его отъ теоретической стороны психологическаго вопроса къ чисто-практическимъ выводамъ. При такомъ положеніи дѣла ученицамъ трудно будетъ не только привыкнуть къ психологическому анализу, но хотя-бы даже ясно понять, въ чемъ заключается его сущность. Съ другой стороны, никогда нельзя какъ слѣдуетъ разъяснить педагогическихъ теорій, излагая ихъ только попутно, при изученіи психологіи. Вѣдь эти теоріи возникали подъ вліяніемъ не только опредѣленныхъ психологическихъ воззрѣній, но также извѣстныхъ историческихъ условій, которыя, конечно, необходимо имѣть въ виду. И цѣнность той или другой педагогической теоріи никогда не представится такъ отчетливо, какъ въ ея историческомъ изложеніи, и при томъ послѣ того, какъ напередъ уже изложены и разъяснены основныя положенія психологіи. Въ этомъ случаѣ слушательницы легко смогутъ

понять, что въ извѣстной теоріи слѣдуетъ признать необходимымъ слѣдствіемъ строго доказанныхъ положеній психологіи и что надо отнести на счетъ вліянія временныхъ культурныхъ теченій.

Итакъ, мнѣ кажется, что курсъ педагогики въ женскихъ гимназіяхъ долженъ заключать въ себѣ двѣ главныхъ части—психологію съ логикой и исторію педагогики.

Но какой характеръ должно имѣть преподаваніе этихъ предметовъ и въ какомъ объемѣ можно ихъ преподавать, имѣя въ виду то небольшое количество учебныхъ часовъ, которое обыкновенно отводится въ женскихъ гимназіяхъ на занятіе педагогикой.

Во избѣжаніе недоразумѣній, прежде всего замѣчу, что при всѣхъ послѣдующихъ разсужденіяхъ я, имѣя въ виду, между прочимъ, и собственный опытъ въ одной изъ женскихъ гимназій Петербургскаго округа, предполагаю, что въ распоряженіи преподавателя находится *два недѣльныхъ часа*, т.-е. около пятидесяти часовъ въ годъ, посвященныхъ *исключительно* изложенію курса. При такомъ положеніи дѣла, все первое полугодіе можно посвятить преподаванію психологіи, около мѣсяца—знакомству съ логикой и все остальное время—изученію исторіи педагогики. При такомъ распредѣленіи учебнаго матеріала можно сообщить ученицамъ очень много. Надо только беречь время и не тратить попусту словъ, стараясь не говорить по два раза одного и того-же и заботясь о томъ, чтобы разъ сказанное не забывалось. Но какъ это сдѣлать? Сокращеніе времени, необходимаго для преподаванія, прежде всего достигается планомъ даннаго курса. Если мы будемъ преподавать логику послѣ того какъ ученицами хорошо усвоены общія начала психологіи, то намъ не придется долго останавливаться ни на процессѣ вниманія, ни на процессахъ образованія общихъ представленій, ни на выясненіи пріемовъ анализа, какъ метода изученія логическихъ законовъ. Все это будетъ уже знакомыми вещами для ученицъ, и поэтому мы можемъ направить ихъ вниманіе исключительно на изученіе законовъ логической связи нашихъ понятій. Точно также при изложеніи исторіи педагогики все вниманіе можно обратить исключительно на культурно-историческія основы педагогическихъ теорій и ихъ практическій смыслъ, не возвращаясь къ разъясненію психологическихъ законовъ, на которые они опираются, а ссылаясь на нихъ, какъ на нѣчто уже знакомое. Кромѣ того, много можно сберечь времени, если при изложеніи психологіи и логики, по возможности, придерживаться строго аналитическаго метода, не закидывать ученицъ множествомъ пестрыхъ примѣровъ и останавливаться только на самыхъ характерныхъ явленіяхъ.

Очертивъ общій планъ курса, теперь можно перейти къ вопросу о постановкѣ преподаванія первой его части—психологіи.

*

Какъ надо преподавать психологію въ женскихъ гимназіяхъ: какъ *науку*, или только какъ извѣстный *учебный предметъ?* Слѣдуетъ-ли ее излагать критически, или догматически?

Большинство преподавателей педагогики, по всей вѣроятности, высказалось бы за то, что въ женскихъ гимназіяхъ не можетъ быть и рѣчи о преподаваніи психологіи, какъ науки, что психологія въ курсѣ педагогики имѣетъ значеніе только подготовительное и что ученицы VIII класса—не студенты. Поэтому многіе не находятъ возможнымъ преподавать психологію въ гимназіяхъ иначе, какъ въ формѣ своеобразнаго учебнаго предмета, въ которомъ главное мѣсто должно отводиться догматическому разъясненію наиболѣе употребительныхъ психологическихъ терминовъ и тѣхъ душевныхъ явленій, которыя «наиболѣе важны для педагога».

Противъ такого способа преподаванія психологіи можно сказать очень много. Прежде всего, если принять, что цѣль преподаванія психологіи въ женскихъ гимназіяхъ заключается въ развитіи способности къ психологическому анализу, то она совсѣмъ не можетъ быть достигнута при догматическомъ способѣ изложенія. Только видя, какимъ путемъ получаются извѣстныя психологическія формулы, только зная внутреннюю научную работу психолога, можно понять сущность психологическаго анализа и научиться болѣе или менѣе толково ставить вопросы о душевныхъ явленіяхъ. Если-же этого нѣтъ, то все изученіе психологіи волей-неволей сводится къ сухой номенклатурѣ или ряду безсвязныхъ положеній объ «ассоціаціи идей» и «важности вниманія», съ перемѣшкой нѣсколькихъ забавныхъ примѣровъ въ качествѣ поучительной иллюстраціи. Конечно, такой курсъ былъ-бы совершенно безполезнымъ, если только не считать пользой сознаніе, что воспитанницы все-таки «учились психологіи». Далѣе, если при изложеніи психологіи въ женскихъ гимназіяхъ руководствоваться не требованіями научнаго анализа, а исключительно практическими соображеніями о томъ, какія душевныя явленія «наиболѣе важны для педагога», то въ концѣ концовъ не трудно совершенно сбиться съ толку. Въ самомъ дѣлѣ, какія явленія душевной жизни нормальнаго человѣка наиболѣе важно знать педагогу? Законы ассоціаціи идей? Вниманіе? Условія развитія нравственнаго чувства? Процесса воли? Но развѣ можно всѣ эти явленія понять тогда, когда они разсматриваются совершенно изолированно отъ другихъ сторонъ душевной жизни, когда человѣку неясно взаимное отношеніе всѣхъ главнѣйшихъ психическихъ законовъ, когда онъ не видитъ общей картины душевнаго міра?! Педагогу «наиболѣе важно знать» не разсказы объ отдѣльныхъ случаяхъ изъ психической жизни человѣка, а общіе законы всей этой жизни. Онъ

долженъ научиться понимать эту жизнь, знать, съ какой стороны слѣдуетъ подходить къ ея изученію, какую цѣнность придавать наблюдаемымъ фактамъ. Ему важно знать не «наиболѣе употребительные психологическіе термины», а душевныя явленія, обозначаемыя ими. А все это возможно только тогда, когда онъ пойметъ работу научнаго анализа, создавшаго научные термины, и сможетъ слѣдить за его ходомъ.

Итакъ, необходимо признать, что цѣлесообразная постановка преподаванія психологіи въ женскихъ гимназіяхъ должна быть непремѣнно *научной*. Психологія должна разсматриваться не какъ вспомогательный «учебный предметъ», а какъ цѣльная «наука».

Такое требованіе можетъ показаться страннымъ. Мы привыкли думать, что науки составляютъ достояніе только высшихъ учебныхъ заведеній, а въ гимназіяхъ преподаются только учебные предметы. Въ университетахъ можно каждое положеніе, сообщаемое на лекціяхъ, выводить, объяснять и доказывать, а въ гимназіяхъ слѣдуетъ довольствоваться чисто догматическимъ сообщеніемъ результатовъ научныхъ работъ, не знакомя класса съ процессомъ ученой разработки вопроса. Такъ думаютъ обыкновенно. И во многихъ случаяхъ съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться. Но это положеніе, вполнѣ примѣнимое къ преподаванію, напр., исторіи, географіи и грамматики, по моему, совершенно не примѣнимо къ преподаванію психологіи. Когда мнѣ говорятъ о преподаваніи исторіи, какъ науки (въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ), и учебнаго предмета (въ среднихъ), я понимаю, что это значитъ. Я знаю, что можно создать въ воображеніи учениковъ яркую картину прошлой жизни народовъ, не дѣлая при этомъ никакихъ ссылокъ на археологію, палеографію и историческіе документы, и въ то же время я знаю, что безъ этихъ ссылокъ невозможно научное изложеніе исторіи. Но я не допускаю возможности двоякаго изложенія психологіи—научнаго и и спеціально учебнаго. Самый предметъ психологіи таковъ, что его можно трактовать или строго научнымъ способомъ (т.-е. отмѣчая весь путь изученія психическихъ явленій), или никакъ. Всякая попытка преподавать психологію не какъ цѣльную науку, а только какъ учебный предметъ, непремѣнно должна оказаться неудачной, ибо на практикѣ она волей-неволей сведется къ печальной забавѣ: учитель будетъ воображать, что преподаетъ психологію, а ученики будутъ лишь запоминать условныя значенія терминовъ, переводя на ихъ языкъ тѣ представленія о душевной жизни, которыя они уже и сами имѣли до изученія «психологіи»; о развитіи какого-либо болѣе тонкаго пониманія психическихъ явленій, о новыхъ *знаніяхъ* въ данномъ случаѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. И это

понятно. Психологія занимаетъ совершенно исключительное мѣсто среди предметовъ преподаванія. Приступая къ изученію чужого языка, исторіи или географіи, ученикъ чувствуетъ, что вступаетъ въ какую-то совершенно новую для него область знаній. Онъ въ первый разъ узнаетъ о тѣхъ или другихъ предметахъ и событіяхъ. При этомъ старанія учителя направляются именно къ тому, чтобы ученикъ въ концѣ концовъ *познакомился* съ данными предметами и событіями. Преподавателю исторіи или грамматики въ среднемъ учебномъ заведеніи важно передать ученику знаніе именно данныхъ формъ рѣчи или данныхъ историческихъ событій, *а не метода ихъ научнаго изученія.* Между тѣмъ при всякомъ небезплодномъ преподаваніи психологіи именно научная, методологическая сторона дѣла должна выступать на первый планъ. Главныя явленія психической жизни нормальнаго человѣка, въ общемъ, извѣстны каждому. Психологія только анализируетъ эти явленія и устанавливаетъ тонкую, опредѣленную связь между элементами, образующими душевную жизнь. Слѣдовательно, знаніе, которое дается психологіей, заключается не столько въ знакомствѣ съ главными явленіями душевной жизни, сколько въ выработкѣ *лучшаго способа ихъ пониманія.* Но научиться правильному пониманію психическихъ явленій невозможно, не зная сущности пріемовъ научнаго психологическаго анализа. *Изучаетъ психологію только тотъ, кто самъ пробуетъ изслѣдовать явленія душевной жизни*, и задача всякаго преподавателя психологіи естественно заключается въ томъ, чтобы помочь ученику хотя отчасти стать изслѣдователемъ. Отсюда ясно, что преподаваніе психологіи можетъ имѣть смыслъ только при строго научной его постановкѣ.

Но возможно-ли поставить строго научнымъ образомъ курсъ психологіи, разсчитанный на 20—25 часовъ и предназначенный для ученицъ гимназій?

Подъ строго-научнымъ изложеніемъ я въ данномъ случаѣ разумѣю изложеніе вполнѣ доказательное, удовлетворяющее требованіямъ научнаго психологическаго анализа. Мнѣ кажется, что такой способъ преподаванія не только не удлиннитъ времени, необходимаго для прохожденія курса, но даже сократитъ его. Слѣдя шагъ за шагомъ за ходомъ работы психолога, ученицы лучше и *скорѣе* поймутъ взаимную связь явленій душевной жизни, нежели при догматическомъ и эпизодическомъ изложеніи. Научность изложенія психологіи не предполагаетъ непремѣнно многословности и излишней подробности. Преподавая психологію въ среднемъ учебномъ заведеніи, можно даже пожертвовать нѣкоторыми деталями, которыя обыкновенно вносятся во всѣ элементарные учебники, и курсъ отъ этого ничего не поте-

ряетъ. Для того, чтобы ввести слушательницъ въ духъ научнаго психологическаго анализа, для того, чтобы познакомить ихъ съ его главнѣйшими пріемами, надо постараться показать имъ эти пріемы при изслѣдованіи разныхъ явленій психической жизни. Не надо заботиться о томъ, чтобы привлечь *много* матеріала, но слѣдуетъ позаботиться, чтобы этотъ матеріалъ былъ по возможности *разнообразные*, и чтобы въ концѣ концовъ ученицы болѣе или менѣе живо представляли себѣ цѣльную картину психическаго міра и разные способы его изученія. Тогда можно будетъ сказать, что не даромъ провели онѣ время, слушая психологію: онѣ научатся если не изслѣдовать душевную жизнь, то хоть точно уяснять себѣ тѣ вопросы, которые у нихъ о ней возникаютъ, и болѣе или менѣе сознательно относиться къ чтенію психологическихъ сочиненій.

Нечего бояться, что ученицамъ VIII класса женскихъ гимназій такой курсъ будетъ не подъ силу. Для пониманія психологіи прежде всего требуется активное вниманіе изучающаго эту науку. Явленія, составляющія предметъ психологіи, находятся въ сознаніи. Учащагося надо заставить углубиться въ себя, всмотрѣться въ отношеніе своихъ чувствъ и мыслей. Надо, чтобы онъ самъ до извѣстной степени пережилъ тѣ муки научнаго психологическаго анализа, которыя даютъ намъ радость познанія душевной жизни. Постарайтесь сразу заинтересовать своихъ слушательницъ, взбудоражьте спокойствіе ихъ мысли, покажите всю неясность и шаткость ихъ наивныхъ представленій о душевномъ мірѣ, забросьте въ ихъ сердце тревожный вопросъ, разожгите желаніе прочнаго знанія, пробудите научную пытливость. На этой почвѣ закипитъ работа, и вы убѣдитесь, что ученицы VIII класса женскихъ гимназій, въ общей массѣ, не менѣе способны къ пониманію научнаго курса психологіи, чѣмъ большинство лицъ, сдавшихъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости.

Интереснымъ практическимъ вопросомъ является въ данномъ случаѣ то, какой именно матеріалъ слѣдуетъ включить въ программу курса психологіи въ женскихъ гимназіяхъ и какъ его расположить, чтобы курсъ вышелъ по возможности строго научнымъ и чтобы дѣйствительно можно было на немногомъ показать многое. Разумѣется, рѣшеніе этого вопроса въ значительной степени должно зависѣть отъ точки зрѣнія, съ которой самъ преподаватель смотритъ на методы современной психологіи. На данномъ курсѣ волей-неволей должны отразиться личные взгляды и склонности преподавателя. Впрочемъ, мнѣ кажется, что всякій преподаватель психологіи можетъ постараться сообщить своему курсу болѣе или менѣе безпристрастный, объективный характеръ. Отъ увлеченія какой-нибудь односторонней теоріей его можетъ спасти стремленіе дать въ своемъ

курсѣ обзоръ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія на душевныя явленія и различныхъ способовъ ихъ изслѣдованія. Выясненіе всего этого можно связать съ разными частями курса. Самый курсъ отъ этого нисколько не потеряетъ своей цѣльности, если только преподаватель все время не будетъ выпускать изъ своихъ рукъ одной связующей нити—требованій научнаго анализа. Если ученицы будутъ чувствовать, что вопросы ставятся преподавателемъ не случайно, что къ разбору извѣстнаго явленія онъ переходитъ только тогда, когда его вынуждаетъ къ этому анализъ какого-нибудь другого психическаго факта, то всѣ разсужденія о душевной жизни само собою представятся имъ въ видѣ цѣльной системы. И стройности этой системы не будетъ мѣшать сознаніе, что отдѣльныя части, изъ которыхъ она состоитъ, связывались съ объясненіемъ разныхъ пріемовъ научнаго изслѣдованія.

Для того, чтобы нагляднѣе показать возможность подобнаго рода плана, я приведу краткую программу курса психологіи, которую мнѣ удавалось выполнять въ теченіе одного полугодія (два часа въ недѣлю) въ VIII классѣ женской гимназіи.

Въ началѣ курса я дѣлалъ небольшой очеркъ исторіи психологіи, показывая, съ какими вопросами разные изслѣдователи приступали къ разработкѣ этой науки и какъ, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе уяснялся собственный *предметъ психологіи*—явленія сознанія. На понятіи *сознанія* я останавливался очень долго, указывая различныя значенія этого термина и разныя точки зрѣнія, которыя могутъ существовать во взглядахъ на «безсознательную душевную жизнь». Когда, послѣ всего этого, ученицамъ становилось яснымъ, въ какомъ смыслѣ слова сознаніе можетъ быть предметомъ психологическаго изслѣдованія, я обращалъ ихъ вниманіе на сложность наличныхъ состояній нашего сознанія и *необходимость психологическаго анализа* для ихъ изученія. Иллюстрируя работу научнаго анализа, я показывалъ какъ съ его помощью мы приходимъ къ познанію простѣйшихъ явленій душевной жизни—*ощущеній*. Множество и разнообразіе единичныхъ ощущеній невольно вызываетъ вопросъ: какъ же ихъ изучать? Возникаетъ сознаніе необходимости классификаціи этихъ явленій. Но какъ это сдѣлать? Указывая основы классификаціи ощущеній, я вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ возможность наглядно показать различіе между чисто-психологической и физіологической точкой зрѣнія на душевныя явленія. Изъ сопоставленія этихъ точекъ зрѣнія возникалъ естественный вопросъ *объ отношеніи ощущенія къ раздраженію*, а это влекло за собою выясненіе основныхъ началъ психо-физики (законы Вебера-Фехнера, явленія контрастовъ). При анализѣ *воспріятій* невольно приходилось обратить

вниманіе на участіе въ этомъ процессѣ *воспроизведенныхъ представленій*. Возникалъ вопросъ: что такое воспроизведеніе представленій и въ какихъ процессахъ оно проявляется? Уясняя это важное явленіе, я въ то же время, попутно, въ видѣ примѣровъ, производилъ анализъ *иллюзій*, образованія *общихъ представленій* и основныхъ процессовъ *воображенія*. При этомъ, само собою разумѣется, становились очевидными сущность и широкое значеніе *вниманія*. Подведя итогъ всему сказанному о значеніи воспроизведенія въ душевной жизни, мы вмѣстѣ съ тѣмъ приходили къ опредѣленію *основныхъ законовъ воспроизведенія*. Подробный разборъ вопроса о взаимномъ отношеніи законовъ ассоціаціи представленій давалъ мнѣ возможность показать значеніе разныхъ видовъ ощущеній въ процессахъ душевной жизни. Пользуясь пріемами ассоціаціонной психологіи, я указывалъ на ту широкую роль, которую играетъ въ процессахъ психической жизни ассоціація пространственной и временной смежности, а отсюда былъ прямой переходъ къ ученію о *пространствѣ и времени*, какъ эмпирическихъ формахъ нашего сознанія. Здѣсь уже можно было затронуть нѣкоторыя гносеологическіе вопросы и познакомить слушательницъ съ теоріей Канта объ *апріорномъ познаніи*. Когда ученицамъ выяснится существованіе извѣстныхъ формъ сознанія, связующихъ все его содержаніе, умѣстно имъ напомнить, что на ряду со *связными* представленіями обыкновенно признаются еще и *безсвязныя*, хотя бы послѣднія и были подчинены извѣстнымъ «связующимъ» формамъ пространства и времени. Отсюда станетъ понятнымъ, что выраженіемъ «связь представленій» можно обозначать разныя явленія, а именно—*связь механическую* и *связь логическую*. Объясняя характерныя особенности механической и логической связи представленій, я, въ видѣ иллюстраціи, разбиралъ процессы образованія (механическимъ путемъ) *обобщенныхъ образовъ* и (логическимъ путемъ) *понятій*. На этомъ мною заканчивался обзоръ явленій умственной жизни. Психологіи *чувства и воли* я удѣлялъ меньше времени, главное вниманіе обращая на общую постановку вопросовъ при изслѣдованіи эмоціональныхъ и волевыхъ явленій и опредѣленіи ихъ элементовъ. Въ качествѣ примѣровъ, на которыхъ разъяснялись эти положенія, я бралъ (для психологіи чувства) вопросъ объ отношеніи нравственнаго чувства къ эстетическому и (для психологіи воли) вопросъ о выработкѣ характера. На разборѣ этихъ вопросовъ можно было показать отношеніе чувства и воли къ умственнымъ процессамъ. Когда, такимъ образомъ, вся душевная жизнь являлась въ видѣ одной цѣльной системы, я обращался къ понятію *самосознанія*, при чемъ вопросъ о развитіи самосознанія, какъ самый сложный изъ всѣхъ предшествующихъ, позволялъ мнѣ сдѣлать общій ... всего курса психологіи.

За курсомъ психологіи, по моему, необходимо познакомить учениць съ *главнѣйшими положеніями логики*, т.-е. основами научной классификаціи, непосредственными умозаключеніями, силлогизмами и пріемами индукціи. Если при этомъ избѣгать излишней номенклатуры, останавливаться на однихъ только характерныхъ явленіяхъ и, главное, совершенно не допускать догматичности изложенія, то логика не покажется тяжелымъ и скучнымъ предметомъ.

Завершеніемъ всего курса «Педагогики» въ женскихъ гимназіямъ должно служить знакомство съ главнѣйшими *педагогическими теоріями*, которыя лучше всего излагать въ историческомъ порядкѣ въ связи съ современными имъ культурными теченіями. Придерживаясь указаннаго выше распредѣленія времени, учениць можно познакомить съ главнѣйшими положеніями педагогическихъ теорій: *Платона*, *схоластовъ* и *гуманистовъ*, *Коменскаго*, *Локка*, *Фенелона*, *Руссо*, *Канта*, *Песталоцци*, *Фребеля*, *Гербарта* и *Спенсера*. При этомъ, для сокращенія времени, можно свести на minimum изложеніе біографій этихъ личностей (какъ вещь, которая легко можетъ быть усвоена ученицами и безъ помощи преподавателя) и обращать вниманіе преимущественно на тѣ стороны ихъ теорій, которыя касаются разныхъ педагогическихъ вопросовъ. Такъ, напр., при изложеніи Платона—можно выдвинуть вопросъ о значеніи *господствующаго настроенія*, *какъ фактора личности воспитанника*; на теоріи Коменскаго удобно разъяснить вопросъ о *сущности и взаимномъ отношеніи реальнаго и классическаго образованія*; сочиненія Локка и Руссо могутъ служить прекрасной иллюстраціей къ рѣшенію вопроса о разныхъ *способахъ педагогическаго воздѣйствія — примѣръ, наставленіяхъ*, *выговорахъ*, *наказаніяхъ и наградахъ;* излагая Канта и Песталоцци, можно выяснить вопросъ объ *общихъ задачахъ всякой школы* и о значеніи школьной *дисциплины*; теорія Фребеля сама собою введетъ учениць въ вопросы *первоначальнаго воспитанія*; при изложеніи педагогическихъ взглядовъ Гербарта, можно подробнѣе остановиться на вопросѣ объ *отношеніи воспитанія къ обученію*; наконецъ, педагогическія сочиненія Спенсера могутъ служить удобнымъ исходнымъ пунктомъ для выясненія вопроса о *значеніи всякаго научнаго образованія* и объ *отношеніи школы къ семьѣ и обществу*. При такомъ планѣ, ученицы въ концѣ концовъ получатъ возможность познакомиться со всѣми главными вопросами общей теоріи педагогики и дидактики *).

До сихъ поръ я развивалъ планъ одного лишь *теоретическаго* преподаванія педагогики. Но, разумѣется, указанный курсъ можетъ

---

*) Я предполагаю, что, кромѣ курса педагогики, въ гимназіи существуютъ особые курсы *методики*.

быть вполнѣ отчетливо усвоенъ только тогда, когда онъ будетъ соединенъ съ цѣлесообразными *практическими упражненіями*, во время которыхъ преподаватель могъ-бы ближе познакомиться съ тѣмъ, насколько понимаются его лекціи, попутно разъяснить нѣкоторыя недоумѣнія, возникающія у слушательницъ, и наглядно показать имъ, какъ слѣдуетъ примѣнять къ дѣлу полученныя ими знанія. Эти упражненія, начинаясь приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ открытія курса (когда ученицы уже успѣютъ нѣсколько привыкнуть къ предмету занятій), должны идти въ теченіе всего года, представляя изъ себя ряды послѣдовательно усложняющихся, связанныхъ между собою задачъ, въ рѣшеніи которыхъ непремѣнно принимаютъ участіе всѣ ученицы. Какого-же рода могутъ быть практическія упражненія по психологіи и педагогикѣ въ женскихъ гимназіяхъ?

Въ настоящее время, насколько мнѣ извѣстно, единственными практическими упражненіями по педагогикѣ въ женскихъ гимназіяхъ является такъ называемыя «характеристики» ученицъ младшихъ классовъ и рефераты о прочитанныхъ книгахъ или статьяхъ педагогическаго содержанія *). Что касается рефератовъ о прочитанныхъ книгахъ, то они, очевидно, не выдѣляются по своему характеру изъ ряда тѣхъ «письменныхъ упражненій» и «сочиненій», которыя практикуются въ гимназіяхъ по всѣмъ предметамъ. Разумѣется, при удачныхъ темахъ, эти рефераты могутъ помогать болѣе успѣшному усвоенію курса психологіи и педагогики, заставляя ученицъ поглубже вдуматься въ извѣстные вопросы и пріучая ихъ къ чтенію спеціальныхъ сочиненій. Однако, какъ *практическія упражненія по психологіи*, рефераты о прочитанныхъ книгахъ не могутъ быть признаны достаточными. Самой слабой стороной этихъ рефератовъ, какъ практическихъ упражненій по психологіи, надо признать то, что учитель имѣетъ въ нихъ дѣло *уже съ оконченной работой*. Онъ можетъ заставить ученицу вслухъ прочесть свое сочиненіе, можетъ обсудить его со всѣхъ сторонъ, пригласивъ къ этому обсужденію весь классъ, можетъ выяснить всѣ недостатки работы и отмѣтить всѣ достоинства, но не сможетъ сдѣлать одного — *постепенно слѣдить за всѣмъ ходомъ работы, видѣть, какъ ученица шагъ за шагомъ овладѣваетъ пріемами научнаго психологическаго анализа, помогать ей въ ея затрудненіяхъ, показывать возможные пути изслѣдованія и предупреждать ошибки*. При обсужденіи сочиненія, написаннаго ученицей на психологическую тему, преподаватель сразу

*) Я здѣсь ничего не говорю о пробныхъ урокахъ, потому что это, какъ извѣстно, относится къ практическимъ упражненіямъ *по методикѣ*.

выступаетъ въ роли судьи, не исполнивъ напередъ обязанностей руководителя. Составленіе такъ называемыхъ «характеристикъ», въ качествѣ практическаго упражненія по психологіи, находится едва-ли въ лучшемъ положеніи, при обычной постановкѣ этого дѣла въ женскихъ гимназіяхъ. Обыкновенный порядокъ составленія этихъ «характеристикъ» бываетъ таковъ. Ученицы VIII класса по очереди дежурятъ на урокахъ въ младшихъ классахъ (отъ трехъ дней до мѣсяца) и присматриваются къ тому, что тамъ происходитъ; послѣ этого каждая ученица VIII класса должна написать характеристику одной ученицы младшаго класса; эта характеристика читается въ присутствіи особой педагогической коммиссіи и всѣхъ ученицъ VIII класса, которыя обязаны, подъ руководствомъ преподавателя педагогики, принимать дѣятельное участіе въ обсужденіи работы своей подруги; общій ходъ преній и замѣчанія преподавателя заносятся въ особый протоколъ, отсылаемый въ Округъ. Какъ видно изъ этого, составленію «характеристикъ» приписывается какое-то особенно важное значеніе въ смыслѣ практическаго упражненія по психологіи и педагогикѣ; онѣ обставляются большою торжественностью и, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, рѣзко выдѣляются изъ ряда обычныхъ «письменныхъ упражненій» по другимъ предметамъ гимназическаго преподаванія. Но если глубже всмотрѣться въ постановку этихъ упражненій, то мы не найдемъ въ нихъ ничего такого, что придавало-бы имъ характеръ упражненій, *дѣйствительно и методически* вводящихъ въ кругъ пониманія тѣхъ пріемовъ, съ которыми надо приступать къ наблюденію душевной жизни. Въ началѣ этой статьи я уже указывалъ, насколько важно при изложеніи психологіи выдвигать на первый планъ методологическую сторону вопроса. То-же самое надо сказать и о практическихъ упражненіяхъ по психологіи. Здѣсь самое важное — добиться того, чтобы изучающимъ психологію былъ усвоенъ самый методъ работы психолога, чтобы онъ понялъ, какъ надо ставить психологическіе вопросы и гдѣ нужно искать данныхъ для ихъ разрѣшенія. Поэтому въ данномъ случаѣ нельзя признать вполнѣ цѣлесообразными такія упражненія, при которыхъ преподаватель не имѣетъ возможности шагъ за шагомъ руководить всѣмъ процессомъ работы. При обычномъ-же способѣ составленія характеристикъ, этого-то именно и не бываетъ. Преподаватель напутствуетъ ученицу, отправляющуюся въ младшій классъ на дежурство, нѣсколькими общими указаніями, а затѣмъ прямо получаетъ отъ нея готовую характеристику. Такимъ образомъ, самый процессъ составленія характеристики, самый способъ постепеннаго ознакомленія ученицы съ явленіями чужой душевной жизни остается внѣ наблюденія и руковод-

ства преподавателя. Немудрено, что неопытная ученица, которой сразу дается на рѣшеніе такая сложная задача, сначала совершенно теряется. Но потомъ она довольно скоро выходитъ изъ затрудненія: «практическое упражненіе по психологіи» живо принимаетъ у нея форму легкой характеристики, написанной по личнымъ поверхностнымъ и большею частью внѣшнимъ впечатлѣніямъ; ни о какомъ строгомъ научномъ методѣ работы, конечно, нѣтъ и рѣчи; попытки къ анализу психическихъ явленій поражаютъ наивной постановкой вопроса и неточностью терминологіи. Что за смыслъ въ такой работѣ? Пусть даже подобная характеристика, въ общемъ, будетъ совершенно вѣрной, пусть даже все гимназическое начальство согласится съ тѣмъ, что дѣйствительно ученица, описанная въ данной характеристикѣ, «довольно способна», «невнимательна», «не любитъ ариѳметики», «ссорится съ подругами» и «лучше всего идетъ по русскому языку»,—но кому нужна эта характеристика, если только, составляя ее, ученица VIII класса не могла наглядно научиться правильнымъ пріемамъ наблюденія душевной жизни и не поняла той тѣсной связи, въ которой находятся между собою вопросы педагогики и психологіи?

Я не противъ составленія характеристикъ въ качествѣ практическаго упражненія по психологіи и педагогикѣ. Я только противъ ихъ обычной постановки. При цѣлесообразной-же постановкѣ составленіе характеристикъ, мнѣ кажется, можетъ принять форму очень серьезнаго, плодотворнаго упражненія.

Главнымъ недостаткомъ обычной постановки «психологическихъ характеристикъ» является то, что ученицамъ сразу дается слишкомъ сложная задача, къ выполненію которой у нихъ нѣтъ подъ руками строго опредѣленныхъ данныхъ. «Характеристика» должна являться завершеніемъ цѣлаго ряда предварительныхъ, болѣе простыхъ упражненій. Прежде, чѣмъ заставлять ученицъ писать основательныя характеристики, надо научить ихъ собирать для нихъ матеріалъ, т. е. дѣлать нужныя наблюденія и умѣть производить ихъ оцѣнку. Какъ это сдѣлать?

Для того, чтобы съ самаго начала поставить психологическія наблюденія въ прямую связь съ педагогическими вопросами, прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе воспитанницъ VIII класса на тѣ уклоненія отъ школьной нормы, которыя будутъ ими замѣчены во время ихъ дежурства въ младшихъ классахъ. Такая постановка дѣла имѣетъ еще и то преимущество, что здѣсь наблюденія начинаются съ явленій, наиболѣе бросающихся въ глаза. Ученица, приступающая къ изученію психологіи, отправляется на свои первыя психологическія наблюденія съ очень опредѣленною и въ то же время

довольно легкою задачей: она должна подмѣчать и записывать *ошибки*, которыя дѣлаются ученицами младшихъ классовъ во время ихъ устныхъ отвѣтовъ и письменныхъ упражненій. По окончаніи (недѣльнаго) дежурства, преподаватель педагогики ведетъ съ дежурными ученицами бесѣду о результатахъ ихъ наблюденій, причемъ на этой бесѣдѣ, кромѣ всѣхъ желающихъ ученицъ VIII класса, *обязательно* присутствуютъ тѣ, которымъ слѣдуетъ смѣнить наличныхъ дежурныхъ. Цѣль бесѣды преподавателя съ дежурными ученицами заключается не въ томъ, чтобы познакомиться съ результатами ихъ наблюденій, а главнымъ образомъ въ томъ, чтоб научить ихъ съ достаточной точностью и полнотою записывать свои впечатлѣнія и умѣть ставить ихъ во взаимную связь. На первыхъ порахъ записи дежурныхъ обыкновенно носятъ общій и голословный характеръ: «N. была невнимательна за урокомъ географіи», «M. не могла отыскать подлежащее», «X. невѣрно списала съ доски задачу». Обязанность преподавателя—сейчасъ-же потребовать подробныхъ объясненій, изъ которыхъ видно было-бы, *какіе собственно факты* наблюдала ученица. Онъ долженъ ей показать, что представленныя ею записи—не записи *фактовъ*, а только записи тѣхъ *общихъ впечатлѣній* или *выводовъ*, которые она изъ нихъ сдѣлала.— «Вы говорите, что N. была *невнимательна* за урокомъ географіи. Въ чемъ это выражалось?»—Она смотрѣла на учителя, но ничего не слушала.—«Почему вы думаете, что она не слушала?»—Она не могла повторить объясненія.—«Но, можетъ быть, она не поняла?»— Учитель говорилъ очень просто. Другія ученицы повторяли.—«Можетъ быть, N. всегда хуже своихъ подругъ понимаетъ географію? Можетъ быть, она внимательно слушаетъ, но только не можетъ запомнить?»—Нѣтъ, въ прошлый разъ она была внимательнѣе и повторила объясненіе учителя.—«О чемъ говорилось въ прошлый разъ?»—Объ экваторѣ, меридіанахъ и положеніи пяти частей свѣта.—«Все это показывалось на глобусѣ?»—Да.—«А о чемъ, была рѣчь тогда, когда ученица казалась невнимательной?»—О климатѣ.— «Показывались при этомъ какіе-нибудь рисунки или учитель только говорилъ, ничего не показывая?»—Учитель все объяснялъ безъ рисунковъ.—«И на доскѣ ничего не писалось?»—Нѣтъ.—«Можетъ быть, N. потому ничего и не повторила, что вообще плохо запоминаетъ со словъ. Не замѣтили вы, что она лучше запоминаетъ—то, что видитъ, или то, что слышитъ? Какъ, напр., ей легче учить стихотворенія—съ чужихъ словъ (по слуху) или по книгѣ?»—Не знаю, не замѣтила.—«Такъ можете-ли вы теперь навѣрное сказать, что N. была невнимательна за урокомъ географіи?»—Нѣтъ, можетъ быть, ей только трудно было припомнить то, что она слышала.—«Какъ-

же надо описать ваше наблюденіе надъ N.?»—Когда учитель на урокѣ географіи говорилъ о климатѣ, то N. все время смотрѣла на него. Когда-же учитель окончилъ объясненіе и заставилъ N повторить сказанное, она не сказала ни одного слова.—«Хорошо. А какъ можно понять это явленіе?»—Во-первыхъ, можно допустить, что N. была невнимательна и совсѣмъ не старалась запомнить того, что говорилъ учитель, во-вторыхъ, можно предположить, что она внимательно слушала, но не смогла запомнить.—«Какъ-же рѣшить этотъ вопросъ? Какое предположеніе вѣрнѣе?»—Для рѣшенія этого вопроса надо знать, что вообще N. запоминаетъ лучше и что хуже.—«Хорошо. Пускай-же на это обратятъ вниманіе слѣдующія дежурныя».

Путемъ подобнаго рода бесѣдъ ученицы постепенно пріучаются отличать *наблюдаемый фактъ* отъ его *объективнаго толкованія* и вмѣстѣ съ этимъ начинаютъ живѣе чувствовать связь между разными психическими явленіями и практическими вопросами педагогики. Нечего и говорить, что съ теченіемъ времени психологическія наблюденія ученицъ получаютъ все болѣе и болѣе сложный характеръ, а бесѣды по поводу ихъ захватываютъ все больше и больше вопросовъ. Неясности, обнаруженныя въ однихъ наблюденіяхъ, даютъ поводъ къ постановкѣ новыхъ задачъ для другихъ дежурныхъ. Такимъ образомъ одни наблюденія ставятся въ органическую связь съ другими и всѣ ученицы незамѣтно втягиваются въ одну дружную, общую работу. При этомъ искустный преподаватель можетъ очень ловко направлять бесѣду со своими дежурными такъ, что на первый планъ будутъ выдвигаться именно тѣ вопросы психологіи, которые уже были имъ выяснены на лекціяхъ. Это дастъ ему возможность иллюстрировать свой теоретическій курсъ при помощи цѣлаго ряда живыхъ примѣровъ.

Каждая дежурная, послѣ бесѣды съ преподавателемъ, записываетъ свои наблюденія въ особый дневникъ, при чемъ ей ставится въ обязанность заносить въ этотъ дневникъ *одни только факты* такъ, какъ они ею наблюдались, *безъ всякихъ субъективныхъ толкованій*. Дневники дежурныхъ имѣютъ форму отдѣльныхъ листиковъ, на каждомъ изъ которыхъ отмѣчаются наблюденія только объ одной наблюдаемой ученицѣ. Такая форма дневниковъ даетъ возможность потомъ очень удобно сортировать ихъ, собирая вмѣстѣ листки дневниковъ разныхъ дежурныхъ, содержащіе въ себѣ матеріалы для характеристики одной и той же наблюдаемой ученицы.

По мѣрѣ того какъ ученицы VIII класса все болѣе и болѣе присматриваются къ проявленіямъ душевной жизни ученицъ младшихъ классовъ, онѣ начинаютъ понимать, какое важное значеніе

для опредѣленія личности человѣка (и въ особенности характера его умственной жизни) имѣетъ опредѣленіе частныхъ свойствъ его памяти, преобладающихъ ассоціацій, формы субституированія общихъ представленій, господствующихъ аффектацій. Онѣ чувствуютъ, что для разъясненія многихъ педагогическихъ вопросовъ необходимо изучить эти явленія у наблюдаемыхъ ученицъ, а между тѣмъ это не всегда возможно. Дежурной надо знать, какъ N. запоминаетъ незнакомыя слова, и какая память этихъ словъ у нея больше развита—слуховая или зрительная. Между тѣмъ, какъ нарочно, во время всего ея недѣльнаго дежурства отвѣты N. на урокахъ происходятъ при такихъ обстоятельствахъ, что изъ нихъ нельзя вывести въ этомъ отношеніи никакихъ точныхъ заключеній. Дежурная пробуетъ разговаривать по этому поводу съ самой N., спрашиваетъ ее, какъ она учитъ уроки, старается понять ея обычные способы запоминанія, но и это не всегда приводитъ къ желаннымъ результатамъ: маленькая дѣвочка, которой предлагаетъ вопросы дежурная ученица, часто сама не можетъ отдать яснаго отчета въ своихъ психическихъ привычкахъ и наклонностяхъ. И вотъ, когда такимъ образомъ дежурныя ученицы живо почувствуютъ недостаточность окружающаго ихъ опыта, когда онѣ станутъ жаловаться, что во время своего дежурства не встрѣчаютъ какъ разъ тѣхъ явленій, которыя въ данный моментъ больше всего ихъ интересуютъ,—преподаватель можетъ наглядно показать имъ значеніе и сущность пріемовъ *экспериментальной психологіи*, которая не довольствуется наблюденіемъ случайно попадающихся явленій, а сама создаетъ условія для ихъ возникновенія. Конечно, внѣшнія условія гимназической жизни едва-ли могутъ позволить преподавателю производить психологическіе эксперименты строго научнымъ образомъ. Но важно уже то, если ему удастся познакомить ученицъ съ главнѣйшими пріемами экспериментальной психологіи и воспользоваться нѣкоторыми опытами, какъ средствомъ наглядно уяснить наиболѣе важныя въ педагогическомъ отношеніи части курса.

Для того, чтобы показать, какого приблизительно рода психологическіе опыты возможно производить (безъ особенныхъ аппаратовъ и приспособленій) для только что указанныхъ цѣлей, я опишу нѣсколько простѣйшихъ психологическихъ опытовъ въ той формѣ, въ какой они производились мною въ одной изъ женскихъ гимназій въ видѣ практическихъ упражненій по психологіи.

Прежде всего замѣчу, что къ дѣятельному участію въ психологическихъ экспериментахъ мною привлекались всѣ ученицы VIII кл. Передъ началомъ каждаго опыта я подробно разъяснялъ слушательницамъ значеніе даннаго эксперимента и тѣ внѣшнія условія, которыя необходимо соблюдать при его выполненіи.

Первые эксперименты направлялись на испытаніе частвыхъ видовъ памяти—слуховой, зрительной и моторной.

Зрительная память испытывалась какъ память линій, фигуръ, цвѣтовъ и словъ. Самые опыты состояли въ слѣдующемъ:

1. *Память линій.* Ученицамъ младшихъ классовъ показывались отдѣльныя линіи, длиной отъ 2 до 8 центиметровъ, нарисованныя на небольшихъ картонахъ. Послѣ этого испытуемыя должны были узнавать показанныя имъ линіи на двухъ таблицахъ, изъ которыхъ первая содержала пять, а вторая десять линій, расположенныхъ въ порядкѣ постепенно возростающей величины.

2. *Память фигуръ.* Испытуемымъ ученицамъ показывалась одна изъ шести очень сходныхъ фигуръ (между прочимъ, три изъ нихъ представляли отрицательные слѣды остальныхъ), послѣ чего онѣ должны были узнавать ихъ на одной общей таблицѣ.

3. *Память цвѣтовъ.* Испытуемымъ показывался одинъ изъ оттѣнковъ цвѣта, образуемыхъ смѣшеніемъ красной и синей (индиго) краски. Этотъ цвѣтъ онѣ должны были узнавать на разныхъ таблицахъ. при болѣе или менѣе сложныхъ условіяхъ.

4. *Память словъ.* Для испытанія зрительной памяти словъ, на доскѣ отчетливо писались короткія незнакомыя слова, которыя сейчасъ-же стирались. Испытуемыя должны были устно воспроизводить эти слова.

Моторная память (память движеній) испытывалась такъ: ученицу младшаго класса приглашали сѣсть за столъ и взять въ руку карандашъ для письма, при чемъ рука ученицы закрывалась отъ ея глазъ картономъ, нисколько не мѣшавшимъ ея свободнымъ движеніямъ; испытуемая должна была провести вертикальную линію приблизительно въ 4 цент. (эта линія ей предварительно показывалась), затѣмъ—еще *такую-же* линію и половину ея; послѣ этого испытуемая должна была подобнымъ-же образомъ начертить три горизонтальныхъ линіи.

Для испытанія *слуховой памяти*—ясно и раздѣльно произносились вслухъ шесть незнакомыхъ короткихъ (двусложныхъ) словъ, которыя потомъ и воспроизводились испытуемыми (Этотъ опытъ сразу производился надъ нѣсколькими ученицами. Для того-же, чтобы результаты его можно было легко и точно записать, у каждой изъ испытуемой стояла одна изъ ученицъ VIII кл., которой та и должна была *тихо*, не мѣшая подругамъ, воспроизводить слышанное).

Указанные эксперименты давали возможность испытывать зрительную, слуховую и моторную память ученицъ въ болѣе или менѣе изолированномъ видѣ. Другіе опыты должны были показать, на сколько видоизмѣняется дѣятельность извѣстной частной памяти,

если она соединяется съ дѣятельностью другого вида воспроизведенія. Изъ такихъ опытовъ производились слѣдующіе:

1. Испытуемыхъ заставляли воспроизводить незнакомыя слова, которыя предварительно не только произносились, но и писались на доскѣ (*зрительная и слуховая память*).

2. На доскѣ молча писался рядъ знаковъ (которые моментально стирались), а испытуемыя должны были потомъ воспроизводить ихъ на бумагѣ (переводъ *зрительныхъ* образовъ на *моторные*).

Чрезвычайно важнымъ условіемъ для опредѣленія характера умственной жизни человѣка является, какъ извѣстно, знаніе психической природы тѣхъ образовъ, которые преимущественно живутъ въ его сознаніи. Какіе это образы—слуховые, зрительные или моторные? Какія ассоціаціи оказываются преобладающими? Какіе образы по преимуществу вызываются рѣчью? Какія настроенія живѣе всего воспроизводитъ данный человѣкъ и съ какими образами они у него соединяются? Подъ какими субститутами мыслитъ онъ общія представленія? Для опредѣленія этого, я употреблялъ слѣдующіе опыты:

1. Испытуемыхъ заставляли называть какъ можно больше вещей (*случайная ассоціація*).

2. Производились испытанія надъ памятью словъ, аналогичныя описаннымъ выше, съ тою только разницей, что слова брались *знакомыя* и при томъ по возможности связанныя съ образами разнаго вида.

3. Произносилось слово, а испытуемыя должны были отвѣтить, на что *это* похоже, при чемъ оказывалось, что однѣ обратили вниманіе на слуховой образъ самаго слова, а другія—на то представленіе, которое съ нимъ ассоціировано (такъ, напр, слово «блескъ» у однѣхъ вызывало представленіе солнца, а у другихъ—плеска).

4. Испытуемымъ предлагалось назвать что-нибудь *страшное*, *веселое*, *скучное*, *пріятное* и т. п. (*ассоціація на почвѣ аффекта*).

Результаты всѣхъ этихъ наблюденій точно записывались на особыхъ таблицахъ, при чемъ ученицы VIII класса, составлявшія таблицы, отмѣчали на нихъ и всѣ тѣ подробности, подмѣченныя ими во время опытовъ, которыя, по ихъ мнѣнію, могли имѣть значеніе при оцѣнкѣ полученныхъ данныхъ *). На каждую испытуемую ученицу составлялась особая таблица. Для того-же, чтобы можно было приложить къ этимъ частнымъ таблицамъ сравнительную оцѣнку,—кромѣ нихъ составлялись еще и общія таблицы. Составленіе этихъ таблицъ и разъясненіе способа пользованія ими для какихъ-нибудь болѣе или менѣе общихъ выводовъ какъ разъ совпадало съ тѣмъ временемъ, когда ученицы VIII класса начинали зна-

*) Для того, чтобы опыты не тяготили испытуемыхъ, надо ихъ производить въ небольшіе сроки, по возможности придавая имъ форму оживленныхъ занятій или даже прямо игръ.

комиться съ основами логики. Такимъ образомъ, эти таблицы могли служить естественнымъ нагляднымъ пособіемъ для выясненія пріемовъ классификаціи и индукціи.

Когда ученицы начинали знакомиться съ педагогическими теоріями, наступала пора самыхъ сложныхъ практическихъ упражненій—составленія *характеристикъ*. Для этого дѣла теперь ученицы имѣютъ подъ ногами уже готовую почву. Онѣ хорошо понимаютъ разницу между психическимъ фактомъ и его оцѣнкой; онѣ до нѣкоторой степени уже научились вдумываться въ связь между психологическими и педагогическими вопросами; участіе въ экспериментахъ, составленіе точныхъ таблицъ по нимъ и бесѣды съ преподавателемъ значительно пріучили ихъ къ научной терминологіи. Кромѣ того, теперь у нихъ имѣется для характеристикъ очень опредѣленный матеріалъ: 1) психологическіе дневники дежурныхъ, 2) таблицы съ результатами опытовъ, 3) письменныя работы испытуемыхъ и 4) свѣдѣнія объ успѣхахъ ихъ по разнымъ предметамъ *). На основаніи всего этого матеріала ученица VIII класса имѣетъ возможность написать *обстоятельную* характеристику той ученицы, которую она пожелаетъ теперь избрать для своего особеннаго наблюденія. Въ то-же время и разборъ этой характеристики естественно долженъ принять видъ оживленной бесѣды, такъ какъ въ собираніи матеріала принимали равное участіе всѣ ученицы VIII класса, а не одна только референтка.

Вотъ въ какомъ видѣ мнѣ представляется нормальная постановка преподаванія педагогики въ VIII классѣ женскихъ гимназій. Я знаю, что этотъ планъ имѣетъ одну особенность, изъ-за которой многіе, по всей вѣроятности, признàютъ его неудобнымъ: онъ предполагаетъ много живого интереса въ ученицахъ и постоянную, напряженную дѣятельность преподавателя, который все время долженъ быть не только учителемъ, но и находчивымъ изслѣдователемъ. Но неужели это—серьезное препятствіе, котораго можно лишь безсильно бояться, безъ всякой попытки одолѣть?

Прив.-доц. **Александръ Нечаевъ.**

---

*) Конечно, для полноты картины, желательно было-бы, чтобы надъ наблюдаемыми ученицами производились еще нѣкоторые простые психо-физическіе опыты. Но объ этомъ, повидимому, трудно мечтать, такъ какъ подобные опыты требуютъ спеціальныхъ навыковъ и со стороны экспериментатора, и со стороны испытуемыхъ. Достаточно, если преподаватель будетъ имѣть возможность хотя-бы просто *демонстрировать* ученицамъ VIII класса нѣкоторые важнѣйшіе психо-физическіе опыты (напр., измѣреніе времени психической реакціи, смѣшиваніе цвѣтовъ, ергографъ и т. п.).

*

Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени обученія.

Въ послѣднее время, съ легкой руки Спенсера, получила широкое распространеніе блестящая мысль, что ребенокъ въ своемъ развитіи повторяетъ главныя фазы, черезъ которыя прошло и развитіе человѣчества, что дѣтство и сѣдая древность во многомъ напоминаютъ другъ друга. И первобытный человѣкъ, насколько онъ похожъ на современнаго дикаря, и ребенокъ—оба живутъ воображеніемъ, оба склонны искажать факты, особенно когда здѣсь замѣшанъ личный интересъ, оба примѣняютъ одну нравственную мѣрку при сужденіи о поступкахъ друзей, и совсѣмъ другую по отношенію къ чужому. И первобытный человѣкъ, и ребенокъ—оба разсуждаютъ только по аналогіи; оба далеки отъ дедуктивнаго процесса мышленія; и тому и другому чужды отвлеченныя понятія; оба думаютъ образами; обоимъ нужны звуки, краски, движенія, формы, а не абстракціи; оба сильны памятью, но слабы сужденіемъ. И тотъ, и другой, какъ обезьянки, живутъ подражаніемъ, перенимаютъ все, что видятъ или слышатъ. Поступки того и другого одинаково носятъ импульсивный характеръ. Рѣшенія того и другого внезапны, переходы отъ впечатлѣнія къ дѣйствію быстры, порывисты. И тотъ, и другой легко поддаются гипнотическому внушенію. Аналогичны ихъ понятія о собственности, сходно развитіе ихъ идей справедливости и законности. У тѣхъ и другихъ много жестокихъ наклонностей, тѣ и другіе любятъ дразнить, пугать и даже мучить. У нихъ одинаковы игры и забавы. Куклы и игрушки играютъ ту же роль у дѣтей, какую амулеты и идолы играютъ у первобытнаго человѣка. Формы рѣчи тѣхъ и другихъ одинаково подвержены быстрымъ измѣненіямъ и отличаются неустойчивостію. Музыка дикарей напоминаетъ дѣтскую музыку. То-же самое мы должны сказать и о рисункахъ. У людей каменнаго вѣка первымъ способомъ выражать образы видимыми знаками было рисованіе; рисованіе-же и теперь является любимымъ занятіемъ дѣтей. Мало этого: рисунки первобытныхъ людей и рисунки нашихъ дѣтей удивительно напоминаютъ другъ друга.

Въ моихъ рукахъ двѣ недавно вышедшія книги: «Человѣчество въ доисторическія времена» проф. Любора Нидерле и книга Селли «Studies of Childhood» («Этюды о дѣтскомъ возрастѣ»). Въ первой нарисованы изображенія, сдѣланныя рукою доисторическаго человѣка, въ другой воспроизведены рисунки дѣтей. И тамъ, и тутъ мы видимъ рисунки, которые даютъ только самый общій образъ изображаемаго, только намеки при помощи линій, контуровъ на главнѣйшія части предмета и на относительное ихъ расположеніе. Совпаденіе доходитъ до мельчайшихъ подробностей. На страницѣ 408 первой книги помѣщены изображенія на погребальной урнѣ изъ Дарсалюба въ Пруссіи; между прочимъ, изображенъ всадникъ, повидимому на лошади. У Селли есть аналогичныя изображенія, сдѣланныя дѣтьми. При взглядѣ на оба рисунка вы подумаете, что оба они принадлежатъ одному и тому-же лицу. Даже ноги всадника и первобытный человѣкъ, и ребенокъ — оба нарисовали съ одной стороны, и именно съ той, которая обращена къ зрителю.

Приводятся вѣскія данныя за то, что наилучшій путь усвоить извѣстныя знанія — тотъ самый, какимъ люди впервые открыли изучаемыя истины. Противъ послѣдняго мнѣнія можно возразить, что иногда человѣчество доходило до истины или случайно, или окольными путями; но это возраженіе только ограничиваетъ, а не опровергаетъ общее положеніе, только вноситъ поправки, отмѣчаетъ исключенія изъ общаго правила, не отрицая самаго правила.

Вотъ почему очень важно, приступая къ обсужденію методическихъ пріемовъ при обученіи письму - чтенію, перечислить главные этапы, чрезъ которые прошло человѣчество въ исторіи письменности. У человѣка еще съ незапамятныхъ временъ явилась потребность выражать хранившіеся въ его душѣ образы не только устнымъ словомъ, но и изображеніемъ, напримѣръ, на камнѣ. При раскопкахъ находятъ на стѣнахъ пещеръ изображенія мамонта и другихъ животныхъ, сдѣланныя рукою первобытнаго человѣка. Вотъ первыя попытки человѣка выразить письменно образами свою мысль. Это не слова, а рисунки, фигуры, картины, напоминающіе изображаемый предметъ. Это образное письмо, это передача себѣ подобныхъ впечатлѣній, образовъ, мыслей, событій. Тѣ-же цѣли преслѣдовалъ первобытный человѣкъ, дѣлая зарубки на палкахъ, прикладывая клейма на своей собственности (лошадяхъ, деревьяхъ и т. п.). Въ настоящее время такое фигурное письмо можно встрѣтить у дикихъ. Максъ Мюллеръ разсказываетъ, что туземцы Каролинскихъ острововъ послали одному испанскому капитану слѣдующее письмо: наверху нарисованъ человѣкъ съ вытянутыми руками -- знакъ привѣтствія; внизу налѣво предлагаемыя ими предметы: пять большихъ ра-

ковинъ, семь маленькихъ и три различной формы; направо и прямо противъ—рисунокъ вещей, которыя они просятъ прислать имъ въ обмѣнъ: три большихъ удочныхъ крючка, 4 малыхъ, два топора и два куска желѣза. Очевидно, такое письмо является уже результатомъ анализа: здѣсь дикарь изолируетъ отдѣльные термины; здѣсь есть даже своего рода синтаксисъ, потому что выдѣленные термины располагаются въ опредѣленномъ порядкѣ. Такое фигурное письмо выражаетъ мысль, хотя еще въ очень грубой и неопредѣленной формѣ.

Затѣмъ эти рисунки мало-по-малу упрощаются, дѣлаются все меньше и меньше похожими на выражаемый ими предметъ, теряютъ характеръ рисунка, получаютъ уже условное, символическое значеніе, получаютъ переносный смыслъ, при чемъ для каждаго понятія, для каждаго слова изобрѣтается особый, отличающійся отъ другихъ знакъ (несложный рисунокъ). Это уже іероглифы, гдѣ письмо уже потеряло первоначальный характеръ конкретныхъ изображеній. Іероглифами и теперь еще пишутъ китайцы.

О переходѣ образнаго письма къ іероглифамъ даетъ понятіе тотъ способъ, какимъ мексиканцы написали латинскія слова *Pater noster*. Они нарисовали рядомъ знамя (по мексикански *pan*), камень (*te*), плодъ кактуса (notsch) и опять камень (*te*). Въ результатѣ получилось созвучіе, возможно близкое для мексиканцевъ къ латинскому Pater noster. Это тотъ способъ, какимъ въ наше время въ иллюстрированныхъ журналахъ составляются ребусы. У китайцевъ пріемы обученія чтенію состоятъ въ слѣдующемъ: учитель читаетъ одну строку до тѣхъ поръ, пока ученики, слѣдя за чтеніемъ учителя, указывая каждое отдѣльное слово пальцемъ, повторяя за учителемъ каждое слово, не въ состояніи будутъ прочесть строку безъ помощи учителя. Потомъ ученики заучиваютъ ее наизусть, громогласно, такъ, что каждый выкрикиваетъ свой особый урокъ. Когда строка достаточно «вызубрена», ученики переходятъ къ другой строкѣ, и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока не будетъ выдолблена вся книга. Въ китайскихъ лексиконахъ считается около 50.000 отдѣльныхъ іероглифовъ, отдѣльныхъ знаковъ. Сосчитаемъ, сколько времени долженъ былъ-бы учиться китаецъ, если-бы пожелалъ выучить ихъ всѣ и если-бы изучалъ знаки съ тою-же скоростью, какъ наши дѣти учатъ азбуку. Мы сдѣлали этотъ подсчетъ и получили 137 лѣтъ. Намъ неизвѣстенъ способъ, какимъ китайскіе педагоги преодолѣваютъ геркулесову работу—заставить дѣтей запомнить тысячи знаковъ. Вѣроятно, опытъ вѣковъ указалъ наиболѣе экономный способъ и было-бы крайней любопытно ознакомиться съ нимъ, чтобы пользоваться имъ для запоминанія буквъ нашей несложной азбуки.

Слѣдующимъ шагомъ въ развитіи письменности былъ переходъ къ

силлабическому письму. У жителей долины Тигра и Евфрата знакъ изображалъ не слова и не звуки, а слоги; и такихъ знаковъ насчитывали до 700 Это открытіе уже облегчало изученіе письменности. Мы можемъ представить себѣ процессъ, съ помощью котораго человѣчество дошло до открытія силлабическаго письма. Самымъ важнымъ затрудненіемъ здѣсь было найти, что слово состоитъ изъ слоговъ. Нѣчто подобное сдѣлали, какъ мы только сказали, и мексиканцы, чтобы написать Pater noster. Они тоже раздѣлили эту фразу на слоги: Pa-ter no-ster. Когда люди стали разлагать слова на слоги, оставалось только найти для каждаго слога соотвѣтствующее изображеніе. Съ одною изъ этихъ трудностей—съ раздѣленіемъ слова на слоги—приходится на самыхъ первыхъ порахъ и теперь считаться учителю при обученіи дѣтей.

Египтяне не остановились на выраженіи цѣлыхъ понятій рисунками, какъ это случилось въ Китаѣ, и даже на изображеніи знаками цѣлыхъ слоговъ, какъ это было въ долинѣ Тигра и Евфрата. Имъ удалось открыть принципъ, положенный въ основу нынѣшнихъ алфавитовъ. И это было величайшимъ окрытіемъ въ этой области, сократившимъ почти до минимума трудъ при изученіи письма и чтенія. Это открытіе, по мнѣнію археологовъ, сдѣлано въ ту эпоху, когда въ области промышленности было открыто стекло и желѣзо, что произвело коренное преобразованіе всего людского хозяйства, а въ области торговли—монета, кореннымъ образомъ измѣнившая условія обмѣна. Но и на ряду съ этими великими открытіями алфавитъ все-же составляетъ славу и гордость эпохи.

Изобрѣтенію алфавита предшествовало разрѣшеніе очень трудной для того времени задачи: подмѣтить, что всѣ слова и слоги дѣлятся на немногіе недѣлимые звуки, и затѣмъ найти для каждаго изъ нихъ письменные знаки; но съ этою-же трудностью считается и учитель грамоты при обученіи письму-чтенію. Его ученики послѣдовательно, если только обученіе ведется раціонально, проходятъ всѣ существенные моменты развитія письменности. Ученикъ долженъ сдѣлать при наведеніи учителя тѣ-же самыя открытія, какія человѣчество сдѣлало тысячелѣтія назадъ: выдѣлить слово изъ фразы, раздѣлить слово на слоги и звуки и дать каждому звуку соотвѣтствующее изображеніе.

Алфавитъ, открытый въ Египтѣ, переходитъ сначала въ Финикію, потомъ въ Грецію и затѣмъ въ Римъ. Славянская кирилица тоже представляетъ простое видозмѣненіе греческаго алфавита.

Итакъ, люди, начавъ съ изображенія цѣлыхъ словъ, перешли къ изображенію слоговъ и закончили изображеніемъ звуковъ. Далѣе оставалось усовершенствовать только способы изученія и

звуковъ, и буквъ, слiянiя звуковъ и звукового разложенiя словъ. На эту тоже не легкую работу человѣчество употребило нѣсколько вѣковъ. У римлянъ сначала заучивали названiя и порядокъ буквъ, а потомъ уже изображенiе и значенiе ихъ. Квинтилiанъ возсталъ противъ этого. «Если ребенку,—говорилъ онъ,—знающему названiя и послѣдовательность буквъ, вновь представляютъ азбуку по порядку, то онъ, правда, безъ труда называетъ каждую букву; но это лишь оттого, что онъ уже знаетъ, какая буква слѣдуетъ за другою, и поэтому учителя вынуждены бываютъ приступать къ особымъ упражненiямъ для того, чтобы ознакомить ученика съ буквами въ разбивку. Дѣти должны знакомиться съ буквами такъ-же, какъ съ людьми—одновременно запоминая и ихъ форму, и ихъ названiе».

Къ сожалѣнiю, методъ Квинтилiана былъ самымъ основательнымъ образомъ забытъ въ средніе вѣка.

«Всякiй садившiйся въ среднiе вѣка за науку ребенокъ, по словамъ Сперанскаго *), долженъ былъ прежде всего выучить наизусть по-латынѣ, на языкѣ, котораго ученикъ не понималъ, Отче Нашъ, молитву Богородицѣ, Символъ Вѣры и всѣ полтораста псалмовъ. Это давало ему возможность, съ одной стороны, немедленно принимать участiе въ богослуженiи, а съ другой—служило необходимымъ введенiемъ въ искусство латинскаго чтенiя». Это было чѣмъ-то въ родѣ возвращенiя къ китайскому способу обученiя чтенiя безъ буквъ, слоговъ и звуковъ, но возвращенiя неумѣлаго, безсмысленнаго, изуродованнаго. Покончивъ съ псалмами, мальчикъ садился за азбуку. Учитель сначала давалъ ему въ руки дощечку, на которой были написаны по порядку буквы алфавита и нѣкоторые склады, а затѣмъ переводилъ его на уставный псалтырь.

«По мѣрѣ успѣховъ въ чтенiи ученики мало-по-малу переходили къ письму. Первое время они упражнялись на покрытыхъ зеленымъ воскомъ дощечкахъ, замѣнявшихъ наши грифельныя доски, и только послѣ того, какъ они прiобрѣтали полную твердость руки, имъ начинали показывать прiемы каллиграфiи перомъ на пергаментѣ. Но это было уже особое искусство, близко стоявшее къ рисованiю» **).

Въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу мнѣ приходилось уже говорить, что самый бѣглый обзоръ фактовъ, взятыхъ хотя-бы только изъ исторiи письма-чтенiя, служитъ подтвержденiемъ постепеннаго развитiя и усовершенствованiя какъ методовъ и прiемовъ обученiя такъ равно и способовъ къ болѣе широкому распространенiю знанiй въ народныхъ массахъ. Стоитъ сравнить хотя-бы только среднвѣ-

*) «Изъ исторiи нар. школы въ среднiе вѣка».

**) Ibid.

ковые методы обученія съ современными, чтобы понять, какъ великъ успѣхъ, сдѣланный въ области, о которой идетъ рѣчь, въ послѣднія пятьсотъ лѣтъ. Тотъ-же обзоръ показываетъ намъ, что съ распространеніемъ здравыхъ идей въ этой области ускоряется и самая быстрота этого поступательнаго движенія, и что теперь мы идемъ впередъ, яснѣе представляя себѣ ближайшіе, предстоящіе намъ послѣдующіе шаги, чѣмъ это было возможно для нашихъ предковъ. Въ древности великія открытія слѣдовали одно за другимъ черезъ тысячелѣтія, позже эти промежутки сократились до столѣтій, а теперь какой-нибудь одинъ десятокъ лѣтъ приноситъ намъ столько открытій, напримѣръ, въ области книгопечатанія, литографіи и письма съ помощію Ремингтона и другихъ машинъ, сколько ихъ не уложилось-бы въ цѣлыя тысячелѣтія сѣдой древности. Но въ числѣ изоженныхъ нами фактовъ встрѣчаются и такіе, которые доказываютъ возможность временной пріостановки прогрессивнаго движенія и даже попятныхъ теченій назадъ, ко временамъ варварства, какъ это мы видѣли на примѣрѣ среднихъ вѣковъ.

И теперь, послѣ того, какъ звуковой методъ обученія грамотѣ получилъ широкое распространеніе, мы встрѣчаемъ еще учителей, которые подъ именемъ звукового метода практикуютъ старинный буквослагательный. Правда, они уже не называютъ буквъ: азъ, буки, вѣди, или бе, ве, ге, де; они называютъ ихъ а, б', в', г'; но это и все, что они заимствовали изъ звукового метода.

Всѣ-же существенные недостатки буквослагательнаго метода остались въ ихъ преподаваніи. По-прежнему нѣтъ разложенія словъ на слоги и звуки; по-прежнему нѣтъ слiянія; по-прежнему ученики сами, какъ умѣютъ, доходятъ до процесса чтенія и письма.

Несомнѣнно, однако,—и это должно дѣйствовать ободряющимъ образомъ на всѣхъ сторонниковъ широкаго распространенія просвѣщенія,—что если взять достаточно длинный историческій періодъ и не ограничиваться одною или нѣсколькими только странами, то всѣ тормазы, остановки и попятныя движенія почти безслѣдно тонутъ въ одномъ общемъ неудержимомъ могущественнѣйшемъ движеніи къ возможно болѣе широкому распространенію возможно большаго количества знаній. И это особенно встрѣчается въ современную намъ эпоху, богатую всевозможными открытіями, обезпечивающими еще болѣе быстрое распространеніе свѣта по самымъ глухимъ и самымъ темнымъ странамъ земного шара.

Тотъ-же обзоръ даетъ намъ возможность намѣтить и главнѣйшіе факторы, обусловливающіе это послѣдовательное развитіе дѣла народнаго образованія. Первое, что бросается въ глаза въ исторіи просвѣщенія, это заимствованіе улучшеній одного народа у другого, подражаніе болѣе счастливому сосѣду.

«Цивилизація есть растеніе, которое чаще бываетъ распространяемо, нежели развивается само», говоритъ Э. Тэйлоръ *). Отъ человѣка къ человѣку, изъ селенія въ селеніе, изъ страны въ страну, сознательно или слѣпо, по обычаю или по модѣ, по доброй волѣ или изъ простого повиновенія силѣ; путемъ организованнаго обученія, или случайнаго перениманія каждое новое полезное открытіе съ большею или меньшею быстротою распространялось по лицу земли, вытѣсняя старыя, отжившія формы.

Открывался-ли алфавитъ въ Египтѣ, силлабическое письмо у древнихъ обитателей долины Тигра и Евфрата, звуковой способъ обученія чтенію и книгопечатаніе въ Европѣ,—каждое такое изобрѣтеніе волнообразно, отъ центра къ окружности, какъ волна звука или свѣта, распространялось все шире и шире и будетъ распространяться до тѣхъ поръ, пока не охватитъ всего земного шара. При этомъ каждая буква алфавита, каждый знакъ клинописи или іероглифа, каждая цифра, каждый пріемъ обученія, каждый учебникъ служитъ сегодня копіей, потому что тотъ, кто его воспроизводитъ, заимствуетъ его у другого, а завтра—образцомъ, потому что другой человѣкъ станетъ его копировать. Педагогамъ хорошо извѣстна склонность человѣка подражать другому. На этомъ основана большая часть нашихъ педагогическихъ пріемовъ. Люди никогда не были Робинзонами, жившими на необитаемыхъ островахъ безъ всякихъ сношеній другъ съ другомъ. Они жили вмѣстѣ болѣе или менѣе организованными обществами. Въ пограничныхъ мѣстностяхъ сосѣдніе народы соприкасались другъ съ другомъ, находились въ торговыхъ и иныхъ сношеніяхъ и не могли не заимствовать другъ у друга всего, что казалось имъ полезнымъ. Отъ пограничной черты данное заимствованіе распространялось все дальше даже тогда, когда не было никакихъ массовыхъ перемѣщеній, путешествій, войнъ.

На этомъ выводѣ особенно важно настаивать теперь, когда цѣлый рядъ доморощенныхъ педагоговъ ставить себѣ въ особую услугу, что они къ нѣмцамъ за наукой не ходятъ, а все выдумываютъ сами, что къ русскому человѣку не подходятъ законы общечеловѣческой педагогики, что у насъ должна быть своя особая русская психологія. Этотъ-же обзоръ даетъ намъ и нѣсколько важныхъ указаній.

Мы видѣли, что первымъ графическимъ средствомъ для первобытнаго человѣка выразить образы, живущіе въ его душѣ, были рисунки; мы знаемъ, что этотъ-же видъ упражненій особенно интересуетъ дѣтей. Такъ какъ невозможно сомнѣваться въ томъ, что воспитатель

*) «Первобытная культура».

долженъ сообразоваться съ природою ребенка, съ его наклонностями и интересами, то уже по этому одному первыми упражненіями дѣтей должны быть не письмо, не чтеніе, а изображеніе предметовъ рисунками, хотя-бы въ самомъ примитивномъ видѣ. За этотъ видъ упражненій говорятъ и другія соображенія, о которыхъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Мы видѣли, что люди начали съ выдѣленія слова изъ фразы, затѣмъ перешли къ разложенію слова на слоги (силлабическое письмо) и, наконецъ, додумались до разложенія словъ и слоговъ на недѣлимые звуки. И мы понимаемъ, что это естественный, логическій путь. Вотъ почему мы признаемъ, что наиболѣе важными изъ открытій позднѣйшаго времени были именно тѣ, въ результатѣ которыхъ получился современный аналитико-синтетическій методъ письма-чтенія. И потому, если самымъ геніальнымъ открытіемъ въ глубокой древности было изобрѣтеніе алфавита, то самымъ замѣчательнымъ открытіемъ послѣдняго времени въ данной области былъ такъ называемый основной законъ чтенія, который изобрѣтатель его во Франціи, Лафоръ, выразилъ слѣдующимъ образомъ: «Читать—значитъ послѣдовательно произносить звуки въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они написаны, безъ такъ называемыхъ складовъ». Въ Германіи это открытіе сдѣлано еще современникомъ Лютера—Иккельзамеромъ. Очевидно, это было началомъ звукового метода.

Другимъ столько-же важнымъ нововведеніемъ было разложеніе слова на слоги и звуки, которое должно предшествовать слiянію тѣхъ-же звуковъ. Разложеніе слова само по себѣ имѣетъ громадную цѣнность, потому что на немъ основано письмо, но то-же упражненіе имѣетъ не менѣе важное значеніе и въ дѣлѣ обученія чтенію.

Этотъ самый процессъ долженъ былъ происходить въ умѣ перваго изобрѣтателя алфавита, тѣмъ-же самымъ естественнымъ путемъ и учитель долженъ вести своихъ учениковъ въ обученіи чтенію. Изобрѣтатель алфавита не могъ поступать иначе: прежде, нежели сливать звуки, онъ долженъ былъ разложить слово на эти звуки. Звуковое разложеніе слова, очевидно, предшествовало слiянію въ работѣ изобрѣтателя азбуки; тотъ-же самый порядокъ вреденъ и въ нашихъ школахъ. Сначала разложеніе слова на звуки а затѣмъ сліяніе тѣхъ-же найденныхъ звуковъ въ то-же самое слово.

Есть педагоги, которые въ наше время приписываютъ изобрѣтеніе этого способа себѣ. Это все равно, какъ еслибы они приписали себѣ открытіе Америки. Этотъ пріемъ изобрѣтенъ давно и его знаетъ давно каждый учитель. Нѣмецъ Гедике настаивалъ на аналитико-синтетическомъ способѣ обученія грамотѣ еще въ 1779 году. И теперь этотъ методъ поставленъ во главу угла въ дѣлѣ обученія

чтенію. Всякій учитель знаетъ, что нельзя ученика научить теоретически сливать звуки, и на своихъ первыхъ урокахъ пользуется при этомъ предварительнымъ разложеніемъ на звуки того самаго слова, которое онъ хочетъ, чтобы прочитали дѣти.

Чтобы понять, какъ сливаются звуки въ данномъ словѣ, ученику надо сначала разложить это-же слово на составляющіе его звуки. Разложеніе и сліяніе—два послѣдовательныя упражненія, изъ коихъ первое объясняетъ второе, а послѣднее служитъ повѣркою первому, какъ умноженіе служитъ повѣркою для дѣленія. Сливая полученные звуки въ слово, ученикъ узнаетъ, вѣрно-ли онъ разложилъ слово. Если при этомъ учитель переходитъ къ сліянію безъ предварительнаго разложенія слова, то это играетъ въ его системѣ такую-же роль, какую провѣрочный диктантъ играетъ въ дѣлѣ обученія правописанію, основанному на предупредительномъ диктантѣ. Вы хотите, чтобы ученикъ слилъ изъ трехъ звуковъ: *у*, *р*, *а* цѣлое слово, вы заставляете ребенка разложить сначала слово «ура» на звуки. Вы хотите чтобы ученикъ прочелъ въ букварѣ слово «шумъ», употребите сначала тотъ-же аналитическій методъ. Разлагая слово на звуки и тотчасъ-же сливая эти звуки въ данное слово, вы поступаете точно такъ-же, какъ поступаете вы и при изученіи начертанія буквы, когда вы вмѣстѣ съ учениками разлагаете ее сначала на составные элементы, а потомъ ученики воспроизводятъ каждый изъ этихъ элементовъ въ надлежащей связи, сливая ихъ во едино, съ тѣмъ, чтобы написать цѣлую букву. Разложеніе и сліяніе, какъ двѣ стороны одной медали, должны идти рука объ руку. Насколько обратный процессъ помогаетъ прямому и прямой обратному,—примѣры этого мы видимъ всюду. Всякій учитель понимаетъ какъ важно ученику знать таблицу умноженія при изученіи дѣленія. Когда онъ знаетъ, что $8 \times 9 = 72$, онъ легко раздѣлитъ 72 и на 8 и на 9. Точно такъ-же, кто знаетъ что $4 + 6 = 10$, тотъ знаетъ и то что $10 - 4 = 6$, а $10 - 6 = 4$.

Чтобы возбудить самодѣятельность учениковъ, весьма важно, чтобы каждое разложенное ими слово было написано ими, если они знакомы съ письменными знаками, или, по крайней мѣрѣ, составлено изъ подвижныхъ буквъ, если они знакомы только съ печатными знаками, и тотчасъ-же прочитано. Это и будетъ аналитико-синтетическій способъ чтенія. Ученикъ скажетъ извѣстное ему слово, онъ его разложитъ и напишетъ или напечатаетъ и, наконецъ, онъ его снова скажетъ, уже глядя на написанныя или печатныя буквы, т.-е. прочтетъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ прочтетъ другое болѣе простое слово безъ предварительнаго его разложенія, но потомъ снова возвратится къ первому пріему. Такъ поступаетъ учитель до тѣхъ поръ, пока

такъ называемый процессъ сліянія не будетъ усвоенъ, т.-е. осмысленно понятъ дѣтьми. Очень важно, чтобы ученикъ на первыхъ-же порахъ нашелъ сходство въ изучаемомъ имъ процессѣ сліянія съ процессомъ, давно и хорошо ему извѣстнымъ—со своею рѣчью. Когда онъ пойметъ, что слить звуки въ слово, — значитъ сказать это слово совершенно такъ, какъ онъ всегда говоритъ, то онъ станетъ самъ избѣгать раздѣльнаго произношенія звуковъ. Чтобы удостовѣриться въ сдѣланныхъ успѣхахъ, чтобы навыкъ въ сліяніи однихъ звуковъ перенести и на сліяніе другихъ, учитель—на первыхъ-же порахъ—предлагаетъ дѣтямъ слить звуки въ слово или прочесть его и раньше, нежели оно разложено. Иначе ученикъ будетъ читать только что разложенное слово по памяти. По тѣмъ-же основаніямъ, по коимъ анализъ слова предшествуетъ синтезу, и письмо, какъ только къ нему приступили, при изученіи каждой буквы предшествуетъ чтенію. Какъ разложеніе слова помогаетъ сліянію, такъ и письмо помогаетъ чтенію. Ученики сначала пишутъ слова съ изученной письменной буквой, а затѣмъ читаютъ ихъ и въ тетради, и въ печатномъ видѣ. Письмо, очевидно, предшествовало чтенію. Прежде чѣмъ прочитать книгу, надо, чтобы она была написана. Изобрѣтатель алфавита былъ, собственно, изобрѣтателемъ письма. Чтеніе-же было только необходимымъ слѣдствіемъ этого открытія.

Этотъ методъ, извѣстный подъ именемъ аналитико-синтетическаго, или, проще, подъ именемъ письма-чтенія, имѣетъ безспорныя преимущества предъ всѣми другими. Начать съ того, что онъ возбуждаетъ въ учащихся большой интересъ, основанный на пониманіи учениками того, что и зачѣмъ они дѣлаютъ. Скука чисто механическихъ пріемовъ обученія обусловливается прежде всего тѣмъ, что ученики не понимаютъ ни смысла, ни цѣли предлагаемыхъ имъ упражненій. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ученику показаны первыя четыре-пять буквъ, онъ при методѣ письма-чтенія уже пишетъ и читаетъ, и при томъ не безсмысленные склады, а слова, смыслъ которыхъ для него ясенъ, и даже цѣлыя, тоже вполнѣ понятныя ребенку, фразы.

Противъ метода письма-чтенія дѣлается много возраженій. Самое существенное изъ нихъ состоитъ въ томъ, что природа буквъ и природа звуковъ различны. Легко расположить всѣ буквы по трудности ихъ изображенія на бумагѣ, а звуки по трудности ихъ произношенія и сліянія; но при этомъ первый рядъ не можетъ совпадать съ другимъ. Наиболѣе простою для письма буквою будетъ *і* и *и*; но съ этихъ буквъ, какъ съ мягкихъ, не начнетъ обученія звукамъ ни одинъ учитель. Наиболѣе простыми при произношеніи будутъ звуки *у* и *а*; но они не самые легкіе для письма. Поэтому методъ

раздѣльнаго обученія грамотѣ позволилъ-бы расположить звуки отъ легкаго труднаго при обученіи чтенію, а буквы—при обученіи письму, тогда какъ методъ совмѣстнаго обученія письму-чтенію требуетъ отъ учителя компромиссовъ. И мы не можемъ не признать справедливости этого возраженія. Весь вопросъ въ томъ, перевѣшиваютъ-ли выгоды совмѣстнаго обученія письму-чтенію выгоды раздѣльнаго обученія? По моему мнѣнію, да. Для наилучшаго уясненія нашей точки зрѣнія, мы позволимъ себѣ сдѣлать экскурсію въ область психологіи.

Еще Аристотель сказалъ, что «мы не думаемъ безъ образовъ». «Когда я думаю о родовомъ предметѣ,—говоритъ Тэнъ,—о деревѣ или млекопитающемъ, то ощущаю въ себѣ болѣе или менѣе смутные остатки образа, и во всякомъ случаѣ образъ его имени, т.-е. образъ зрительныхъ, слуховыхъ или моторныхъ ощущеній, какія это слово возбудило-бы во мнѣ, еслибы я его произнесъ, прочиталъ или услыхалъ».

Но по степени ясности, по значенію и роли различныхъ категорій образовъ люди далеко не похожи одни на другихъ и дѣлятся на четыре типа: типъ зрительный, слуховой, моторный и нормальный или средній. Каждому извѣстно, что одни обладаютъ хорошею памятью на мѣстности, другіе на лица, третьи на слова. Человѣкъ зрительнаго типа думаетъ зрительными образами, глубже воспринимаетъ зрительныя ощущенія, лучше помнитъ зрительные образы. Субъектъ слухового типа переводитъ всякую идею въ слуховыя представленія, точнѣе воспринимаетъ слуховыя ощущенія; его память тоже по преимуществу слуховая. Человѣкъ моторнаго или мускульно-нервнаго типа воспроизводитъ въ движеніяхъ или въ произношеніи все, что думаетъ; его движенія оставляютъ въ его умѣ болѣе глубокіе и яркіе слѣды, онъ хорошо помнитъ только то, что онъ самъ дѣлалъ, говорилъ или писалъ. Нормальный или средній типъ предполагаетъ гармоническое развитіе всѣхъ названныхъ способностей. Что это дѣйствительно такъ, что каждая изъ этихъ способностей можетъ существовать отдѣльно и иногда независимо отъ другихъ, доказываютъ наблюденія психіатровъ. Встрѣчаются больные, которые утрачиваютъ способность читать, хотя по-прежнему говорятъ сами и понимаютъ рѣчь другихъ. Есть больные, потерявшіе способность понимать слова, произносимыя въ ихъ присутствіи. Они говорятъ сами, читаютъ и пишутъ; но когда имъ говорятъ другіе, они ничего не понимаютъ. Тѣ-же психіатры разсказываютъ о больныхъ, утратившихъ способность къ письму. Они хорошо говорятъ, прекрасно читаютъ не только печатный шрифтъ, но и курсивъ, и однако они не въ состояніи написать сами ни одного слова. Есть больные, совершенно потерявшіе способность членораздѣльной рѣчи, что не мѣшаетъ имъ писать совершенно правильно логично и твердой рукой исторію своей болѣзни.

Даже мѣста въ нашемъ головномъ мозгу, представляющія центры тѣхъ или другихъ ощущеній, по мнѣнію физіологовъ, различны. Такъ, анатомы сѣдалище зрительныхъ ощущеній относятъ къ нижней темянной долькѣ мозга, а центръ слуховыхъ—къ височной долѣ.

Однако, какъ ни различны названныя нами способности, трудно найти хоть одинъ зрительный или слуховой образъ, который-бы не былъ связанъ съ другими образами. Не даромъ существенною частью человѣческаго мозга анатомы считаютъ ассоціаціонныя волокна, связывающія между собою извилины мозгового полушарія; и мозгъ идіотовъ особенно бѣденъ какъ разъ этими волокнами, обусловливающими, повидимому, вмѣстѣ съ мозговыми извилинами нашу способность къ нормальной душевной дѣятельности. Нервныя клѣтки въ головномъ мозгу считаются милліонами, а волокна между ними милліардами. Можетъ быть, именно благодаря этимъ волокнамъ нашимъ сознаніемъ управляетъ одинъ законъ, не подлежащій никакому сомнѣнію,—законъ, состоящій въ томъ, что образы, сознаваемые одновременно или послѣдовательно,—будутъ-ли они слуховые, зрительные, моторные и проч. или, какъ это чаще всего бываетъ, всѣ вмѣстѣ, — соединяются, спаиваются другъ съ другомъ такъ тѣсно, что затѣмъ стоитъ воскреснуть въ нашей памяти одному изъ нихъ, какъ онъ возбуждаетъ къ жизни и другіе образы, съ ними спаянные. Когда я вспоминаю арію изъ «Демона», я вспоминаю вмѣстѣ съ тѣмъ и фигуру артиста Хохлова, и его костюмъ, и декорацію Большого театра, и духоту галерки, и случайный разговоръ моихъ сосѣдей. Всѣ эти представленія оживаютъ въ моей памяти только потому, что они связаны въ одну ассоціацію съ первымъ изъ нихъ. Надо оживить какую-нибудь часть картины, чтобы воскресить въ памяти всю картину въ цѣломъ. И другого способа оживить воспоніе не существуетъ.

Мы должны найти ассоціацію, въ которую входитъ это искомое представленіе, и если этой ассоціаціи нѣтъ, то наши усилія будутъ напрасны. Какъ легко запоминаются представленія, если ихъ удобно можно связать въ одну ассоціацію, можно убѣдиться простымъ опытомъ. Попробуйте сначала заучить 20 безсмысленныхъ слоговъ, и затѣмъ стихотвореніе, состоящее изъ столькихъ-же слоговъ, и вы по количеству времени увидите, какъ ассоціаціи въ послѣднемъ случаѣ помогаютъ запоминанію.

Я видѣлъ кривыя, выражающія способность запоминанія, обнаруженную въ опытахъ, произведенныхъ со студентами Московскаго университета. Студентамъ давали 10 отдѣльныхъ безсвязныхъ словъ, и изъ нихъ почти всѣми были вѣрно воспроизведены только первое и послѣднее. Слова-же, стоящія посрединѣ, большинствомъ

были забыты или замѣнены другими словами, или поставлены не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были даны. Но вотъ имъ даютъ точно такъ же 10 словъ, но связанныхъ въ цѣлую осмысленную фразу, и вся фраза безошибочно была воспроизведена всѣми студентами. Ошибки были только случайными, и ихъ было такъ мало, что можно было и совсѣмъ не принимать ихъ въ разсчетъ. Бине и Анри, производившіе подобные-же опыты надъ 380 дѣтьми и надъ 10 взрослыми, пришли къ еще болѣе опредѣленному результату. Оказалось, что цѣлыми фразами каждое лицо можетъ запомнить на 25 словъ больше, нежели отдѣльными безсвязными словами. Такъ какъ большинство можетъ запомнить съ одного раза очень незначительное число словъ (5—6), то легко понять, какъ велика роль въ запоминаніи логическихъ ассоціацій. Здѣсь происходитъ нѣчто подобное тому, что мы наблюдаемъ въ растеніяхъ, произростающихъ на песчаной почвѣ. Каждое изъ нихъ въ отдѣльности не могло-бы удержаться въ пескѣ, но, будучи связаны безчисленными отростками своихъ корней другъ съ другомъ, они образуютъ плотный дернъ, защищающій почву отъ разрушающаго вліянія воды и вѣтра.

Вы легко запомните слово, корень котораго вамъ знакомъ, и съ большимъ трудомъ какое-нибудь китайское слово, не похожее ни на одно вамъ знакомое. Чѣмъ ярче воспринятые образы, чѣмъ продолжительнѣе была смежность образовъ по мѣсту или по времени, чѣмъ чаще повторялась ихъ ассоціація въ моихъ воспоминаніяхъ, тѣмъ больше въ этой ассоціаціи силы. Такая ассоціація будетъ долго жить въ моей душѣ, при чемъ всѣ образы, ее составляющіе, живутъ одною жизнью, сцѣплены между собою такъ, какъ соединены колеса въ часовомъ механизмѣ; и какой-бы образъ изъ этой цѣпи ни проснулся, онъ тотчасъ-же разбудитъ связанныхъ съ нимъ товарищей. На этомъ законѣ основаны пріемы мнемоники. Чтобы запомнить представленіе или слово, связываютъ его съ представленіемъ извѣстнымъ, или легко нами запоминаемымъ. Чтобы запомнить иностранныя слова, подыскиваютъ похожее на нихъ русское слово. Adage—а даже — поговорка; demi — гдѣ мы, — половина; herbe — гербъ — трава. Чтобы заучить на память стихи, люди зрительнаго типа запоминаютъ расположеніе фразъ въ книгѣ, на страницѣ. Въ этихъ-же видахъ древніе авторы, занимавшіеся мнемоникою, пользовались знаками зодіака и, раздѣливъ ихъ на 360 мѣстъ, связывали съ каждымъ изъ такихъ мѣстъ названіе какого-нибудь предмета. Въ тѣхъ-же видахъ и теперь учителя пользуются мнемоническими пріемами въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ изученія не имѣетъ внутренней связи и когда эти пріемы не отвлекаютъ вниманія ученика отъ естественной, логической связи предметовъ.

Какія указанія извлечемъ мы отсюда по отношенію къ обученію грамотѣ? Въ этомъ обученіи мы пользуемся четырьмя категоріями образовъ: зрительными, слуховыми и моторными, при чемъ послѣдніе должны быть подраздѣлены на образы произношенія (мускульно-нервная память рта и голосовыхъ связокъ) и образы графическіе (память пальцевъ и кисти руки). Чтобы воспроизвести звукъ и его изображеніе, ребенокъ зрительнаго типа скорѣе схватитъ зрительный образъ, очертаніе буквы, онъ легче вспомнитъ его и потомъ, а это напомнитъ ему связанный съ нимъ слуховой образъ, соотвѣтствующій звуку, а также моторный образъ, возникающій при письмѣ буквы. Ребенокъ слухового типа, наоборотъ, скорѣе усвоитъ изучаемый звукъ, и если съ нимъ свяжутъ зрительные и моторные образы, то онъ легко затѣмъ воспроизведетъ слуховой образъ звука, а этотъ послѣдній воскреситъ въ его памяти и форму соотвѣтствующей буквы, и процессъ ея письма. И вотъ въ чемъ заключается крупный недостатокъ раздѣльнаго обученія чтенію и письму. Ученикамъ моторнаго, графическаго типа ничто не приходитъ на помощь въ трудномъ для нихъ дѣлѣ звуковыхъ упражненій при обученіи чтенію. Но вотъ вы связываете на каждомъ урокѣ звуковыя упражненія съ письмомъ и чтеніемъ по буквамъ, зрительные образы печатныхъ буквъ, моторные графическіе образы—яркіе и глубокіе у дѣтей этихъ типовъ — воспринимаются живо, помнятся долго, а такъ какъ они связаны съ слуховыми образами звуковъ, то и эти послѣдніе въ слѣдъ за ними воспроизводятся въ памяти. Различные образы, воспринятые одновременно или послѣдовательно, взаимно помогаютъ другъ другу, каждый отдѣльный образъ—всѣмъ вмѣстѣ; они другъ друга поддерживаютъ и сохраняютъ. По удачному выраженію Кейра, здѣсь происходитъ нѣчто, подобное «каретѣ, которую везутъ нѣсколько лошадей». Одинокій образъ не удержится въ памяти, но, будучи связанъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ, онъ будетъ жить долго. Съ этой точки зрѣнія выгоды совмѣстнаго обученія письму-чтенію не замѣнимы. На одномъ и томъ-же урокѣ ученики усваиваютъ звуки, произносятъ ихъ, запоминаютъ формы печатныхъ буквъ и пишутъ письменые знаки. Звуковые, зрительные и моторные образы, воспринятые одновременно и послѣдовательно, спаиваются въ крѣпкую ассоціацію, помогаютъ и поддерживаютъ другъ друга. Ученикъ на однихъ и тѣхъ-же изученныхъ имъ звукахъ и буквахъ учится и говорить, и слушать, и читать, и писать; онъ развиваетъ и глазъ, и ухо, и руку, и рѣчь, не говоря уже о томъ, что при этомъ учится и думать. То, чего не удержало-бы одно ухо, помогутъ удержать глазъ и рука. Ученикъ не запоминаетъ изученнаго звука; вы прицѣпляете его къ буквѣ, формы которой легко

запоминаются ученикомъ, и онъ уже помнитъ вмѣстѣ графическій образъ и слуховой. Стоитъ въ памяти ученика возникнуть одному изъ этихъ образовъ, воспринятыхъ сегодня на урокѣ, напримѣръ, форму печатнаго знака—и онъ естественно и непроизвольно вспомнитъ и звукъ, и форму письменной буквы, и процессъ ея письма, и слова, которыя онъ читалъ и писалъ въ классѣ. Звукъ изученъ со всѣхъ сторонъ; онъ сталъ полною собственностью ученика. Этотъ пріемъ одинаково выгоденъ для всѣхъ типовъ учащихся. Онъ предоставляетъ зрительному типу возможность связать весь урокъ съ зрительными образами, сродными его душѣ, чтобы тверже запомнить все усвоенное; моторному типу онъ даетъ средство воспроизвести всѣ результаты урока по глубоко залегшимъ въ его умѣ графическимъ образамъ. Слуховой типъ выдвинетъ впередъ звуки, но они напомнятъ ему все остальное.

Эти выводы настолько важны, что ихъ однихъ достаточно, чтобы перевѣсить единственный указанный нами выше недостатокъ метода письма-чтенія, но сверхъ того методъ письма-чтенія, какъ наиболѣе естественный, по крайней мѣрѣ, изъ существующихъ въ настоящее время, и по отношенію къ природѣ ученика, и по отношенію къ свойствамъ изучаемаго предмета обусловливаетъ еще значительную быстроту обученія. Если сравнить 4—5 недѣль въ школахъ съ 3 учителями и 5—7 недѣль—съ однимъ учителемъ, достаточныхъ теперь, чтобы пройти весь букварь, съ тѣми годомъ-двумя и даже болѣе, какіе требовались раньше, чтобы пройти азбуку по складамъ, то сдѣланный нами прогрессъ въ этомъ отношеніи будетъ понятенъ. Не даромъ онъ такъ быстро привился въ Германіи, не даромъ и нашъ простой народъ, привыкшій къ тому, чтобы чтеніе преподавалось отдѣльно отъ письма, сначала недружелюбно встрѣчавшій новый методъ обученіи письму-чтенію, давно уже помирился съ нимъ. По отзывамъ учителей, прежде крестьяне высказывались противъ этого метода, но успѣхъ новой школы давно уже убѣдилъ населеніе въ ея превосходствѣ надъ старою школою; и теперь этотъ методъ почти вездѣ пользуется сочувствіемъ крестьянъ. Вопросъ этотъ мною былъ поставленъ всѣмъ учителямъ нѣсколькихъ уѣздовъ, гдѣ я руководилъ курсами, и всѣ отвѣты, за однимъ исключеніемъ, сводятся къ тому, что крестьяне довольны методомъ письма-чтенія, симпатизируютъ ему, примирились съ нимъ. Единственный отрицательный отвѣтъ относится къ раскольническому селенію.

Итакъ, въ дѣлѣ обученія процессу чтенія все сводится къ разложенію рѣчи на слова, словъ на слоги и звуки и сліянію звуковъ во-первыхъ, и къ ознакомленію дѣтей съ буквами параллельно съ письменными и печатными—во-вторыхъ.

Историческій обзоръ развитія письменности привелъ насъ къ выводу, что первоначальнымъ актомъ въ этомъ дѣлѣ было раздѣленіе рѣчи на слова и изображеніе слова отдѣльнымъ знакомъ. Если съ изобрѣтеніемъ алфавита нѣтъ болѣе надобности въ изображеніяхъ особымъ рисункомъ каждаго слова, то и теперь, какъ и на зарѣ письменности, каждый учащійся долженъ пройти первый шагъ, сдѣланный изобрѣтателемъ письменности, долженъ научиться раздѣлять рѣчь на слова. Нѣкоторые педагоги принимаютъ за отправной пунктъ слово, а не фразу и утверждаютъ, что слово проще фразы, и потому надо начинать съ разложенія слова на слоги. Что появляется раньше—простыя названія или утвержденіе и отрицаніе, отдѣльныя слова или фразы? Въ этомъ пунктѣ нѣтъ разнорѣчій. Лингвисты, ломающіе копья изъ-за того, напримѣръ, что было раньше—корни или слова, согласны въ томъ, что фраза явилась раньше слова. Мы думаемъ не словами, а фразами; человѣческая рѣчь всегда выражала какое-нибудь сужденіе. Эта рѣчь могла состоять изъ двухъ, трехъ и даже изъ одного слова, но она всегда была сужденіемъ, фразою, а не отдѣльнымъ словомъ, она всегда что-нибудь утверждала или отрицала. Это вѣрно для первобытнаго человѣка, это вѣрно и относительно ребенка, начинающаго говорить.

По словамъ Прейера, его сынъ, когда ему было 23 мѣсяца, употребилъ прилагательное для выраженія перваго сужденія, которое онъ выразилъ такъ: «горячо» (вмѣсто: «молоко слишкомъ горячо»). Позже онъ составлялъ предложенія изъ двухъ словъ «домъ, молоко» вмѣсто: «я хочу идти домой и выпить молока». Подобныя-же наблюденія сдѣланы и Тэномъ. Отправнымъ пунктомъ должна служить фраза, рѣчь, сужденіе, а не отдѣльныя слова. Упражненіе это принадлежитъ къ числу самыхъ легкихъ, если начать съ фразъ, состоящихъ изъ словъ, обозначающихъ понятія, а не съ предлоговъ и союзовъ, представляющихъ уже болѣе тонкія и трудныя выраженія отношенія между понятіями. Вотъ основанія, почему мы полагаемъ, что первый урокъ съ безграмотными учениками необходимо начать съ разложенія фразы на слова, послѣ предварительной бесѣды о классныхъ порядкахъ. Опытъ показываетъ, что достаточно на первый разъ употребить лишь 15—20 минутъ на это упражненіе, не вводя въ разлагаемыя фразы ни предлоговъ, ни союзовъ. Дѣти, и особенно на первыхъ порахъ, нуждаются въ разнообразіи. Они скучаютъ, если ихъ долго держатъ на одномъ упражненіи. Вотъ почему на этомъ-же урокѣ мы переходимъ къ разложенію на отдѣльныя части предметовъ [ручки и т. п.] и къ рисованію частей лѣсенки, съ тѣмъ, чтобы пріучить дѣтей—какъ держать карандашъ, тетрадь, корпусъ, голову и проч., дать дѣтямъ навыкъ писать первый эле-

ментъ—палочку безъ крючковъ. Этотъ переходъ отъ разложенія фразы на слова къ разложенію рисунка на части и къ рисованію дѣлается вполнѣ естественно. Дѣти дѣлили рѣчь на слова, затѣмъ они находятъ части въ предметахъ и рисуютъ эти части въ ихъ взаимной связи. На слѣдующихъ урокахъ начинаемъ опять съ разложенія рѣчи на слова, но, не останавливаясь долго на этомъ упражненіи, переходимъ къ разложенію слова на слоги, къ выдѣленію звуковъ *а* и *у* и къ нахожденію ихъ въ другихъ словахъ въ началѣ и въ концѣ, къ разложенію слова *ау* на звуки, къ произношенію ихъ то отдѣльно, то вмѣстѣ, къ ознакомленію дѣтей съ печатными буквами *а* и *у*, къ составленію этого слова на доскѣ и къ чтенію этого слова. Для разложенія рѣчи на слова мы вмѣсто ничего незначащихъ фразъ въ родѣ «Мама рада», какія обыкновенно даются въ этихъ случаяхъ, выбирали-бы болѣе содержательныя фразы, доступныя, однако, пониманію учащихся. Въ цѣляхъ ознакомленія дѣтей съ процессомъ разложенія рѣчи на слова рѣшительно все равно, каково содержаніе предлагаемой ученикамъ фразы, лишь-бы она была понятна для нихъ; но это далеко не все равно въ интересахъ умственнаго развитія дѣтей, въ интересахъ обученія языку, въ интересахъ оживленія урока. Вотъ подборъ фразъ, которыми мы пользуемся въ данномъ случаѣ: «Трещатъ морозы». «Пала роса». «Рыбамъ вода, птицамъ воздухъ». «Красное солнышко зашло». «Пишу, читаю, ума припасаю». «Своя хатка—родная матка». Учитель сначала самъ раздѣльно, внятно и громко произноситъ фразу, ставитъ вопросы, чтобы убѣдиться, поняли-ли ученики ея смыслъ, заставляетъ ихъ самихъ повторить данную фразу, сначала цѣликомъ, а потомъ но вопросамъ: какое первое слово? какое второе? Затѣмъ обыкновенно рекомендуютъ заставлять самихъ дѣтей придумывать фразы, но на первыхъ порахъ это почти всегда встрѣчаетъ затрудненіе въ отсутствіи у дѣтей самодѣятельности. Надо, значитъ, придти имъ на помощь. Мы пользуемся въ этомъ случаѣ слѣдующимъ пріемомъ. Мы говоримъ какое-нибудь слово, напримѣръ, «жукъ», а дѣти сами прибавляютъ слово или два, чтобы вышла цѣлая рѣчь.

Вторымъ актомъ въ исторіи письменности было силлабическое письмо, основанное на разложеніи словъ на слоги. И въ этомъ случаѣ учащійся нашего времени проходитъ ту-же стадію, какая предшествовала изобрѣтенію силлабическаго письма. Онъ также долженъ умѣть разложить слово на слоги, и это возможно сдѣлать на самыхъ первыхъ урокахъ, послѣ разложенія фразъ на слова. Изъ пріемовъ, употребляемыхъ при этомъ для облегченія учащихся, мы предпочитаемъ тотъ, который основанъ на движеніяхъ рта. Учитель выбираетъ изъ только-что разложенной на слова фразы какое-

нибудь слово, напримѣръ, «рама». Я сказалъ это слово сразу, теперь я вамъ скажу его раздѣльно, по частямъ (слово «части» у насъ употребляется раньше, при разложеніи рѣчи на слова и при рисованіи лѣсенки), а вы считайте, сколько разъ я открою ротъ. Учитель раздѣльно произноситъ это слово и спрашиваетъ: «сколько разъ я открылъ ротъ»?—«Два раза».—Значитъ, въ этомъ словѣ два слога. Скажите первый слогъ,—*ра.* Скажите второй слогъ,—*ма.* Этотъ пріемъ мы рекомендуемъ и потому, что онъ даетъ быстрые успѣхи, такъ какъ здѣсь на помощь слуховымъ впечатлѣніямъ приходятъ зрительныя, имѣющія такое большее значеніе въ дѣлѣ обученія, и потому, что движенія рта являются самымъ существеннымъ признакомъ въ данномъ случаѣ, и учителямъ совсѣмъ незачѣмъ прибѣгать къ такимъ искусственнымъ, но очень распространеннымъ пріемамъ, какъ, напримѣръ, къ ударамъ линейкою по столу, къ маханью рукою и т. д. Но мало того, чтобы ученики умѣли разложить слово на слоги, надо еще, чтобы они съумѣли изъ слоговъ составить цѣлое слово. Ученики не только разлагаютъ данное имъ слово на слоги, но и сами образуютъ изъ слоговъ слова, сначала только что предъ тѣмъ разложенныя, а затѣмъ и другія. Они говорятъ то цѣлое слово вмѣстѣ, то раздѣльно по слогамъ. Очень важно на этой ступени пріучить учениковъ къ словамъ: «скажите сразу» или «вмѣстѣ», «скажите отдѣльно», потому что именно съ этими выраженіями ученикамъ приходится имѣть дѣло при разложеніи словъ на звуки и при сліяніи. Весьма важно также, чтобы на этихъ-же сравнительно легкихъ упражненіяхъ дѣти вполнѣ ознакомились съ выраженіями: въ началѣ, въ серединѣ, въ концѣ, а также съ выраженіями: первое слово, второе и т. д., пріучились указывать по вопросамъ учителя: гдѣ стоитъ данное слово въ рѣчи? Эти выраженія понадобятся имъ при разложеніи словъ, а эти послѣднія упражненія представляютъ для дѣтей значительныя трудности, и потому необходимо, чтобы дѣти были раньше хорошо подготовлены къ пониманію главныхъ выраженій, съ которыми придется имѣть дѣло учителю. Одинъ изъ пріемовъ, возбуждающихъ самодѣятельность учащихся въ этомъ случаѣ, состоитъ въ томъ, что учитель самъ произноситъ какой-нибудь слогъ, напримѣръ: *Са*, а ученики придумываютъ и прибавляютъ другой, чтобы вышло цѣлое слово: *ша*, чтобы вышло слово *Саша*, или *ло*, чтобы вышло слово *сало*. Другой видъ упражненій состоитъ въ томъ, что учитель даетъ слова, приглашаетъ дѣтей отнять первый или послѣдній слогъ и спрашиваетъ: что останется. «Ку-лакъ», дѣти отнимаютъ первый слогъ и остается лакъ: отъ слова «му-соръ» отнимаютъ му—и остается соръ; отъ слова «косари» отнимаютъ послѣдній слогъ—и остается коса.

Никакихъ опредѣленій мы бы не требовали отъ дѣтей на этой ступени; мы-бы не спрашивали ихъ: что такое слогъ? какъ это, къ сожалѣнію, рекомендуется нѣкоторыми методиками. Разъ ученики умѣютъ разложить слово на слоги — значитъ они понимаютъ что такое слогъ, хотя и не могутъ дать ему точнаго опредѣленія. Главное искусство учителя начальной школы состоитъ въ томъ, чтобы умѣть отличать важное и существенное отъ неважнаго и не тратить ни минуты времени на занятія, польза которыхъ сомнительна или ничтожна. Ниже мы подробнѣе остановимся на вопросѣ о томъ, можно-ли требовать опредѣленій на этой ступени обученія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Вахтеровъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

«Didaktik und Methodik der einzelnen Lehrfächer Rechnen und Mathematic» von Prof. Max Simon. «Physik». Von Dr. I. Kissling. (Методика физики, проф Кисслинга).

Въ настоящее время, когда средняя школа начинаетъ обращать болѣе серьезное вниманіе на преподаваніе физики и пока методы преподаванія физики далеко еще не установились, я думаю будетъ полезно обратить вниманіе на названную книгу, вышедшую въ 1895 году въ Мюнхенѣ и представляющую собою 4-ю часть большого сочиненія «Handbuch der Erziehungs-und Unterrichtslehre für höhere Schulen». Я предполагаю разсмотрѣть только 2-ю часть руководства, именно «Phisik», von Dr.-Kissling, такъ какъ своевременно русская печать не обратила должнаго вниманія на этотъ полезный трудъ.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что задача школы состоитъ не въ томъ, чтобы подготовить воспитанника къ какой-бы то ни было спеціальности, но въ томъ, чтобы дать ему достаточное основаніе, на которомъ могла-бы развиться его будущая научная или практическая дѣятельность. Этотъ фундаментъ только отчасти состоитъ изъ нѣкоторой суммы знаній, главнымъ-же образомъ онъ заключается въ умственномъ развитіи, благодаря которому вырабатывается способность вникать въ вопросы, соотвѣтствующіе личному кругозору, работать съ терпѣніемъ, энергіей и настойчивостью. Названное руководство пытается установить тѣ точки зрѣнія, которыхъ можно держаться какъ вообще при преподаваніи, такъ и въ частныхъ случаяхъ, и какъ, несмотря на традиціи, поступать не слѣдуетъ. По вопросамъ, въ которыхъ взгляды опытныхъ преподавателей расходятся, авторъ приводитъ предложенія, сдѣланныя въ различныхъ направленіяхъ и испробованныя на опытѣ, такъ что молодой преподаватель легко можетъ выбрать изъ нихъ то, что болѣе соотвѣтствуетъ его личнымъ взглядамъ и склонностямъ.

Послѣ краткаго предисловія авторъ выясняетъ стремленія, цѣли и пріемы преподаванія физики. Въ отличіе отъ изученія языковъ,—

говоритъ профессоръ Кисслингъ,—при которомъ необходимо обладать большой способностью воспріятія и большой памятью, «матеріалъ преподаванія физики прежде всего долженъ быть найденъ самими учащимися—частью изъ наблюденій повседневной жизни, частью изъ наблюденій при опытахъ. Искусство наблюдать пріобрѣтается постояннымъ упражненіемъ».

Значеніе полученнаго изъ наблюденій матеріала никоимъ образомъ не должно заключаться въ богатствѣ и полнотѣ, но главнымъ образомъ въ примѣненіи къ упражненію мыслительныхъ способностей учащихся; упражняя остроту осмысленнаго наблюденія, слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы съ помощью сравненій и умозаключеній въ мірѣ окружающихъ явленій приходить все къ новымъ и новымъ истинамъ. По этому вопросу авторъ проводитъ мнѣніе Эйхлера: «Физика свободна отъ критерія исторической достовѣрности и не опирается на память, подобно языковѣдѣнію. Исходя изъ непосредственныхъ представленій, она выводитъ законы причины и дѣйствія изъ простѣйшихъ и въ то-же время часто повторяющихся процессовъ, изъ понятнѣйшихъ комбинацій матеріала наблюденій, и на этихъ законахъ строитъ свою систему. Никакого баласта вокабулъ, никакихъ историческихъ датъ. Уже съ самаго начала, занятія ею возбуждаютъ охоту къ сравненію и умозаключенію; и такъ какъ она развивается въ сферѣ представленій ученика, то послѣдній чувствуетъ подъ собой твердую почву, и у него является увѣренность въ знаніи и мышленіи. Съ развитіемъ сознательнаго пониманія физическихъ явленій, съ расширеніемъ круга познаній у ученика возникаетъ интересъ къ современной культурѣ и является благодѣтельный противовѣсъ мышленію отвлеченному».

Авторъ не стремится положить въ основу образованія исключительно естественно-историческія знанія и, чтобы не заслужить себѣ въ этомъ направленіи упрека, приводитъ слѣдующее замѣчаніе Тиндаля: «Я далекъ отъ того, чтобы требовать для естественныхъ наукъ такого мѣста, которое исключало-бы собою другія формы образованія. Я всегда буду стоять на сторонѣ тѣхъ, которые возстаютъ противъ единовластія точныхъ наукъ въ противовѣсъ умозрительнымъ. Нашъ міръ былъ-бы безцвѣтенъ и сѣръ, если бы освѣщался исключительно свѣтомъ разсудка; его необходимо подогрѣвать высокими чувствами и великими мыслями. Соглашаясь съ этимъ, я все-же требую, чтобы естественнымъ наукамъ отведено было болѣе мѣста въ воспитаніи нашего народа». Далѣе проф. Кисслингъ разбираетъ условія успѣшности преподаванія, говоритъ о выборѣ матеріала, прохожденіи курса, учебныхъ пособіяхъ.

Касаясь распредѣленія матеріала, авторъ приводитъ изъ цирку-

ляра прусскаго министра народн. просвѣщ. отъ 1859 года слѣдующее положеніе: «Только при ограниченіи требованій возможно глубокое и прочное усвоеніе предмета; педагогика все болѣе убѣждается въ томъ, что при слишкомъ густомъ посѣвѣ являет я плохой урожай. Немногое, но основательно пройденное пробужд тъ у ученика дальнѣйшій интересъ, тогда какъ нагроможденіе матеріала, въ особенности отдѣльныхъ подробностей, притупляетъ воспріимчивость ума и порождаетъ мертвое знаніе даже у прилежныхъ. Изъ этого вытекаетъ необходимость соблюденія двухъ условій: 1) расчлененіе всего матеріала сообразно способностямъ воспріятія на различныхъ ступеняхъ возраста и познаній и 2) спеціальный выборъ учебнаго матеріала».

Въ дополненіе къ этому циркуляру авторъ приводитъ замѣчаніе Гефлера: «Большое различіе, представляются-ли предметы и явленія природы мальчику, или уже юношѣ: одинъ смотритъ на нихъ совершенно иначе, нежели другой. Особенность дѣтскаго интереса служитъ неотъемлемымъ признакомъ извѣстнаго возраста, такъ что является очевиднымъ требованіе психологической педагогики удовлетворить въ извѣстное время этотъ интересъ». Примѣрныя программы распредѣленія матеріала по концентрической системѣ предложены были Бӧрнеромъ и Эйхлеромъ. Послѣдній мотивируетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «На каждой ступени занимаются отдѣльно законами физики, и обѣ отличаются только выборомъ матеріала и способомъ изложенія. Выборъ матеріала на низшей ступени обусловливается кругомъ зрѣнія ученика: разсматриваются явленія изъ окружающей жизни, изъ области метеорологіи и географіи; опыты производятся безъ посредства математическихъ вычисленій, исключительно качественные. На высшей ступени расширяются ранѣе пріобрѣтенныя знанія. Практическое примѣненіе отступаетъ на второй планъ; явленія анализируются въ научномъ смыслѣ, появляется болѣе точное изложеніе понятій и представленій. На этой ступени дается уже математическая формулировка законовъ, говорится о сродствѣ силъ природы и объясняются ихъ способы дѣйствія». Подтверждая несомнѣнную пользу раздѣленія матеріала на два концентрическихъ курса, авторъ переходитъ къ самымъ пріемамъ прохожденія курса, при чемъ раздѣляетъ эту главу на четыре отдѣла: въ 1-мъ разсматриваетъ систему преподаванія; во 2-мъ—опыты; въ 3-мъ—практическую самодѣятельность учениковъ и въ 4-мъ—отношеніе преподаванія физики къ математикѣ.

Говоря о системѣ преподаванія, авторъ приводитъ опять-таки выдержку изъ вышеупомянутаго циркуляра прусскаго министра: «Методъ, которому слѣдуетъ преподаватель, не можетъ быть пред-

метомъ правилъ, такъ какъ зависитъ отъ личныхъ качествъ преподавателя, и насколько методъ зависитъ отъ самого предмета, настолько-же развитіе его должно быть предоставлено преподавателю».

Профессоръ Кисслингъ предостерегаетъ преподавателя, чтобы матеріалъ не усваивался учениками безъ умственной работы, главнымъ образомъ—памятью, такъ какъ при такомъ направленіи любознательность ученика уменьшается и образуется привычка работать, опираясь на авторитетъ. Ученикъ долженъ самъ, прислушиваясь къ языку природы, схватывать сущность вещей, почему и не слѣдуетъ передавать матеріалъ въ догматической формѣ, а скорѣе указывать ученику путь, на которомъ развилось знаніе законосоразмѣрности физическихъ явленій и ихъ взаимной связи.

Строго индуктивнаго метода съ логической доказательной силой въ преподаваніи держаться нельзя—по недостатку времени, а также вслѣдствіе того, что отъ ученика потребовалась-бы при этомъ умственная работа настоящаго изслѣдователя. Ученику можно только показать—какъ дойти до вывода даннаго закона изъ ряда индуктивныхъ заключеній. Но такъ какъ каждый законъ дѣлается собственностью ученика лишь тогда, когда онъ можетъ примѣнять его, то и въ преподаваніи слѣдуетъ пользоваться примѣненіемъ законовъ къ отдѣльнымъ случаямъ, т.-е. пользоваться дедукціей. Такимъ образомъ, въ преподаваніи должны *чередоваться индуктивный и дедуктивный методы*.

Очень цѣнное замѣчаніе дѣлаетъ Кисслингъ относительно того, что *не слѣдуетъ въ началѣ изложенія какого-либо закона ставить теоріи*, которыя представляютъ собою заключенія цѣлой фазы развитія естествознанія. Вообще теоретическія изслѣдованія и лежащія въ основаніи ихъ гипотезы должны обсуждаться лишь тогда, когда для этого представляется естественная необходимость и когда при этомъ можетъ быть указано, какіе успѣхи въ дальнѣйшихъ научныхъ знаніяхъ получены, благодаря этимъ теоретическимъ воззрѣніямъ. Далѣе авторъ указываетъ, что учащійся часто принимаетъ гипотезу за дѣйствительность, почему при изложеніи и примѣненіи гипотезъ неоднократно слѣдуетъ указывать ученику, что дѣло идетъ только о подобіи: «явленія идутъ такъ, какъ будто дѣйствительно существуетъ предположенное». Матеріалъ слѣдуетъ, конечно, строго распредѣлить по часамъ и вести изложеніе, стараясь вспоминать пройденное ранѣе, приводить на урокахъ аналогіи изъ другихъ областей и стараться поддержать интересъ въ ученикахъ, дѣлая случайныя біографическія замѣтки о тѣхъ герояхъ ума, на трудахъ которыхъ покоится, главнымъ образомъ, современная культура. При повтореніяхъ въ классѣ съ развитыми учениками можно сообщать историческіе очерки развитія техническихъ знаній.

Вторымъ условіемъ успѣшности преподаванія является опытъ. «Онъ служитъ или для установленія функціональной, количественной и качественной связи между явленіями, или для того, чтобы подтвердить выводъ изслѣдованія». Авторъ рекомендуетъ разъяснять назначеніе и устройство аппаратовъ, устанавливать все на глазахъ учениковъ, стараться, чтобы опытъ являлся отвѣтомъ на поставленные вопросы, и чтобы ученики сами дѣлали предложенія относительно формы и хода опыта. Кромѣ объективныхъ наблюденій, авторъ рекомендуетъ, по возможности, наблюденія субъективныя. Вообще, никогда не слѣдуетъ предварительно подробно описывать опытъ, а потомъ его показывать. При концетрической системѣ, на низшей ступени слѣдуетъ показывать качественные опыты, а на высшей—количественные.

Третье условіе успѣшности преподаванія составляетъ практическая самодѣятельность учениковъ. Профессоръ Кисслингъ старается перенести интересъ школы въ домъ, гдѣ ученикъ, уже вполнѣ предоставленный самому себѣ, можетъ попробовать свои силы хотя-бы на простыхъ практическихъ задачахъ. Примѣромъ такихъ задачъ могутъ служить: 1) опредѣленіе вѣса воздуха комнаты, 2) графическое измѣреніе температуры въ горшкѣ съ водой по мѣрѣ нагрѣванія, 3) опредѣленіе объема при помощи центиметра, 4) измѣреніе фокуса лупы и т. д. Ученики эти работы выполняютъ съ интересомъ, что бываетъ полезнѣе иного урока. Болѣе ловкихъ можно привлекать къ практическимъ занятіямъ въ классѣ. Вообще авторъ является сторонникомъ введенія практическихъ занятій при преподаваніи физики.

Четвертое условіе успѣшности занятій авторъ находитъ въ взаимопомощи физики и математики. Авторъ считаетъ полезными вычислительныя задачи по физическимъ вопросамъ въ цѣляхъ укрѣпленія въ головѣ ученика основныхъ физическихъ понятій и для большаго уясненія ихъ взаимной связи. Рекомендуется, поэтому, на урокахъ математики посвящать нѣкоторое время на упражненіи съ физическими данными. Кромѣ того, авторъ считаетъ полезнымъ дать учебнику физики математическое прибавленіе, въ которомъ были-бы изложены тѣ математическіе отдѣлы и въ тѣхъ формахъ, какія они имѣютъ въ примѣненіи къ физикѣ. Напр.: 1) общее понятіе о функціи, и ея графическое изображеніе, 2) о пропорціональности и коэфиціентѣ пропорціональности. 3) выяснить зависимость точности вычисленія отъ ошибокъ наблюденія, при чемъ понятна будетъ безполезность вычисленія до 5-го десятичнаго знака, когда ошибка наблюденія вліяетъ уже на 3-й знакъ, 4) о значеніи часто примѣняемой приблизительной формулы:

$$\operatorname{tg}\alpha = \sin\alpha = \alpha$$

Въ главѣ объ учебныхъ пособіяхъ авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя общія замѣчанія объ устройствѣ и содержаніи физическихъ кабинетовъ, при чемъ приводитъ указанія на литературу по этому предмету

Относительно учебника авторъ говоритъ, что учебникъ долженъ быть вѣрнымъ руководителемъ при репетиціяхъ. Однако съ мнѣніемъ, что между учебникомъ и ходомъ преподаванія должно быть полное соотвѣтствіе, нельзя вполнѣ согласиться, такъ какъ опытный преподаватель найдетъ это слишкомъ стѣснительнымъ. Для преподаванія годится всякій учебникъ, въ которомъ явленія и законы излагаются по возможности кратко, ясно и научно, и въ которомъ матеріалъ, слѣдуя историческому развитію, распредѣленъ независимо отъ системы, при ясномъ раздѣленіи фактовъ отъ подлежащихъ еще разслѣдованію гипотезъ; желательно, чтобы въ учебникѣ не было помѣщаемо описаніе такихъ открытій, которыя могутъ представить преподавателю препятствія при выборѣ методическихъ средствъ.

Высказавъ общіе взгляды на преподаваніе, проф. Кисслингъ переходитъ къ отдѣльнымъ частямъ курса: а) къ механикѣ, б) теплотѣ, в) волнообразному движенію, г) акустикѣ, д) оптикѣ, е) магнетизму и электричеству. Въ каждомъ отдѣлѣ онъ останавливается, главнымъ образомъ, на болѣе или менѣе спорныхъ, въ смыслѣ изложенія, вопросахъ, какъ, напр., «температура», «теорія контакта», «потенціалъ», «центробѣжная сила» и т. п. Не вдаваясь въ подробности, приведемъ нѣкоторыя болѣе подходящія къ средней школѣ замѣчанія Кисслинга.

Въ отдѣлѣ «общія свойства тѣлъ, — замѣчаетъ авторъ, — болѣе или менѣе безсвязно приведены свойства и явленія, какъ, напр., дѣлимость, непроницаемость, скважность, притяженіе, сцѣпленіе, молекулярное строеніе, тяжесть, упругость и т. д. Если этотъ отдѣлъ разсматривать какъ систематизацію явленій повседневной жизни, то это становится скучнымъ и утомительнымъ въ началѣ курса, когда ученикъ только что входитъ въ совершенно новый, невѣдомый ему міръ явленій. Разсматривать эти явленія глубже, захватывая теоретическое объясненіе, сообразуясь съ способностями ученика, несвоевременно.

Въ курсѣ механики, по мнѣнію автора, для ученика представляется затруднительнымъ усвоеніе числовыхъ отношеній пространства и времени, а также остается невыясненнымъ, въ какой степени данная математическая формула является слѣдствіемъ излагаемыхъ явленій. Въ виду этого, нельзя давать окончательной математической формулировки явленій, пока послѣднія не сдѣлаются достояніемъ ученика послѣ нагляднаго выясненія деталей. При изложеніи работы

и живой силы авторъ совѣтуетъ выяснить физическую сущность формулируемыхъ понятій.

Труднымъ, по мнѣнію Кисслинга, является вопросъ объ ускореніи, перпендикулярномъ къ направленію движенія по окружности, въ особенности при динамическомъ опредѣленіи силы; авторъ совѣтуетъ выводить ускореніе, исходя изъ измѣненія направленія скоростей движенія.

Въ началѣ изложенія электрическихъ явленій авторъ рекомендуетъ особую осторожность въ выборѣ терминологіи, такъ какъ самыя явленія электрическаго состоянія, за недостаткомъ у человѣка спеціальнаго органа, скрыты отъ непосредственнаго нашего осязанія, а доступны намъ, какъ въ электростатикѣ, по своему механическому воздѣйствію. Авторъ находитъ несовершеннымъ самое понятіе «электричество», такъ какъ это слово употребляется въ смыслѣ: 1) гипотетическаго невѣсомаго производителя электрическихъ явленій, 2) свойства, присущаго тѣлу, производящему электрическое явленіе, 3) силы, исходящей изъ тѣла.

Нѣтъ причины полагать, говоритъ профессоръ, что «потенціалъ» не будетъ усвоенъ ученикомъ, который уяснилъ себѣ начала механики и имѣетъ представленіе о работѣ и живой силѣ. Авторъ совѣтуетъ выдѣлить теорію контакта ихъ средняго преподаванія, въ виду не установившагося по этому поводу взгляда въ наукѣ, а также въ виду экспериментальной трудности и часто сомнительныхъ результатовъ опыта. Далѣе авторъ указываетъ на неудобство описанія элементовъ съ двумя жидкостями, пока ученику неизвѣстна поляризація.

Законъ Ома авторъ совѣтуетъ выводить экспериментально.

Профессоръ Кисслингъ, повидимому, склоненъ ввести въ преподаваніе понятіе о силовыхъ линіяхъ. «Если, говоритъ онъ, это представленіе облегчаетъ пониманіе многихъ соотношеній между проводниками тока и магнитами, то его необходимо ввести при изложеніи явленій индукціи, ибо при такомъ изложеніи у ученика образуется ясное объединяющее представленіе о связи между разнообразными электромагнитными явленіями».

Авторъ затрагиваетъ еще много вопросовъ, по которымъ частью высказываетъ свои замѣчанія, частью-же указываетъ учебники и журнальныя статьи, въ которыхъ выясняются тѣ или иные вопросы.

Такимъ образомъ, книга проф. Кисслинга затрагиваетъ самыя завѣтныя желанія преподавателя физики: перенести ученика изъ книжнаго міра въ міръ дѣйствительныхъ явленій, дать ученику реальное знаніе, развить въ немъ наблюдательность и предпріимчивость, и дать ему навыкъ анализировать явленія дѣйствительной жизни.

Разработанный авторомъ взглядъ на преподаваніе физики вообще и отдѣльныхъ вопросовъ въ частности, при цѣломъ рядѣ библіографическихъ указаній, дѣлаетъ книгу интересной и полезной для всякаго интересующагося преподавателя физики.

Н. Вознесенскій.

Воскресенскій, В. А. О преподаваніи русскаго языка въ начальныхъ училищахъ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Въ началѣ книги, вмѣсто предисловія, авторъ говоритъ о начальной школѣ и ея задачахъ въ духѣ опредѣленія Я. А. Коменскаго—школа должна быть «мастерской человѣчности», напоминая при этомъ, что и нашъ основной законъ о начальныхъ школахъ ставитъ передъ народнымъ учителемъ тѣ-же задачи. Словомъ, и начальная школа, уча «тому, что пригодно человѣку въ теченіе всей его жизни», должна полагать «начало» всякому знанію: въ этомъ заключается ея «ближайшая и особенная» задача; цѣнность-же знаній, входящихъ въ курсъ начальной школы, опредѣляется не столько ихъ научнымъ или практическимъ значеніемъ, сколько методомъ ихъ пріобрѣтенія: «возбужденіе любознательности и стремленія къ самообразованію должно быть началомъ и концомъ правильнаго обученія». Къ сожалѣнію, авторъ констатируетъ, что, при безспорныхъ техническихъ успѣхахъ школы, «творческій духъ ея замѣтно понизился, и она совершенно утратила заложенный въ ея организацію общеобразовательный характеръ и превратилась въ узко-спеціальную грамматическую школу». Почти половину книги авторъ посвятилъ объяснительному чтенію, считая, что отношеніе дѣтей къ книгѣ и ихъ умѣнье обращаться съ нею всецѣло зависятъ отъ учителя, т.-е. отъ того—какъ онъ училъ ихъ чтенію и вообще отечественному языку: «при однихъ методахъ обученія школа можетъ стать «мастерской человѣчности», при другихъ—разсадникомъ косныхъ умовъ, пропитанныхъ отращеніемъ къ ученію». Весь литературный матеріалъ, которымъ пользуется начальная школа для объяснительнаго чтенія, г. Воскресенскій дѣлитъ на два отдѣла: научный и собственно литературный. Къ научному отдѣлу относятся статьи преимущественно изъ области естествовѣдѣнія, географіи и исторіи; къ литературному—произведенія народной поэзіи и личнаго творчества. «При объяснительномъ чтеніи слѣдовало-бы твердо держаться правила—не читать, а *изучать научныя* статьи, и наоборотъ: не изучать, а *читать* статьи *литературныя*». Научная статья должна, разумѣется, дать нѣкоторыя научныя знанія. Нужны-ли эти послѣднія? что слѣдуетъ цѣнить въ нихъ — ихъ практическое или теоретическое значеніе? своевременно-ли сообщать ихъ въ начальной школѣ дѣтямъ 8—11-лѣт-

няго возраста? Если учитель отвѣтитъ утвердительно на всѣ эти вопросы, статья должна подлежать изученію: «извлеченныя изъ статьи свѣдѣнія, опредѣленно и точно выраженныя, должны быть основательно усвоены *всѣми* учениками и храниться въ ихъ *памяти*, какъ нѣчто цѣнное, какъ нѣчто такое, безъ чего или дальнѣйшее пріобрѣтеніе знаній оказались-бы затруднительнымъ, или общеобразовательныя задачи школы невыполнимыми. «При изученіи научныхъ статей нужно, насколько это возможно, безъ насилія надъ наукой и надъ дѣтскимъ умомъ, слѣдовать методу той науки, въ область которой входятъ изучаемые предметы». «Для знакомства съ *природой* слѣдуетъ *наблюдать* живую природу; для знакомства съ ея *явленіями* необходимы наблюденіе и *опытъ*; изученіе географіи шло отъ центра (отъ наблюдателя) къ окружности, а отдаленное познавалось путемъ *сравненія съ ближайшимъ*... И только такимъ образомъ собранныя крупицы знаній, посредствомъ книги, приводятся въ ясность и нѣкоторую систему, которая предлагаетъ ихъ въ готовомъ видѣ». На основаніи этихъ положеній авторъ довольно подробно разсматриваетъ чтеніе естественно-историческихъ, географическихъ и историческихъ статей. Къ тому—какъ ведется теперь въ нач. школахъ чтеніе поэтическихъ и вообще литературныхъ произведеній, г. Воскресенскій относится отрицательно: «въ большинствѣ случаевъ оно приводитъ посторонняго наблюдателя къ мысли, что дѣло развитія въ учащихся литературныхъ интересовъ и вкусовъ несомнѣнно выиграло-бы, еслибъ изъ нашихъ школъ совсѣмъ было изгнано объяснительное чтеніе поэтическихъ произведеній». Подобное мнѣніе не разъ высказывалось въ педагогической литературѣ. Изгнать объяснительное чтеніе, конечно, не трудно, — но достигнетъ-ли тогда школа своихъ воспитательныхъ и просвѣтительныхъ задачъ, это еще вопросъ; вслѣдствіе такого сомнѣнія въ основательности категорическаго рѣшенія этого вопроса, авторъ, по мѣрѣ силъ и возможности, старается изслѣдовать причины и условія различныхъ недостатковъ въ практикѣ объяснительнаго чтенія. Существенныхъ недостатковъ два: первый — непониманіе цѣли чтенія поэтическаго произведенія, второй—употребленіе негодныхъ средствъ. Цѣль такого чтенія былабы вполнѣ достигнута, говоритъ авторъ, еслибы читатель пережилъ, т.-е. передумалъ и перечувствовалъ, все то, что пережилъ и въ тоже время выразилъ авторъ; но для такого переживанія, еслибы оно и было вообще мыслимо, нужно быть двойникомъ поэта — по уму, образованію, характеру, по всему его прошлому и настоящему; всякій-же другой читатель можетъ только приблизиться къ такому переживанію (пониманію). Что-же сказать о способности къ переживанію въ дѣтскомъ возрастѣ, еще не знакомомъ съ волненіями житейскаго

моря? Понятія и чувства, въ строгомъ смыслѣ этихъ словъ, не доступны дѣтямъ вообще, особенно понятія и чувства, вытекающія изъ общественныхъ и нравственныхъ отношеній. Вмѣсто понятій, въ душѣ ихъ господствуютъ неустойчивыя представленія болѣе или менѣе конкретнаго характера; вмѣсто чувствъ—скоропроходящія настроенія. «Ни въ жизни, ни въ литературѣ нѣтъ ничего такого, о чемъ дѣти могли-бы имѣть *правильныя и точныя понятія*». Попытки довести дѣтей до точнаго пониманія прочитаннаго есть грубое и ничѣмъ не оправдываемое насиліе надъ ихъ еще слабымъ мыслительнымъ аппаратомъ. «Необходимо примириться съ мыслью, что дѣти вынесутъ изъ прочитаннаго лишь *немногое*; но такъ какъ это немногое можетъ оказаться само по себѣ весьма значительнымъ и оставить глубокіе слѣды въ душѣ ребенка, то въ каждомъ данномъ случаѣ учитель долженъ знать, а) *подготовлены-ли* дѣти для воспріятія предстоящихъ впечатлѣній; б) *что́* именно *можетъ быть понято* (пережито) ими и, слѣдовательно, можетъ сдѣлаться ихъ духовною собственностью и в) *какое значеніе* для дальнѣйшаго духовнаго развитія должно имѣть предполагаемое пріобрѣтеніе». Различнаго рода поэтическія произведенія требуютъ и различныхъ пріемовъ объяснительнаго чтенія: изъ былины или сказки слѣдуетъ извлекать не то и не такъ, что́ и какъ извлекается изъ басни или лирическаго стихотворенія; для каждаго рода произведеній, если не для каждаго отдѣльнаго произведенія, должна быть поставлена особая цѣль, и какая-бы послѣдняя ни была, она никакимъ образомъ не можетъ требовать, чтобы ученикъ «все понялъ и все позналъ». Руководствуясь такими началами, г. Воскресенскій разработалъ въ своей книгѣ чтеніе сказокъ и былинъ, чтеніе басенъ, нравоучительной литературы и лирическихъ произведеній.

Во второмъ отдѣлѣ книги — «Преподаваніе грамматики» — авторъ указываетъ на несостоятельность нашей школьной грамматики, на жалкія, въ образовательномъ отношеніи, послѣдствія отъ черезчуръ усердныхъ занятій мертвящими грамматическими упражненіями и на необходимость освободить школу отъ грамматическихъ излишествъ; въ концѣ отдѣла предлагается планъ грамматическаго курса, который, главнѣйшимъ образомъ, велъ-бы «къ *изученію* языка, къ расширенію, очищенію и уясненію дѣтскаго словаря, къ пониманію того, что читаютъ дѣти, къ *облегченію* ихъ попытокъ къ *самостоятельному* изложенію мыслей». Въ третьемъ и послѣднемъ отдѣлѣ книги—«Письменныя упражненія»—авторъ трактуетъ о томъ, что иностранное направленіе нашей начальной школы выдвинуло на первый планъ упражненія, преслѣдующія почти исключительно ореографическія цѣли,—диктовку и письменныя грамматическія (этимо-

логическія) работы, оставивъ въ полномъ пренебреженіи различнаго рода упражненія, развивающія въ дѣтяхъ способности и навыкъ къ свободному изложенію какъ прочитаннаго или разсказаннаго, такъ и ихъ собственныхъ мыслей; словомъ, начальнымъ преподаваніемъ какъ будто руководитъ мысль, что буква ѣ «есть вещь, а прочее все гиль». Въ интересахъ развитія дѣтей и насущныхъ требованій жизни, необходимо внести въ обученіе письму больше осмысленности, дѣльности, больше того, что̀, развивая умъ, цѣнится въ то-же время и въ практической жизни, и меньше того, что̀, достигается только продолжительной дрессировкой, берется только памятью, представляетъ лишь внѣшнюю отдѣлку вещи, а не самую вещь. «Необходимо,—говоритъ авторъ,—перенести центръ тяжести письменныхъ упражненій съ правописанія на *толковописаніе*, съ диктовокъ — на изложенія и сочиненія, съ этимологическихъ работъ—на синтаксическія».

Изъ вышеизложеннаго содержанія можно видѣть, что этотъ посмертный трудъ почтеннаго автора можетъ оказать учителю начальной школы значительную помощь въ освѣщеніи и разрѣшеніи интересующихъ его методическихъ вопросовъ относительно обученія отечественному языку. **Н. З.**

П. Житецкій. Теорія поэзіи. Кіевъ. 1898 г. II + 292 стр. Ц. 1 р.

П. Житецкій. Очерки изъ исторіи поэзіи. Кіевъ. 1898 г. 273 стр. Ц. 1 р.

Новыя двѣ книги г. Житецкаго представляютъ продолженіе изданной въ 1895 г. «Теоріи сочиненія, съ хрестоматіей». Въ «Теоріи сочиненія» излагаются основные элементы словесныхъ произведеній вообще и теорія прозы. Въ «Теоріи поэзіи» разсматриваются эстетическія основы поэтическихъ произведеній, ихъ формы, роды и виды, и кромѣ того подробно излагается содержаніе выдающихся произведеній русской художественно-поэтической литературы. На этомъ, собственно говоря, и заканчивается то, что разумѣется у насъ подъ именемъ «теоріи словесности». Но г. Житецкій не ограничился своей прямой задачей и въ своихъ «Очеркахъ изъ исторіи поэзіи изложилъ» и разобралъ наиболѣе выдающіяся произведенія всеобщей литературы съ древнѣйшихъ временъ. Этимъ до нѣкоторой степени пополненъ мало сознаваемый, тѣмъ не менѣе существенный пробѣлъ въ нашей учебной литературѣ по словесности. Вслѣдствіе нераціональной постановки новыхъ языковъ, основанной на изученіи грамматики и на переводахъ, а не на усвоеніи самого языка и чтеніи его выдающихся произведеній, юноша, оканчивающій курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, не выноситъ послѣ семи-

восьмилѣтняго изученія языка даже правильнаго произношенія. Нѣсколько сотъ словъ, слишкомъ недостаточныхъ для свободнаго чтенія даже легкихъ произведеній иностранной литературы, нѣсколько отрывочныхъ, плохо усвоенныхъ грамматическихъ свѣдѣній— вотъ что даютъ наши учебныя программы, закрывая русской молодежи доступъ къ сокровищамъ иностранныхъ литературъ (я не говорю уже о томъ, что въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ совсѣмъ не изучается такой міровой языкъ, какъ англійскій). Поэтому нельзя не поблагодарить г. Житецкаго за его трудъ, который дастъ возможность нашимъ словесникамъ хоть вкратцѣ познакомить учениковъ съ величайшими произведеніями человѣческаго творчества, съ которыми долженъ быть знакомъ человѣкъ, получившій такъ называемый аттестатъ зрѣлости. Авторъ излагаетъ содержаніе «Иліады», третьей олимпійской оды Пиндара, «Эдипа-царя»—Софокла, «Сиракузянокъ» — Өеокрита, «Эдды» и «Пѣсни о Нибелунгахъ», «Пѣсни о Роландѣ», «Божественной комедіи» — Данте, «Донъ-Кихота»—Сервантеса, «Освобожденнаго Іерусалима»—Торквато Тассо, «Макбета» и «Короля Лира»—Шекспира, «Сида»—Корнеля, «Федры» — Расина, «Мизантропа» — Мольера. Этими произведеніями исчерпывается главное изъ того, что необходимо знать окончившему курсъ средняго образованія.

Что касается собственно теоретическаго элемента въ трудахъ г. Житецкаго, то нужно замѣтить, что онъ въ достаточной степени продуманъ. Правда, авторъ, повидимому, склоняется къ той новой школѣ, которая стремится замѣнить *теорію* словесности *исторіей* ея формъ, видовъ. Отвлеченныя опредѣленія, подъ которыя со временъ французскаго классицизма подгонялись факты литературнаго творчества, потеряли свой кредитъ, когда обнаружилась ихъ односторонность, сбивчивость и противорѣчивость. Явилась необходимость тщательнаго пересмотра всего фактическаго матеріала, относящаго къ каждому виду, къ каждой формѣ словесныхъ произведеній. Пересмотръ этотъ долженъ установить происхожденіе каждаго вида, намѣтить его эволюцію и дать такимъ образомъ строго провѣренный матеріалъ для отвлеченныхъ опредѣленій. Такова была задача, явившаяся реакціею противъ прежней безпочвенной отвлеченности. Но представители новаго направленія, какъ это нерѣдко бываетъ, сами ударились въ крайность. Познакомившись съ историческимъ разнообразіемъ формъ, родовъ и видовъ словесныхъ произведеній, они растерялись въ грудѣ сырого, необработаннаго матеріала и усомнились въ возможности дать точныя отвлеченныя опредѣленія. Результатомъ этого и явилась попытка свести теорію словесности къ исторіи ея формъ, родовъ и видовъ. Такое нежела-

тельное стремленіе произошло по очень простой причинѣ. Представители исторической школы, увлекшись идеей измѣнчивости формъ, совершенно упустили изъ виду, что эта измѣнчивость не абсолютна, а относительна, что въ основѣ міровой и всякой другой эволюціи лежатъ неизмѣнныя начала и принципы, благодаря которымъ явленіе остается самимъ собою при всевозможныхъ измѣненіяхъ. Устанавливать измѣненія или, лучше сказать, эволюцію явленія—это вполнѣ законное стремленіе человѣка. Но нельзя закрывать глаза и на то, что въ явленіи остается неизмѣннымъ. Мысль человѣка постоянно стремится къ тому, чтобы открывать движущія начала всякаго явленія, неизмѣнное среди измѣняющагося. Результаты такого изысканія излагаются въ философскихъ наукахъ.

И теорія словесности не имѣетъ права измѣнить самой себѣ, отказаться отъ обязанности опредѣлять сущность словесныхъ формъ и, превратившись въ исторію, ограничиться указаніями на эволюцію. Особенно это важно по отношенію къ теоріи поэзіи. Но теорія поэзіи сама не можетъ открывать принциповъ творчества. Для этого существуетъ особая философская наука — эстетика, которая устанавливаетъ путемъ тщательнаго изслѣдованія принципы художественнаго творчества вообще. Теорія поэзіи заимствуетъ эти общіе принципы изъ эстетики и ими освѣщаетъ явленія поэтическаго творчества. Такимъ образомъ, опредѣленія въ теоріи поэзіи должны складываться изъ общихъ эстетическихъ принциповъ плюсъ данныя, относящіяся къ тому или другому виду или роду словесныхъ произведеній.

Поэтому, одобряя г. Житецкаго за то, что онъ дѣлаетъ выводы послѣ изученія родовъ, видовъ и т. д. словесныхъ произведеній, я совершенно не согласенъ съ нимъ въ томъ, что эти выводы должны извлекаться только изъ изученія словесныхъ произведеній. Это невѣрно въ научномъ отношеніи: безъ эстетическихъ принциповъ, обязательныхъ для всѣхъ искусствъ, въ томъ числѣ и для поэзіи, не мыслима сколько-нибудь научная теорія поэзіи.

Впрочемъ, г. Житецкій не удержался въ предѣлахъ задачи, которую онъ самъ себѣ поставилъ. Нѣкоторыя изъ его опредѣленій все еще или отзываются стариной, или же навѣяны нѣмецкими поэтиками. Къ числу такихъ опредѣленій относится, напримѣръ, различіе, устанавливаемое г. Житецкимъ между эпосомъ и лирикой. Обычное различіе таково: эпосъ изображаетъ внѣшній міръ, лирика—внутренній. Это опредѣленіе, выросшее на западно-европейской почвѣ, вполнѣ вѣрно для западно-европейскаго эпоса. Западноевропейскій человѣкъ живетъ преимущественно внѣшнею жизнью. Дѣятельная борьба—личная, общественная и политическая—вотъ

характерная черта западно-европейской жизни. Поэтому и западно-европейскій эпосъ изображаетъ преимущественно дѣйствія, поступки людей, ихъ внѣшнюю борьбу, и мало обращаетъ вниманія на изображеніе внутреннихъ мотивовъ дѣятельности.

Но вотъ на историческую сцену являются русскіе,—народъ, никогда не знавшій европейскаго индивидуализма съ его стремленіемъ къ внѣшней жизни, къ разнообразію дѣйствій, народъ созерцательный, склонный болѣе къ внутренней, чѣмъ къ внѣшней жизни, и не создавшій себѣ ни общественныхъ, ни политическихъ интересовъ. Въ соотвѣтствіи съ такимъ складомъ жизни является и эпосъ, носящій совсѣмъ иной характеръ, нежели западно-европейскій. Русскій эпосъ поразительно бѣденъ дѣйствіемъ. Главный его интересъ въ изображеніи внутренней жизни человѣка, его чувствъ, настроеній, идей. Въ виду этого несомнѣннаго факта удивительно то упорство, съ которымъ настаиваютъ на какой-то объективности эпоса и субъективности лирики. Объ этомъ вопросѣ я уже высказывался на страницахъ «Русской Школы» въ своихъ «Замѣткахъ по теоріи словесности» (іюль, августъ и сентябрь 1895 г.) и въ рецензіи на учебникъ г. Яковлева (февраль 1896 г.), куда я и отсылаю интересующихся.

В. Келтуяла.

К. С. Славнинъ. Первоучка. Изд. 2-е. Екатеринбургъ. 1898 г. Цѣна 20 коп.

Давая въ свое время отзывъ о другомъ трудѣ г. Славнина, «Правописаніе», мы отмѣтили, что авторъ стремился придать своему пособію возможную *практичность*, пользовался по преимуществу настоящимъ *литературнымъ* матеріаломъ, старался быть точнымъ и доступнымъ въ изложеніи. Но и тогда намъ не довелось найти, чтобы книжка г. Славнина непосредственно заполняла какой-либо *пробѣлъ* (а ихъ, конечно, не мало) въ учебной литературѣ.

Въ предисловіи къ «Первоучкѣ» авторъ прямо заявляетъ: «Опытъ перваго изданія этой книжки показалъ возможность примѣненія ея къ цѣли самообученія безграмотныхъ (преимуществено взрослыхъ и подростковъ), *при самомъ лишь незначительномъ* пособіи со стороны кого-либо грамотнаго». Охотно вѣря г. Славнину, мы, однако, въ самой «Первоучкѣ» не видимъ никакихъ серьезныхъ достоинствъ, новшествъ и отличій противъ многихъ другихъ азбукъ. Сначала авторъ упоминаетъ «о самомъ лишь незначительномъ пособіи со стороны кого-либо грамотнаго», а затѣмъ... излагаетъ обыкновенный процессъ обученія чтенію. На *43 страницѣ* книжки находимъ «Письменное начертаніе буквъ». Какъ сопоставилъ авторъ *чтеніе*

съ *письмомъ*—изъ «Первоучки» неуразумѣваемъ. Азбука, какъ первый шагъ къ грамотѣ, должна быть, конечно, настолько проста, чтобы достигалась цѣль самообученія, но «совершенство» и «неутомительность» способа г. Славнина—для насъ, по крайней мѣрѣ—еще не очевидны. Въ предисловіи авторъ одобряетъ свою «Первоучку» для самообученія, *и преимущественно для взрослыхъ и подростковъ*, а текстъ азбуки, словно *изъ практичности*, приспособляетъ именно для «дѣтскаго пониманія». Такимъ образомъ, авторъ взялся за многое разомъ, а это едва-ли правильный образъ дѣйствія. Неужели, имѣя въ виду *взрослыхъ*, среди весьма шаблонно подобранныхъ *дѣтскихъ* статеекъ г. составитель «Первоучки» приводитъ анекдоты: «Осторожный», «Въ солдатской школѣ»? Въ нихъ изощряется остроуміе насчетъ новобранцевъ. Не ради самообучающихся-ли помѣщена и довольно плоская «поэзія» со «скотинушкой» и «ржицой»? Издана «Первоучка» весьма недурно. **А. Н.**

Нашъ родной учитель (К. Д. Ушинскій). Біографическій очеркъ В. Е. Ермилова. Съ портретомъ и съ рисункомъ. Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». Цѣна 20 коп.

Редакція журнала «Дѣтское Чтеніе» издала цѣлый рядъ книжекъ подъ общимъ заглавіемъ «Библіотека Дѣтскаго Чтенія», въ ряду которыхъ есть не мало заслуживающихъ серьезнаго вниманія. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и недавно выпущенная книжка, заглавіе которой приведено нами выше. Біографія К. Д. Ушинскаго, какъ одного изъ самыхъ крупныхъ нашихъ педагоговъ нужна не для дѣтей только. Въ ней многое могутъ найти полезнаго для себя и наши учителя какъ средней, такъ и низшей школы, а между тѣмъ до сихъ поръ нѣтъ въ этомъ отношеніи сколько нибудь удовлетворяющаго изданія. Небольшая книжечка, лежащая передъ нами, не въ состояніи, разумѣется, пополнить этого пробѣла, но она преслѣдуетъ совсѣмъ другія цѣли. Авторъ этого небольшого біографическаго очерка, всего въ четыре печатныхъ листа, имѣлъ въ виду познакомить дѣтей съ тѣми гуманными взглядами, которые проводитъ въ своей жизни человѣкъ, давшій возможность не одной сотнѣ тысячъ русскихъ дѣтей легко научиться грамотности и ознакомившій ихъ всесторонне съ русской рѣчью. И авторъ, безспорно, своимъ очеркомъ достигаетъ намѣченной цѣли. Написана книжка простымъ языкомъ; важнѣйшіе моменты въ жизни покойнаго Ушинскаго перечислены всѣ, хотя и есть одна маленькая неясность, не имѣющая, впрочемъ, значенія для указанной цѣли: не указано время оставленія службы покойнымъ по вѣдомству учре-

жденій Императрицы Маріи, отчего получается нѣкоторая неясность, былъ ли Ушинскій на съѣздѣ учителей въ Симферополѣ только какъ гость или какъ чиновникъ извѣстнаго вѣдомства. Неясность эта еще рельефнѣе сказывается, когда авторъ упоминаетъ о томъ что въ Симферопольской женской гимназіи Ушинскій экзаменовалъ ученицъ приготовительнаго класса.

Автору очерка можно поставить въ небольшой упрекъ также ошибку въ этнографическихъ подробностяхъ: въ Черниговской губ. на святкахъ подблюдныхъ пѣсенъ не поютъ и не всегда знаютъ ихъ значеніе, равно и на крещеніе не рисуютъ на дверяхъ красныхъ крестовъ, а только бѣлые (мѣломъ). Не можемъ также не признать совершенно излишними въ характеристикѣ Ушинскаго, собственно его отроческаго возраста, слѣдующія строки: «Онъ часто запросто хаживалъ въ гости къ самымъ бѣднымъ товарищамъ и приносилъ имъ гостинцы и лакомства» (стр. 16). Неужели авторъ самъ не чувствуетъ нѣкоторой неумѣстности этой фразы и ея фальшивой сантиментальности? Будто это ужъ такая добродѣтель въ ребенкѣ, которую необходимо подчеркивать? Сами дѣти никогда не считаютъ такихъ пустяковъ за добродѣтель: они, въ большинствѣ, охотно помогаютъ товарищамъ и много добрѣе въ этомъ отношеніи взрослыхъ.

Въ общемъ, книжка г. Ермилова—полезный вкладъ въ дѣтскую библіотеку. Издана она очень прилично и цѣна ея не высока.

В. П.

В. Н. Харузинъ. Сказки русскихъ инородцевъ, съ краткими бытовыми очерками и иллюстраціями. Москва. 1898. Изд. Мамонтова. Ц. 1 р. 50 к.

Въ сборникѣ помѣщены сказки различныхъ племенъ (21-го племени) русскаго государства—отъ сѣверныхъ самоѣдовъ и лопарей до различныхъ кавказскихъ племенъ и сартовъ и курдовъ Средней Азіи. Сказкамъ каждаго племени предпосылается краткій этнографическій очеркъ, иллюстрированный очень хорошими рисунками, изображающими черты изъ быта даннаго племени. Очерки написаны серьезнымъ языкомъ, дѣловымъ тономъ, не ярки, но и не сухи. Они могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для справокъ учителю; съ пользою прочтутся и дѣтьми, не очень маленькими, конечно; главнымъ же ихъ достоинствомъ являются картинки, хорошо исполненныя, цѣнныя тѣмъ, что изображаютъ не только типы инородцевъ въ ихъ характерныхъ костюмахъ, но и обстановку ихъ жизни.

Что-же касается до самихъ сказокъ, то врядъ-ли онѣ достигнутъ той цѣли, которую ставитъ имъ составитель, а именно—пробудить въ читателяхъ общечеловѣческія симпатіи и укрѣпить интересъ къ зна-

нію, наукѣ. Сказки, дѣйствительно, заключаютъ въ себѣ характеристическія черты того или иного племени: особенности быта, обстановки, природы, народныхъ воззрѣній наложили на нихъ свою печать; но все это интересно для этнографа, желающаго прослѣдить—какъ обстановка, географическія и климатическія условія и историческая жизнь народа вліяютъ на его творчество, его фантазію. Дѣтей-же въ сказкахъ интересуетъ главнымъ образомъ фабула сказки. Лопарь-ли, самоѣдъ, или чеченецъ герой сказки, или живетъ онъ въ тридесятомъ царствѣ, въ невѣдомомъ государствѣ—ребенку все равно: его интересуютъ исключительно приключенія героя и его характеръ, который возбуждаетъ или сочувствіе, или отвращеніе, жалость или восхищеніе. Вотъ этой-то внѣшней привлекательности въ большинствѣ сказокъ сборника и нѣтъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., сказки сѣверныхъ инородцевъ, утомительно длинны, однообразны и блѣдны, какъ и окружающая ихъ природа. Для этнографа эти свойства, можетъ быть, и важны, какъ отличительныя черты фантазіи людей, загнанныхъ въ безконечныя холодныя тундры, но для дѣтей онѣ просто скучны. Другія сказки, представляющія отрывки изъ богатырскихъ эпохъ инородцевъ, годятся для болѣе старшаго возраста, въ которомъ, впрочемъ, дѣти уже не интересуются непосредственно сказками.

Вообще безъискусственное народное творчество ближе всего къ раннему періоду дѣтства, когда ребенокъ съ наслажденіемъ слушаетъ нянины сказки, и затѣмъ, научась читать, съ удовольствіемъ встрѣчается уже съ знакомыми лицами. Для нашихъ дѣтей, конечно, лучшимъ матеріаломъ будутъ свои народныя сказки, пѣсни, загадки и т. п. Сказки-же другихъ народностей важны и интересны только тогда, когда онѣ представляютъ или особенный художественный интересъ, или имѣютъ воспитательную цѣнность. Ни того, ни другого про собранныя въ данномъ сборникѣ сказки сказать нельзя. Съ другой стороны, въ сборникѣ нѣтъ ни особенно грубыхъ сказокъ, ни вообще вредныхъ въ воспитательномъ отношеніи, и потому его смѣло можно дать дѣтямъ въ руки; только врядъ-ли маленькіе читатели будутъ охотно читать эту книгу.

Два таланта. Повѣсть И. Н. Потапенка. Москва 1898. 153 стр.

Четырнадцатилѣтній Германъ, сынъ садовника, не обладая особеннымъ дарованіемъ, достигъ значительныхъ успѣховъ въ музыкѣ, благодаря упорному труду и настойчивости, неуклонному слѣдованію совѣтамъ учителя, который не позволялъ ему играть ничего, кромѣ гаммъ, экзерсисовъ и заданнаго урока. Павликъ, сынъ управляющаго въ деревнѣ, семилѣтнимъ ребенкомъ началъ брать уроки у Германа и

черезъ годъ на имянинахъ отца поразилъ своихъ слушателей, съигравъ по слуху полонезъ, который Германъ разучивалъ цѣлый годъ.

Послѣ этого онъ бралъ уроки въ городѣ у строгаго учителя, который, какъ и Германъ, запретилъ ему играть свои импровизаціи и трудныя вещи по слуху, но Павликъ не слушался и продолжалъ свое. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, къ великому огорченію Берга и Германа, девятилѣтній мальчикъ выступилъ на эстрадѣ передъ цѣлымъ городомъ, и успѣхъ окончательно вскружилъ ему голову. Огорченный учитель отказался давать ему уроки и оплакивалъ талантъ, который губили взрослые по своему невѣжеству. Помѣщикъ, который предложилъ Павлу участвовать въ концертѣ, повезъ обоихъ мальчиковъ въ консерваторію. Наканунѣ отъѣзда пришелъ старикъ Бергъ и на колѣняхъ умолялъ мальчика не губить своего таланта, не играть передъ публикой, а серьезно заниматься; но мальчикъ не понялъ его волненія, его требованій. Тогда учитель обратился съ горячею рѣчью къ старшему ученику: «Я знаю, чувствую, что Павлу предстоятъ огорченія, жестокое испытаніе его самолюбію. Въ тяжелыя минуты поддержи его; помни, что талантъ—это свѣточъ во тьмѣ». И Германъ, самъ горячо любившій Павлика, далъ клятву беречь ребенка. Въ консерваторіи Германъ блестяще выдержалъ экзаменъ, а Павлу Шубину лишь изъ снисхожденія позволили придти на вторичное испытаніе. Павелъ вернулся въ полномъ отчаяніи, озлобленный на весь міръ, на своихъ учителей. Тогда Германъ передалъ ему слова стараго учителя, упрашивалъ заняться серьезно. Кончилось тѣмъ, что Павликъ бросился на шею своему товарищу и счастливо пережилъ душевный переворотъ. Цѣлые дни занимался онъ съ Германомъ, черезъ мѣсяцъ одолѣлъ всѣ трудности и былъ принятъ въ консерваторію. Съ тѣхъ поръ юные скрипачи были неразлучны. По окончаніи курса, Германъ остался въ консерваторіи преподавателемъ, а три года спустя Павелъ Шубинъ выступилъ впервые въ концертѣ, и никто такъ не радовался славѣ юнаго артиста, никто не былъ такъ счастливъ, какъ его первый учитель и товарищъ.

Талантливое изложеніе, серьезный сюжетъ, яркій образъ даровитаго мальчика, погибающаго отъ преждевременныхъ похвалъ и самомнѣнія,—вотъ достоинства книги. Но типы стараго и юнаго нѣмцевъ, преданныхъ искусству и беззавѣтно преклоняющихся передъ талантомъ, слишкомъ идеализированы, и вообще чувствуется натяжка, приноравливаніе изложенія къ тенденціи разсказа—къ значенію труда и настойчивости во всякомъ дѣлѣ, а потому и въ области искусства.

Библіотека маленькаго читателя. Ивинъ. «Друзья дѣтей». Сборникъ разсказовъ М. 1898 г. Ц. 50 к.

Сборникъ содержитъ 6 разсказовъ, и въ каждомъ изъ нихъ фигурируютъ животныя. Частью это отрывки изъ произведеній, печатавшихся прежде, частью цѣльныя произведенія извѣстныхъ беллетристовъ. Отрывки взяты изъ «Малыша и Жучки» Дмитріевой (эпизодъ, какъ «Жучка» спасаетъ «Малыша»), Обезьяна «Жако»—отрывокъ изъ разсказа Роговой, «Гекторъ»—отрывокъ изъ разсказа Елпатьевской, помѣщеннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «В. Европы» (Собака, умирающая отъ тоски по хозяину). Цѣльныхъ разсказовъ три: «Муцикъ» Кайгородова, «Зябликъ» Кота Мурлыки и «Добрый Люрлюкъ» Баранцевича. Всѣ разсказы проникнуты чувствомъ горячей любви ко всему живому, написаны живо, интересно и прочтутся съ большимъ удовольствіемъ дѣтьми лѣтъ 10—12.

О чемъ куковала кукушка. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній для маленькихъ дѣтей. Изд. Сытина. 1898 г. Ц. 1 р.

Странное заглавіе, но очень милые разсказики для самыхъ маленькихъ дѣтей. Названіе книжки имѣетъ нѣкоторое отношеніе только къ первому разсказу, въ которомъ главную роль играетъ кукушка въ часахъ. Маленькія дѣти принимаютъ ее за живую и идутъ ночью смотрѣть, какъ она вылетитъ изъ часовъ и будетъ клевать насыпанныя для нея крошки. Почти всѣ разсказы такого же содержанія. Это все—происшествія съ куклами, собачками, кошечками; приключенія, шалости, маленькія бѣды, которыя могутъ случаться во всякой дѣтской.

Попадаются статьи и не вполнѣ удачныя. Напр., «Лекарство»—разсказъ о томъ, какъ больной мальчикъ не хочетъ пить лекарства, но мама читаетъ ему поучительные стихи на тему о необходимости принимать его, и мальчикъ уступаетъ. Или «Сынъ рыцаря»—тоже слишкомъ искусственный разсказъ о томъ, какъ лѣнивецъ дѣлается внезапно прилежнымъ.

Есть и стихотворенія, неподходящія для маленькихъ дѣтей: «Эхо» Пушкина или «Дитя цвѣтокъ» Величка. Но хорошихъ разсказовъ и стихотвореній значительно больше, нежели плохихъ, и въ общемъ сборникъ можно считать всего болѣе подходящимъ для чтенія вслухъ дѣтямъ, еще не научившимся читать. Внѣшность изданія красивая: хорошая бумага, четкая печать и недурныя картинки.

ОТВѢТЪ Г. ЛУГОВСКОМУ.

Въ своей критической замѣткѣ на брошюру г. Луговского («Русская Школа», № 10-ый за 1898) мы, главнымъ образомъ, упрекали автора за то, что онъ недостаточно обосновалъ свои личные взгляды, что онъ больше скользитъ по вопросамъ, нежели развиваетъ ихъ, вслѣдствіе чего считали почти невозможнымъ самое обсужденіе вопросовъ, поставленныхъ авторомъ и не составляющихъ общаго достоянія (большинство вопросовъ, о которыхъ говорится въ брошюрѣ, составляютъ предметъ общаго достоянія). Такъ какъ въ письмѣ въ редакцію «Русской Школы» (№ 12-ый за 1898 г.) никакого новаго обоснованія затронутыхъ въ брошюрѣ вопросовъ не предложено, то, собственно, мы могли бы спокойно ждать новаго изданія брошюры, чтобы опять поговорить о ней. Если же мы рѣшаемся теперь снова утруждать вниманіе читателя бесѣдой объ этой брошюрѣ, то лишь въ виду категорическаго желанія ея автора, претендующаго на роль реформатора въ педагогіи.

Въ своей критической замѣткѣ мы привели три примѣра недостаточной обоснованности мыслей автора. На этихъ примѣрахъ нѣсколько подробнѣе остановимся и теперь.

Г. Луговской предлагаетъ учить дѣтей въ школахъ не по утрамъ, а по вечерамъ. Въ письмѣ въ редакцію, устранивъ крайнюю сбивчивость выраженій, дѣлавшую совершенно непонятнымъ его предложеніе, авторъ нисколько не обосновалъ свой проектъ тверже. Онъ сурово обвиняетъ школу въ томъ, что на домашнихъ занятіяхъ «большею частью лежитъ почти вся тяжесть школьнаго дѣла», что ни одному учителю не удается добиться отъ дѣтей внимательнаго отношенія къ школьнымъ урокамъ, вслѣдствіе чего учащіеся выносятъ изъ школы очень мало свѣдѣній. Допустимъ на время, что все это правда. Что-же слѣдовало-бы изъ такого факта? Очевидно, школу нужно реформировать, чтобы дѣти посѣщали ее съ пользой, а если нельзя добиться ея реформы, то не стоитъ ее и посѣщать. А г. Луговской хочетъ помочь горю перемѣной часовъ

хожденія въ школу, отчего школа, конечно, не улучшится. Полезнѣе, говоритъ онъ, учить въ школахъ по вечерамъ. Но какъ же можетъ быть полезнѣе при вполнѣ безтолковой, безполезной школѣ? Впрочемъ, современная школа, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, далеко не такъ безполезна, какъ это утверждаетъ г. Луговской. Въ школахъ бываютъ и талантливые преподаватели, сильно заинтересовывающіе своимъ преподаваніемъ; школа приноситъ существенную пользу. Недостатки же школы могутъ быть устранены: они небезраздѣльны съ самымъ существомъ школы; школа можетъ быть улучшена и въ состояніи учить дѣтей вполнѣ хорошо, такъ что главный трудъ ученья съ семьи отойдетъ къ школѣ, гдѣ онъ и долженъ совершаться при надлежащей постановкѣ образованія. Не школа помощникъ семьѣ въ дѣлѣ образованія, а семья школѣ. При разумной постановкѣ школьнаго дѣла, какой же толкъ переносить школьныя занятія съ утра на вечеръ, когда дѣти будутъ являться въ школу уже нѣсколько утомленными утренними домашними занятіями? При томъ, по проекту г. Л., только младшіе ученики будутъ оканчивать свои школьныя занятія «до сумерекъ», а старшіе, слѣдовательно, и въ сумерки и вечеромъ? Зачѣмъ же авторъ хлопоталъ о предупрежденіи порчи зрѣнія учащихся вечерними домашними занятіями при искуственномъ освѣщеніи, когда подобныя же занятія онъ допускаетъ въ школѣ? И откуда еще онъ взялъ, что въ школахъ, будто бы, болѣе работаетъ ухо ребенка, чѣмъ глазъ? Развѣ въ школахъ мало читаютъ, пишутъ, чертятъ, разсматриваютъ?

Авторъ предлагаетъ еще такую реформу: при постоянныхъ практическихъ занятіяхъ языками (и, кромѣ того, чистописаніемъ и рисованіемъ), въ каждый данный періодъ времени преподавать только одинъ научный предметъ. Изучивъ и сдавъ полный экаменъ по этому предмету, учащіеся переходятъ къ другому, третьему и т. д. Авторъ полагаетъ, что «съ необходимостью такого порядка согласится каждый». Мы не согласны по слѣдующимъ основаніямъ.

Одинъ изъ видныхъ недостатковъ классической системы образованія заключается въ значительной ея односторонности. Эта система, по самому своему существу, отвлеченная, формальная, книжная, грамматико-математическая, которой почти совсѣмъ не затрогивается способность наблюденія и индуктивнаго мышленія. Г. Луговской, возстающій противъ этой системы, доводитъ до крайней степени односторонность ея, предлагая учить лишь то языкамъ и математикѣ, то языкамъ и физикѣ, то языкамъ и исторіи и т. д., удѣляя на каждый предметъ столько времени, сколько назначено и нынѣ. Математику, въ ея нынѣшнемъ объемѣ, пожалуй, въ годъ не изучишь. Итакъ, года полтора учащіеся, по проекту г. Луговского,

будутъ изучать лишь языки да математику съ чистописаніемъ и рисованіемъ, и больше ничего; потомъ около года только языки да Законъ Божій, потомъ полгода языки да физику, потомъ годъ языки да исторію и т. д. Такой порядокъ занятій предлагается серьезно, причемъ самоувѣренный реформаторъ рѣшительно не обращаетъ вниманія на то, что учащіеся неизбѣжно впадутъ въ скуку и меланхолію отъ крайняго однообразія занятій и, пожалуй, убѣгутъ изъ такой школы; что они не будутъ въ состояніи усваивать высшихъ и наиболѣе сложныхъ отдѣловъ наукъ, такъ какъ для этого требуется извѣстная высота развитія, даваемая возрастомъ и элементами не одной, а многихъ наукъ; что самыя науки представляютъ собою не исключительно послѣдовательный рядъ явленій, смѣняющихъ одно другое, а въ значительной степени параллельные ряды взаимно обусловленныхъ изслѣдованій. Науки оказывали одна другой помощь въ своемъ историческомъ развитіи, а потому требуютъ и преподаванія совмѣстнаго, а не послѣдовательнаго, а потому строго послѣдовательный порядокъ преподаванія учебныхъ предметовъ, со сдачей даже экзамена, повлечетъ за собой неизбѣжно полное раздробленіе знаній и ихъ быстрое забвеніе. Если при нынѣшнихъ порядкахъ одинъ учитель очень мало обращаетъ вниманія на связь своего труда съ трудомъ товарища, то что же будетъ при осуществленіи предложенія г. Л.? Концентрація обученія и знанія, о которой такъ много хлопотали и хлопочутъ, сдѣлается совершенно невозможной, такъ какъ предложеніе нашего автора прямо противоположно всякой концентраціи. А знанія не объединенныя имѣютъ мало силы и значенія.

По нынѣшнимъ порядкамъ, образованіе есть постепенное восхожденіе отъ простого къ сложному, отъ легкаго къ трудному, сообразно естественному развитію учащихся: въ старшихъ классахъ проходятся наиболѣе сложные отдѣлы учебныхъ предметовъ. По проекту г. Л. образованіе будетъ постояннымъ восхожденіемъ и нисхожденіемъ, подобнымъ катанью на американскихъ горахъ: дошелъ въ одной наукѣ до вершины, начинай учить азы другой; кончилъ тригонометрію и дифференціалы, учи горы и рѣки Россіи. Неужели «съ необходимостью такого порядка согласится каждый»? Сомнѣваемся.

Къ классической системѣ образованія нашъ авторъ относится сурово, но несправедливо: по его мнѣнію, «она приноситъ одинъ только безусловный вредъ». Въ числѣ доводовъ этого положенія есть и такой, что греки, а особенно римляне, и преимущественно эпохи императоровъ, не отличались нравственностью. Слѣдуя такой аргументаціи автора, можно бы доказать, что изученіе любого иностраннаго языка не можетъ принести пользы, потому что народы, гово-

рящіе на этихъ языкахъ, далеки отъ того, чтобы быть образцами добродѣтели. Напримѣръ: французы извѣстны легкостью нравовъ, Парижъ—новый Вавилонъ; англичане—крайніе эгоисты и торгаши; нѣмцы—грубые шовинисты и пьютъ много пива. Да и мы, русскіе, не безгрѣшны, такъ что и русскій языкъ, по смыслу аргументаціи автора, изучать не стоитъ.

Въ заключеніе еще одинъ примѣръ аргументаціи г. Л.

Нашъ авторъ хлопочетъ о распространеніи средняго и высшаго образованія въ семьяхъ путемъ изданія соотвѣтственныхъ руководствъ—заботы, кажется, самыя почтенныя. А «благодѣтельныя послѣдствія» такихъ хлопотъ, по мнѣнію г. Луговского, могутъ быть слѣдующія: 1) «въ университетахъ уменьшилось-бы число бѣдныхъ студентовъ... 2) съ уменьшеніемъ въ университетахъ процента бѣдныхъ студентовъ, уменьшатся и случаи всякихъ въ нихъ безпорядковъ, нерѣдко исходящихъ отъ недостаточныхъ, а вслѣдствіе этого и малоуспѣшныхъ студентовъ, для которыхъ исключеніе изъ университета, каковой во всякомъ случаѣ пришлось-бы имъ оставить, составляетъ какъ-бы почетное, по независящимъ причинамъ отъ него, отступленіе» (стр. 24).

Такимъ образомъ, г. Луговской желаетъ поменьше пускать бѣдныхъ студентовъ въ университетъ, такъ какъ бѣдные студенты производятъ безпорядки и плохо учатся. За малоуспѣшность они подлежали-бы исключенію, но безпорядки, ими учиненные, даютъ имъ возможность почетнаго отступленія отъ университета по независящимъ отъ нихъ причинамъ... Это разсужденіе не дѣлаетъ чести ни логикѣ, ни справедливости г. Луговского. И если г. Луговской опять насъ будетъ спрашивать: чѣмъ нехорошо, чѣмъ не основательно это разсужденіе? Мы ему отвѣтимъ только: нехорошо, г. Луговской, очень нехорошо, неосновательно, и даже хуже, чѣмъ неосновательно.

П. Каптеревъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ хроники народнаго образованія на Западѣ.

Билль о реорганизаціи народнаго образованія.—Нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о расходахъ на народное образованіе сравнительно съ военными расходами.—Дѣятельность учрежденія «Toynbee-Hall».

1-го августа 1898 г. въ палату депутатовъ англійскаго парламента герцогомъ Девонширскимъ былъ внесенъ давно ожидавшійся билль, касающійся реформы организаціи средняго образованія — взамѣнъ потерпѣвшаго неудачу школьнаго билля 1896 г. Читателямъ «Русской Школы» извѣстно, что вопросъ о реорганизаціи средней школы сильно занималъ педагогическій міръ Англіи въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ. Со времени обнародованія отчета «Королевской коммиссіи», изслѣдовавшей положеніе народнаго образованія, прошло уже 5 лѣтъ, и въ теченіе этихъ лѣтъ вопросъ этотъ дебатировался въ многочисленныхъ собраніяхъ различныхъ педагогическихъ обществъ и кружковъ и подробно разсматривался на столбцахъ педагогическихъ журналовъ.

Нынѣшній билль отличается своей краткостью. По словамъ «Journal of Education» (сент., 1898 г.), онъ можетъ быть выраженъ въ двухъ, трехъ строчкахъ. Не касаясь подробностей дѣла, не входя въ разборъ отношеній между мѣстными административными властями и центральной властью, что составляло одно изъ немаловажныхъ затрудненій въ предыдущемъ биллѣ, онъ рѣшаетъ вопросъ только въ общихъ чертахъ, намѣчаетъ лишь главныя, основныя положенія. Этимъ биллемъ устанавливается одна центральная власть въ дѣлѣ народнаго образованія, объединяющая различныя учрежденія, вѣдающія школы различныхъ типовъ, руководствовавшіяся доселѣ своими разнохарактерными уставами, правилами, традиціями. Значеніе подобной мѣры станетъ понятно, если припомнить, что «вплоть до нашихъ дней англійское общество было предоставлено исключительно собственной инициативѣ относительно организаціи средняго образованія», что, по выраженію г-на Мижуева (статья котораго о среднемъ образованіи въ Англіи была помѣщена въ «Русской школѣ» въ 1897 г.), «едва-ли въ Англіи есть хоть одна школа, которая была-бы подчинена дѣятельному контролю правительства». Этой самостоятельности англичане обязаны оригинальнымъ характерамъ своихъ школъ, хотя отсутствіе контроля ведетъ за собой и нежелательные результаты. Мысль о необходимости объединенія подъ контролемъ центральной правительственной власти всѣхъ учебно-воспитательныхъ учреж-

деній, въ особенности же средней школы, убѣдительно доказывалась и пропагандировалась педагогическими журналами, со столбцовъ которыхъ этотъ вопросъ не сходилъ нѣсколько лѣтъ кряду. При этомъ, со свойственной англичанамъ любовью къ свободѣ и охраненію индивидуализма, они указывали на необходимость, при подчиненіи контролю высшей власти, сохранить всѣ характерныя особенности школъ различныхъ типовъ.

Вотъ какъ резюмируетъ содержаніе билля «Journal of Education». Биллемъ этимъ учреждается «Высшій совѣтъ по народному образованію» (Board of Education), который включаетъ въ себя, бывшіе до сихъ поръ совершенно самостоятельными, «Департаментъ народнаго образованія» и «Департаментъ наукъ и искусствъ» (Departament of Sience and Art). Во главѣ Совѣта стоитъ президентъ, который въ сущности и будетъ министромъ народнаго просвѣщенія, членомъ кабинета, отвѣтственнымъ за весь ходъ образованія въ странѣ. На учреждаемый Совѣтъ возложены обязанности надзора и инспекціи и надъ такъ-называемыми «endowed schools», т.-е. школами, содержимыми на доходы съ особыхъ фондовъ, пожертвованныхъ частными лицами. Эти школы, иногда очень древняго происхожденія, уже при возникновеніи своемъ получили особыя хартіи, которыми установлены ихъ права, привеллегіи и особенности. Управляются эти школы Совѣтомъ попечителей, подчиненнымъ особой «Charity Commission»—коммиссіи, завѣдующей всѣми благотворительными учрежденіями. Члены ея должны слѣдить за тѣмъ, чтобы капиталы и доходы, оставленные разными лицами въ обезпеченіе основанныхъ ими благотворительныхъ учрежденій, расходовались попечительнымъ Совѣтомъ этихъ учрежденій сообразно волѣ жертвователей. По новому-же биллю, не члены благотворительной коммиссіи, а Совѣтъ по народному образованію контролируетъ и инспектируетъ эти школы. Кромѣ того, въ будущемъ всякій проектъ преобразованій въ подобныхъ школахъ, всякое нововведеніе должны быть подвергаемы совмѣстному обсужденію благотворительной коммиссіи и Совѣта по народному образованію.

Этому биллю, съ немногими сжато выраженными положеніями, предшествовала объяснительная рѣчь герцога Девонширскаго, помѣщенная въ извлеченіи въ «Educational Times» за сентябрь прошлаго года. Указывая на громадныя суммы, ассигнуемыя парламентомъ въ поддержку различныхъ школъ, стоящихъ вмѣстѣ съ тѣмъ внѣ дѣйствительнаго контроля правительства, ораторъ доказывалъ необходимость организаціи правильной администраціи тѣхъ школъ, которыя поддерживаются общественнымъ фондомъ, и контроля парламента надъ всѣми школами безъ исключенія при посредствѣ министра, который, такимъ образомъ, и является лицомъ, отвѣтственнымъ за весь ходъ народнаго образованія. При этомъ, организуя центральную власть, билль указываетъ на то, что слѣдуетъ избѣгать стремленія къ единообразію въ среднемъ образованіи. Напротивъ, всѣ подробности дѣла должны быть предоставлены мѣстному управленію, но для правильной мѣстной организаціи необходимо предварительно организовать центральную власть. Для того, чтобы сохранить симметрію и логичность, на реорганизуемый Департаментъ народнаго просвѣщенія слѣдуетъ возложить всѣ обязанности, которыя до сихъ поръ были предоставлены членамъ Совѣта благотворительной коммиссіи (Charity Commissioners). Но докладчикъ считаетъ вопросъ объ endowed schools очень щекотливымъ, такъ какъ здѣсь трудно разграничить учебно-воспитательное дѣло отъ дѣла благотворенія; кромѣ того, тутъ примѣшиваются и вопросы вѣроисповѣданія, сектантскіе вопросы. Поэтому на-

стоящій билль не затрагиваетъ управленія этими школами и, оставляя ихъ внутреннюю жизнь въ прежней зависимости отъ Charity Commission, требуетъ только, чтобы при каждомъ нововведеніи, касающемся учебно-воспитательной части, члены этой коммиссіи совѣтовались съ членами Совѣта. Кромѣ того, Совѣту по народному образованію предоставляется право ставить свои экзаменаціонныя требованія, при чемъ результаты экзаменовъ сообщаются благотворительной коммиссіи.

Такимъ образомъ, впервые вся система народнаго образованія будетъ поставлена подъ надзоръ отвѣтственнаго министра народнаго просвѣщенія. Королевская коммиссія совѣтовала учредить при министрѣ Совѣтъ педагоговъ, который имѣлъ-бы не только совѣщательный голосъ, но также былъ облеченъ нѣкоторою административною властью. Однако герцогъ Девонширскій считаетъ невозможнымъ учрежденіе подобнаго Совѣта. Постоянный Совѣтъ, облеченный извѣстной властью, уменьшилъ бы отвѣтственность министра, который долженъ быть свободнымъ и отвѣтственнымъ въ выборѣ совѣтниковъ, а равно пользовался-бы правомъ слѣдовать и не слѣдовать ихъ совѣтамъ. Вмѣсто такого Совѣта билль предлагаетъ учрежденіе назначаемаго высшимъ Совѣтомъ Комитета по народному образованію, состоящаго изъ экспертовъ-педагоговъ, который давалъ-бы заключенія по предлагаемымъ на его обсужденіе вопросамъ. Кромѣ того, другимъ одновременно внесеннымъ въ парламентъ биллемъ проектируется отдѣльный и независимый педагогическій Совѣтъ для составленія регистраціоннаго списка учителей. Члены этого Совѣта частью будутъ назначаться правительствомъ, частью—университетами, частью состоять изъ выборныхъ представителей-педагоговъ.

Въ концѣ своей рѣчи герцогъ Девонширскій приглашаетъ всѣхъ къ всесторонней критикѣ билля, желая, чтобы подробные печатные разборы его, съ указаніемъ недостатковъ, заинтересовали большинство англійскаго общества, которое до сихъ поръ оставалось равнодушнымъ къ этому вопросу, столь интересовавшему педагоговъ. Ораторъ признаетъ неполноту проекта, не затрагивающаго даже организаціи мѣстнаго управленія, хотя и убѣжденъ, что созданіе сильной центральной власти необходимо для правильной организаціи мѣстнаго управленія. Но вопросъ о такой организаціи можетъ быть отложенъ до слѣдующей сессіи.

Откликаясь на этотъ призывъ, «The Educational Times» обсуждаетъ билль въ своей передовой статьѣ за сентябрь въ 1898 г. и находитъ, что нынѣшній билль выгодно отличается отъ объемистаго билля 1896 г. Въ послѣднемъ предполагалось упорядоченіе и реорганизація мѣстной администраціи безъ участія контроля центральной власти, тогда какъ нынѣшній билль, напротивъ, создаетъ правильную центральную власть, а организацію мѣстнаго управленія предоставляетъ выработать будущему. Но главныя основанія во всякомъ случаѣ уже выработаны настолько, что должны удовлетворить большинство, за исключеніемъ развѣ самыхъ ярыхъ радикаловъ. Эти основанія суть слѣдующія: во-первыхъ, созданіе центральной власти въ томъ смыслѣ, какой предполагала королевская коммиссія, и во-вторыхъ, составленіе списка зарегистрованныхъ учителей

Въ дополненіе и развитіе вносимаго билля, статья названнаго журнала предлагаетъ назначеніе двухъ секретарей Совѣта, одинъ изъ которыхъ долженъ вѣдать исключительно дѣла, касающіяся средняго образованія; затѣмъ, чтобы вся учебная сторона дѣла въ «endowed schools» была передана въ руки Департамента народнаго просвѣщенія и, наконецъ, чтобы совѣщательный Ко-

митетъ былъ постояннымъ и дѣйствительно выборнымъ. Авторъ статьи особенно сочувствуетъ тому параграфу билля, который даетъ право Совѣту по народному образованію (Board of Education) инспектировать и экзаменовать каждую школу безъ исключенія.

Второй билль, о которомъ мы упоминали,—такъ-называемый Registration's bill,—касается очень важнаго, по мнѣнію англійскихъ педагоговъ, вопроса. Заботясь о поднятіи уровня учительскаго персонала средне-учебныхъ заведеній, представители англійскаго педагогическаго міра считаютъ главными средствами къ достиженію этой цѣли—учрежденіе особыхъ институтовъ или спеціальныхъ курсовъ при университетахъ, гдѣ будущіе учителя среднихъ школъ могли-бы получать педагогическую подготовку, а затѣмъ въ особенности составленіе списковъ учителей, признанныхъ достойными быть преподавателями и воспитателями въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Составленіе такихъ списковъ должно быть поручено вполнѣ компетентнымъ лицамъ, именно—Совѣту педагоговъ, состоящему частью изъ лицъ, назначаемыхъ, какъ мы уже сказали, правительствомъ, частью изъ выборныхъ лицъ отъ университетовъ, различныхъ педагогическихъ обществъ и кружковъ. Королевская коммиссія 1895 года формулировала свои пожеланія по поводу этого регистраціоннаго списка въ томъ направленіи, что включеніе въ списокъ должно быть основано не на дѣйствительно занимаемой въ данное время должности учителя, но на его познаніяхъ и искусствѣ въ дѣлѣ преподаванія. Въ списокъ вносятся только тѣ учителя, которые имѣютъ дипломъ или свидѣтельство объ общемъ образованіи, выданное учрежденіемъ, признаннымъ Совѣтомъ педагоговъ, и. кромѣ того, дипломъ, доказывающій познанія учителя въ теоріи и практикѣ воспитанія и обученія. Нѣкоторыя исключенія въ отдѣльныхъ случаяхъ допускаются на первое время для учителей, занимавшихся преподаваніемъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ не менѣе трехъ лѣтъ. Черезъ семь лѣтъ по составленіи списка уже ни одинъ незарегистрованный учитель не можетъ преподавать въ общественной школѣ или въ школѣ, получающей правительственную субсидію.

Билль объ организаціи Высшаго совѣта по народному образованію (Board of Education's bill) былъ хорошо принятъ печатью, но, по словамъ «Journal of Education», безъ энтузіазма. Протестовъ, по словамъ журнала, можно ожидать отъ мѣстныхъ школьныхъ совѣтовъ, которые до сихъ поръ имѣли большое вліяніе на администрацію средней школы вслѣдствіе неудовлетворительнаго разграниченія высшаго элементарнаго образованія отъ средняго. Съ своей стороны «Journal of Education» указываетъ на одно ошибочное, по его мнѣнію, заявленіе герцога Девонширскаго, который полагаетъ, что всѣ партіи согласны въ томъ, что реорганизація средняго образованія не должна отозваться на увеличеніи налоговъ. Такую боязнь расширенія бюджета на народное образованіе педагогическій журналъ считаетъ крайне нежелательной и совѣтуетъ обратить вниманіе на то бремя налоговъ, которое вызывается военными расходами, на «налогъ крови»—blood-tax,—который несутъ всѣ цивилизованные народы въ мирное время. Въ статьѣ приводится слѣдующая цифра военныхъ расходовъ, параллельно расходамъ на народное образованіе. Германія тратитъ ежегодно 869 милліоновъ франковъ на военныя издержки и 75 милліоновъ на народное образованіе; Австро-Венгрія—324 милл. и 31 милл.; Италія—420 милл. на войска и 20 милл. на школы; Франція—754 милл. и 104 милл; въ Испаніи военный бюджетъ достигаетъ 175 милл., а бюджетъ народнаго образованія доходитъ только до 7½ милл.

франковъ; въ Россіи отношеніе между этими бюджетами=1045 милл. и 117 милл. фр.; въ Англіи—1000 милл. расходуютъ на армію и флотъ и 117 милл. на всѣ школы и коллэджи. При такомъ несоотвѣтствіи этихъ бюджетовъ, странно говорить о нежелательности увеличенія расходовъ на народное образованіе.

Въ англійскихъ журналахъ за послѣдніе мѣсяцы прошлаго года пока еще нѣтъ другихъ статей по обсужденію билля.

Пока правительство озабочено упорядоченіемъ организаціи средняго образованія, до сихъ поръ предоставленаго почти исключительно частной инціативѣ. дѣло народнаго внѣшкольнаго обученія, дѣло образованія собственно народа, идетъ впередъ и развивается, благодаря именно частной инціативѣ. Въ томъ-же октябрьскомъ нумерѣ «Journal of Education» помѣщена замѣтка о такъ называемомъ «Toynbee-Hale». Учрежденіе это основано, какъ извѣстно, въ память замѣчательнаго дѣятеля на пользу поднятія умственнаго и нравственнаго уровня рабочаго населенія Лондона—рано погибшаго Арнольда Тойнби; Арнольдъ Тойнби—сынъ лондонскаго врача, былъ туторомъ Оксфордскаго университета. Несмотря на свою болѣзненость, слабыя силы и отсутствіе матеріальныхъ средствъ, онъ сдѣлалъ для бѣдняковъ Лондона во много разъ больше, нежели филантропы-милліонеры, жертвовавшія большія суммы. Дѣятельность его была основана на томъ принципѣ, что бѣдному населенію нужна не только матеріальная помощь, а главнымъ образомъ нравственная поддержка, помощь въ его стремленіи къ умственному развитію, братское участіе, товарищеское къ нему отношеніе. Только живя среди этого класса и работая для него, какъ другъ и братъ, и можно поднять его умственный и нравственный уровень, возвысить его до пониманія идеаловъ нашего времени. Не ограничиваясь однѣми горячими рѣчами, молодой энтузіастъ жизнью своей доказывалъ правоту своихъ взглядовъ. Все вакаціонное время, всѣ свободные дни онъ отдавалъ нуждамъ своихъ друзей рабочихъ. Онъ жилъ въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ восточнаго Лондона, среди самой тяжелой обстановки, сближался съ рабочими, помогалъ имъ дѣломъ и совѣтомъ, устраивалъ лекціи, посѣщалъ рабочіе клубы, спорилъ, училъ, просвѣщалъ, утѣшалъ, однимъ словомъ—отдавалъ свою жизнь дѣлу любви.

Но такая жизнь, полная лишеній и непосильнаго труда, быстро надломила и безъ того слабый организмъ. Тойнби умеръ отъ воспаленія мозга въ 1883 году, 30-ти лѣтъ отъ роду. Онъ умеръ, но память о немъ не умерла и идеи его нашли дѣятельныхъ подражателей. Въ память его, по инціативѣ мистера Барнета, викарія церкви св. Іуды, находящейся въ томъ глухомъ углу Лондона, гдѣ жилъ и работалъ Тойнби, большая сумма, собранная въ началѣ на памятникъ, была употреблена на постройку зданія, названнаго «Toynbee-Hall», гдѣ организовано было такъ называемое «Университетское поселеніе». Въ этомъ «поселеніи» студенты, окончившіе курсъ, или въ свободное время и тѣ, которые еще занимаются въ университетѣ, поселяются на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, съ тѣмъ, чтобы, живя среди рабочаго класса и входя съ нимъ въ дружескія отношенія, помогать ему въ его стремленіи къ знанію.

Къ сожалѣнію, замѣтка, помѣщенная въ «Journal of Education» по поводу отчета о дѣятельности этого учрежденія за 13-й годъ его существованія, слишкомъ кратка и, рисуя характеръ этой дѣятельности въ главныхъ чертахъ, не даетъ цифровыхъ данныхъ.

Главная цѣль учрежденія, по словамъ отчета, — создать стремленіе къ

знанію и идти на помощь этому стремленію. Дѣятели этого учрежденія стараются сообщеніе положительныхъ знаній соединить съ воспитательнымъ вліяніемъ, которое должны оказывать «дружескія отношенія» между молодежью разныхъ классовъ общества и различныхъ степеней образованія. Дѣятельность «Toynbee-Hall» настолько разнообразна, что въ краткой замѣткѣ трудно даже перечислить всѣ стороны, которыя она обнимаетъ. Тамъ находится помѣщеніе старѣйшаго центра лондонскаго «University Extension», гдѣ читаются лекціи профессорами университета. Для людей съ меньшимъ образованіемъ и меньшими запросами—по субботамъ и воскресеньямъ вечеромъ устраиваются болѣе доступныя популярныя лекціи по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Затѣмъ, тамъ-же существуютъ для желающихъ классы и уроки различныхъ предметовъ для отдѣльныхъ лицъ, которыя всегда могутъ найти учителей, безвозмездно предлагающихъ свои услуги. Далѣе, тамъ-же организованы вечерніе классы для рабочихъ, съ отдѣльными классами рисованія, и народныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ. Кромѣ того, въ стѣнахъ «Toynbee Hall» помѣщаются всевозможные научные и литературные клубы. Наконецъ, тамъ-же находятся помѣщенія для студентовъ университета, гдѣ до 50 человѣкъ могутъ найти за недорогую плату всѣ удобства; вмѣстѣ съ тѣмъ, эти же студенты являются и главными дѣятелями въ вечернихъ классахъ, школахъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ, сосредоточенныхъ въ «Toynbee Hall». Каждый приходящій въ «Toynbee Hall». всякій стремящійся къ свѣту, на какой-бы ступени развитія онъ ни стоялъ, какое бы общественное положеніе онъ ни занималъ, найдетъ тамъ сочувствіе и поддержку своимъ стремленіямъ, найдетъ подходящій кругъ товарищей, найдетъ отвѣтъ на свои запросы. Такимъ образомъ, дѣло благороднаго идеалиста, имя котораго носитъ учрежденіе, продолжаетъ рости и развиваться.

Хроника народнаго образованія.

Народное образованіе и крестьяне.—Отношеніе инородцевъ къ народному образованію.—Приговоръ объ обязательномъ обученіи —Повѣрочныя испытанія лицъ, прошедшихъ земскую школу.—Четвертыя отдѣленія при народныхъ школахъ.—Школьное бюро.—Ростъ земской дѣятельности въ области народнаго просвѣщенія. Народное просвѣщеніе и промыслы.

Стремленіе населенія нашей родины къ образованію въ настоящее время настолько интенсивно, что въ какую бы мѣстность ни обратились, вездѣ мы встрѣчаемъ достаточное число выразительныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о наличности такого рода стремленій. Сибирь до самаго послѣдняго времени представлялась въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія отсталою частью государства, благодаря отсутствію въ ней земскихъ учрежденій, такъ много сдѣлавшихъ для народнаго образованія въ Европейской Россіи, и безъ сомнѣнія, такою отсталою страною она и будетъ до тѣхъ поръ, пока и на нее не будутъ распространены блага мѣстнаго земскаго самоуправленія. Но и здѣсь съ каждымъ годомъ умножается число фактовъ, свидѣтельствующихъ о ростѣ среди населенія потребности въ образованіи. Вотъ нѣкоторые небезъинтересные факты, характеризующіе указываемое положеніе вещей.

Въ приходѣ Ларихинскомъ, Ишимскаго округа, Тобольской губерніи, состоящемъ изъ села и 13 деревень, до 1898 года было только одно училище; теперь потребность въ образованіи настолько увеличилась въ населеніи, что

въ 1898 году сразу возникли, по инициативѣ самихъ крестьянъ, три новыхъ министерскихъ училища въ деревняхъ: Огневой, Ченчери и Ворониной.

Такое-же стремленіе къ образованію проявляется и въ инородческой средѣ. Въ г. Каркаралахъ, Семипалатинской области, еще недавно учащіеся киргизы составляли чрезвычайную рѣдкость, а въ текущемъ учебномъ году въ первомъ классѣ училища на 70 учениковъ приходилось уже 30 киргизовъ.

Сосѣди киргизовъ, калмыки, также стремятся къ образованію. Среди нихъ появляются такіе ревнители просвѣщенія, которые тратятъ на это дѣло не малыя для нихъ средства. Такъ, въ прошломъ году два калмыка построили въ разныхъ концахъ Алтайскаго округа двѣ школы для обученія дѣтей своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Зданія построенныхъ школъ просторныя, свѣтлыя и въ достаточномъ количествѣ снабжены учебными принадлежностями. Въ одной изъ этихъ школъ, построенной на устьѣ р. Кенги, строитель взялся содержать за свой счетъ до ста учениковъ-калмыковъ. Другая школа, построенная на р. Катуни въ Соокъ-Ярыкѣ зайсаномъ (родовымъ старостой) Чокуракомъ. Одна изъ школъ построена жертвователемъ въ виду того, что въ существующую въ той-же мѣстности миссіонерскую школу калмыки не рѣшаются отдавать дѣтей, боясь, что ихъ тамъ обратятъ въ христіанство.

На другой окраинѣ нашей родины, на Кавказѣ, стремленіе къ образованію проявляется еще въ болѣе рельефномъ видѣ. Здѣсь дѣло доходитъ уже до сознанія населеніемъ необходимости всеобщаго обученія. Такимъ образомъ, 4-го декабря 1898 года, сходъ станицы Дмитріевской, Кавказскаго отдѣла Кубанской области, постановилъ приговоръ объ обязательномъ обученіи всѣхъ казачьихъ дѣтей этой станицы грамотѣ.

При этомъ надо замѣтить, что образованіе, выносимое народомъ изъ начальныхъ школъ, при всей скромности этого образованія, не проходитъ безслѣдно, какъ то утверждаютъ враги народнаго образованія, а оставляетъ замѣтный слѣдъ во всемъ строѣ народной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ и явленія такъ называемаго рецедива безграмотности, о которомъ говорятъ тѣ-же враги народнаго образованія, представляетъ собою въ настоящее время такое рѣдкое явленіе, что о немъ не стоитъ и говорить серьезно. Въ настоящее время грамотному крестьянину встрѣчается въ жизни достаточно способовъ примѣнять свою грамотность къ дѣлу, чтобы былъ уже невозможенъ рецидивъ безграмотности. Яркое доказательство сказанному представляютъ повѣрочныя испытанія, производимыя время отъ времени въ разныхъ мѣстахъ по отношенію къ лицамъ, прошедшимъ курсъ начальной школы. Такъ, недавно подобное испытаніе было произведено въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, по отношенію къ лицамъ, окончившимъ курсъ начальной школы. При этомъ оказалось слѣдующее: по Закону Божію обнаружили хорошія познанія 114 лицъ, удовлетворительныя—332, слабыя—41; по русскому чтенію хорошія—364, удовлетворительныя—228, слабыя—7; по письму: хорошія—214, удовлетворительныя—290, слабыя—95; по ариѳметикѣ: хорошія—191, удовлетворительныя—335, слабыя—73. Эти данныя тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что въ числѣ подвергавшихся испытаніямъ были бывшіе ученики земской школы, начиная съ выпуска 1875 г., т.-е. многіе уже вышли изъ школы два десятка лѣтъ назадъ и, казалось бы, имѣли достаточно времени для того, чтобы забыть познанія и навыки, вынесенные изъ школы.

Земская дѣятельность въ области народнаго просвѣщенія съ каждымъ годомъ не только расширяется количественно, но и выражается все въ новыхъ и новыхъ формахъ, соотвѣтственно появленію новыхъ запросовъ и требованій

со стороны населенія по отношенію къ образованію. Здѣсь мы отмѣтимъ еще одну изъ такихъ новыхъ формъ земской просвѣтительной дѣятельности, на которой намъ еще не приходилось останавливаться. Мы имѣемъ въ виду такъ-называемыя «четвертыя дополнительныя отдѣленія» при народныхъ земскихъ училищахъ.

Такія дополнительныя отдѣленія, съ преподаваніемъ сельскаго хозяйства, существовали въ прошломъ учебномъ году въ Пермской губерніи въ пяти уѣздахъ, по одному въ каждомъ уѣздѣ. Такъ какъ это явленіе новое въ области народнаго образованія и мало извѣстное, то мы остановимся здѣсь нѣсколько на немъ, пользуясь отчетомъ о дѣятельности дополнительныхъ отдѣленій, представленномъ Пермской губернской земской управой послѣднему очередному Пермскому губернскому земскому собранію.

Коневское отдѣленіе, Екатеринбургскаго уѣзда, имѣло въ началѣ учебнаго года 18 учениковъ, а къ концу года въ немъ оставалось только одиннадцать учащихся. О результатахъ занятій съ этими учениками губернская управа не могла сообщить никакихъ свѣдѣній, такъ какъ, вслѣдствіе возникшихъ между уѣздною управою и мѣстнымъ инспекторомъ народныхъ училищъ разногласій относительно состава экзаменаціонной коммиссіи, экзамена въ коневскомъ отдѣленіи произведено не было.

Кочевское отдѣленіе, Чердынскаго уѣзда, начало свои занятія при 6 ученикахъ, изъ которыхъ къ концу года осталось всего 4. Работы учениковъ по хозяйству начались 5-го мая и окончились 20-го августа и состояли въ пахотѣ различными плугами, въ «присутствіи» при посѣвѣ травъ и въ выполненіи посѣвныхъ работъ. Къ концу рабочаго времени ученики научились управлять плугами, устанавливать ихъ въ работѣ, научились устанавливать сортивовки и вѣялки, «присутствовали» при установкѣ и работѣ молотилки и т. п. Экзаменовъ въ отдѣленіи также не было.

Бродокалматское отдѣленіе, Шадринскаго уѣзда, представило къ экзаменамъ, произведеннымъ 25 го октября 1898 года, 12 учениковъ, изъ которыхъ 2 пробыли два года (курсъ отдѣленій двухлѣтній), а 10—одинъ годъ. Въ виду заявленія преподавателя, что занятія по Закону Божію, русскому языку, ариѳметикѣ, географіи и исторіи, по недостатку времени и учебныхъ пособій, не производились, экзамены всѣмъ 12 ученикамъ были произведены только по естествознанію и сельскому хозяйству. Результаты испытанія получились крайне неудовлетворительные: изъ двухъ учениковъ старшаго отдѣленія только одинъ обнаружилъ болѣе или менѣе удовлетворительныя познанія по естествознанію и сельскому хозяйству, другой-же, равно какъ и 10 человѣкъ перваго отдѣленія, не только оказали слабыя познанія по этимъ курсамъ, но своими отвѣтами обнаружили утрату и тѣхъ свѣдѣній, которыя ими были получены въ народной школѣ. О какомъ-либо практическомъ знакомствѣ учениковъ съ земледѣльческими машинами и орудіями не можетъ быть и рѣчи.

Юсьвинское отдѣленіе, Соликамскаго уѣзда, имѣло 13 учениковъ. При этомъ въ началѣ года въ него поступило всего 2 ученика, затѣмъ въ ноябрѣ присоединилось еще 10 и въ декабрѣ еще одинъ. 8 учениковъ принадлежали къ волостямъ, весьма удаленнымъ отъ школы, почему они и жили въ общежитіи при училищѣ, гдѣ имъ отпускалась за счетъ уѣзднаго земства пища. Учащіеся въ продолженіе весны посѣтили нѣсколько разъ опытное показательное хозяйство, гдѣ знакомились съ различными сельско-хозяйственными орудіями.

Устиновское отдѣленіе, Осинскаго уѣзда, было самое многолюдное. Оно начало занятія при 25 учащихся, изъ которыхъ къ концу года выбыли трое. Отдѣленіе помѣщается въ особомъ зданіи, арендованномъ уѣзднымъ земствомъ на 12 лѣтъ; при домѣ имѣется огородъ и необходимыя надворныя постройки. 23 мая въ отдѣленіи были произведены испытанія, давшія довольно удовлетворительные результаты. Всѣ ученики по всѣмъ предметамъ обнаружили основательно усвоенныя познанія. По естествознанію ученики давали ясныя объясненія явленій природы, обнаружили знакомство съ организмами растеній и животныхъ и пониманіе функцій ихъ органовъ. При практическомъ испытаніи учащіеся обнаружили умѣнье пользоваться земледѣльческими орудіями и машинами. Такимъ образомъ, 11 человѣкъ второго отдѣленія признаны были достойными получить выпускныя свидѣтельства и награды (наборъ сельскохозяйственныхъ книгъ, а лучшимъ 5 ученикамъ—земледѣльческія орудія). Изъ 10 учениковъ перваго отдѣленія 9 переведены во второе и одинъ оставленъ на повторительный курсъ въ первомъ отдѣленіи. При отдѣленіи съ начала прошлаго учебнаго года организована была столярная мастерская, гдѣ ученики обучались изготовленію несложныхъ предметовъ.

Приведенныя данныя даютъ, кажется, право сказать, что опытъ пермскихъ уѣздныхъ земствъ по устройству четвертыхъ отдѣленій съ преподаваніемъ сельскаго хозяйства оказался совершенно неудачнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли можно признать какой-бы то ни было толкъ даже за самымъ успѣшнымъ отдѣленіемъ—устиновскимъ, которое дало учившимся въ немъ два года въ сущности такъ мало, что ради этихъ незначительныхъ познаній, которыя ученики свободно могли пріобрѣсть путемъ чтенія книгъ, стоитъ уѣздному земству затрачивать 1.755 рублей, которые внесены въ смѣту по содержанію отдѣленія въ теченіе 1899 года. Вообще эти четвертыя отдѣленія оказались страшно дорогими. Такъ, даже самое многолюдное устиновское отдѣленіе обошлось въ 80 р. на ученика, а напр., коневское отдѣленіе даже въ 130 рублей и кочевское въ 125 р. на учащагося. Между тѣмъ большинство отдѣленій буквально ничего не дали своимъ питомцамъ. И этого слѣдовало ожидать съ самаго начала. Нѣтъ ничего несчастнѣе мысли о возможности обучать въ начальной низшей школѣ сельскому хозяйству или ремеслу. Если даже спеціальныя сельскохозяйственныя и ремесленныя школы, болѣе или менѣе приспособленныя для своей цѣли, не всегда могутъ научить своихъ учениковъ сельскому хозяйству или ремеслу, то тѣмъ болѣе не можетъ дать какихъ-либо дѣйствительныхъ познаній по сельскому хозяйству четвертое отдѣленіе при начальной школѣ. Да и какія познанія сельско-хозяйственнаго характера могутъ получить ученики этихъ отдѣленій, разъ имъ приходится только «присутствовать» при работѣ плугомъ или другими орудіями и машинами и при посѣвѣ травъ, а то даже только «наблюдать произрастаніе травъ и хлѣбовъ», какъ сказано въ отчетѣ по одному отдѣленію. Очевидно, эта затѣя должна быть возможно скорѣе сдана въ архивъ, дабы напрасно не тратить земскихъ денегъ и не дискредитировать въ глазахъ населенія школу.

Но самая мысль о четвертыхъ отдѣленіяхъ при начальныхъ школахъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Нынѣшняя народная школа въ сущности образованія почти не даетъ. Она даетъ только извѣстные навыки, долженствующіе служить орудіемъ для пріобрѣтенія образованія. И вотъ именно въ тотъ моментъ, когда дитя пріобрѣтетъ эти навыки и такимъ образомъ

сдѣлается способнымъ къ пріобрѣтенію образованія, оно оканчиваетъ курсъ ученья. Лишь немногіе счастливцы могутъ попадать въ министерскія двуклассныя училища и такимъ образомъ пріобрѣтать образованіе болѣе широкое, чѣмъ то, какое дается начальной школой. Вотъ въ этихъ-то видахъ открытіе четвертыхъ отдѣленій (въ особенности съ двухлѣтнимъ курсомъ), исключительно общеобразовательнаго характера, было-бы въ высшей степени разумной мѣрой, и пермскимъ, а также и другимъ земствамъ слѣдуетъ позаботиться о такомъ расширеніи курса земской школы.

Къ числу новшествъ, проявляющихся въ земской дѣятельности въ области народнаго просвѣщенія, должно быть отнесено также появленіе особыхъ земскихъ органовъ, имѣющихъ цѣлью оказывать содѣйствіе народному просвѣщенію, облегчая подготовительную работу и доставляя всякаго рода справки какъ земствамъ, такъ и вообще всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, работающимъ въ области народнаго образованія. Въ нынѣшнюю земскую сессію такой органъ созданъ при Тамбовскомъ губернскомъ земствѣ въ видѣ такъ называемаго «школьнаго бюро». Бюро это, по постановленію Тамбовскаго губернскаго земскаго собранія, учреждается при губернской земской управѣ для собиранія и разработки свѣдѣній о положеніи народнаго образованія; на содержаніе бюро и на его работы внесено въ смѣту 3.000 рублей. Для ближайшаго руководства дѣятельностью этого бюро избрана особая коммиссія, въ помощь управѣ, изъ трехъ гласныхъ.

Надо замѣтить, что вообще дѣятельность большинства нашихъ земствъ въ области народнаго образованія, несмотря на многія неблагопріятныя условія, несмотря даже порою на составъ земскихъ собраній, мало благопріятный народному просвѣщенію, ростетъ и развивается, порою въ размѣрахъ, достойныхъ самаго величайшаго вниманія. Остановимся для примѣра на двухъ земскихъ уѣздахъ, довольно различно развившихъ свою дѣятельность по народному образованію, но имѣющихъ то общее, что въ обоихъ ихъ эта дѣятельность въ послѣднее время ростетъ довольно быстро.

Десять лѣтъ тому назадъ, въ 1889 году, смѣта расходовъ на народное образованіе составляла по Тверскому уѣздному земству всего 20 тыс. рублей, на 1899 годъ назначено по той-же смѣтѣ уже 74 тыс. рублей, т.-е. возростаніе земскихъ расходовъ на народное образованіе составило 270%. Въ общемъ, въ настоящее время Тверское уѣздное земство тратитъ на народное образованіе 36% всѣхъ своихъ расходовъ (общая смѣта на 1899 годъ равна 207 тыс. рублей). Эта цыфра, между прочимъ, служитъ прекрасной иллюстраціей къ разсужденіямъ о томъ, что въ настоящее время мы двигаемся назадъ. Для постановки на твердую почву своей дѣятельности въ области народнаго просвѣщенія, Тверское уѣздное земство произвело весною 1896 года перепись дѣтей школьнаго возраста въ уѣздѣ. При этомъ выяснилось, что при 79 школахъ уѣзднаго земства, 41 школѣ грамоты и 20 школахъ иныхъ наименованій, всеобщее обученіе мальчиковъ въ уѣздѣ уже достигнуто, дѣвочекъ-же остается неграмотными не менѣе одной трети, иначе говоря, всѣ мальчики, за исключеніемъ убогихъ, и двѣ трети дѣвочекъ проходили чрезъ школы, при чемъ средняя продолжительность обученія мальчика опредѣлилась въ три съ третью года и для дѣвочекъ въ два съ третью. Проучившихся болѣе двухъ зимъ уходило изъ школы мальчиковъ 60% и дѣвочекъ 32%, изъ всѣхъ учившихся мальчиковъ окончило курсъ 38% и дѣвочекъ 9%. Сравнительно еще недавно число учившихся дѣвочекъ было очень не велико (въ 1890 году всего 650); но въ послѣдніе годы отношеніе населенія къ

обученію дѣвочекъ круто измѣнилось, и въ 1897 году число поступившихъ въ земскія школы дѣвочекъ въ 27 школахъ превысило число поступившихъ мальчиковъ: въ 33 было болѣе половины и только въ 24—менѣе половины числа мальчиковъ. Заботы Тверского уѣзднаго земства о народномъ просвѣщеніи, помимо содержанія начальныхъ школъ, выражаются въ выдачѣ около 9 тыс. рублей ежегодно на стипендіи для крестьянскихъ дѣтей въ двуклассныхъ и ремесленныхъ училищахъ, въ устройствѣ школьныхъ библіотекъ, на которыя ежегодно тратится 1.305 рублей, кромѣ доплаты въ 705 рублей отъ губернскаго земства, въ устройствѣ народныхъ библіотекъ, которыхъ теперь въ уѣздѣ, не считая устраиваемой на счетъ губернскаго земства, двадцать, стоющихъ земству 1.504 рубля въ годъ, въ ассигнованіи 600 рублей на выдачу подбора книгъ окончившимъ курсъ и т. д. Участіе земства въ содержаніи школъ выражается, помимо содержанія библіотекъ, въ выдачѣ жалованья учащимъ, содержаніе школъ, имѣющихъ спеціально выстроенныя зданія, земство беретъ всецѣло на себя. На постройку школьныхъ зданій земство выдаетъ сельскимъ обществамъ ссуды; при помощи этихъ ссудъ выстроено уже 41 школьное зданіе и предположено къ постройкѣ 10. Съ цѣлью поощрить школьно-строительную дѣятельность сельскихъ обществъ и иногда помочь населенію въ постройкѣ школьныхъ зданій безвозвратными пособіями, земство съ 1898 года положило начало школьному фонду, на образованіе котораго будетъ ежегодно отчисляться по 6.000 рублей и всѣ остатки отъ смѣтъ. Проявляетъ Тверское земство заботы и объ улучшеніи педагогическаго персонала. Въ виду трудности пріисканія среди года кандидатовъ для замѣны ушедшихъ или заболѣвшихъ учащихъ, имѣются 8 (по одному на 20) запасныхъ учащихъ, съ содержаніемъ по 10 рублей въ мѣсяцъ за время, свободное отъ занятій. Тяжелыя условія учительской работы, усиленый спросъ на учащихъ, трудность пріисканія ихъ и соображенія, что при 200 рублей содержанія учащіе сводили концы съ концами лишь при помощи постороннихъ заработковъ и т. д., заставили Тверское земство опредѣлить минимумъ содержанія учащихъ въ 240 рублей, съ прогрессивною прибавкою по 25 рублей чрезъ каждые три года—до 340 рублей. Далѣе, главнымъ образомъ, для учащихъ, а также и для другихъ служащихъ земства, при Тверской уѣздной земской управѣ имѣется довольно хорошая библіотека, на пополненіе которой ежегодно тратится 300 рублей, и, кромѣ того, на выписку педагогическихъ журналовъ для учителей расходуется земствомъ по 150 рублей въ годъ

Гороховецкій уѣздъ, Владимірской губ., хотя далеко не обнаруживаетъ такой широкой дѣятельности въ области народнаго просвѣщенія, какъ Тверской, тѣмъ не менѣе въ послѣдніе годы сильно подвинулся въ указанномъ отношеніи впередъ. Еще три года назадъ земская ассигновка на народное образованіе составляла всего 8.500 рублей, а теперь достигла 25.600 руб., т.-е. увеличилась на 200%. Еще въ 1896 году въ Гороховецкомъ уѣздѣ было всего 18 земскихъ школъ, такъ что одна школа приходилась на 6 слишкомъ тысячъ человѣкъ населенія. Въ 1896 году земство сразу принялось быстро увеличивать образовательныя средства, поднявъ земскій бюджетъ, ассигнуемый на народное образованіе, втрое и рѣшивъ открывать ежегодно по 10 школъ, чтобъ черезъ 8 лѣтъ уѣздъ имѣлъ не менѣе 100 земскихъ школъ, при которыхъ все населеніе и получитъ возможность пользоваться начальнымъ образованіемъ. Это движеніе, начатое въ 1896 году, пока продолжается во все увеличивающихся размѣрахъ, и можно надѣяться, что къ 1904 году

дѣйствительно и Гороховецкій уѣздъ, еще такъ недавно одинъ изъ самыхъ отсталыхъ земскихъ уѣздовъ, будетъ имѣть всеобщее обученіе.

Однимъ изъ побужденій, заставившихъ Гороховецкое земство такъ энергично приняться за развитіе дѣла народнаго просвѣщенія, явилось то обстоятельство, что жители Гороховецкаго уѣзда, издавна занимающіеся отхожими промыслами, въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе вытѣсняются въ этихъ промыслахъ жителями Тверской и другихъ губерній, какъ болѣе грамотными. Оказывается, что безграмотность сильно вредитъ крестьянамъ, занимающимся отхожими промыслами. Это явленіе замѣчено не только по отношенію къ населенію Гороховецкаго уѣзда, но и вообще по отношенію къ жителямъ Владимірской и Ярославской губерній, занимающимся отхожими промыслами. Въ обѣихъ этихъ губерніяхъ замѣчается упадокъ отхожихъ промысловъ, составляющихъ главный источникъ средствъ для населенія, и причина этого упадка заключается именно въ томъ, что владимірцы и ярославцы, остающіеся въ большинствѣ уѣздовъ этихъ губерній неграмотными (есть и исключенія—мѣстности названныхъ губерній, гдѣ грамотность широко развита), быстро вытѣсняются тверяками, москвичами и вообще жителями мѣстностей, въ которыхъ земства заботятся усиленно о народномъ просвѣщеніи. Надо еще замѣтить, что населеніе тѣхъ мѣстностей Владимірской и Ярославской губерній, гдѣ грамотность поставлена лучше, не жалуется на упадокъ своихъ занятій, а напротивъ—все расширяетъ ихъ. Это одно изъ доказательствъ великаго значенія для народной жизни даже элементарнаго образованія.

Я. Абрамовъ.

Хроника народныхъ библіотекъ.

Народныя библіотеки Люблинской губерніи.—Библіотекари изъ народа.—Народныя библіотеки въ с. Богородскомъ, Нижегородской г., въ с. Лысковѣ, той-же губ., на ст. Максатихѣ, Тверской губ., въ с. Митинѣ, Московской губ., въ Благовѣщенскѣ, въ Кишиневѣ, въ Ростовѣ-на-Дону.—Открытіе новыхъ народныхъ библіотекъ въ Ялтѣ, въ Москвѣ, въ сс. Быковкѣ и Юринѣ, Нижегородской губ.

Народныя библіотеки Люблинской губерніи начали открываться съ 1894 г. Въ первые три года было открыто 6 народныхъ библіотекъ, въ 1897 г.—14 и въ 1898 году—5. Помѣщаются библіотеки: 16 при школахъ, 3—при гминныхъ управленіяхъ, 4—въ церквахъ, 1—въ церковномъ домѣ и 1—въ домѣ псаломщика. Библіотекарями состоятъ въ 14 библіотекахъ учителя, въ 4—крестьяне, окончившіе курсъ школы, въ 3—священники, въ 2—гминные писаря и въ 2—псаломщики. Матеріальное обезпеченіе всѣхъ этихъ библіотекъ крайне скудное. У одиннадцати нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ; девяти отпущены книги изъ складовъ учебнаго округа или при канцеляріи генералъ-губернатора, а двумъ—мѣстными священниками. Одна открыта на 15 рублей, отпущенныхъ гминнымъ сходомъ; одна на средства священника и на 4 р. отъ мѣстнаго церковнаго братства; одна—на 5, а другая на 15 рублей въ годъ отъ мѣстнаго церковнаго братства; одна на средства прихожанъ по 15 коп. съ дома и отъ священника по 5 рублей въ годъ; одна на средства участниковъ и жертвователей; одна на епархіальныя средства; на одну пожертвовалъ о. Іоаннъ Сергіевъ 100 р.; на другую пожертвовали священникъ 50 р. и учитель 10 р.; въ пяти остальныхъ гминные сходы опредѣлили: для одной единовременно 100 р., для другой

единовременно 40 р. и ежегодно по 20 р. изъ прибылей гминной ссудо-сберегательной кассы, для третьей единовременно 50 р. и ежегодно по 20 р. изъ того-же источника, для четвертой единовременно 45 р. и ежегодно по 20 р. и пожертвованій собрано 55 р., для пятой единовременно 50 р. и пожертвованій 29 р. Эти цифровыя данныя ясно показываютъ, что населеніе пока относится совершенно апатично къ библіотечному дѣлу и всего менѣе расположено жертвовать какія-бы то ни было средства на библіотеки. Библіотеки открыты по иниціативѣ коммиссаровъ, учебнаго начальства и духовенства. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда гминные сходы ассигновали приведенныя выше ничтожныя средства на библіотеки, это происходило исключительно благодаря вліянію на сходы коммиссаровъ. Книжный составъ библіотекъ очень скуденъ. Въ церковныхъ библіотекахъ книги имѣются исключительно религіознаго содержанія, въ остальныхъ составъ таковъ: 125 книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, 55 — историческаго, 40 — географическаго и естественно-научнаго, 45 сельско-хозяйственнаго 45 беллетристическаго. Такимъ образомъ, библіотеки эти неизмѣримо бѣднѣе книжнымъ составомъ даже библіотекъ, учреждаемыхъ во внутреннихъ губерніяхъ по министерскому каталогу. Очевидно, библіотекамъ Люблинской губ. для того, чтобы привлечь къ себѣ симпатіи населенія, необходимо расширить свой составъ, въ особенности по отдѣлу изящной словесности, и тогда навѣрное населеніе будетъ относиться къ библіотекамъ съ сочувствіемъ и не пожалѣетъ на нихъ средствъ, какъ это уже дѣлается во многихъ мѣстахъ внутреннихъ губерній, гдѣ народныя библіотеки съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ все большую популярность и гдѣ народился уже типъ народнаго библіотекаря, беззавѣтно преданнаго своему дѣлу и отдающаго всѣ свои силы на распространеніе въ народѣ любви къ чтенію.

Такіе народные библіотекари, фанатики своего дѣла, выдвинулись, напр., въ Вятской губерніи, благодаря извѣстнымъ «пятирублевымъ» библіотекамъ, созданнымъ по почину покойнаго Батуева. О двухъ такихъ библіотекаряхъ любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ земская «Вятская Газета».

Сельскимъ сходомъ Великорѣчинскаго сельскаго общества былъ избранъ библіотекаремъ пятирублевой библіотечки крест. П. П. Осокинъ. Осокинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ крестьянъ, которые усиленно стремятся къ самообразованію и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасно скорбятъ о невѣжествѣ окружающей ихъ среды и стараются сдѣлать все возможное для нихъ, для поднятія ея. Такой типъ теперь широко распространенъ въ народной средѣ и онъ является истиннымъ двигателемъ народа по пути просвѣщенія. Осокинъ, вслѣдствіе потери правой руки, вынужденъ былъ заняться мелочной сельскою торговлей и сдѣлалъ свою лавочку чѣмъ-то въ родѣ сельскаго клуба. Сюда охотно заходятъ крестьяне посидѣть и послушать или почитать книги и газеты, которыя выписываетъ давно однорукій лавочникъ. Къ сожалѣнію, средства позволяли Осокину пріобрѣтать книги и газеты лишь въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Когда Осокинъ былъ избранъ библіотекаремъ и ему была передана маленькая земская библіотечка, онъ съ ревностью принялся исполнять свои обязанности. Каждый случай выдачи книгъ Осокинымъ неукоснительно заносится въ особую тетрадь и такимъ образомъ получается возможность точно опредѣлить размѣры дѣятельности библіотечки. Оказывается, что съ мая 1896 года по 1 ноября 1898 года произведено изъ библіотечки 1.204 выдачи книгъ, почти по 500 выдачъ въ годъ. Такимъ образомъ, пятирублевая библіотечка, благодаря своему библіотекарю, принесла

такую пользу, какой отъ нея, пожалуй, и не ожидали при ея открытіи. Очевидно, при болѣе обширномъ составѣ и дѣятельность этой библіотечки могла-бы получить еще большіе размѣры, почему нельзя не пожелать, чтобы великорѣченская библіотечка пополнилась книгами за счетъ мѣстнаго земства или за счетъ жертвователей.

Другой народный библіотекарь той же Вятской губерніи еще болѣе любопытенъ. Онъ работаетъ въ Павловскомъ сельскомъ обществѣ той же Великорѣченской волости. Здѣсь также открыта была два съ половиною года назадъ пятирублевая библіотечка и также, вопреки скептикамъ, утверждавшимъ, что земскія деньги, употребленныя на пріобрѣтеніе пятирублевыхъ библіотечекъ, — брошенныя деньги, принесла свою долю пользы. Когда въ январѣ 1897 года въ с. Павлово прибылъ счетчикъ народной переписи, читатели мѣстной библіотечки, въ числѣ 18 человѣкъ, заявились въ отведенную счетчику квартиру и настоятельно просили его дать имъ нѣкоторыя разъясненія, касающіяся содержанія книги «Свѣтъ Божій», изд. Павленковымъ. Вопросы крестьянъ касались физической и математической географіи и вообще космографіи. Бесѣда между счетчикомъ и любителями астрономіи изъ крестьянъ продолжалась за-полночь, и изъ этой бесѣды счетчикъ вывелъ заключеніе, что книги пятирублевой библіотечки внимательно прочитываются грамотной частью крестьянства, а вопросы космографіи положительно волнуютъ ихъ. Всего любопытнѣе было то обстоятельство, что изъ числа собесѣдниковъ счетчика наиболѣе интересующимся космографическими вопросами оказался совершенно неграмотный кузнецъ, мужчина лѣтъ 35. Онъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ буквально забрасывалъ счетчика своими вопросами и съ полною безошибочностью отыскивалъ въ вышеупомянутой книжкѣ нужные рисунки, требовавшіе для него объясненія со стороны свѣдущаго человѣка. Оказалось, что онъ нѣсколько разъ слушалъ чтеніе этой книги и бесѣдовалъ по поводу ея содержанія съ мѣстными грамотеями.

Библіотекаремъ этой библітечки состоитъ крестьянинъ Т. И. Шестиперовъ. Это вообще передовой человѣкъ въ своей средѣ, какъ это можно видѣть хотя бы по тому, что, благодаря его стараніямъ, въ данной мѣстности появилось травосѣяніе. Когда онъ былъ избранъ библіотекаремъ и библіотека перешла къ нему, онъ, по его собственному признанію, съ горечью увидѣлъ, что къ нему читатели и не думаютъ обращаться за книгами. Тогда Шестиперовъ сталъ самъ разносить книги и «Вятскую Газету», высылаемую во всѣ пятирублевыя библіотечки, по домамъ своихъ однодеревенцевъ, при чемъ выяснялъ, для чего нужно прочитать именно данную книжку, что она можетъ дать читающему. Не ограничиваясь своею деревнею, онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы вовлечь въ чтеніе и жителей другихъ деревень своего общества (въ Павловскомъ обществѣ пять деревень). Не имѣя возможности лично посѣщать остальныя деревни, Шестиперовъ сталъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы послать книжекъ въ ту или иную деревню. Завернетъ въ мѣсто жительства Шестиперова крестьянинъ изъ сосѣдней деревни — и Шестиперовъ непремѣнно дастъ ему нѣсколько книжекъ или пачку газетъ съ совѣтомъ прочитать самому и съ просьбой раздать книги и газеты сосѣдямъ. Благодаря такому образу дѣйствій библіотекаря, Павловская библіотечка быстро стала извѣстною населенію и книжки ея пошли въ ходъ и читаются съ успѣхомъ, вызывая въ читателяхъ любознательность и желаніе пополнить свои знанія, какъ это мы видѣли на примѣрѣ 18 читателей, бесѣдовавшихъ со счетчикомъ.

Вообще, всѣ извѣстія, какія приходится получать относительно дѣятельности народныхъ библіотекъ въ нашихъ селахъ и деревняхъ, заставляютъ вѣрить, что потребность въ книгѣ, въ чтеніи ростетъ народной средѣ, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ. Что можетъ быть утѣшительнѣе нижеслѣдующихъ свѣдѣній, касающихся второго года дѣятельности народной библіотеки въ селѣ Богородскомъ, Нижегородской губерніи? Эта библіотека, помѣщающаяся въ особой комнатѣ при мѣстномъ волостномъ правленіи, имѣетъ 1.345 книжекъ, 6 экземпляровъ газетъ и 13 журналовъ. Она выдаетъ книги и періодическія изданія для чтенія какъ въ самомъ помѣщеніи библіотеки, такъ и на дому. Оказывается, что библіотека одинаково усиленно используется какъ посѣтителями читальни, такъ и любителями домашняго чтенія. Читальня имѣла въ теченіе года 15.300 посѣщеній, т.-е. такое число, какимъ могутъ похвалиться только немногія публичныя библіотеки нашихъ губернскихъ городовъ. На домъ было выдано 12 тысячъ книгъ и 1.430 нумеровъ журналовъ, т.-е. опять такое число книгъ, какое выдаютъ лишь немногія городскія публичныя библіотеки. При этомъ крайне любопытно, съ какою быстротою развивается дѣятельность богородской народной библіотеки. Въ первый годъ ея существованія (1896—1897 годъ) ея читальня имѣла 6.100 посѣщеній, а во второй (1897—1898 годъ)—уже 12 тысячъ. Такого быстраго, по истинѣ грандіознаго роста не представляла еще ни одна, ни публичная, ни народная, библіотека. При этомъ надо не забывать, что эта грандіозная дѣятельность богородской библіотеки совершается на самыя скудныя средства. Именно, въ послѣднемъ отчетномъ году (1897—1898) богородская библіотека имѣла на приходѣ всего 451 р., а израсходовала всего 313 руб., при даровомъ помѣщеніи.

Хорошо работаетъ также и народная библіотека с. Лыскова, той-же Нижегородской губерніи. Она открыта 1 января 1897 года Макарьевскимъ земствомъ, отпустившимъ единовременно на выписку книгъ 250 рублей и постановившимъ ежегодно отпускать на пополненіе библіотеки 30 рублей и на жалованье библіотекарю 60 рублей. Въ свою очередь лысковскія сельскія общества постановили ежегодно отпускать на библіотеку по 60 руб. Кромѣ того, московское Общество грамотности прислало въ библіотеку на 100 руб. книгъ и Нижегородское губернское земство отпустило библіотекѣ книгъ на 150 руб. Библіотека помѣщается въ зданіи волостного правленія. За первый годъ существованія библіотеки она имѣла 568 подписчиковъ, при чемъ изъ нихъ было: 322 земледѣльца, 133 ремесленниковъ и кустарей, 49 торговцевъ, 37 лицъ другихъ занятій. 481 подписчикъ жили въ Лысковѣ, въ 30 деревняхъ, отстоящихъ отъ Лыскова на 1 версту, 12—на разстояніи 3 верстъ, 16—на разстояніи до 8 верстъ. Книгъ выдано 2.675, но въ дѣйствительности прочитано несравненно большее число книгъ, такъ какъ среди подписчиковъ установился обычай мѣняться книгами. Любимыми авторами оказались: Тургеневъ, Достоевскій, Л. Толстой, Григоровичъ, Островскій, Гоголь и Пушкинъ. Многіе требовали произведеній Щедрина и Гл. Успенскаго, но таковыхъ въ библіотекѣ, какъ и вообще въ народныхъ библіотекахъ, не имѣется. Любопытно, что за цѣлый годъ пропало книгъ всего на одинъ рубль.

Также дѣятельна народная библіотека, устроенная по иниціативѣ двухъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ при желѣзнодорожной станціи Максатихѣ, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губ. Библіотека эта, открытая 10 іюля 1897 года, имѣла за первый годъ своего существованія (къ 10 іюля 1898 года) 803 подписчика, принадлежащихъ къ 109 селеніямъ, раскиданнымъ на большомъ

разстоянiи другъ отъ друга и отъ библiотеки. При этомъ книгъ было взято 3.293. Но цифра эта ни малѣйшимъ образомъ не даетъ понятiя о книжномъ обращенiи, такъ какъ книга, занесенная изъ библiотеки въ какую-нибудь деревню, особенно удаленную отъ библiотеки, возвращается въ последнюю, лишь обойдя все мѣстное грамотное населенiе. Изъ общаго числа подписчиковъ было: 700 крестьянъ, 36 служащихъ на жел. дорогѣ, 36 разночинцевъ, 11 дух. званiя. 8 купцовъ, 6 ремесленниковъ и 6 дворянъ.

Успѣшно работаетъ и Митинская библiотека-читальня въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Московской губ. Библiотека эта основана весной 1897 года, по приговору митинскаго волостнаго схода; на содержанiе ея отпускается изъ волостныхъ суммъ 30 р., отъ земства 130 р. и имѣются частныя пожертвованiя. Въ настоящее время въ библiотекѣ имѣется 794 тома, стоимостью въ 498 рублей. Чтенiемъ въ теченiе года пользовались 4.236 чел., которымъ было выдано 3.384 книги.

Вообще во всѣхъ свѣдѣнiяхъ о дѣятельности народныхъ библiотекъ поражаютъ всегда два обстоятельства. Съ одной стороны, народныя библiотеки располагаютъ крайне скромными средствами, благодаря чему ихъ книжный составъ обыкновенно бываетъ скроменъ до чрезвычайности, далеко не исчерпывая всего, что можно имѣть въ библiотекѣ по министерскому каталогу, а съ другой—эти библiотеки развиваютъ дѣятельность, размѣры которой далеко превосходятъ размѣры дѣятельности библiотекъ, существующихъ для интеллигентной публики. Это сравненiе публичныхъ библiотекъ, существующихъ въ нашихъ городахъ, съ народными библiотеками оказывается особенно невыгоднымъ для первыхъ въ томъ случаѣ, если сравненiе производится не съ сельскими народными библiотеками, а съ существующими въ городахъ. Въ этомъ случаѣ перевѣсъ народной библiотеки, въ смыслѣ размѣра дѣятельности, надъ публичною, работающею на интеллигентную публику, становится еще ощутительнѣе.

Остановимся на нѣсколькихъ народныхъ библiотекахъ, дѣйствующихъ въ городахъ, при чемъ возьмемъ города, находящiеся въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга частяхъ Россiи. Вездѣ, несмотря на различiе мѣстныхъ условiй, народныя библiотеки оказываются работающими чрезвычайно усиленно.

Предъ нами отчеты о народной библiотекѣ, открытой въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ окраинныхъ пунктовъ—въ г. Благовѣщенскѣ, Амурской области. Библiотека эта за первый (1896) годъ своего существованiя привлекла 2.774 р. пожертвованiй, членскихъ взносовъ и другихъ сборовъ, книгами изъ библiотеки для чтенiя на дому пользовались 1.290 человѣкъ, которымъ было выдано 11.987 книгъ. Въ слѣдующемъ 1897 году сумма всѣхъ сборовъ, поступившихъ въ пользу библiотеки, составила 3.432 рубля; читателей, бравшихъ книги на домъ, было уже 1905, а книгъ имъ выдано около 20 тысячъ. Кромѣ того, въ оба года книги выдавались также для чтенiя въ помѣщенiи библiотеки, но ни статистики такихъ посѣтителей, ни статистики выданныхъ книгъ не велось. Общее количество книгъ, которымъ располагала библiотека къ концу 1897 года, достигло 1.351 названiй при 2 тысячахъ томахъ. Любопытно, что и въ Благовѣщенской народной библiотекѣ, какъ и вездѣ, несмотря на отсутствiе какихъ-либо залоговъ, при 20 тысячахъ выдачъ книгъ, пропадаетъ въ теченiе года всего около десятка книгъ. Общее сочувствiе къ народной библiотекѣ дало возможность Совѣту библiотеки поставить на очередь слѣдующiя мѣропрiятiя: 1) выписать для пополненiя библiотеки значительную партiю книгъ изъ числа разрѣшенныхъ

для народныхъ библіотекъ; 2) пріобрѣсти для читальни собственный домъ, 3) образовать неприкосновенный капиталъ библіотеки и 4) образовать при библіотекѣ складъ книгъ для продажи, для чего уже выписано на 1000 р. разныхъ изданій.

Не менѣе успѣшно дѣйствуетъ и Кишиневская народная библіотека, открытая въ 1896 году. Библіотека эта открыта особымъ обществомъ, спеціально для веденія этой библіотеки образовавшимся. Къ 1 января 1898 года членовъ этого общества насчитывалось 269. Читателей въ теченіе отчетнаго года записалось 1.943, взявшихъ 13.990 книгъ. Преобладали мужчины, которыхъ было 1.943, тогда какъ женщинъ было всего 112.

Еще большую дѣятельность обнаружила безплатная народная библіотека-читальня имени Кольцова, существующая въ Ростовѣ-на-Дону. Мы нѣсколько остановимся на этой библіотекѣ, чтобы ознакомить читателя какъ съ исторіей возникновенія подобнаго рода учрежденій, такъ и съ развитіемъ ихъ дѣятельности, для чего данная народная библіотека очень удобна, будучи въ указанныхъ отношеніяхъ весьма типичною.

Въ концѣ 1896 года кружокъ изъ нѣсколькихъ лицъ, живущихъ въ Ростовѣ-на-Дону, увлекаемый примѣромъ другихъ городовъ и селъ, рѣшилъ устроить въ названномъ городѣ народную библіотеку. Къ этому времени здѣсь уже существовала народная библіотека, созданная по иниціативѣ г-жи Севостьяновой и дѣйствующая съ выдающимся успѣхомъ. Новый кружокъ поставилъ себѣ цѣлью устроить библіотеку на одной изъ окраинъ Ростова, гдѣ населеніе совершенно лишено возможности имѣть книгу для чтенія. Въ то время какъ одни иниціаторы вырабатывали проектъ устава библіотеки, другіе занялись собираніемъ матеріальныхъ средствъ. Былъ образованъ основной фондъ будущей библіотеки въ 2.500 р. Уставъ былъ утвержденъ 15 марта 1897 года наказнымъ атаманомъ области Войска Донского. По уставу библіотека учреждалась особымъ обществомъ, спеціально для содержанія этой библіотеки созданнымъ. 24 мая 1897 года было первое собраніе членовъ общества, избравшихъ Совѣтъ общества. Помѣщеніе подъ библіотеку было выбрано съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы оно было удобно для посѣщенія обитателями нѣсколькихъ окраинъ города. Открытіе библіотеки, посвященной имени Кольцова, состоялось 17 октября 1897 года. Теперь предъ нами отчетъ Общества, содержащаго библіотеку, за первый годъ существованія библіотеки, т. е. по ноябрь 1898 года.

Всѣхъ членовъ общества насчитывается уже 287. Средства общества, помимо членскихъ взносовъ, составляются изъ пожертвованій, сбора со спектакля, устроеннаго въ пользу библіотеки, 1.000 рублей, назначенныхъ въ видѣ ежегоднаго ассигнованія мѣстною городскою думою, 150 рублей пожертвованныхъ Владикавказскою желѣзною дорогою, и 50 рублей, ассигнованныхъ мѣстнымъ Обществомъ взаимнаго кредита. Всего за первый годъ существованія библіотеки собрано 5.560 рублей, израсходовано 3.376 рублей. Важнѣйшія статьи расхода: покупка книгъ и выписка журналовъ 1.152 рубля, жалованье служащимъ 740 рублей, наемъ квартиры 583 рубля, переплетъ книгъ, обзаведеніе помѣщенія и другія. Служащіе состояли изъ библіотекарши, помощницы и сторожа. Несмотря на огромный наплывъ читателей (отъ 150 до 200 въ день), съ такимъ персоналомъ служащихъ оказалось возможнымъ обходиться, благодаря тому, что явились охотники поработать въ библіотекѣ даромъ. Такихъ даровыхъ «сотрудниковъ и сотрудницъ» въ отчетномъ году было 15 человѣкъ. Эти лица являлись на дежур-

ства въ извѣстные часы и помогали служащимъ какъ въ выдачѣ газетъ, книгъ и журналовъ на домъ и для чтенія въ помѣщеніи библіотеки, такъ и въ собираніи и подсчетѣ статистическихъ данныхъ и составленіи мѣсячныхъ вѣдомостей.

При открытіи библіотеки наличный составъ ея опредѣлялся 583 названіями книгъ въ 975 томахъ. Въ отчетномъ году онъ увеличился до 870 названій, въ числѣ которыхъ было книгъ 1.828 томовъ и періодическихъ изданій 489 томовъ. Текущихъ періодическихъ изданій получалось въ теченіе отчетнаго года 12 журналовъ и 5 газетъ.

О дѣятельности библіотеки и состоящей при ней читальни отчетъ сообщаетъ не безъинтересныя свѣдѣнія, которыя мы приведемъ здѣсь словами отчета же: «Въ зимніе мѣсяцы (ноябрь, декабрь и январь) приливъ абонентовъ какъ въ библіотекѣ, такъ и въ читальнѣ наиболѣе великъ, а главный контигентъ подписчиковъ читальни въ это время—учащіеся въ городскихъ училищахъ, приходскихъ и ремесленныхъ школахъ, или недавно окончившіе курсъ ученья. Весной, во время экзаменовъ, и лѣтомъ, съ наступленіемъ тепла, очень замѣтна убыль подписчиковъ читальни, которая совсѣмъ мало посѣщается въ это время. Это явленіе легко можно объяснить и тѣмъ, что Кольцовская библіотека-читальня совсѣмъ безплатная, почему книги на домъ берутся съ большей охотой, когда ими на дому могутъ пользоваться и остальные члены семьи, такъ что количество абонентовъ библіотеки значительно превышаетъ число подписчиковъ читальни. Кромѣ того, взрослымъ, серьезнымъ читателямъ, желающимъ сосредочиться, вникнуть въ прочитанное, нерѣдко мѣшаютъ ученики-подростки, которыхъ въ продолженіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ всегда больше, чѣмъ взрослыхъ; въ остальное же время года число послѣднихъ значительно преобладаетъ. Еще очень любопытный фактъ, который пришлось наблюдать,—совершенная непосѣщаемость читальни женщинами. За весь отчетный годъ ихъ записалось всего 27. «Причины оставленія библіотеки, которыя удалось зарегестривать, были разныя; наиболѣе частыми являются: отъѣздъ, «далеко ходить», «нѣтъ желательныхъ книгъ», деньги (залогъ) нужны». При послѣднемъ заявленіи, когда откровенно заявляется надобность въ залоговыхъ деньгахъ, въ большинствѣ случаевъ залогъ замѣняется поручительствомъ, и книги продолжаютъ выдаваться. Конечно, въ данномъ случаѣ залогъ въ 20 коп. не можетъ служить обезпеченіемъ за книги, стоющія 1 р. 50 к., 2 р., а иногда и дороже; все основано на довѣріи къ подписчику. Нерѣдко приходилось слышать отъ новыхъ абонентовъ такого рода вопросъ: «всякую книгу будете выдавать?» Видимо, малая сумма залога заставляла предполагать невозможность выдачи дорогихъ книгъ. Число пропавшихъ книгъ 55—на сумму 47 р. Часто, за дальностью разстоянія, читатели не могутъ своевременно доставлять книги въ библіотеку и удерживаютъ ихъ долѣе срока, положеннаго по Уставу. Отношеніе къ книгамъ наблюдается весьма внимательное, въ особенности у взрослыхъ читателей, которые, по наблюденію лицъ, работающихъ въ библіотекѣ-читальнѣ, цѣнятъ книгу и берегутъ ее.

«Въ теченіе отчетнаго года поступило 2.010 абонентовъ, выбыло 1.728 наличныхъ абонентовъ къ концу года осталось 658. По возрасту первое мѣсто занимаютъ взрослые, затѣмъ идутъ подростки, затѣмъ слѣдуютъ малолѣтніе. Хотя наибольшій % падаетъ на учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но, тѣмъ не менѣе, все это ученики старшихъ классовъ, свыше 15 лѣтъ и болѣе. За ними слѣдуютъ ремесленники, мастеровые и фабрич-

ные, которые составляютъ 18,9°/о всѣхъ подписчиковъ библіотеки и считаются наиболѣе аккуратными и устойчивыми абонентами библіотеки. Затѣмъ идутъ служащіе въ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ (14,4°/о), торговцы и приказчики составляютъ 7,9°/о, лицъ безъ опредѣленныхъ занятій — 8,6°/о; затѣмъ идутъ дѣти, не учащіяся въ школѣ (6,5°/о), чернорабочіе (5,4°/о), ученики средне-учебныхъ заведеній (4°/о) и менѣе всего замѣчается посѣщеніе библіотеки-читальни прислугой (0,8°/о). По образованію—преобладающее большинство лицъ съ низшимъ образованіемъ (95,82°/о), средняго образованія—3,98°/о и высшаго—0,2°/о. Эти послѣдніе были, такъ сказать, случайные посѣтители, у которыхъ главное требованіе шло на газеты. По сословіямъ абоненты принадлежатъ, главнымъ образомъ, къ мѣщанамъ (59,2°/о) и крестьянамъ (29,9°/о). Въ теченіе отчетнаго года книгъ обмѣнено 38.561, журналовъ—8.766 и газетъ—2.873. Всѣхъ-же удовлетворенныхъ требованій было 50.200.

Читальней пользовалось значительно меньшее число лицъ, нежели библіотекой, именно всего 807 чел. Сдѣлано ими 5.168 посѣщеній.

Къ отчету приложенъ списокъ наиболѣе требовавшихся авторовъ. Списокъ этотъ очень любопытенъ. Вотъ наиболѣе популярные авторы: Майнъ-Ридъ требовался 2.694 раза, Гоголь—1.738 разъ, Л. Толстой—1.187, Тургеневъ—1.066, Григоровичъ—1.044, Достоевскій—935, Пушкинъ—743, Жюль Вернъ—731, Островскій—656, Гончаровъ—626, Сенкевичъ—528, Андерсенъ—480, Куперъ—446, Диккенсъ—388. Если изъ этого списка исключить авторовъ, любимцевъ дѣтей, то окажется что читатели Ростовской народной библіотеки обнаружили литературный вкусъ, который сдѣлалъ-бы честь и болѣе образованной части нашего общества и который далеко не проявляется съ такою наглядностью въ отчетахъ библіотекъ, работающихъ на болѣе интеллигентную часть публики, дающей наибольшія требованія не на нашихъ классиковъ, а на издѣлія Габоріо, Понсонъ де Террайля, Борна и тому подобныхъ авторовъ страшныхъ романовъ или скабрезныхъ произведеній.

Изложенныя выше данныя относительно дѣятельности нашихъ народныхъ библіотекъ, полагаю, оправдываютъ то чувство радости, которое невольно испытываешь при извѣстіяхъ объ открытіи новыхъ народныхъ библіотекъ. Въ самомъ дѣлѣ, учрежденія эти, при всѣхъ недостаткахъ ихъ постановки, при ограниченности книжнаго состава, которымъ онѣ могутъ располагать, тѣмъ не менѣе принадлежатъ къ числу наиболѣе важныхъ въ системѣ народнаго просвѣщенія. Они, при всей ограниченности ихъ средствъ, захватываютъ своимъ вліяніемъ чрезвычайно большой контингентъ лицъ, и ихъ вліяніе оказывается весьма существеннымъ и серьезнымъ. Вотъ почему съ особымъ удовольствіемъ заносимъ въ нашу хронику нѣсколько извѣстій объ открытіи народныхъ библіотекъ въ послѣдніе мѣсяцы.

Въ Ялтѣ, гдѣ уже существовали двѣ народныя библіотеки (одна содержится комитетомъ попечительства народной трезвости, а другая—особымъ библіотечнымъ Обществомъ), съ 1-го января 1899 года открывается третья народная библіотека-читальня тѣмъ же комитетомъ трезвости.

Въ Москвѣ Общество распространенія полезныхъ книгъ, содержащее уже пять народныхъ библіотекъ, открываетъ еще двѣ такія-же библіотеки.

Въ селѣ Быковкѣ, Васильскаго уѣзда, Нижегородской губ., въ концѣ 1898 года была открыта народная библіотека въ помѣщеніи мѣстнаго волостного правленія. Библіотека открыта по иниціативѣ мѣстнаго земскаго начальника г. Демидова.

Въ концѣ-же 1898 года открыта народная библіотека въ другомъ селѣ того-же Васильевскаго уѣзда, Юринѣ. На устройство этой библіотеки были получены слѣдующія средства: отъ московскаго купца Бландова пожертвованіе въ 100 р., отъ опеки наслѣдниковъ Шереметева—50 р., отъ губернскаго земства книгъ на 150 р., отъ разныхъ лицъ—34 р. и отъ нижегородскаго Общества распространенія начальнаго образованія ежегодная ассигновка по 10 р. При открытіи народной библіотеки въ Юринѣ однимъ мѣстнымъ крестьяниномъ было прочитано стихотвореніе, которое и приводимъ здѣсь, какъ образчикъ народнаго творчества, направляющагося уже нынѣ не только на изображеніе сердцеѣда парня, который «при цѣпочкѣ, при часахъ», и ревности, требующей «ножа и вилки», чтобы заколоть своего «милку», но и на предметы болѣе возвышенные. Вотъ это стихотвореніе:

Все почтенное собранье
Удѣлить прошу вниманье
Этимъ искреннимъ словамъ,
Мною высказаннымъ вамъ.

Всѣ зовутъ ученье свѣтомъ—
И, безспорно, правда это.
Но стремимся-ль къ свѣту мы
Изъ невѣжества и тьмы?

Не всегда. Порой бываетъ,
Что на сходѣ предлагаютъ
Намъ училище открыть,
Чтобъ дѣтей своихъ учить.

И принять-бы намъ съ восторгомъ
И за дѣло взяться съ Богомъ...
Мы кричимъ: «Къ чему ученье?
Намъ и такъ съ дѣтьми мученье...

Прежде грамотѣ не знали,
Старшихъ лучше почитали»...
И выводятъ заключенье,
Что виной всему ученье.

А того понять не въ силахъ,
Что другое время было—
Безъ свободы, крѣпостное,
И житье совсѣмъ иное...

Даже многимъ непонятно,
Что учить хотятъ безплатно:
«Нѣтъ-ли, думаютъ, подвоха...
Какъ разложатъ послѣ—плохо...

И платить за все—натужно»...
И кричатъ они: «Не нужно
Намъ ученья никакого:
Для крестьянина простого

Ни къ чему о томъ забота.
Намъ была-бы лишь работа!»
Такъ бываетъ, къ сожалѣнью,
Отъ училищъ отреченье.

Но другіе, слава Богу,
Понимаютъ понемногу,
Что знать грамотѣ не худо...
Извѣщаютъ, что повсюду

Средь людей простого званья
Пробудилась жажда знанья:
То въ деревнѣ, то въ селеньѣ,
Открываютъ школы, чтенья...

И когда-бы всѣ читали,
То навѣрно-бы узнали
Изъ полезныхъ умныхъ книгъ
(Здѣсь въ читальнѣ много ихъ),

Что обязанность святая—
Старшихъ чтить, что жизнь такая,
Скромной прелести полна,
Образцомъ служить должна,

И что грамотѣ, ученью
Подготовкой служитъ чтенье;
Кто внимательно читаетъ,
Тотъ дѣйствительно узнаетъ,

Что ученье насъ ведетъ
Къ жизни честной и разумной.
А бесѣда съ книгой умной
Дастъ полезные совѣты,

Познакомитъ, что на свѣтѣ
Есть новинокъ разныхъ много.
И мы скажемъ: «слава Богу,
Онъ помогъ намъ въ добромъ дѣлѣ,

О которомъ мы не смѣли
И помыслить до того.
И, вѣстимо, на Него
Полагаться впредь мы будемъ.

Но при этомъ не забудемъ,
Что и нынѣ безъ хлопотъ
Наше дѣло не пойдетъ...
Если-жъ будемъ мы трудиться,

То окрѣпнетъ, утвердится
И читальня здѣсь у насъ.
Дай-ка, Богъ, счастливый часъ
Всѣмъ, кто, дѣйствуя похвально,
Помогаетъ сей читальнѣ,
Принося досугъ и знанье,
И желаетъ ей добра,—
Многи лѣта вамъ, ура!..

Такія мысли и чувства возбуждаетъ народная библіотека-читальня въ народной средѣ.

Я. Абрамовъ.

Хроника воскресныхъ школъ *).

Чтеніе литературныхъ отрывковъ въ воскресной школѣ.

Читая въ школѣ дѣловую статью, будь то описаніе какого-либо животнаго, географическій очеркъ, или страничка изъ русской исторіи, вы всегда знаете, что цѣль ваша—дать ученикамъ то или другое знаніе, по возможности ясное, опредѣленное, полное; вамъ, въ большинствѣ случаевъ, легко построить урокъ такъ, чтобы онъ принесъ возможно больше пользы ученикамъ, возможно больше расширилъ ихъ, часто ничтожный, запасъ свѣдѣній. Не такъ опредѣленно рисуется вамъ урокъ, когда вы готовитесь къ чтенію какого-либо литературнаго отрывка; правда, для васъ предрѣшенъ вопросъ, что чтеніе художественныхъ произведеній безусловно желательно въ школѣ, вы вѣрите въ благотворное вліяніе этого чтенія на нравственный и умственный кругозоръ учащихся; но на васъ нерѣдко нападаютъ сомнѣнія: да полно, откликнутся-ли ученики на выбранный вами литературный матеріалъ, поймутъ-ли его такъ, какъ вы считаете правильнымъ; несмотря на составленный вами планъ, на урокѣ часто выплываетъ, благодаря самодѣятельности учениковъ, цѣлый рядъ вопросовъ, которыхъ вы не предусмотрѣли, совершенно неожиданное освѣщеніе положенія, которое иной разъ, пожалуй, поставитъ васъ въ тупикъ; и какъ-бы опытны вы ни были, сколько ни готовились бы къ уроку, вамъ не удастся заранѣе составить вполнѣ опредѣленной программы такихъ уроковъ литературнаго чтенія. Именно въ виду отсутствія полной опредѣленности, точности такихъ занятій, мнѣ кажется, особенно интереснымъ и полезнымъ знакомиться съ примѣрами такихъ уроковъ. Описаніе цѣлаго ряда ихъ въ томъ видѣ, какъ они происходили на дѣлѣ, можетъ, думается мнѣ, освѣтить хотя нѣсколько широкую область чтеній съ учениками литературныхъ образцовъ. Вотъ почему я считаю цѣлесообразнымъ предложить нѣсколько отчетовъ о такихъ урокахъ, проведенныхъ въ Харьковской женской воскресной школѣ. Въ данномъ случаѣ уроки эти имѣли спеціальную цѣль—выбрать наиболѣе желательныя произведенія для литературнаго отдѣла книги, составляемой харьковской школой для класснаго чтенія взрослыхъ; это были, такъ сказать, провѣрочныя чтенія, на основаніи которыхъ тотъ или другой отрывокъ принимался или отвергался для книги; но въ то-же время эти чтенія являлись желательными занятіями, такъ какъ перечитывались произведенія, заранѣе признанныя пригодными для школы цѣлымъ кружкомъ преподающихъ и только возбуждавшія въ томъ или другомъ лицѣ сомнѣнія въ доступности ихъ для пониманія учащихся. Хотѣлось бы, чтобы предлагаемый

---

*) Всѣ статьи и матеріалы по вопросамъ, касающимся дѣла воскресныхъ школъ, редакція проситъ доставлять въ Харьковъ, на имя Х. Д. Алчевской или М. Н. Салтыковой.

матеріалъ возбудилъ интересъ и сочувствіе читателей къ этому вопросу и вызвалъ новыя работы по нему, которыя охотно будутъ помѣщаться въ хроникѣ воскресныхъ школъ.

При выборѣ литературныхъ отрывковъ было установлено, что не слѣдуетъ всегда требовать, чтобы они были всецѣло, во всѣхъ мелочахъ доступны учащимся безъ помощи преподавателя; напротивъ, даже желательно, чтобы смыслъ прочитаннаго давалъ по прочтеніи еще пищу для ума, для дальнѣйшихъ размышленій; поэтому, статьи должны быть таковы по трудности, чтобы основная мысль и содержаніе въ общемъ были понятны, но чтобы еще оставалось по прочтеніи нѣчто новое, что будетъ вызывать желаніе подумать надъ статьей.

Мнѣ хочется дать прежде всего отчетъ о чтеніи самаго маленькаго, простого разсказца, какими являются большинство разсказовъ въ русскихъ книгахъ для чтенія Толстого, чтобы показать, какъ, при удачномъ выборѣ, даже разсказъ всего въ нѣсколько строкъ можетъ дать матеріалъ, способный натолкнуть учащихся на новыя для нихъ мысли. «Я прочла съ ученицами,— пишетъ учительница,—разсказъ Толстого «Худой волкъ»: худой волкъ позавидовалъ сытой собакѣ, и она подманила его идти жить вмѣстѣ у хозяевъ; но когда волкъ замѣтилъ стертую шерсть на ея шеѣ и узналъ, что это отъ цѣпи, онъ сказалъ: «Не пойду къ людямъ жить. Пускай не такъ жиренъ буду, да на волѣ». Разсказъ этотъ былъ прочитанъ раньше въ группѣ слабѣйшей по знаніямъ, и на вопросъ, почему волкъ не захотѣлъ служить человѣку вмѣстѣ съ собакой, отвѣтъ получился весьма опредѣленный: «Да потому, что онъ лѣсной звѣрь и привыкъ жить на волѣ». Если хотите, отвѣтъ этотъ весьма послѣдователенъ, но не того, конечно, ждали и желали лица, такъ горячо защищавшія этотъ разсказъ. Предполагалось, что мои ученицы, поступившія годомъ раньше, окажутся выше по развитію; но одна зима, проведенная въ школѣ за изученіемъ алфавита, врядъ-ли способна особенно поднять степень развитія учащихся. Вотъ почему отвѣты моихъ ученицъ мало разнились отъ вышеприведеннаго. «Потому, что волкъ на волѣ жить привыкъ», отвѣчали мнѣ ученицы одна по одной, точно сговорившись. «А если-бы онъ побывалъ на цѣпи и вырвался?» поставила я вопросъ. «Тогда онъ, можетъ быть, и согласился-бы,—отвѣчала сильнѣйшая изъ ученицъ,—привычка много значитъ. Вотъ хоть-бы и человѣкъ,—привыкнетъ къ тяжелому труду, его уже и не тянетъ къ легкому, точно будто такъ и на роду ему написано: трудится, трудится, пока пропадетъ». И прачка Марьяна вытерла даже платочкомъ потъ на лбу, такъ какъ мысль эта очевидно бросила ее въ жаръ. «Ему не хотѣлось сидѣть на цѣпи, какъ собака, а хотѣлось на волѣ быть», произнесъ еще кто-то, надумавшись. Молчала одна только дѣвушка, отъ которой трудно обыкновенно добиться отвѣта. Читаетъ она хуже другихъ, страшно конфузится и вся вспыхиваетъ, когда вы обращаетесь къ ней. Тѣмъ не менѣе отвѣтъ ея бываетъ обыкновенно своеобразенъ и самостоятеленъ, и я склонна думать, что это самая умная изъ всѣхъ моихъ ученицъ. Конфузъ дѣвушки происходитъ, вѣроятно, еще и отъ того, что въ отвѣтѣ своемъ она обыкновенно стоитъ одиноко, и всѣ невольно смотрятъ на нее какъ-то вопросительно; я же съ умысломъ оставляю ее на конецъ, чтобы за нею не потянулись другія, чтобы она не подсказала отвѣтовъ. По профессіи она тоже прачка. «На цѣпи не каждому пріятно!—произнесла она тихо, вспыхивая,— кто любитъ волю, тотъ ни за что на свѣтѣ не согласится на цѣпь!»

Получивъ этотъ послѣдній отвѣтъ, я повела бесѣду съ ученицами о томъ, кому больше подходитъ этотъ разсказъ—большимъ или маленькимъ. Аудиторія моя рѣшила, что «это къ большому человѣку относится, а дѣти не поймутъ, что̀ воля и неволя: ихъ это не касается!»

Конечно, то или другое воспріятіе разсказа много зависитъ отъ состава группы; вотъ почему въ другой группѣ волкъ, цѣнившій свободу выше всего, встрѣтилъ больше сочувствія у ученицъ, и въ отчетѣ этой группы, мы читаемъ: «Не ожидая моихъ вопросовъ, почти всѣ ученицы одобрили поступокъ волка. «Понятно, говорили онѣ, лучше терпѣть иногда голодъ, но быть свободнымъ, чѣмъ обезпеченными, да въ зависимости». Съ этимъ мнѣніемъ не согласились двѣ ученицы: «На что мнѣ свобода, когда ѣсть нечего»,—замѣтила одна изъ нихъ. «Но вѣдь съ собакой плохо обращались, днемъ ее держали на цѣпи»,—напомнила я. «Да, но вѣдь не всѣ хозяева такъ дурно обращаются; вотъ мы живемъ уже давно мастерицами; правда, иногда много работаемъ, но зато всегда обезпечены, и мысль о завтрашнемъ днѣ насъ не мучитъ!» Однако остальныя горячо отвергали это мнѣніе, говоря, что воля — выше всего. И первыя двѣ ученицы не отрицали прелести независимости, но все-таки прибавляли, что лучше помириться съ зависимой жизнью, нежели не быть обезпеченнымъ и зависѣть отъ случайностей.

Все-же женская аудиторія въ обсужденіи этого вопроса оказалась весьма мало развитой, что еще ярче сказалось въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ записной тетради другой группы: «Стихотвореніе «Поля» Майкова я прочла сама съ большимъ чувствомъ; но, увы, на вопросъ: «кому вы болѣе сочувствуете—старику, или молодому?»—всѣ хоромъ отвѣчали: «старику», а одна замѣтила даже: «барину, за то, что онъ такой добрый—старика подвезъ». И послѣ этого началось резонерство на тему, что воля, конечно, вещь хорошая, но старые люди разсказываютъ, что встарину лучше жили, скромнѣе, меньше было распущенности и разврата, чѣмъ теперь. Ученицамъ нравилась учтивость старика, нравилось, что онъ не осмѣлился сѣсть рядомъ съ бариномъ, а въ молодомъ онѣ осудили даже свистъ («Да вдругъ какъ свиснетъ во весь духъ!»).—«Развѣ можно такъ при баринѣ?»—говорили онѣ.

Для чтенія съ малограмотными учащимися особенно приходится цѣнить тѣ разсказы, которые, при небольшихъ размѣрахъ и простотѣ положенія, заключаютъ въ себѣ ту или другую идею, которой нельзя не сочувствовать, заставить задуматься надъ которой учащихся всегда желательно; и мы съ удовольствіемъ приводимъ два отзыва объ одномъ изъ стихотвореній въ прозѣ Тургенева. «Нищій» Тургенева былъ прочтенъ взрослыми ученицами въ классѣ самостоятельно. Слушая это чтеніе, я думала о той удивительной простотѣ, съ которой переданъ этотъ разсказъ. Простота эта отразилась и въ пересказѣ ученицъ. Вотъ одинъ изъ нихъ: «Сочинитель шелъ по улицѣ и встрѣтилъ нищаго. Нищій протянулъ къ нему руку за милостыней. У сочинителя ничего не было въ карманѣ. Чтобы не обидѣть его, онъ взялъ его грязную руку и пожалъ. Нищій остался этимъ очень доволенъ и счелъ это также за подаяніе. Онъ понялъ, что если-бы у сочинителя было что-нибудь, онъ подалъ бы ему, и за это нищій тоже пожалъ его пальцы». Къ пересказу этому ученицы ничего не могли прибавить, и меня затруднялъ вопросъ: понятъ ли разсказъ? поняты-ли послѣднія слова: «Я понялъ, что и я получилъ подаяніе отъ моего брата». Въ другой группѣ тотъ-же разсказъ вызвалъ больше разговоровъ: «Хорошій разсказъ», замѣтила одна изъ уче-

ницъ», и коротенькій такой, что въ одну минуту прочтешь его, а какой интересный, даромъ, что короткій». «Ну, разскажите-же его мнѣ», замѣтила я ученицѣ. Ученица начала разсказывать, но въ серединѣ разсказа остановилась, замѣтивъ: «Нѣтъ, не то выходитъ, что въ книгѣ. И просто, и понятно такъ въ книгѣ написано, а начнешь разсказывать, ничего не выходитъ, будто не понимаешь». Подбодренная моими словами, что она разсказываетъ хорошо, ученица окончила пересказъ, но такъ-же, какъ и при первой провѣркѣ, остановилась на словахъ о томъ, какое подаяніе получилъ нищій, ни словомъ не упомянувъ о томъ, что и разсказчикъ, въ свою очередь, получилъ подаяніе отъ нищаго. «Кончили?» спросила я. «Нѣтъ, не кончено», замѣтила одна изъ ученицъ. «Я такъ поняла, что и баринъ получилъ подаяніе». «Какое-же?» «Да, вотъ я это не совсѣмъ поняла. Баринъ пожалъ нищему руку, грязную, грубую руку, не побрезгалъ имъ. И нищій увидѣлъ, что баринъ далъ-бы ему что-нибудь, если-бы у него было. Но у него ничего не было, онъ ему руку протянулъ. Нищему понравилось это, потому что ему трогательно было пожать какъ брату руку, еще лучше, чѣмъ хлѣбъ получить». Вотъ что, приблизительно, несвязно, отрывочно говорила эта ученица. «Ну, а что баринъ получилъ подаяніе, я поняла, но какое это подаяніе, по правдѣ сказать, не замѣтила». «Вотъ я думаю, сказала другая,—что улыбка нищаго была подаяніемъ. Баринъ пожалъ ему руку, и нищій понялъ его, понялъ, что онъ добрый человѣкъ, и улыбнулся, барину улыбку подарилъ. А, впрочемъ, можетъ быть, и что-нибудь другое подарилъ». «Вотъ, вѣрно, умный человѣкъ писалъ, какъ просто написано и легко даже, а вѣрно только образованный пойметъ, а мы—безграмотныя—не понимаемъ», говорила та-же ученица, которая въ началѣ провѣрки передавала содержаніе.—«А все-же хорошій разсказъ, мнѣ онъ очень нравится»,—замѣтила она, немного погодя. «Почему-же онъ вамъ такъ нравится?»—«Да сочувственный такой. Вѣдь баринъ смотритъ на нищаго, какъ на человѣка». «А нищій, какъ смотритъ на барина?» спросила я. «Тоже какъ на человѣка, а не какъ на барина», замѣтила самая развитая изъ ученицъ. «Теперь я понимаю», подхватила другая», вѣдь они другъ другу, какъ братья, подали руку. Нищій сочувствовалъ барину, а баринъ нищему». И идея разсказа, такимъ образомъ, выяснилась для ученицъ.

«Прочитавъ заглавіе разсказа Андерсена «Паяцъ», находимъ мы въ другомъ отчетѣ,—я остановилась и просила объяснить мнѣ слово «паяцъ». «Игрушка!» «Кукла!» отвѣчали мнѣ взрослыя дѣвушки. Я наводящими вопросами довела ученицъ до отвѣта, что онѣ видѣли въ комедіи и циркѣ такихъ людей, но называли ихъ не «паяцами», а «клоунами». Больше я ничего не стала разъяснять и прочла разсказъ медленно, отчетливо и выразительно. Ученицы молчали. «Смѣшная эта исторія, или грустная»? спросила я. «Нѣтъ, очень грустная»! отвѣчала одна изъ нихъ. «Что-же въ ней грустнаго?» спросила я. «Очень жалко его», замѣтила другая, «уродовъ никогда никто не любитъ, а душою онъ былъ хорошій человѣкъ». «Досадно и на людей, заговорила третья, имъ лишь-бы смѣяться. Теперь, какъ пойду въ циркъ, непремѣнно припомню эту книжку»! Послѣ такого рода замѣчаній я считала вопросъ исчерпаннымъ и не разспрашивала больше ученицъ. Мнѣ было все равно, займетъ-ли этотъ разсказъ въ ихъ чтеніи 1/4 или 1/2 часа, проиграетъ-ли онъ нѣсколько отъ того, что будетъ читаться ими значительно медленнѣе и съ меньшимъ выраженіемъ,—для меня важно было только то, что онъ проникъ въ ихъ душу, заставилъ задуматься

надъ жизнью и людьми, вызвалъ гуманное чувство состраданія и запечатлѣлся въ ихъ памяти».

Вопросъ о томъ, насколько нравятся народу описанія природы, хотя бы и высоко художественныя, является до нѣкоторой степени спорнымъ: практика народныхъ библіотекъ указываетъ, напримѣръ, на то, что «Записки охотника» Тургенева читаются не всегда охотно, не производятъ должнаго впечатлѣнія; да и весьма понятно, что требуется извѣстная степень развитія, а, можетъ, еще больше—чуткость души, для того, чтобы воспріять, почувствовать красоту описанія природы; конечно, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что есть такія чуткія души даже и въ сравнительно мало развитой аудиторіи женской воскресной школы. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, учительница, перечитавшая въ своей группѣ три отрывка изъ сочиненій Гоголя: «Степь». «Украинская ночь» и «Днѣпръ». «Произведенія Гоголя! Недостаточно ли этого одного, чтобы помѣстить названные отрывки въ книгу для чтенія взрослыхъ? Гоголь—народный писатель, Гоголь и понимается, и читается простолюдиномъ съ большимъ наслажденіемъ, потому что Гоголь самъ любилъ и понималъ народъ». Вотъ что говоритъ книга «Что читать народу?»! Да и какъ не понять того, что такъ близко народу, какъ не наслаждаться тѣмъ, что «дышитъ такою полнотою художественности, очаровываетъ такою неотразимою прелестью, такою дивною поэзіею» (Слова Бѣлинскаго). Является только вопросъ: да доступна-ли народу именно эта-то художественность, трогаетъ-ли его эта поэзія, эти дивныя описанія природы? Книга «Что читать народу?» приводитъ слѣдующій отзывъ крестьянина Б. о «Сорочинской ярмаркѣ», въ которомъ мы найдемъ утвердительный отвѣтъ на нашъ вопросъ: «Книга эта мнѣ понравилась, но больше всего, кажется, мнѣ понравился утомительный жаркій и роскошный лѣтній день въ Малороссіи, когда солнце жжетъ до неумѣримости, при общей тишинѣ, развѣ только жаворонокъ запоетъ свою звонкую, пріятную пѣсню въ небесной глубинѣ, да изрѣдка послышится крикъ чайки, или голосъ перепела отдастся въ степи, а широкія вѣтви яблонь, грушъ, сливъ и черешенъ отъ тяжести плодовъ нагнулись почти до земли... Какъ хорошо, какъ пріятно погулять въ лѣсу въ одинъ изъ такихъ дней на свѣжемъ и полезномъ для человѣка воздухѣ, при ароматическихъ духахъ, происходящихъ отъ различныхъ травъ и цвѣтовъ, когда цѣлый міръ насѣкомыхъ жужжитъ разными голосами» (стр. 57, т. I). Въ произведеніи, въ которомъ фабула можетъ увлечь читателя, въ которомъ дѣйствуетъ столько интересныхъ, близкихъ народу типовъ, описаніе природы все-таки обращаетъ на себя большее вниманіе, оказываетъ сильнѣйшее впечатлѣніе и трогаетъ крестьянина до глубины души. Я такъ долго остановилась на этомъ отзывѣ крестьянина потому, что отрывки: «Степь», «Днѣпръ» и «Украинская ночь» произвели на моихъ учениц такое же сильное впечатлѣніе, какъ: «Лѣтній день въ Малороссіи» на крестьянина Б. Чтеніе «Степи» вызвало просто какое то умиленіе и восторгъ со стороны ученицъ. «Вотъ, вотъ, совсѣмъ точно сейчасъ передъ глазами вижу», говорила ученица, которая передъ чтеніемъ сама описывала мнѣ степь. «Вотъ же и видѣла все это, а разсказать такъ, какъ Гоголь, не съумѣла!» какъ-бы удивлялась она. О «Днѣпрѣ» говорили: «Теперь мы будемъ знать, какой такой Днѣпръ и днемъ, и ночью, и въ бурю; точно какъ на картинѣ нарисовано; все видно—и берегъ, и вода, и солнышко; самое лучшее, когда при солнышкѣ». Съ этой ученицей согласилось большинство, но одна замѣтила: «А мнѣ такъ въ бурю больше нравится!» Отдѣльныя

фразы и слова были поняты, если не точно, то въ общемъ смыслѣ. Въ «Степи» пришлось объяснить выраженіе «исполинскою кистью», но фраза: «Вся музыка, звучавшая днемъ, утихла и смѣнилась другою», была понята совершенно правильно.

Имѣли успѣхъ въ нашей школѣ и Тургеневскія описанія природы. «Прежде чѣмъ приступить къ ихъ чтенію съ незнакомыми ученицами, пишетъ другая учительница, мнѣ казалось необходимымъ нѣсколько познакомиться съ ними: я думала разспросить ученицъ о родѣ ихъ занятій, образѣ жизни и такимъ образомъ узнать ихъ наклонности и вкусы; случилось же совершенно иначе: какъ разъ въ то время, когда наступила очередь нашего чтенія, пошелъ сильный, густой снѣгъ, всѣ оборачивались къ окнамъ, и бесѣда наша началась замѣчаніями о погодѣ, говорили объ этой мятели, затѣмъ перешли къ ясной хорошей погодѣ, говорили, какъ въ такую погоду тянетъ на воздухъ и за городъ. Я спросила, какое время года онѣ больше любятъ? Почти всѣ отвѣтили: «весну», и только одна сказала: «осень». Заслышавъ, что всѣ называютъ весну, она опять повторила: «нѣтъ, осень лучше». У меня стоялъ первымъ отрывокъ изъ «Лѣса и степи» Тургенева—«Лѣсъ осенью»—и, воспользовавшись такимъ отвѣтомъ, я начала читать. Вниманіе было полное. Когда я кончила, ученица, которая такъ отстаивала осень, сказала: «Какъ хорошо ему было»! «Почему такъ хорошо чувствовалъ себя охотникъ»? спрашиваю я. «Кругомъ было тихо, спокойно, никто ему не мѣшалъ», отвѣчаетъ ея сосѣдка. «Свѣтло было, и ему хорошо видно было, куда стрѣлять нужно», произноситъ ученица, пожилая особа, но первая заговорившая дѣвушка съ упрекомъ перебиваетъ ее: «Нѣтъ, въ лѣсу хорошо было, и ему вспоминались его умершіе знакомые». Дальше открываю «Пѣвцы». Одна изъ ученицъ прямо сказала: «Вотъ это лучше, чѣмъ то, что вы раньше читали; рядчикъ—онъ хоть и хорошо пѣлъ, но когда Яковъ пѣлъ, такъ всѣ плакали». Съ мнѣніемъ этой ученицы согласилась и еще одна. Видно было, что весь отрывокъ прекрасно усвоенъ; ученицы на перебой пересказывали его. Затѣмъ прочитанъ былъ короткій отрывокъ изъ «Касьяна съ Красивой Мечи»—описаніе природы—и прослушанъ былъ съ такимъ-же интересомъ. Окончивъ читать, я спросила, что имъ больше понравилось изъ прочитаннаго. «Я и не знаю, что лучше,—все хорошо!» отвѣчала одна. «А мнѣ такъ первое больше всего понравилось», сказала дѣвушка, сначала заявившая, что ей нравится осень. Думаю, что эти отрывки имъ дѣйствительно очень понравились, такъ какъ онѣ благодарили меня за чтеніе и просили приходить еще читать съ ними».

Надо признать удовлетворительнымъ пониманіе описанія природы и въ третьемъ случаѣ, когда одною изъ ученицъ сдѣланъ былъ такой пересказъ коротенькаго отрывка Гончарова «Наступленіе вечера», записанный учительницей со словъ ученицы: «Солнце заходитъ не разомъ, а лучи его долго видны на верхушкахъ. Птицы перестали пѣть, только одна все поетъ тише и тише. Одни кузнечики трещатъ. Рѣка тоже затихла, а въ лѣсу, когда темно, дѣлается страшно, и деревья страшныя. Потомъ на небѣ засвѣтила звѣздочка, и стало совсѣмъ тихо».

Въ томъ-же смыслѣ говоритъ и слѣдующая запись одной изъ учительницъ: «Я приступила къ чтенію стихотворенія Лермонтова «Когда волнуется желтѣющая нива...» съ нѣкоторымъ страхомъ, думая, что основная мысль его не будетъ понята; но, къ моему удивленію, оказалось напротивъ: стихотвореніе не только было понято, но даже вызвало нѣкоторыя разсужденія.

Одна ученица сказала: «Вотъ такъ бываетъ со всѣми людьми: когда станетъ грустно, тяжело, выйдешь въ садъ или въ поле, посмотришь, какъ все хорошо кругомъ, и станетъ на душѣ легко, спокойно, даже весело!»—«Какъ хорошо въ этомъ стихотвореніи описывается природа: такъ и видишь передъ собой и ниву, и лѣсъ, и садъ!»—проговорила другая ученица».

Возвращаясь къ чтенію отрывковъ, проникнутыхъ той или другой идеей, я хочу остановиться на отрывкѣ изъ повѣсти Толстого «Люцернъ», дающемъ учительницѣ прекрасный матеріалъ для бесѣды. Отрывокъ этотъ былъ читанъ въ двухъ группахъ; первая учительница пишетъ: «Ученицы слушали чтеніе съ особеннымъ вниманіемъ и серьезностью. Ни я, ни онѣ не прерывали его до самаго конца. Когда чтеніе дошло до мѣста, гдѣ пѣвецъ во второй разъ протянулъ руку съ фуражкой, ученицы ближе придвинулись къ читавшей, и вниманіе стало напряженнѣе. Разсказъ кончили. «Ну что, понравилось?» спросила я послѣ минутнаго молчанія. «Хорошее!» сказала одна ученица. «Что-жъ, собственно, вамъ понравилось? Поняли-ли вы?» «А, какъ-же! — бѣдный пѣвецъ пѣлъ, пѣлъ, и хорошо пѣлъ, а господа ему ничего и не дали!»—сказало сразу нѣсколько человѣкъ. «А почему-же ему ничего не дали?» «Не сочувствовали, значитъ!» отвѣтила пожилая ученица. «Почему-же не сочувствовали?» «Да, господа все богатые были, сами сыты,—ну, думали, что ему кушать не хочется». «А онъ, бѣдный, ажъ пить хотѣлъ!» добавила другая. Какъ и нужно было ожидать, главная мысль, такъ ярко выраженная авторомъ, была вполнѣ усвоена ученицами. Но удивительно то, что подобное отношеніе «господъ» не вызвало у ученицъ, какъ и у самого пѣвца, ни негодованія, ни злого чувства противъ этой сытой толпы. Интересовалъ меня также вопросъ, что осталось у ученицъ отъ описанія ночи; понятно-ли было имъ то вліяніе на человѣка музыки, которое сразу измѣняетъ одно настроеніе духа на другое. Послѣ подробнаго и связнаго описанія вечера одной изъ ученицъ, я увидѣла, что и описаніе природы въ этомъ отрывкѣ вполнѣ доступно ученицамъ.

Вотъ какъ описала этотъ вечеръ ученица К. (устно она мнѣ почти ничего не отвѣчала): «Я проходилъ по набережной, смотря себѣ въ ноги. Вдругъ я услыхалъ пѣніе и музыку. Небо было мрачное, синее, клочьями, но ночь была лунная. Мѣсяцъ освѣщалъ то горы, то прелестное озеро, въ которомъ отражались огоньки. Вдали виднѣлись штыки башенъ. Я остановился у большой гостинницы. На бульварѣ толпа народу. Я увидѣлъ въ толпѣ маленькаго человѣка, одѣтаго въ легонькій старенькій сюртучишко и въ старой фуражкѣ. Онъ игралъ на гитарѣ» .. На вопросъ, хорошо-ли пѣлъ пѣвецъ? ученица отвѣчала: «Такъ хорошо, что у того господина ажъ на душѣ просвѣтлѣло». «Такая веселая пѣсня, значитъ, была», замѣтила другая. «Ну нѣтъ, иной разъ и грустная пѣсня бываетъ, а на душѣ такъ радостно и пріятно станетъ», поправила третья.

Вотъ еще два переложенія, изъ которыхъ выясняется, какъ понята идея этого отрывка: «Я шелъ по набережной и увидѣлъ маленькаго пѣвца. Пѣвецъ стоялъ у гостинницы. Я подошелъ къ пѣвцу и увидѣлъ, какой пѣвецъ былъ маленькій и въ черной одеждѣ. Много публики было возлѣ него. Пѣвецъ пѣлъ прекрасно. Всѣмъ понравилось, какъ онъ пѣлъ. Когда же онъ кончилъ пѣть, снялъ фуражку и попросилъ милостыню, то ему никто ничего не далъ, потому что господа не понимали, что онъ былъ голодный. Они смѣялись надъ пѣвцомъ». Другое изложеніе: «Шелъ онъ по улицѣ, не обращая вниманія ни на что, только смотрѣлъ себѣ подъ ноги. Онъ былъ груст-

ный. Вдругъ услышалъ онъ музыку и пѣніе, и у него просіяло на душѣ. Потомъ онъ увидѣлъ много народа и замѣтилъ въ толпѣ маленькаго человѣчка. Онъ пѣлъ пѣсни. Когда онъ пропѣлъ, то снялъ фуражку и просилъ, но ему никто ничего не далъ, только разсмѣялись. Онъ обратился къ публикѣ и сказалъ: «Вы думаете, что я зарабатываю, но я бѣдный!» Слѣдуетъ замѣтить, что это была первая самостоятельная работа ученицъ».

Въ записной тетради второй учительницы, мы читаемъ: «Нельзя сказать, чтобы ученицы читали бѣгло и хорошо, и потому впечатлѣніе отрывка изъ повѣсти «Люцернъ», конечно, сильно ослабилось въ ихъ чтеніи. Тѣмъ не менѣе содержаніе отрывка передается совершенно вѣрно. При пересказѣ, дойдя до заключительныхъ словъ, указывающихъ душевное состояніе автора, одна изъ ученицъ спросила: «это, значитъ, тотъ самый, который пишетъ, про себя говоритъ?» На мой вопросъ, почему ему такъ горько и тяжело стало, всѣ онѣ въ одинъ голосъ отвѣтили: «Жалко пѣвца было». «Народу много было, а никто ему не подалъ», говорила одна. «Извѣстно, и хорошій рабочій человѣкъ не всегда можетъ заработать; всяко бываетъ, и просить придется!» замѣтила, какъ бы стараясь оправдать пѣвца за то, что онъ просилъ подаянія, самая пожилая ученица, читающая обыкновенно только «божественныя» книги. Однако читала она съ видимымъ удовольствіемъ и вниманіемъ, хотя на мой вопросъ, понравился-ли разсказъ, отвѣчала полуснисходительно: «ничего себѣ», а ея тонкія губы все время складывались въ полуироническую улыбку, какъ-бы говоря: «пустяки все это! не стоитъ вниманія!» «Извѣстно, богатый бѣднаго не разумѣетъ, сытый голоднаго не понимаетъ», заявила наиболѣе бойкая ученица. «Мнѣ очень нравится: я люблю жалостливыя книги», отозвалась та ученица, которой больше нравится осень, чѣмъ весна. Итакъ, результатъ провѣрки былъ все тотъ-же: чувство возмущенія, негодованія отсутствовало, было сожалѣніе только къ горькой, незаслуженной участи бѣдняка. Не мало удивили меня слова ученицъ, что прошлое чтеніе (описанія природы и отрывокъ изъ «Пѣвцовъ» Тургенева) имъ понравилось больше.

Мнѣ показалось, однако, что впечатлѣніе все-же получается болѣе сильное, нежели ученицы умѣютъ это выразить; мнѣ почудилось даже, что за этимъ молчаніемъ скрывается нежеланіе высказаться въ болѣе рѣзкой и опредѣленной формѣ противъ людей, наслаждающихся всѣми благами жизни, и я рѣшила прочесть снова этотъ отрывокъ, на этотъ разъ уже въ своей группѣ, гдѣ ко мнѣ болѣе привыкли и, можетъ быть, будутъ свободнѣе высказываться. Слушали съ большимъ интересомъ, и въ результатѣ опять та-же фраза: «жалко ему пѣвца было, что никто ему ничего не подалъ!» Тутъ ужъ я рѣшила дѣйствовать иначе. «Неужели только жалко? спросила я.—Но каковы-же были всѣ эти люди, вся эта толпа? почему такъ горько, такъ обидно было на душѣ у Толстого?» «Потому что они ничего не подали пѣвцу, надсмѣялись надъ нимъ», получила я въ отвѣтъ. Я сказала нѣсколько словъ о безчувственности, жестокости такого отношенія, о томъ негодованіи и возмущеніи, которыя кипѣли въ душѣ наблюдателя всей этой сцены—Толстого. Лица просвѣтлѣли, глаза заблестѣли, сочувствіе выразилось полное. Потомъ я объяснила, съ какою цѣлью я читала этотъ отрывокъ, почему я хочу знать, интересенъ-ли, понятъ-ли онъ, наконецъ, даже спросила, какъ по ихъ мнѣнію, стоитъ-ли напечатать его въ новой книгѣ или нѣтъ,—можетъ, труденъ? «Нѣтъ, непремѣнно надо поставить его въ книгу», былъ общій отвѣтъ. Настроеніе ученицъ было приподнятое, возбу-

жденное. У насъ оставалось нѣсколько минутъ свободнаго времени, меня закидали вопросами, разсказывали, почему онѣ пришли въ школу, сообщали о своей жизни, словомъ—проявили такую откровенность и общительность, какой я не привыкла видѣть въ своихъ обыкновенно конфузливыхъ и застѣнчивыхъ ученицахъ. «Богъ дастъ, не помремъ, на будущій годъ будемъ учиться», заявили онѣ. «А я отстала отъ нихъ», вдругъ, покраснѣвъ, какъ макъ, объявила ученица К., очевидно, высказавъ, такимъ образомъ, подъ вліяніемъ минуты, давно занимавшую ее мысль. Все это привожу я потому, что считаю этотъ неожиданный для меня взрывъ общительности и откровенности прямымъ результатомъ чтенія.

На основаніи всѣхъ трехъ провѣрокъ, кажется, приходится сдѣлать выводъ, что чтеніе безъ помощи учительницы не приводитъ къ полному пониманію смысла этого отрывка, но 2—3 вопроса, нѣсколько словъ учительницы—и мысль пробуждается, идея автора сознается и, мнѣ кажется, судя по возбужденному состоянію ученицъ, глубоко и прочно западаетъ въ ихъ душу: такія настроенія не забываются. Цѣль достигнута, дремлющія безсознательно мысли и чувства пробуждены. Въ этомъ, думается мнѣ, и заключается огромное значеніе классснаго чтенія, живого обмѣна мысли, воздѣйствія личности учительницы».

Если выборъ подходящихъ прозаическихъ отрывковъ далеко не легокъ, то еще труднѣе выборъ стихотвореній, такъ какъ форма и изложеніе въ нихъ часто значительно затрудняютъ пониманіе; поэтому иной разъ не обходится и безъ того, что стихотвореніе оказывается настолько труднымъ, что совсѣмъ не должно быть предложено учащимся. Зато есть и идеально простыя для пониманія стихотворенія, на которыхъ нельзя не остановиться на первыхъ порахъ, когда малограмотный человѣкъ только начинаетъ знакомиться съ стихотворной формой. Такова, напр., пѣсня Кольцова «Безъ ума, безъ разума». Вотъ что пишетъ учительница по поводу прочтенія ея въ классѣ: «Что можетъ быть пріятнѣе чтенія со знакомой аудиторіей! Учительница чувствуетъ себя легко и свободно, она не сомнѣвается въ томъ, что ученицы будутъ съ нею откровенны, что предыдущіе уроки сблизили ихъ, что онѣ знаютъ уже, чего потребуетъ отъ нихъ эта учительница, и ей не приходится волноваться вопросомъ: какъ приступить, съ чего начать и будетъ-ли она понята? Такъ чувствовала я себя въ послѣднее воскресенье, взглянувъ на знакомыя лица и открывая сборникъ стихотвореній Кольцова. «Не знаетъ-ли изъ васъ кто-нибудь, господа, пѣсни:

«Безъ ума, безъ разума
«Меня замужъ выдали,
«Золотой вѣкъ дѣвичій
«Силой укоротали»,

спросила я? «Какъ-же! я знаю», отозвалась одна изъ дѣвушекъ. «Хорошая пѣсня!» добавила другая. «Что-жъ, вы знаете ее на-память?—«Нѣтъ, не знаемъ, только читали въ книжкѣ. Кольцовъ сочинилъ!»—«А хотите разучить ее на память, или прочтемъ какіе-нибудь другіе стихи?» Дѣвушки съ удовольствіемъ согласились на разучиваніе. Остальныхъ, незнакомыхъ со стихотвореніемъ, я ничего не спрашивала. Идеальная простота этихъ незамысловатыхъ, задушевныхъ стиховъ Кольцова оказалась доступной и понятной даже самымъ неразвитымъ изъ ученицъ. Перечитывали онѣ стихотвореніе серьезно, вдумчиво и также серьезно и толково передали его содержаніе. Мнѣ припомнился господинъ, который, услышавъ о нашемъ на-

мѣреніи помѣстить это стихотвореніе въ первую книгу для классснаго чтенія взрослыхъ, доказывалъ, что оно цинично, и говоритъ о жаждѣ наслажденій и о недовольствѣ скромной долей, отведенной судьбой этой молодой женщинѣ. Вспомнила я объ этомъ, когда вышла уже изъ класса, во время-же чтенія рѣшительно ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову. Напротивъ, вопросъ о бракѣ казался мнѣ вполнѣ умѣстнымъ въ данной аудиторіи, и когда я поставила его послѣ чтенія, ни тѣни улыбки не было на серьезныхъ лицахъ учениц, и всѣ мы сообща рѣшили, что выходить замужъ не любя—грѣхъ, что это ложь и обманъ и что нельзя связывать навѣкъ своей жизни съ человѣкомъ, который ненавистенъ тебѣ.

Когда я спросила, не слѣдуетъ-ли выходить замужъ по разсудку, по разсчету, мнѣ вдругъ сдѣлалось немножно страшно, не получу ли я отъ этихъ молодыхъ, неиспорченныхъ дѣвушекъ положительнаго отвѣта на этотъ счетъ въ силу тѣхъ традицій, которыя господствуютъ въ ихъ патріархальныхъ семьяхъ; но такого отвѣта, слава Богу, не было.

Вообще, иной разъ не слѣдуетъ избѣгать произведеній, уже знакомыхъ ученицамъ,—по крайней мѣрѣ, такое чтеніе доставляетъ совершенно особенное удовольствіе учащимся. Вотъ что мы находимъ объ одномъ изъ такихъ случаевъ въ отчетѣ учительницы: «Не успѣла я начать:

«Выхожу одинъ я на дорогу,
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ...»

какъ одна изъ ученицъ, вся встрепенувшись, сказала радостно: «Знаю, знаю!» и при этомъ даже покраснѣла отъ удовольствія. «Я тоже знаю—пою!» добавила скромно другая. «И я!», «И я!» послышалось нѣсколько голосовъ. Такая популярность стихотворенія Лермонтова показалась мнѣ въ высшей степени трогательной, но я все-таки спросила: «Такъ перейдемъ къ другому?» «Нѣтъ, ничего, пожалуйста, прочитайте!» сказали дѣвушки почти хоромъ. «Такъ обыкновенно слушается любимый романъ по много-много разъ сряду, не наскучивая», подумала я, и приступила къ чтенію. Мнѣ хотѣлось прочитать хорошо, такъ хорошо, чтобы затмить даже музыкальный мотивъ, и я читала съ большимъ одушевленіемъ; но, по окончаніи чтенія, мнѣ, кромѣ того, захотѣлось также узнать, какъ собственно понимаютъ ученицы эти слова, и я бросила имъ нѣсколько вопросовъ, на которые получила такіе отвѣты: «Грустно ему было и одиноко. Ночь была тихая, тихая, и звѣзда какъ будто разговаривала со звѣздою, а онъ самъ себѣ думалъ: отчего мнѣ такъ тяжело и чего мнѣ хочется? и самъ себѣ отвѣчалъ, что хочется ему не помереть, а уснуть долгимъ-долгимъ сномъ, и чтобы въ это время надъ нимъ пѣли любимую пѣсню и чтобъ дубъ склонялся и шумѣлъ своими листьями». Пересказъ этотъ вполнѣ удовлетворилъ меня, и я хотѣла перейти къ стихотворенію Некрасова «Въ дорогѣ», какъ вдругъ одна изъ дѣвушекъ сказала мнѣ торопливо, точно вспомнивъ о чемъ-то: «А знаете-ли вы, Христина Даниловна, еще одинъ хорошій романсъ: «По синимъ волнамъ океана»? Въ немъ есть немножко непонятнаго, но это ничего, все-таки хорошо». Я вспомнила, что коммиссія наша отвергла стихотвореніе Лермонтова за это «немножко непонятное». Мнѣ захотѣлось узнать, что же собственно поняла ученица изъ этого стихотворенія съ исторической подкладкой, и я, покрививъ душой, сказала, что не знаю романса и просила разсказать мнѣ. Это не былъ связный пересказъ, но по отрывочнымъ фразамъ ученицы было очевидно, что общая фабула совершенно понятна ей, хотя иныхъ изъ частностей она и не можетъ объяснить. «Это былъ не нашъ императоръ, а

французскій. Про него сочинили, что будто каждый годъ, въ день своей кончины онъ выходитъ изъ гроба и садится на корабль. Въ могилу его зарыли враги, а на кораблѣ онъ ѣдетъ къ своей любимой странѣ—Франціи. Онъ кличетъ сына и говоритъ: я все отдамъ тебѣ, только оставлю себѣ Францію. Но сынъ не слышитъ. Онъ померъ. Убиты на войнѣ и всѣ генералы, которые были съ нимъ». «Съ кѣмъ съ нимъ?» неребиваю я ученицу. «Съ Наполеономъ, это былъ Наполеонъ!» отвѣчаетъ мнѣ за нее другая. «Въ 12-мъ году, когда Москву сожгли!» добавляетъ третья. «А кто сочинилъ этотъ романсъ?»—спрашиваю я, чтобы еще яснѣе опредѣлить себѣ степень развитія и школьныя познанія моихъ слушательницъ. Никто изъ нихъ не знаетъ этого. Не знаютъ также, кому принадлежитъ и стихотвореніе «Выхожу одинъ я на дорогу?!» недоумѣваю я и перехожу къ стихотворенію Некрасова «Въ дорогѣ». Я люблю Некрасова! Люблю силу и прелесть его шероховатаго стиха, люблю животрепещущія жизненныя темы, которыя затрогиваетъ онъ, и живо помню, какъ во дни юности стихи его захватывали душу и вызывали слезы! Пусть это не поэтъ, какъ говорятъ иные, а публицистъ, пророкъ, призванный «глаголомъ жечь сердца людей», по его моральнаго воздѣйствія на юношество никто, я думаю, не станетъ отрицать, а это великое дѣло! Люблю я и стихотвореніе «Въ дорогѣ», и когда дочитывала его, голосъ дрогнулъ, и я едва могла совладать съ собою и окончить его. Я была увѣрена, что чтеніе этой жизненной драмы, такой понятной, столь близкой взрослымъ дѣвушкамъ, произведетъ на нихъ глубокое впечатлѣніе, несравненно глубже, чѣмъ знакомые романсы. Передали онѣ содержаніе его прекрасно, съ самыми тонкими психологическими оттѣнками,—такъ, напримѣръ, въ то время, какъ одна изъ нихъ, очень молоденькая предположила, что портретъ, на который смотрѣла постоянно со слезами бѣдная женщина, былъ снятъ съ барышни, съ которой выросла она, другая постарше сказала горячо: «Нѣтъ, это навѣрное былъ портретъ учителя, что жъ барышня уѣхала и забыла про нее...» Она хотѣла сказать еще что-то, но покраснѣла, сконфузилась и замолчала. Ея солидная пожилая сосѣдка резонно согласилась съ нею. И послѣ всего этого, когда дѣло дошло до такъназываемой баллотировки, вдругъ оказалось, что у стихотворенія Лермонтова несравненно больше поклонницъ. Признаюсь, мнѣ сдѣлалось даже немножко досадно: «Что имъ за дѣло до этого чужого императора, зарытаго въ песокъ? думала я,—и не ближе ли, не роднѣе ли должна быть имъ эта жизненная драма?» Но, съ другой стороны, я спрашивала себя: «Неужели высоко-лирическая поэзія Лермонтова ближе и милѣе чуткой душѣ народа, чѣмъ жгучая проповѣдь публициста Некрасова?» И я вспомнила тѣхъ, кто сомнѣвается въ способности народа понимать лирическую поэзію».

Но далеко не всегда стихотворенія Некрасова встрѣчаются учащимися равнодушнѣе другихъ, и мы съ особеннымъ удовольствіемъ приводимъ здѣсь слѣдующій отчетъ: «Отрывокъ изъ поэмы «Морозъ-Красный Носъ», Некрасова, начинающійся словами: «Есть женщины въ русскихъ селеніяхъ», былъ вполнѣ понятъ учениками. Онѣ очень связно и характерно передали содержаніе отрывка, очень хорошо обрисовали здоровую русскую женщину съ ея избыткомъ силы, свѣжести, бодрости. «Не то, что мы—городскія», говорили ученицы. «Развѣ въ городѣ найдешь такую здоровую, красивую женщину? Въ городѣ больше болѣютъ, и худыя, и блѣдныя, извѣстно, безъ воздуха, въ комнатахъ все сидятъ и по ночамъ работаютъ. А въ деревнѣ все же работа на воздухѣ, отъ такой работы и здоровѣешь, и крѣпнешь!»—«Вотъ у меня

двоюродная въ деревнѣ, говорила другая ученица,—и ужъ не молодая, а куда здоровѣе меня. И все у нея такъ и кипитъ въ рукахъ. Замужняя она, и трое дѣтей у нея. Она и за ними посмотритъ, и обѣдъ готовитъ, и въ полѣ за мужика работаетъ. А сама румяная, веселая, и бѣдовая какая! И много работаетъ, зато и наряжаться въ праздникъ любитъ! Какъ это нарядится, юбку новую, платокъ, бусы вокругъ шеи—и въ церковь такъ идетъ!»—«Да, бываютъ такія женщины, какъ здѣсь въ книжкѣ говорится, замѣтила одна развитая ученица,—но мало такихъ, нельзя сказать, чтобы всѣ такія были. Есть такія неопрятныя, лѣнивыя; пока это она встанетъ, пока повернется, и все потягивается, зѣваетъ. И съ мужемъ не хорошо живетъ. Въ хатѣ грязно, ребятишки растрепанные, грязные. А если такая неряшливая еще злая, да ворчливая, такъ бѣда. Вотъ эта женщина была въ работѣ здоровая, но это рѣдко бываетъ. Больше такъ, что работа заморитъ. Такія есть несчастныя женщины, и молодая еще, а глядитъ точно ей сорокъ лѣтъ, сама сгорбленная, худая, лицо въ морщинахъ. И все это отъ тяжелой жизни. Вотъ болѣзнь такая бываетъ часто, и все больше въ деревнѣ: кликуши. Такъ вотъ въ тяжелой жизни и загубится женщина».

Глубокое впечатлѣніе произвели на ученицъ стихи Некрасова «Идетъ, гудетъ зеленый шумъ, зеленый шумъ, весенній шумъ». Описаніе ранней весны, пробуждающей всю природу, весны, несущей съ собою что-то новое, молодое, нетронутое, сильно понравилось ученицамъ. «Какъ хорошо сказано, говорили онѣ: «Идетъ, гудетъ зеленый шумъ, зеленый шумъ, весенній шумъ!» «Будто, въ самомъ дѣлѣ весной. И вѣтеръ верховой, и сады молочно-бѣлые», говорили ученицы. «Хорошо весной, когда снѣгъ таетъ, воробьи чирикаютъ. Будто, въ самомъ дѣлѣ все шумитъ. Бываетъ такъ, что и грустно, и хорошо весной. Вотъ и этому человѣку, который писалъ эти стихи, было и грустно, и хорошо».—«Почему-же вы думаете, что ему грустно было?» «Да такъ, грустные стихи, плакать хочется, когда ихъ читаешь. И, вмѣстѣ, хорошо. Особенно конецъ мнѣ нравится. Какъ будто весна говоритъ тому человѣку, который хотѣлъ убить свою жену: «Люби — покуда любится, терпи—покуда терпится, прощай—пока прощается—и Богъ тебѣ судья!» Содержаніе стихотворенія ученица разсказала такъ: «У человѣка была жена, молодая, красивая, хорошая. Но грѣхъ ее попуталъ. Она согрѣшила, измѣнила мужу въ то время, какъ онъ на работахъ былъ въ Питерѣ. Извѣстно, женщина одна осталась, мало-ли какъ запутаться въ грѣхѣ можно. Ну, она вѣрно, все-же хорошая была. Сама ему сказала правду. Ну, и онъ мучился, и она мучилась. Тяжело имъ было жить. Тутъ зима настала. Такъ жутко имъ вмѣстѣ, нехорошо. Снѣгъ идетъ, вѣтеръ гудитъ такъ жалостно, и ему все кажется, что вѣтеръ ему приказываетъ убить измѣнницу-жену. И такъ это гудитъ вѣтеръ и все говоритъ: «Убей, убей!» А жена все молчитъ, и онъ молчитъ. А тоска лютая ему покоя не даетъ. И онъ уже ножъ наточилъ, чтобы жену зарѣзать. Но тутъ пришла весна, и какъ будто легче ему стало. Извѣстно, весной всегда лучше и веселѣй. Кругомъ все такъ хорошо, весело—ну, и на душѣ будто просвѣтляется. И вотъ ему уже кажется, что вѣтеръ ему говоритъ, чтобы онъ простилъ жену, любилъ ее и все забылъ, и Богу тогда лучше угодишь. А это ему не вѣтеръ говорилъ, а такъ на сердцѣ хорошо стало отъ весны».

Стихотворенія Лермонтова вообще пользовались симпатіей нашей женской молодежи; выше мы видѣли, какъ нѣкоторыя изъ нихъ были уже извѣстны ученицамъ. Вотъ что мы читаемъ у той-же учительницы еще о нѣсколькихъ

Лермонтовскихъ стихотвореніяхъ: «Ученицъ пришло въ школу мало, какъ это всегда бываетъ незадолго до очень большихъ праздниковъ, но это самое дало мнѣ возможность соединить ученицъ различныхъ группъ и различной подготовки, что чрезвычайно удобно для провѣрки. На очереди у меня было три стихотворенія. Прежде всего я прочла съ ними стихотвореніе Гёте въ переводѣ Лермонтова:

«Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты».

Какъ-то у насъ, не вспомню кто изъ участницъ, говорилъ, что прежде, чѣмъ перечитывать стихотвореніе съ ученицами, необходимо, чтобы учительница сама прочла его. Я-же оспаривала и доказывала, что выразительное чтеніе учительницы должно являться, такъ сказать, апоѳеозомъ урока. Но когда я очутилась лицомъ къ лицу съ моей малоподготовленной аудиторіей, я вдругъ поняла, что заставить ее калѣчить каждое слово, каждое предложеніе—это значитъ лишить его той силы впечатлѣній, которую можетъ вызвать только чтеніе учительницы. Вотъ почему прежде всего я прочла его сама, затѣмъ вывѣдала, понравилось-ли оно, спросила, хотятъ-ли онѣ разучить его на память, или мы разучимъ что-нибудь другое; затѣмъ разспросила о значеніи отдѣльныхъ словъ, какъ, наприм., что называется вершиной, что такое долина, что значитъ: «полны свѣжей мглой» и, наконецъ, удостовѣрясь, что стихотвореніе нравится, я заставила читать ихъ самихъ. —«Прочтите вы одна!»—«Прочтите вдвоемъ!»—«Прочтите всѣ вмѣстѣ хоромъ!»—Не скажетъ-ли теперь кто-нибудь на память!?»—говорила я. Работа шла дружно, весело, оживленно. Всѣ читали, всѣ говорили на память, всѣ разговаривали.—«Объясните мнѣ, что значитъ:

«Подожди немного,
Отдохнешь и ты».

«Все кругомъ отдыхаетъ, а онъ—нѣтъ, вотъ ему и говорится: «Подожди немножко, и ты отдохнешь», сказала одна изъ нихъ. «Здѣсь говорится о ночномъ отдыхѣ», добавила другая. Мнѣ вдругъ показалось, что онѣ ничего не поняли. Эти двѣ послѣднія строки я лично относила всегда къ вѣчному спокойствію—смерти. Привыкнувъ дѣлиться съ ученицами откровенно всѣмъ тѣмъ, что я думаю и чувствую, я и на этотъ разъ высказала имъ свои сомнѣнія. «Тутъ ничего не умерло», проговорила про себя одна изъ дѣвушекъ. Я обратилась за разъясненіемъ къ учительницѣ, которая присутствовала при моемъ чтеніи. Они была солидарна съ ученицами. Я вдумалась въ знакомыя мнѣ съ дѣтства 8 строкъ, и то-же должна была согласиться съ ученицей, что смерти здѣсь нѣтъ, а есть только полная ночная тишина. Поняли стихотвореніе и прочувствовали рѣшительно всѣ, начиная отъ звуковыхъ учениц, недавно окончившихъ азбуку, и оканчивая третьимъ годомъ обученія. Я не знала близко всѣхъ учениц и, говоря по совѣсти, затруднилась-бы опредѣлить, судя по ихъ отвѣтамъ, кто изъ нихъ учится годъ, кто два, кто три. Больше всѣхъ выдавалась дѣвушка, проучившаяся въ школѣ два, а не три года. Очевидно, тутъ имѣютъ большее значеніе прирожденныя способности и развитіе, которое дала жизнь.

Вторымъ стихотвореніемъ я прочла «Ангелъ» Лермонтова. Читала я его съ большимъ паѳосомъ, такъ какъ очень люблю эти стихи. Я не задумывалась заранѣе надъ тѣмъ, какой именно вопросъ предложу имъ по окончаніи чтенія, но мнѣ вспомнилось вдругъ, что у насъ высказывалась мысль, будто малоразвитыя ученицы поймутъ все это слишкомъ реально, и я спросила ихъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ: «Какъ вы думаете, видѣлъ-ли сочинитель все то, что онъ описываетъ здѣсь, или-же ему это только вообразилось?» Изъ моей довольно обширной аудиторіи только одна ученица, окончившая недавно азбуку и малоспособная, по отзыву учительницы, отвѣчала точно наугадъ: «Въ самомъ дѣлѣ». Остальныя-же всѣ понимали стихотвореніе, какъ понимаемъ его мы Онѣ прекрасно передали его содержаніе и вполнѣ удовлетворительно разъяснили, что значитъ:

«И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли».

Я такъ была счастлива этимъ, что еще съ большимъ одушевленіемъ прочла «Похороны» Надсона:

«Много онъ вынесъ могучей душою,
Съ дѣтства привыкшій бороться съ судьбою;
Пусть-же, зарытый землей,
Онъ отдохнетъ отъ заботъ и волненья—
Этотъ апостолъ труда и терпѣнья
Нашей отчизны родной».

И въ то время, когда я читала, я не чувствовала ни малѣйшей неловкости при словахъ: «этотъ апостолъ труда и терпѣнья». Еще удовлетвореннѣе почувствовала я себя, когда на вопросъ: не кажется ли имъ страннымъ, что сочинитель называетъ апостоломъ простого человѣка, и за что называетъ онъ его такъ? нѣсколько голосовъ отвѣчало съ чувствомъ: «За то, что онъ весь свой вѣкъ работалъ, трудился и былъ честнымъ». Отвѣты на отдѣльные вопросы были также вполнѣ удачны. Меня брало сомнѣніе, не примутъ ли онѣ за настоящій пожаръ слѣдующихъ строкъ:

«Грозно и мѣрно, ударъ за ударомъ,
«Тонетъ въ дали, озаренной пожаромъ
«Алыхъ вечернихъ лучей...

Но одна изъ дѣвушекъ сказала успокоительно: «нѣтъ, не пожаръ, солнце заходитъ».

Изъ всѣхъ трехъ стихотвореній большинству понравился «Ангелъ», за то, что «божественное», пояснила одна изъ нихъ. Меньшинству—«Горныя вершины». Нѣсколько ученицъ сказало, что хороши всѣ три, нѣсколько назвали «Ангелъ» и «Похороны» и одной только очень своеобразной дѣвушкѣ, насколько замѣтила я, не нравился почему то «Ангелъ». Почему—мнѣ не удалось услышать отъ нея, но, опустивъ глаза въ землю, она очень настойчиво повторила дважды: «мнѣ нравится первое и третье».

Не совсѣмъ было понято въ другой разъ у той же учительницы стихотвореніе «Парусъ». «Ученицы совершенно не поняли его сокровеннаго смысла, пишетъ она,—но оно имъ чрезвычайно понравилось, какъ нравится намъ пѣсня безъ словъ Мендельсона своей благозвучностью и затаенной поэзіей, которую мы чувствуемъ, слушая гармоничные звуки. Дочитавъ строки:

«А онъ, мятежный, проситъ бури,
«Какъ будто въ буряхъ есть покой!»

я ощутила невыразимое желаніе разъяснить ученицамъ, что̀ это значитъ. И вдругъ мнѣ сдѣлалось страшно при мысли, какъ это трудно. Будь я одна

съ ученицами, быть можетъ, я попыталась бы разрѣшить эту сложную задачу, но въ двухъ шагахъ отъ меня сидѣли интеллигентные люди, наблюдавшіе за каждымъ моимъ шагомъ. Между тѣмъ, по окончаніи чтенія, при вопросѣ, что кому понравилось изъ 5 стихотвореній, очень многія назвали «Парусъ».

Но еще большее число балловъ при баллотировкѣ получило стихотвореніе Лермонтова «Вѣтка Палестины». Ахъ, какъ оно понравилось ученицамъ! Я предпослала къ нему такое коротенькое вступленіе: Пришелъ разъ поэтъ Лермонтовъ къ своему пріятелю и не засталъ его дома. Онъ пріютился въ уголкѣ и задумался. Были сумерки. Предъ иконой горѣла лампадка, а подъ иконой красовалась пальмовая вѣтвь. Онъ долго смотрѣлъ на нее и думалъ слѣдующее,—и я прочла стихотвореніе. Я увѣрена, что ученицы не отвѣтили бы безъ комментаріевъ учительницы, что значитъ «Солима бѣдные сыны» и еще нѣсколько строкъ въ томъ же родѣ,—не отвѣтили бы за неимѣніемъ какой-бы то ни было научной подготовки, но самый смыслъ стихотворенія былъ понятъ ими какъ нельзя лучше. То же могу сказать и о другомъ стихотвореніи Лермонтова—«Сонъ». Оставаясь правдивой, я должна оговориться, однако, что ни одно изъ 5 стихотвореній я не читала съ такимъ одушевленіемъ и чувствомъ, какъ «Сонъ». Я была глубоко увѣрена, что поэзія этого прекраснаго стихотворенія захватитъ душу молодыхъ дѣвушекъ, и это дѣйствительно было такъ. У насъ высказывали боязнь, что слова: «И снилась ей долина Дагестана», совпадающія съ дѣйствительностью, послужатъ къ укрѣпленію предразсудка, будто сны сбываются. Но ученицы объяснили мнѣ, что все это грезилось ей на яву.

Я очень люблю «Молитву» Лермонтова «Въ минуту жизни трудную», а потому мнѣ чрезвычайно хотѣлось помѣстить ее въ книгу для чтенія взрослыхъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ, будетъ ли она понята народомъ, оставался для меня открытымъ, и даже теперь, по прочтеніи этой молитвы, я, положа руку на сердце, не знаю, можно ли назвать пониманіемъ то, что пришлось услышать мнѣ? Ученицамъ безспорно понравилось «созвучье словъ живыхъ», но такъ ли было понято оно, какъ понимаемъ его мы, я не знаю. Да, имъ нравились и самая тема стихотворенія, и настроеніе автора, и благозвучность стиха, а содержаніе «Молитвы» онѣ передали мнѣ въ слѣдующей формѣ: «Когда человѣку тяжело, помолишься—и станетъ легче». Больше ничего никто не могъ сказать. Тогда я начала предлагать вопросы. Объясните мнѣ, что значитъ:

«Есть сила благодатная
«Въ созвучьи словъ живыхъ
«И дышитъ непонятная
«Святая прелесть въ нихъ».

«Это значитъ, отвѣчала одна изъ ученицъ,—что когда молишься, то чувствуешь въ себѣ силу Божію».—«Вѣдь силу чувствуешь не въ себѣ, а въ созвучьѣ словъ живыхъ», подумала я, но мнѣ было какъ-то совѣстно привязываться къ ученицамъ съ новыми разспросами, и я пошла дальше.

«Съ души какъ бремя скатится,
«Сомнѣнье далеко...

«Когда помолишься Богу, точно будто все горе скатилось у тебя съ души». «А что значитъ сомнѣнье далеко?» спрашиваю я. «Это значитъ, что онъ до того сомнѣвался въ Божьей благодати», отвѣчаетъ одна изъ ученицъ. «О сомнѣньяхъ-ли въ Божьей благодати идетъ здѣсь рѣчь», думаю я.

Но если пониманіе народа этой «Молитвы» не вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему, если ему непонятна бездна сомнѣній, обуревающихъ образованнаго человѣка, если онъ усматриваетъ силу въ душѣ, а не въ «созвучьи словъ живыхъ», то лишать-ли его этой «Молитвы», которая такъ нравится ему и производитъ на него такое хорошее впечатлѣніе? Пройдетъ 2—3 года, перечитаетъ онъ не мало книгъ, подвинется въ своемъ развитіи— и глубже пойметъ смыслъ стихотворенія, заученнаго когда-то наизусть».

Болѣе сознательное отношеніе ученицъ къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ-же стихотвореній Лермонтова выясняется изъ отчета другой учительницы: она говоритъ: «Результатъ чтенія стихотворенія Лермонтова «Парусъ» меня поразилъ. Я заранѣе знала, что самая форма стихотворенія, картина, описываемая въ немъ, произведетъ впечатлѣніе на ученицъ. Стихотвореніе это читалось уже въ другой группѣ. Мнѣ оставалось выяснить моимъ ученицамъ самую идею стихотворенія. Но какъ приступить къ выясненію этой идеи, я рѣшительно не знала, и жалѣла даже, что взяла на себя работу, которую, какъ казалось, я не въ состояніи выполнить. И въ самомъ дѣлѣ, какими словами, какими примѣрами объяснить строчки: «А онъ, мятежный, проситъ бури, какъ будто въ бурѣ есть покой?» Будетъ-ли понятенъ ученицамъ образъ несущагося по бушующему морю, гонимаго вѣтромъ одинокаго бѣлаго паруса,—образъ, олицетворяющій собою мятежнаго, неудовлетворяющагося человѣка, стремящагося и ищущаго въ жизни чего-то. Прочитавъ стихотвореніе, я замолчала, не поставивъ ни одного вопроса. Правда, до этого, я разговаривала съ ученицами, говорила о морѣ, о его видѣ и жизни. Какъ оказалось, одна изъ ученицъ была когда-то въ продолженіе двухъ дней на морѣ. Стихотвореніе произвело сильное впечатлѣніе на ученицъ. Онѣ сначала молчали, но потомъ робко начали высказываться и, наконецъ, разговорились, даже перебивая другъ друга. «Вотъ мнѣ кажется, говорила одна,—что здѣсь хоть и говорится про парусъ, а въ самомъ дѣлѣ о человѣкѣ говорится». «Да и я такъ думаю, замѣтила другая,—это самъ человѣкъ, который написалъ эти стихи, былъ непокойный и ему тяжело было на душѣ, вотъ онъ такъ и думалъ». «Вотъ мнѣ такъ представляется, говорила дальше та-же ученица,—что сидитъ это человѣкъ на берегу моря, сидитъ и смотритъ въ даль, а самъ все думаетъ, думаетъ, и ему все такъ мечтается, и думаетъ онъ, что онъ самъ такой одинокій, въ чужой сторонѣ, и на душѣ у него неспокойно, потому что это неспокойный человѣкъ былъ, все ему думалось и все чего-то хотѣлось, и не могъ онъ, вѣрно, самъ на мѣстѣ усидѣть: пріѣдетъ въ одно мѣсто, а ему уже нехорошо, уже такъ и тянетъ въ другое. Ну вотъ, сидитъ этотъ человѣкъ и видитъ бѣлый парусъ. И жалко ему эту лодочку, потому что онъ все самъ на себя переноситъ. И думается ему: куда онъ плыветъ, зачѣмъ несется по волнамъ, и откуда онъ идетъ, и гдѣ его родная сторона. И вотъ я самъ тоже неспокойный, и грустно мнѣ въ чужой сторонѣ. И вѣтеръ воетъ, и волны плещутъ, и парусъ все несется куда-то». «И куда его только несетъ! Вѣдь все такъ хорошо кругомъ, и небо голубое, и солнце, а ему не сидится, ему бури хочется», замѣтила, вздохнувъ, ученица. Ученица, передавшая сама въ такой поэтически своеобразной формѣ это стихотвореніе,—дѣвушка двадцати лѣтъ. Она не принадлежитъ къ числу очень способныхъ, быстро соображающихъ и сразу схватывающихъ суть предмета. Напротивъ, она усваиваетъ медленно, но пониманіе ея очень глубоко; съ необыкновеннымъ вниманіемъ вслушивается она во все, что говорятъ, и какъ-то глубоко вдумывается во все. «Онъ въ бурѣ ищетъ покой, сказала другая ученица,—вѣдь есть такіе

люди неспокойные! Знаешь ты Антона-плотника? продолжала она, обращаясь къ своей сосѣдкѣ. Вотъ ужъ непокойный человѣкъ! Онъ самъ словно буря, не сидится ему на одномъ мѣстѣ: то въ одномъ городѣ онъ, то въ другомъ, то на море уѣдетъ. Жену, дѣтей бросилъ, и все шатается по свѣту. И обвинять то-его нельзя; начнешь его уговаривать, что такъ жить нельзя, да и бросишь. Не сидится ему на одномъ мѣстѣ. И жена у него хорошая, и дѣти, и способный такой, работать хорошо можетъ, да только характеръ такой. Затоскуетъ, затоскуетъ, говоритъ, что скука его гложетъ. А какъ начнетъ онъ разсказывать про то, какія страны онъ видѣлъ, сколько чудесъ на свѣтѣ, какія горы, какъ начнетъ про разныхъ людей разсказывать, то такъ его заслушаешься, такъ это все онъ хорошо разсказываетъ, что просто махнешь на него рукой и не обвиняешь даже». По просьбѣ ученицъ, я имъ прочитала еще два раза стихотвореніе, и онѣ уже знали его почти наизустъ. «А онъ, мятежный, ищетъ бури, какъ будто въ бурѣ есть покой», повторяли ученицы. «Хорошіе стихи, прелесть! И мнѣ кажется, что они не только мнѣ, но и всякому человѣку должны понравиться». Почему? «Душѣ всякаго они близки: часто неспокойно на душѣ, а ты, вмѣсто того, чтобы успокоиться, еще больше тревожишь себя». Ученицы выразили желаніе выучить стихи наизустъ. Во время провѣрки одна изъ ученицъ вспомнила стихи, которыя читала имъ другая учительница, и наизустъ сказала мнѣ стихотвореніе: «Горныя вершины». Изъ всѣхъ моихъ ученицъ она одна присутствовала на этомъ чтеніи, а потому, по ея просьбѣ, я всѣмъ прочитала эти стихи. «Хорошо, говорила ученица, передававшая мнѣ содержаніе «Паруса»,—горы будто заснули. Ночь на землѣ; прохладно такъ—хорошо, спокойно въ долинѣ, ну, словно у насъ ночью бываетъ, особенно, когда луна или звѣзды. И такъ все сидишь и молчишь. И все такъ спокойно спитъ, и такъ тихо, что деревья не шелестятъ и ни одна пылинка не поднимется. И вотъ человѣкъ сидитъ около горныхъ вершинъ и невольно позавидовалъ, что вотъ въ природѣ все такъ спокойно, а у него тяжело на душѣ. И потомъ ему тоже хорошо на душѣ стало, и онъ подумалъ: «подожди немного, отдохнешь и ты». Вотъ и со мной такъ бываетъ: такъ нехорошо, и плакать хочется, а выйдешь на воздухъ, посидишь, помечтаешь, посмотришь на небо, на звѣзды, и будто легче станетъ!» Эти разговоры меня такъ заинтересовали, что я начала, по просьбѣ ученицъ, читать имъ и другія стихотворенія. Прочла имъ «Ангелъ» и увидѣла, что имъ сразу стало понятно, что это за ангельская пѣсня, вложенная въ молодую душу и не могущая замѣнить ей «скучныя пѣсни земли». Стихотвореніе «Молитва» тоже произвело сильное впечатлѣніе. «Ну да, молитва облегчаетъ, въ ней есть сила благодатная», говорили ученицы. Не менѣе понравилось стихотвореніе «На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко на голой вершинѣ сосна»; но оно, какъ мнѣ казалось, было менѣе понято ученицами. «Грустно стоять соснѣ одной, занесенной снѣгомъ, и она себя утѣшаетъ, что не она одна несчастная, что есть и другія такія несчастныя. Вотъ у меня есть одна подруга: никого у нея нѣтъ, ни отца, ни матери, живетъ она совсѣмъ одна, и живетъ своимъ трудомъ. И такъ иногда ей тяжело бываетъ, а потомъ подумаетъ: «да что-жъ, не одна я несчастная, есть и несчастнѣе меня, есть и такія, что на улицѣ ночуютъ»—и легче ей станетъ». «Да здѣсь тоже не про деревья, а про людей говорится, сказала другая ученица,—только я не такъ понимаю: она не про несчастныхъ думаетъ, а вспоминаетъ здѣсь человѣкъ свою подругу, которая тоже одна, грустная, думаетъ о немъ; и вотъ онъ вспоминаетъ, думаетъ про

нее, видитъ ее во снѣ и чувствуетъ себя уже не такимъ одинокимъ». Я раскрываю книгу и читаю ученицамъ попавшіеся мнѣ на глаза стихи: «И скучно, и грустно, и некому руку подать...» Въ серединѣ чтенія вижу, что попала не на совсѣмъ подходящее для ученицъ стихотвореніе. И дѣйствительно, стихи менѣе поняты ученицами и даже не понравились имъ. «Вотъ эти мнѣ меньше нравятся, сказала одна,—да я ихъ и не совсѣмъ поняла». «Зачѣмъ тутъ сказано, что жизнь скверная шутка, мнѣ это не нравится», говорила другая. «Что это, все одинъ и тотъ же писалъ всѣ эти стихи?» спросили меня ученицы. Я назвала имъ Лермонтова и сказала о немъ нѣсколько словъ. «А неспокойный, видно, былъ этотъ человѣкъ, говорили ученицы,—все ему чего-то хочется, все ему думается, мечтается, самъ словно буря. Мечтатель онъ былъ, а потому и стихи писалъ».

Что ни говорите, но стихотворная форма всегда въ той или другой мѣрѣ искусственна, и поэтому въ ней часто встрѣчаются такіе обороты рѣчи, требовать пониманія которыхъ у малограмотнаго и малоразвитого человѣка рѣшительно нельзя; но едва-ли это должно смущать учительницу настолько, чтобы жертвовать тѣмъ или другимъ стихотвореніемъ, желательнымъ для прочтенія по своему содержанію, идеѣ, или просто поэтической красотѣ. Сомнѣнія по этому поводу мы видимъ въ слѣдующей записи: «Иной разъ стихотвореніе нравится, заучивается на-память, произносится съ чувствомъ; основная идея его усвоена, но троньте детали, и вы увидите, что многое и многое непонятно въ немъ. Нагляднымъ образомъ этого служитъ стихотвореніе Некрасова «Внимая ужасамъ войны». «О чемъ здѣсь говорится?»—спрашиваю я «О томъ, отвѣчаетъ ученица, что если человѣкъ пойдетъ на войну и будетъ убитъ, его позабудетъ и жена, и другъ, у одной только матери до самаго гроба будетъ по немъ болѣть душа». Перехожу къ деталямъ. «Что значитъ: «внимая», «жертва боя», «герой», «проза»? Не понимаютъ. Правда, въ «Новой хрестоматіи» нашли возможнымъ пропустить двѣ строки:

«Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
«И всякой пошлости и прозы».

Но на что-же это похоже: послѣ словъ:

«Она до гроба помнить будетъ!..

начинается прямо:

«Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
«Святыя, искреннія слезы» и пр.

Невольно вспоминаешь поговорку: «изъ пѣсни слова не выкинишь», а между тѣмъ, съ другой стороны, составители хрестоматіи были правы, и строки, которыя я цитировала раньше, дѣйствительно непонятны ученицамъ. «Это говорится про шпіоновъ, говоритъ ученица,—которыхъ подсылаютъ на войнѣ». Объясненіе сравненія:

«Какъ не поднять плакучей ивѣ
«Своихъ поникнувшихъ вѣтвей»..

дается съ большимъ трудомъ, и не будь наводящихъ вопросовъ учительницы, оно пропало-бы безслѣдно.

При чтеніи стихотворенія Некрасова «Сельская церковь» повторяется та-же исторія, что съ предыдущимъ. «Чудится», «руина» оказались неизвѣстными словами. «Этихъ звуковъ властительно пѣнье»—никто не могъ объяснить. Одна изъ учениц сказала: «Въ то время, передъ свѣтомъ, въ деревняхъ пѣтухи поютъ!» «А я думаю, что это про мужиковъ говорится!» пояснила другая. Въ общемъ же стихотвореніе было понято, и содержаніе

его передано какъ нельзя лучше. Что-же дѣлать? Имѣть-ли въ виду, что учительница можетъ объяснить то, что не понято ученицей, или выбирать стихотворенія, въ которыхъ все понятно до послѣдняго слова?»

И этотъ вопросъ учительница какъ-бы разрѣшаетъ въ указанномъ нами выше смыслѣ. Остановившись на стихотвореніи Пушкина «Анчаръ», она говоритъ: «На этотъ разъ меня совершенно не занималъ вопросъ, поймутъ-ли мои ученицы отдѣльныя слова, фразы и выраженія; все мое вниманіе было направлено на то, понятно-ли имъ будетъ самое содержаніе и смыслъ стихотворенія Пушкина «Анчаръ»—дерево яда. Я прочла его медленно, внятно, оттѣняя каждую строчку и подчеркивая особенно то, на что желала обратить вниманіе своей аудиторіи. По лицамъ, которыя такъ знакомы мнѣ, я была увѣрена, что стихотвореніе произвело впечатлѣніе, но дѣвушки молчали, а самой мнѣ не хотѣлось какъ-то вызывать на разговоръ. Я прочла стихотвореніе вторично, еще съ большимъ чувствомъ и выраженіемъ, и закрыла книгу. «Какъ жаль его!» сказала одна изъ ученицъ, и тѣнь страданья промелькнула по ея умному и симпатичному лицу. Я просила другую передать мнѣ содержаніе. «Стояло въ пустынѣ дерево, начала она,—съ котораго такъ и капалъ ядъ; даже дикіе звѣри боялись подходить къ нему. Но царь послалъ своего раба принести этого самаго яда, и онъ долженъ былъ послушаться его. Рабъ принесъ—и померъ, а царь напиталъ этимъ ядомъ стрѣлы и пустилъ ихъ въ своихъ враговъ». Дѣвушка глубоко вздохнула и задумалась. Мнѣ казалось излишнимъ разспрашивать еще о чемъ-нибудь».

Но, конечно, есть стихотворенія, которыя требуютъ предварительной или попутной бесѣды учительницы, и безъ нея рѣшительно не могутъ быть поняты учащимися, не имѣющими тѣхъ или другихъ знаній; сказанное особенно относится къ стихотвореніямъ, связаннымъ, напр., съ извѣстной исторической эпохой, историческимъ событіемъ или лицомъ. Вотъ выдержки изъ отчетовъ учительницъ, характеризующія такіе именно случаи: «Объяснивъ моимъ слушательницамъ заглавіе поэмы Жуковскаго «Шильонскій узникъ», которое было имъ совершенно непонятно, и сказавъ нѣсколько словъ объ эпохѣ, которая взята здѣсь, я начала читать. Мнѣ казалось, что это произведеніе, гдѣ такъ много непонятныхъ словъ, необычныхъ выраженій, нужно прочесть ученицамъ все за разъ, чтобы разъясненіе отдѣльныхъ словъ (которое можно было сдѣлать послѣ) не помѣшало-бы цѣлости впечатлѣнія. Но когда мы дошли до словъ: «И братъ мой тамъ, въ сырой землѣ тюрьмы зарытъ»... Одна ученица обратилась ко мнѣ: «Позвольте я васъ перебью, значитъ, средній братъ умеръ, и даже похоронили его въ тюрьмѣ», и ученица эта, желая, очевидно, лучше уяснить самой себѣ смыслъ прочитаннаго, начала разсказывать объ этихъ трехъ братьяхъ,—о томъ, какъ средній, искавшій свободы даже на волѣ, не пережилъ заключенья, и какъ жестоко поступили съ нимъ, похоронивъ его тутъ-же. Такъ-же точно старались ученицы разсказать и вторую половину поэмы; разсказывала одна, остальныя слушали, и всякую минуту, какъ та запнется, спѣшили продолжать. «Ему радостно было слушать птичку, которая пѣла ему, такъ какъ тогда уже больше некому было его любить». Когда пересказъ окончили, я спросила, какъ онѣ думаютъ, за что попали эти люди въ тюрьму? «Должно быть, невинно, отвѣчала разсказчица,—еще средній могъ наскочить на что-нибудь, а тѣ два нѣтъ»; на вопросъ о томъ, почему она считаетъ средняго способнымъ на преступленіе, она опять повторила: «Просто наскочить могъ на случай, такъ какъ былъ очень воинственный и горячій». Послѣ этого пришлось разска-

зать кое-что изъ исторіи по поводу борьбы религіозныхъ партій, и та-же ученица замѣтила: «Это ужъ всегда такъ, когда люди поспорятъ, такъ ужъ не разбираютъ, правы они или нѣтъ, а кто только не по ихнему дѣлаетъ, тотъ и виноватъ». Фабула разсказа интересна и совершенно доступна пониманію, что мы видимъ и изъ слѣдующаго отчета: «Я прочла стихотвореніе «Шильонскій узникъ» своей группѣ, состоявшей изъ учениц отъ 14 до 20 лѣтъ. Чтеніе слушалось съ захватывающимъ интересомъ. Когда я кончила, меня закидали вопросами: «а что же было съ нимъ дальше?» «Это все?» «А конецъ?» «Гдѣ это было?» Узнавъ, что этотъ отрывокъ взятъ изъ Жуковскаго, три ученицы выразили большое желаніе взять изъ библіотеки «Шильонскаго узника» Жуковскаго въ полномъ видѣ. «За что они сидѣли?» спросила одна. «За воровство», быстро отвѣтила другая, но остальныя засмѣялись. «Злые люди посадили», объяснила ученица Т. «За что?» «Почему?» Тутъ нѣкоторыя вспомнили, какъ недавно читали про старое время на Руси, когда удѣльные князья нерѣдко шли братъ на брата, заключали и даже ослѣпляли ни въ чемъ невиноватыхъ. «Вездѣ такъ бываетъ», сказала одна. «Бываетъ, что и ни въ чемъ неповинные сидятъ», поддерживаетъ другая. «А вотъ я читала «Мертвый домъ» Достоевскаго, тамъ тоже тюрьма описывается, продолжаетъ Т., —тамъ тоже три брата узника были». Затѣмъ сдѣлано было письменное переложеніе прочитаннаго: содержаніе и смыслъ были переданы совершенно вѣрно».

Еще ярче говорятъ о томъ, какъ необходимы для пониманія нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній извѣстныя знанія, предлагаемые ниже два отчета о прочтеніи стихотворенія Алексѣя Толстого «Василій Шибановъ» въ двухъ группахъ съ различной подготовкой.

Первый отчетъ: «На мой предварительный вопросъ, слыхали-ли ученицы про Іоанна Грознаго, всѣ, кромѣ одной, отвѣчали, что ничего не знаютъ о немъ. Въ краткихъ словахъ я охарактеризовала имъ двѣ различныя эпохи въ царствованіи Грознаго. Послѣ этого я прочитала стихотвореніе все, не останавливаясь на объясненіи отдѣльныхъ словъ Потомъ прочитала стихотвореніе одна изъ ученицъ, при чемъ я спрашивала и объясняла имъ нѣкоторыя непонятныя для нихъ слова, которыхъ встрѣчалось не мало (стремянный, опальный, дьякъ, застѣнокъ). Письмо Курбскаго, занимающее два куплета, мнѣ пришлось имъ все передать своими словами, такъ какъ форма его слишкомъ затрудняла ученицъ. Когда послѣ чтенія я попросила ихъ разсказать содержаніе стихотворенія, онѣ всѣ отказались, при чемъ нѣкоторыя говорили: «Понятно, а разсказать не можемъ, очень трудно передать», хотя раньше наводящими вопросами о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ я и старалась облегчить пересказъ. Наконецъ, двѣ изъ ученицъ, совмѣстно и съ помощью моей и другихъ ученицъ, все-таки вкратцѣ передали содержаніе стихотворенія. Основную идею его онѣ поняли, и всѣ симпатіи ихъ были на сторонѣ Курбскаго. «Онъ измѣнилъ царю, потому что царь забылъ его заслуги, онъ бѣжалъ, чтобы жизнь свою спасти», говорили онѣ. Провѣрка стихотворенія привела меня къ заключенію, что неудобно читать его ученицамъ, совершенно незнакомымъ съ исторіей, такъ какъ оно требуетъ для своего пониманія большой предварительной работы

Цѣлесообразнѣе было проведено чтеніе того-же произведенія въ другой группѣ, съ большей подготовкой Учительница пишетъ: «Предварительно была прочитана статья объ Иванѣ Грозномъ изъ книги Водовозова. Передъ ученицами возсталъ яркій образъ несправедливаго и жестокаго царя. Нѣкоторыя

изъ ученицъ были и раньше знакомы съ личностью Ивана IV по роману «Князь Серебряный», «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ» и изъ бесѣды по Русской исторіи. Эти ученицы дѣлали къ статьѣ замѣчанія и добавленія, которыя говорили не въ пользу Ивана Грознаго. Всѣ-же опальные бояре пріобрѣли ихъ симпатіи, такъ что побѣгъ храбраго, образованнаго и честнаго Курбскаго вызвалъ сочувствіе и одобреніе, а не осужденіе и обвиненіе его въ измѣнѣ, чего боялись иные. Тогда я сама обратила вниманіе на измѣну, но одна ученица замѣтила: «Что жъ, хорошій и честный человѣкъ вездѣ можетъ дѣлать добро; такой человѣкъ пусть лучше живетъ, а не умираетъ напрасно». Все стихотвореніе я прочла, безъ остановокъ, пропусковъ и объясненій, сначала до словъ: «Ступай-же съ Малютой въ застѣнокъ!». Когда читалось письмо Курбскаго, ученица С. сказала: «Вотъ теперь онъ ему глаза откроетъ». Письмо ученицы поняли съ перваго-же раза и могли передать его содержаніе такъ-же, какъ и содержаніе всего стихотворенія. Потомъ мнѣ пришлось объяснить непонятныя слова, которыхъ было достаточно, но незнаніе ихъ не мѣшало ученицамъ понять стихотвореніе въ его цѣломъ. Послѣ моего чтенія и объясненія словъ и пересказа содержанія въ общемъ, ученицы перечитали стихотвореніе сами и передали прочитанное подробнѣе. До письма стихотвореніе читалось очень легко; славянскіе же обороты нѣсколько затруднили ученицъ. Пересказъ могъ удовлетворить самаго требовательнаго слушателя. Но стихотвореніе было-бы совершенно недоступно для пониманія, если-бы предварительно не была прочитана статья объ Иванѣ Грозномъ».

Приведенные отчеты о чтеніи въ школѣ литературныхъ произведеній, думается намъ, лишній разъ подтверждаютъ, что, кромѣ вообще важнаго значенія знакомства учащихся съ художественными отрывками, они особенно цѣнны тѣмъ, что будятъ мысль, наталкиваютъ ее на многое въ жизни и людскихъ отношеніяхъ, заставляютъ сознательнѣе относиться ко многому тому, что еще такъ темно для малоразвитаго простолюдина, однимъ словомъ—выясняютъ его умственному и нравственному взору, въ чемъ-же заключается добро и правда, а это, быть можетъ, и есть самая важная задача школы.

М. Салтыкова.

Хроника профессіональнаго образованія.

На съѣздѣ дѣятелей по сельско-хозяйственному образованію.—Постановленія съѣзда, касающіяся среднихъ школъ.—Низшія сельско-хозяйственныя школы и крестьянское хозяйство.—Практическія занятія въ низшихъ школахъ.—Школьные музеи. — Преподаваніе сельско-хозяйственной географіи. — Итоги дѣятельности съѣзда.—Частные курсы по сельскому хозяйству.

Съ 2-го по 7-е января въ Москвѣ происходили занятія съѣзда дѣятелей по сельско-хозяйственному образованію. Такъ какъ доклады и протоколы этого съѣзда, какъ и предъидущихъ двухъ, будутъ помѣщены въ «Русской Школѣ», то здѣсь мы ограничимся сообщеніемъ лишь нѣкоторыхъ свѣдѣній о немъ, имѣющихъ наиболѣе общій характеръ. Вниманіе съѣзда, судя по отчетамъ о немъ въ московскихъ газетахъ, главнымъ образомъ было сосредоточено на средствахъ къ болѣе цѣлесообразной постановкѣ низшаго сельско-хозяйственнаго образованія. Важное значеніе такой задачи выдвинуто было, между прочимъ, и въ рѣчи предсѣдателя И. А. Стебута, кото-

рою онъ открылъ занятія съѣзда. Остановившись на общихъ задачахъ сельско-хозяйственнаго образованія, И. А. Стебутъ указалъ, что это образованіе стремится къ удовлетворенію требованій, предъявляемыхъ къ нему жизнью въ данной странѣ и въ данное время, опираясь на общее образованіе. Поэтому и условія его вполнѣ опредѣляются тѣмъ, насколько оно удовлетворяетъ этимъ требованіямъ въ соотвѣтствіи съ находимой имъ поддержкой въ общемъ образованіи. Русская жизнь требуетъ въ настоящее время отъ сельско-хозяйственнаго образованія научныхъ дѣятелей по сельскому хозяйству, затѣмъ—искусныхъ сельскихъ хозяевъ нѣсколькихъ разрядовъ, начиная съ могущихъ устроить и вести ту или другую отдѣльную отрасль сельскаго хозяйства и небольшое хозяйство и кончая сельскими хозяевами, способными устроить и вести большія сельско-хозяйственныя предпріятія, и, наконецъ, хорошихъ сельско-хозяйственныхъ работниковъ. Настоящая постановка у насъ сельско-хозяйственнаго образованія заключается въ трехъ разрядахъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній: высшемъ, среднемъ и низшемъ—для общихъ по сельскому хозяйству учебныхъ заведеній и среднемъ и преимущественно низшемъ—для учебныхъ заведеній по отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Такая постановка сельско-хозяйственнаго образованія удовлетворяетъ до извѣстной степени требованію относительно подготовки сельскихъ хозяевъ различныхъ разрядовъ и научныхъ дѣятелей по сельскому хозяйству, но она оставляетъ совершенно неудовлетвореннымъ требованіе относительно подготовки сельско-хозяйственныхъ работниковъ. Не касаясь здѣсь высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, которыхъ задача заключается въ подготовкѣ научныхъ дѣятелей и сельскихъ хозяевъ высшаго разряда, такъ какъ вопросъ о нихъ не входитъ въ программу съѣзда, И. А. Стебутъ замѣтилъ, что среднія сельско-хозяйственныя учебныя заведенія, преслѣдуя совершенно опредѣленную задачу—подготовку сельскихъ хозяевъ средняго разряда, имѣютъ и болѣе установленную организацію, и достигаютъ наиболѣе полно своей цѣли; низшія-же сельско-хозяйственныя учебныя заведенія не имѣютъ прочно установленной организаціи именно вслѣдствіе того, что служа, очевидно, къ подготовкѣ сельскихъ хозяевъ низшаго разряда, не могутъ также отказаться отъ задачи подготовки сельско-хозяйственныхъ работниковъ. Этимъ объясняется то, что на бывшихъ съѣздахъ дѣятелей по сельско-хозяйственному образованію, въ программу которыхъ входятъ лишь вопросы по среднему и низшему образованію, весьма мало было рѣчи о среднемъ сельско-хозяйственномъ образованіи, главнымъ-же образомъ обсуждалась организація низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ и въ особенности постановка въ нихъ практическихъ занятій. Тѣ, которые, видимо склонялись къ подготовкѣ низшими сельско-хозяйственными школами сельско-хозяйственныхъ работниковъ, требовали, чтобы въ основѣ школьныхъ занятій учениковъ школы были положены сельско-хозяйственныя работы, какъ онѣ ведутся въ коммерческихъ хозяйствахъ, тогда какъ тѣ, которые считаютъ задачей низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ подготовку сельскихъ хозяевъ низшаго разряда, довольствовались для учениковъ учебной постановкой въ школѣ сельско-хозяйственныхъ работъ. Для меня,—сказалъ предсѣдатель съѣзда, — кажется несомнѣнной необходимость выработки не существующаго у насъ пока еще типа сельско-хозяйственной школы для подготовки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и освобожденія отъ этой задачи низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, которыя, оставшись при одной лишь цѣли — подготовкѣ сельскихъ хозяевъ низшаго разряда, получатъ и болѣе

устойчивую, опредѣленную организацію. Обѣ эти школы существенно должны различаться тѣмъ, что школьное образованіе сельско-хозяйственныхъ работниковъ должно заключаться въ дополненіи производимыхъ при собственномъ хозяйствѣ школы сельско-хозяйственныхъ работъ соотвѣтствующимъ классным преподаваніемъ въ свободное отъ хозяйственныхъ работъ время, тогда какъ въ школѣ, готовящей сельскихъ хозяевъ низшаго разряда, классное преподаваніе должно дополняться сельско-хозяйственными работами, что и происходитъ въ нашихъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ, если не во всѣхъ, то въ большинствѣ изъ нихъ. Какъ научный дѣятель по сельскому хозяйству долженъ быть человѣкомъ науки, знакомымъ съ искусствомъ и ремесломъ сельскаго хозяйства, чтобы хорошо знать объекты, требующіе съ его стороны научной разработки, такъ сельско-хозяйственному работнику должно быть разъяснено значеніе производимыхъ имъ работъ, чтобы онъ могъ выполнять ихъ до извѣстной степени сознательно; сельскій-же хозяинъ долженъ вполнѣ обладать научными основами сельско-хозяйственной промышленности Что касается поддержки, какую находитъ у насъ профессіональное образованіе въ общемъ, то слѣдуетъ замѣтить, что постановка общаго образованія у насъ мало приноровлена къ потребностямъ профессіональнаго образованія. Отсюда происходитъ то, что наши профессіональныя учебныя заведенія, чтобы имѣть надлежащій контингентъ учащихся, должны сами пополнять общее образованіе поступающихъ въ нихъ изъ общеобразовательныхъ школъ Если это пока можетъ считаться хотя еще нѣсколько нормальнымъ для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, то оно представляется тѣмъ болѣе ненормальнымъ, чѣмъ выше мы поднимаемся по ступенямъ профессіональнаго образованія, и въ нашихъ среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ это является уже значительною ненормальностью, тѣмъ болѣе, что удорожаетъ значительно сельско-хозяйственное образованіе и заставляетъ соединять въ интернаты, которые необходимы въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, слишкомъ разновозрастныхъ учащихся для того, чтобы воспитаніе ихъ могло быть поставлено вполнѣ успѣшно. Нельзя не остановиться также и на томъ явленіи, что, при недостаткѣ у насъ высшихъ учебныхъ заведеній, готовящихъ сельскихъ хозяевъ высшаго разряда, среднія школы силою вещей подтягиваются къ высшимъ, а низшія — къ среднимъ. Это естественно должно усиливать соотвѣтствующимъ образомъ требованія въ общеобразовательной подготовкѣ.

Слѣдующую рѣчь произнесъ директоръ московскаго с.-хоз. института К. А. Рачинскій, указавшій на важное значеніе связи и единенія между высшими и средними и низшими сельско-хоз. заведеніями, на общеніе между собою ихъ представителей и обмѣнъ мыслями и взглядами между ними. Въ заключеніе директоръ, привѣтствуя съѣздъ, заявилъ, что для осмотра членовъ съѣзда будутъ открыты всѣ лабораторіи, кабинеты и другія учрежденія при институтѣ. Затѣмъ опредѣленъ былъ порядокъ занятій съѣзда.

Занятія съѣзда подраздѣлены были на двѣ секціи: 1) по разсмотрѣнію вопросовъ, касающихся средняго сельско-хозяйственнаго образованія, и 2) по разработкѣ вопросовъ, относящихся къ низшему сельско-хозяйственному образованію. Какъ и на предыдущихъ съѣздахъ, по болѣе сложнымъ вопросамъ секціи избирали для предварительнаго обсужденія ихъ коммиссіи. Выработанные въ секціяхъ, при содѣйствіи коммиссій, доклады разсматривались въ общихъ собраніяхъ съѣзда. Предсѣдателями секцій избраны: 1) по вопросамъ средняго образованія А. А. Колесовъ и его товарищами Д. С. Леванда и

М. З. Воронцовъ; 2) по вопросамъ низшаго сельско-хозяйственнаго образованія председателемъ—М. П. Зубриловъ и его товарищемъ I. В. Киркоровъ. Секретарями съѣзда—П. А. Пахомовъ, Ѳ. И. Губинъ и А. Я. Рейнфельтъ.

Въ секціи по среднему сельско хозяйственному образованію наиболѣе оживленныя пренія вызвалъ докладъ В. А. Сладкова о практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ въ среднихъ школахъ.

Въ секціи по низшему образованію наибольшій интересъ представляли доклады, посвященные вопросу о размѣрѣ воздѣйствія, которое проявляютъ низшія сельско-хозяйственныя школы на крестьянское хозяйство. Въ связи съ этимъ вопросомъ, А. Н. Терскій въ своемъ докладѣ указалъ на желательность устройства такой низшей сельско-хозяйственной школы, которая болѣе-бы соотвѣтствовала интересамъ крестьянскаго хозяйства, чѣмъ нынѣ существующая. Тому же вопросу были посвящены и доклады Н. Г. Коваленка и Кудерскаго. В. Ф Баудеръ въ своемъ докладѣ остановился на нѣкоторыхъ желательныхъ измѣненіяхъ въ существующей организаціи низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, при чемъ основная мысль докладчика сводится къ тому, что низшія сельско-хозяйственныя школы должны существовать не для одной цѣли, а для двухъ, изъ которыхъ одна заключается въ подготовкѣ низшихъ служащихъ экономій, а другая—въ подготовкѣ крестьянъ-хозяевъ.

Затѣмъ съѣздомъ были выслушаны два доклада о практическихъ занятіяхъ въ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ: А. А. Славянскаго и В. В. Немыцкаго. Первый признавалъ необходимымъ при практическихъ занятіяхъ удѣлять больше мѣста работамъ съ сельско-хозяйственными машинами; второй въ своемъ рефератѣ признавалъ необходимымъ урегулировать практическія занятія въ низшихъ школахъ.

Въ результатѣ съѣздъ сдѣлалъ рядъ постановленій о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ. Такъ, съѣздъ призналъ что постановка дѣла въ этихъ школахъ нуждается въ улучшеніяхъ и что помимо этого необходимы еще другія мѣропріятія для воздѣйствія школы на крестьянское хозяйство. Разработка вопроса о желательныхъ улучшеніяхъ въ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ передана была въ коммиссію, которая пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) низшія сельско-хозяйственныя школы при настоящихъ условіяхъ обученія и воспитанія въ весьма малой степени могутъ оказывать непосредственное воздѣйствіе на крестьянскія хозяйства, 2) просить департаментъ земледѣлія передать на заключеніе совѣтовъ сельско-хозяйственныхъ школъ, земскихъ учрежденій и сельско-хозяйственныхъ обществъ вопросы: а) о необходимыхъ мѣропріятіяхъ для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ крестьянской средѣ, помимо существующихъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ; б) о цѣлесообразности и осуществимости устройства сельско-хозяйственныхъ школъ безъ пансіона и безъ обязательнаго пребыванія учениковъ въ школѣ въ теченіе всего лѣта; в) о возможности и желательности устройства сельско-хозяйственныхъ школъ, назначенныхъ для удовлетворенія нуждъ крестьянскаго хозяйства. По вопросу объ организаціи практическихъ занятій при низшей сельско-хозяйственной школѣ съѣздъ, признавая необходимымъ урегулировать эти занятія, постановилъ: 1) считать обязательнымъ устройство при всякой низшей сельско-хозяйственной школѣ маленькаго ботаническаго сада, показательнаго поля и ученическихъ огородовъ; 2) ходатайствовать предъ департаментомъ земледѣлія объ отпускѣ хотя бы небольшихъ суммъ на поддержаніе и развитіе этихъ учрежденій и на образованіе учебныхъ кабинетовъ или ихъ попол

неніе при существующихъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ; 3) признать обязательнымъ, чтобы при всякой школѣ имѣлось учебно-практическое хозяйство надлежащихъ размѣровъ. Далѣе съѣздъ высказалъ мнѣніе, что размѣры школьнаго хозяйства должны быть достаточно широки для того, чтобы ученики дѣйствительно могли пріучаться къ исполненію обязанностей низшихъ служащихъ, и что въ практическихъ работахъ учениковъ слѣдуетъ отводить необходимое мѣсто работамъ съ сельско-хозяйственными машинами.

Общихъ нуждъ какъ среднихъ, такъ и низшихъ школъ коснулись въ своихъ докладахъ В. С. Пржепіорскій и А. Ф. Фортунатовъ. По мнѣнію перваго докладчика, при школахъ обоихъ типовъ желательно устраивать постепенно школьные музеи силами наличныхъ учениковъ, подъ руководствомъ преподавателей. Директоръ сельско-хозяйственнаго института К. А. Рачинскій находилъ весьма удачною мысль референта объ организаціи школьныхъ музеевъ и признавалъ необходимымъ рекомендовать ее сельско-хозяйственнымъ школамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ съѣзду выразить г. Пржепіорскому благодарность за устройство при съѣздѣ весьма интересной выставки ученическихъ работъ по черченію Харьковскаго земледѣльческаго училища. Г. Подаревъ, присоединяясь къ мысли докладчика, признавалъ полезнымъ расширить составъ музея другими коллекціями, какъ-то, сѣмянъ, почвъ и др. Г. Казиміровъ полагалъ что музеи при сельско-хозяйственныхъ школахъ должны заключать въ себѣ всѣ характерныя коллекціи почвъ даннаго района, а также данныя по флорѣ и фаунѣ данной мѣстности; школьные музеи, по его мнѣнію, должны представлять интересъ не для одной только школы, а для каждаго сельскаго хозяина, интересующагося особенностями данной мѣстности. По поводу этого проекта предсѣдателемъ съѣзда было замѣчено что г. Казиміровъ поднимаетъ новый вопросъ представляющій значительный интересъ; но этотъ вопросъ существенно отличается отъ проекта школьныхъ музеевъ г. Пржепіорскаго.

Въ заключеніе преній съѣздомъ выражено пожеланіе объ устройствѣ при сельско-хозяйственной школѣ кабинетовъ съ общеобразовательными коллекціями, при чемъ съѣздъ нашелъ возможнымъ, чтобъ они устроивались путемъ обмѣна коллекцій между школами. Затѣмъ съѣздъ постановилъ просить Министерство Земледѣлія, чтобъ оно предложило училищнымъ совѣтамъ разработать вопросъ объ устройствѣ музеевъ при низшихъ школахъ.

А. Ф. Фортунатовъ прочелъ докладъ «Сельско-хозяйственная географія въ среднихъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ», и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) сельско-хозяйственная географія принадлежитъ къ спеціалбнымъ предметамъ курса сельско-хозяйственныхъ школъ; 2) при преподаваніи географіи въ сельско-хозяйственныхъ школахъ необходимо особое вниманіе ко всѣмъ отдѣламъ, стоящимъ въ близкой связи съ географіею сельскаго хозяйства; 3) и въ низшей, и въ средней школѣ желательно преподаваніе географіи въ каждомъ классѣ, хотя-бы по одному часу въ недѣлю; 4) обзоръ сельско-хозяйственной промышленности въ среднихъ школахъ долженъ быть сохраненъ въ качествѣ отдѣльнаго предмета или особой части географіи и, по возможности, съ преподавателемъ, получившимъ высшее сельско-хозяйственное образованіе; 5) употребленіе учебниковъ при преподаваніи географіи едва-ли желательно; учитель по возможности долженъ составлять для учениковъ краткіе конспекты того, что изучается въ классномъ преподаваніи; 6) картины, карты и картограммы необходимы при преподаваніи географіи; въ послѣднемъ классѣ учебнаго заведенія ученики должны

безъ труда узнавать губерніи на нѣмой картѣ Россіи; 7) въ послѣднихъ классахъ средней школы полезнымъ упражненіемъ для учениковъ можетъ быть составленіе подъ руководствомъ преподавателя характеристики сельскаго хозяйства въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ.

Предсѣдатель И. А. Стебутъ въ прощальной рѣчи подвелъ итоги дѣятельности съѣзда и высказалъ по поводу ея нѣсколько общихъ соображеній. Въ съѣздѣ должно было принять участіе 187 лицъ, но въ дѣйствительности въ его засѣданіяхъ присутствовало лишь 146 человѣкъ, изъ нихъ 103 пріѣзжающихъ и 43 живущихъ въ Москвѣ и принадлежащихъ, главнымъ образомъ, къ составу Московскаго сельско-хозяйственнаго института. Съѣздъ имѣлъ 6 общихъ собраній, 8 засѣданій по секціи средняго образованія, 6 по секціи низшаго образованія и 6 засѣданій коммиссій. Разсмотрѣно было Съѣздомъ 27 докладовъ: 7 докладовъ касались постановки теоретическаго образованія, 6—практическихъ занятій и постановки воспитанія, 4 доклада—о новомъ типѣ школъ, 3—о вознагражденіи учителей, 2—объ учебныхъ пособіяхъ и 1—о мѣстѣ будущаго съѣзда. Наиболѣе существенными представляются вопросы о новомъ типѣ низшей сельско-хозяйственной школы, о постановкѣ практическихъ занятій и о вознагражденіи учителей. Что касается перваго вопроса, то онъ возникъ и разрабатывался на основаніи того, что при настоящихъ условіяхъ жизни нашей страны требуется самое широкое распространеніе въ ней сельско-хозяйственныхъ знаній, а существующія школы не могутъ выполнить этой задачи и по своей неприспособленности къ крестьянскому хозяйству, и по своей значительной стоимости. Приходится подумать объ увеличеніи числа школъ, а для этого необходимо образовать такой типъ школы, который при нашихъ средствахъ могъ-бы быть распространенъ въ бо́льшемъ числѣ. Необходимо, чтобы работающій человѣкъ, не отрываясь отъ работы, могъ получать сельско-хозяйственныя знанія. Что касается практическихъ занятій въ сельско-хозяйственныхъ школахъ, то для нихъ нужны три вида учебныхъ пособій: 1) учебно-опытное поле, 2) учебно-практическое хозяйство и 3) коммерческое хозяйство. Первые два вида не встрѣчаютъ возраженій, но значеніе третьяго вида оспаривается въ нашей литературѣ. Говорятъ, между прочимъ, что за границей сельско-хозяйственныя учебныя заведенія не связаны съ коммерческимъ хозяйствомъ. Но за границей въ настоящее время школы окружаетъ множество хозяйствъ, устраняющихъ необходимость существованія при нихъ отдѣльныхъ коммерческихъ хозяйствъ, которыя прежде были и принесли свою пользу. Посылка учениковъ въ частныя хозяйства не можетъ восполнить отсутствія при школѣ хозяйства, организованнаго на коммерческомъ началѣ, какъ больница не можетъ для учащихся медицинѣ замѣнить клиникъ. Ставятъ въ упрекъ сельско-хозяйственнымъ школамъ, что онѣ не выпускаютъ практиковъ; но никакое учебное заведеніе не можетъ выпустить готовыхъ практиковъ. Учащійся, пока онъ находится въ учебномъ заведеніи, долженъ пользоваться практическими занятіями лишь настолько, насколько они служатъ къ выясненію теоретическаго преподаванія, составляющаго задачу учебнаго заведенія. Школа исполнитъ свой долгъ, если помѣститъ своего питомца въ такое хозяйство, гдѣ первые шаги его будутъ облегчены. Что касается третьяго вопроса—о вознагражденіи преподавателей, то онъ вызываетъ сочувственное отношеніе къ нему Министерства Земледѣлія, которое считаетъ необходимымъ улучшить матеріальное положеніе учителей, особенно низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ.

Но такъ какъ этотъ вопросъ находится въ связи съ тѣмъ, сколько можетъ ассигновать средствъ Государственное Казначейство, то для скорѣйшаго его разрѣшенія слѣдуетъ удешевить сельско-хозяйственное образованіе путемъ измѣненія постановки образованія въ сельско-хозяйственныхъ школахъ. Общеобразовательные предметы, по возможности, не должны проходиться въ сельско-хозяйственной школѣ, какъ профессіональной, въ которую ученики должны уже поступать съ полученнымъ общимъ образованіемъ. Это дастъ возможность увеличить штатъ необходимыхъ для сельско-хозяйственной школы преподавателей спеціальныхъ предметовъ и удешевить содержаніе школы. Въ заключеніе предсѣдатель коснулся организаціи будущихъ съѣздовъ. Необходимо учредить бюро съѣзда, въ которое докладчики представляли бы до открытія съѣзда свои рефераты, которые можно было бы напечатать и раздать членамъ съѣзда. По предложенію предсѣдателя съѣзда, Министру Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ отправлена слѣдующая телеграмма: «Съѣздъ дѣятелей по сельско-хозяйственному образованію, оканчивая свои занятія, считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ почтительнѣйше благодарить васъ, ваше высокопревосходительство, какъ основателя и покровителя съѣздовъ, оказывающихъ благотворное вліяніе на развитіе сельско-хозяйственныхъ знаній въ дорогой намъ Россіи и на которыхъ многочисленные участники почерпаютъ необходимую силу и энергію для дальнѣйшихъ работъ на нивѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ населеніи». По предложенію же предсѣдателя, съѣздъ выразилъ благодарность Московскому сельско-хозяйственному институту за оказанное гостепріимство.

Отъ лица съѣзда И. А. Стебуту произнесены были гг. Макуловымъ и Казиміровымъ привѣтственныя рѣчи, въ которыхъ указано было на его вліяніе, какъ учителя и руководителя сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи. Въ заключеніе съѣздомъ была выражена благодарность товарищу предсѣдателя проф. А. Ѳ. Фортунатову.

По вопросу о мѣстѣ будущаго съѣзда дѣятелей по сельско-хозяйственному образованію съѣздъ постановилъ ходатайствовать предъ Министерствомъ Земледѣлія объ устройствѣ слѣдующаго съѣзда также въ Москвѣ, въ январѣ 1900 года, и объ отпускѣ пособій тѣмъ учителямъ, которые прибудутъ на съѣздъ изъ отдаленныхъ мѣстностей.

20-го декабря, въ С.-Петербургѣ, въ актовомъ залѣ университета состоялось открытіе частныхъ курсовъ по сельскому хозяйству и основнымъ для него наукамъ. Публики на открытіе собралось около ста человѣкъ. Послѣ молебна профессоръ В. В. Докучаевъ прочелъ вступительную лекцію, въ которой познакомилъ слушателей съ исторіей возникновенія этихъ курсовъ и съ ихъ задачей.

Курсы возникли по иниціативѣ частнаго кружка землевладѣльцевъ, при помощи Министра Земледѣлія А. С. Ермолова. Курсы будутъ состоять изъ ряда лекцій, обстоятельно изложенныхъ спеціалистами по основнымъ для агрономіи наукамъ. Всего будетъ прочитано 120 лекцій: 1) О физико-химическихъ основахъ земледѣлія. 10 лекцій. Профессоръ Д. П. Коноваловъ; 2) О земной корѣ и полезныхъ для сельскаго хозяйства ископаемыхъ. 12 лекцій. Профессора: Юрьевскаго университета—Ф. Левинсонъ-Лессингъ Варшавскаго—В. Амалицкій и С. Петербургскаго (бывшій)—В. В. Докучаевъ; 3) О климатѣ и погодѣ и ихъ значеніи для сельскаго хозяйства; объ устройствѣ сельско-хозяйственныхъ метеорологическихъ станцій. 8 лекцій. Членъ ученаго коми-

тета Министерства Земледѣлія профессоръ П. Броуновъ; 4) О растительномъ и животномъ мірѣ по зонамъ. 12 лекцій. Профессоръ Харьковскаго университета А. Н. Красновъ; 5) Почвовѣдѣніе и оцѣнка земель. 12 лекцій. Профессоръ В. В. Докучаевъ; 6) О питаніи и размноженіи растительныхъ организмовъ. 8 лекцій. Профессоръ Лѣсного института И. П. Бородинъ; 7) Лекціи по скотоводству. 8 лекцій. Профессоръ, магистръ сельскаго хозяйства П. Кулешовъ; 8) О сельско-хозяйственномъ машиностроеніи. 6 лекцій. Кандидатъ математическаго факультета С. Ленинъ; 9) Объ экономическихъ основахъ земледѣлія. 10 лекцій. Профессоръ Новоалександрійскаго института А. Скворцовъ. Чтеніе лекцій производится по воскреснымъ днямъ, отъ 2 до 4½ час. дня, въ будни-же—по вечерамъ. Кромѣ того, по воскреснымъ днямъ, отъ 12 до 2 ч., въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ, будутъ происходить разнаго рода практическія занятія по предметамъ курса. Для подписавшихся на всѣ лекціи (120), каждая изъ нихъ обойдется по 25 к., а всѣ лекціи 30 р. Разовые билеты можно получать при входѣ въ лекціонный залъ далеко не на всѣ лекціи. Если число постоянныхъ слушателей будетъ достаточно большое, тогда будутъ прочитаны, за ту же плату въ 30 руб., для постоянныхъ слушателей, еще слѣдующіе предметы и вопросы: 1) сельско-хозяйственное счетоводство: 2) сельско-хозяйственная промышленность, въ ея научныхъ основахъ; 3) полезныя и вредныя животныя (особенно насѣкомыя) въ сельскомъ хозяйствѣ—4 лекціи; 4) болѣзни культурныхъ растеній, причиняемыя грибками; 5) отдѣльныя спеціальныя отрасли сельскаго хозяйства: сыровареніе и молочное дѣло вообще, рыбоводство, пчеловодство, садоводство и огородничество—6 лекцій; 6) важнѣйшія отрасли сельскаго хозяйства крайняго Юга и Востока Россіи: виноградная и хлопковая культуры; шелководство, табаководство и проч.—6 лекцій; 7) основы и значеніе для сельскаго хозяйства такъ-называемыхъ техническихъ сельско хозяйственныхъ производствъ—винокуренія, пивоваренія, сахароваренія—6 лекцій; 8) наши засухи и борьба съ ними—3 лекціи. Какъ видно, программа широкая. Имена профессоровъ-лекторовъ извѣстны, какъ лучшихъ спеціалистовъ по даннымъ вопросамъ, и поэтому вполнѣ понятна будетъ фраза В. В. Докучаева въ его вступительной лекціи, что эти курсы сельскаго хозяйства вполнѣ замѣнятъ собою четырехлѣтній курсъ высшаго агрономическаго заведенія. Остается пожелать, чтобы практическій успѣхъ курсовъ позволилъ осуществить программу ихъ во всей ея широтѣ. 5-го января, какъ сообщаетъ «Нов. Вр.», Министру Земледѣлія представлялась депутація отъ землевладѣльцевъ изъ разныхъ районовъ Россіи, въ качествѣ организаторовъ названныхъ курсовъ, въ составѣ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя комитета, профессора В. В. Докучаева, и членовъ — товарища оберъ-прокурора сената Н. А. Мясоѣдова, войска Донского полковника А. И. Золотарева, полковника К. А. Чижова, подполковника Я. К. Колзакова и земскаго начальника Н. А. Ковалева. Выразивъ живѣйшую благодарность за оказанное содѣйствіе по открытію курсовъ, депутація просила Министра принять это начинаніе подъ свое особое покровительство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ходатайствовала объ оказаніи возможнаго содѣйствія по изданію лекцій, одинаково важныхъ какъ для цѣлей Министерства Земледѣлія, такъ и для возможно широкаго распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній среди народа, а равно и для облегченія организаціи столь полезнаго и столь симпатичнаго дѣла въ провинціи,—въ настоящемъ центрѣ сельскаго хозяйства. Г. Министру угодно было отнестись съ особымъ сочувствіемъ къ хо-

датайству депутации, и въ своей отвѣтной рѣчи онъ выразилъ, что особенно цѣнитъ въ данномъ случаѣ починъ самихъ землевладѣльцевъ, которымъ принадлежитъ и самая идея организаци нынѣ существующихъ курсовъ, и что только при взаимномъ согласномъ и упорномъ сотрудничествѣ самихъ землевладѣльцевъ и Министерства Земледѣлія въ сферѣ сельско-хозяйственной дѣятельности, могутъ быть достигнуты истинно благіе и всѣмъ явные результаты на пользу Россіи. Вл. Б—чъ.

Общество содѣйствія начальному народному образованію въ Курской губерніи.

Если-бы мы пересмотрѣли періодическую печать десятка за три лѣтъ, то нерѣдко встрѣтили-бы ту-же самую фразу, которою за послѣдніе годы или начинаются, или заканчиваются многія корреспонденціи изъ провинціи, а именно: «*за послѣднее время замѣчается усиленная дѣятельность въ провинціи по народному образованію*». Чѣмъ-же объяснить это явленіе? А тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ *сама собою* дѣятельность въ провинціи по народному образованію *никогда* не прекращалась, а *затихала* она по такъ называемымъ «независящимъ обстоятельствамъ», и какъ только эти обстоятельства прекращались или, скорѣе, понижались въ степени своего воздѣйствія, тотчасъ-же опять усиливалась и культурная работа. Забывая это, корреспонденты и отмѣчаютъ, что дѣятельность по народному образованію проявилось «за послѣднее время», не соображая, что и раньше она проявлялась.

Городъ Курскъ въ этомъ отношеніи не представляетъ никакого исключенія: и въ немъ, какъ и въ другихъ городахъ, культурная работа интеллигентныхъ силъ то загоралась, то потухала, то опять вспыхивала. За невозможностью болѣе широкой и болѣе соотвѣтственной культурнымъ нуждамъ населенія работы, въ провинціи занимались въ періоды затишій тѣмъ, чѣмъ можно только было заняться, именно *народными чтеніями*. Собственно говоря, *хорошо поставленныя* народныя чтенія имѣли бы громадное значеніе. Но, принимая во вниманіе отсутствіе средствъ у провинціальной интеллигенціи, вслѣдствіе чего, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не было возможности устраивать собственныхъ аудиторій, принимая во вниманіе болѣе чѣмъ ограниченный выборъ книгъ, а также громадныя затрудненія при утвержденіи чтецовъ, народныя чтенія играли менѣе значительную образовательную роль, и сплошь и рядомъ наблюдалось, что въ неимовѣрно тѣсной и темной аудиторіи читалась болѣе, чѣмъ плохая книга.

Нужно-ли, поэтому, говорить, что какъ только явилась возможность, провинція употребила всѣ усилія расширить культурную дѣятельность путемъ замѣны «*коммиссій народныхъ чтеній*» Обществомъ съ болѣе широкими программами.

Курское интеллигентное общество очень долго хлопотало объ этомъ, и только 1 марта 1898 года былъ, наконецъ, утвержденъ «*Уставъ Общества содѣйствія начальному народному образованію въ Курской губерніи*». Общество это, какъ гласитъ 1-ый § «Устава», имѣетъ цѣлью содѣйствовать начальному образованію въ предѣлахъ Курской губерніи. Для достиженія этой цѣли, оно устраиваетъ и содѣйствуетъ устройству народныхъ чтеній, воскресныхъ школъ, повторительныхъ классовъ и вечернихъ занятій для взрослыхъ,

классовъ хорового пѣнія, безплатныхъ библіотекъ и читаленъ, общедоступныхъ спектаклей, концертовъ, книжныхъ складовъ, а также способствуетъ физическому воспитанію дѣтей. Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа лицъ обоего пола, всѣхъ званій, состояній и вѣроисповѣданій. Средства общества состоятъ изъ членскихъ взносовъ, доходовъ отъ капиталовъ и имуществъ общества, пожертвованій членовъ общества и постороннихъ лицъ, а также различныхъ учрежденій какъ деньгами, такъ и вещами, а также отказовъ по духовнымъ завѣщаніямъ, доходовъ отъ устраиваемыхъ обществомъ драматическихъ представленій, литературныхъ чтеній, публичныхъ лекцій. концертовъ и т. д.; сбора по подписнымъ листамъ и книжкамъ. выдаваемымъ для этого членамъ общества, и публичнаго сбора и сбора въ кружки. Управленіе дѣлами Общества, завѣдываніе ими и веденіе ихъ возлагается на правленіе Общества и на общія собранія правленія. Правленіе, между прочимъ, имѣетъ право приглашать въ свои засѣданія лицъ, не входящихъ въ его составъ и даже постороннихъ обществу, участіе которыхъ въ обсужденіи дѣлъ можетъ оказаться полезнымъ. Члены Общества могутъ заявлять письменно или словесно правленію свои мнѣнія объ улучшеніяхъ или полезныхъ нововведеніяхъ по Обществу. При отклоненіи правленіемъ предложенія, члену, заявившему его, предоставляется право требовать внесенія этого предложеженія въ ближайшее общее собраніе. Общія собранія бываютъ обыкновенныя и чрезвычайныя. Обыкновенныя собранія созываются не менѣе одного раза въ годъ, чрезвычайныя-же—въ случаѣ надобности, для рѣшенія неотложныхъ вопросовъ, не разрѣшенныхъ правленіемъ или превышающихъ его власть, бываютъ: по постановленію правленія, по собственному его усмотрѣнію, по требованію Мин. Внутр. Дѣлъ, губернатора, а также ревизіонной коммиссіи или, наконецъ, по письменному о томъ заявленію не менѣе 15 членовъ.

Какъ только названній «Уставъ» былъ утвержденъ и Курская «Коммиссія народныхъ чтеній» превратилась въ «*Общество содѣйствія начальному народному образованію въ Курской губерніи*», тотчасъ закипѣла культурная работа курской интеллигенціи, и за полгода было сдѣлано то, чего старая коммиссія не сдѣлала за десять лѣтъ своего существованія.

Подтвержденіемъ этому служитъ вышедшій недавно «Отчетъ» Общества, къ ознакомленію съ которымъ мы и перейдемъ. Изъ него видно, что первое,—бывшее въ маѣ 1898 г.,—общее собраніе общества раздѣлило дѣятельность послѣдняго между *пятью отдѣлами*. И вотъ что сдѣлали эти отдѣлы за полугодовой періодъ времени. *Первый отдѣлъ* занимался исключительно устройствомъ *народныхъ чтеній*. «Преслѣдуя основную задачу Общества,—говорится, между прочимъ, въ отчетѣ,—содѣйствовать народному образованію, первый отдѣлъ въ частности имѣетъ цѣлью, путемъ устройства праздничныхъ и воскресныхъ чтеній, дать массѣ здоровое, облагораживающее препровожденіе времени. Отрывая народъ отъ его обычныхъ праздничныхъ развлеченій, популяризируя науку, обогащая массу знаніемъ, развивая въ ней вкусъ къ книгѣ, интересъ къ чтенію, возбуждая, наконецъ, пытливость и тотъ подъемъ духа, при которомъ человѣкъ становится болѣе способнымъ къ воспріятію впечатлѣній высшаго порядка, народныя чтенія, несомнѣнно, являются весьма важнымъ факторомъ цивилизующаго значенія».

Открывъ свою дѣятельность засѣданіемъ 31 августа 1898 года, первый отдѣлъ, собираясь по 2 раза въ мѣсяцъ, имѣлъ по 22 октября вышеназваннаго года четыре засѣданія, въ которыхъ предметомъ обычныхъ занятій слу-

жило обсужденіе вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ внутренняго распорядка отдѣла и организаціей дѣла народныхъ чтеній въ г. Курскѣ и Курской губерніи. Помимо этого, 1-й отдѣлъ разрабатывалъ правила для статистическаго обслѣдованія народныхъ чтеній въ г. Курскѣ и Курской губерніи, а также для устройства этихъ чтеній. Для собиранія статистическихъ данныхъ, каждому посѣтителю чтенія выдается билетикъ, куда заносятся посѣтителемъ или, если онъ неграмотенъ, другимъ лицомъ, свѣдѣнія о полѣ, возрастѣ, грамотности; свѣдѣнія-же. заносимыя въ журналъ, даютъ возможможность знать названіе прочитанныхъ брошюръ, фамиліи лекторовъ, завѣдующихъ волшебными фонарями, дежурныхъ членовъ, продолжительность чтенія, число показанныхъ картинъ и др.

Народныя чтенія ведутся 1-мъ отдѣломъ въ Курскѣ въ трехъ аудиторіяхъ: въ городскомъ зимнемъ театрѣ, въ приходскихъ училищахъ и въ арестантскомъ отдѣленіи.

По 22-е октября 1898 года чтеніямъ въ театрѣ было посвящено 9 праздничныхъ и воскресныхъ дней, прочитано 16 брошюръ и показано 76 картинъ. Всего посѣтителей перебывало на 9 чтеніяхъ 3.607, т.-е., въ среднемъ, по 401 на каждомъ чтеніи. Въ приходскомъ училищѣ было такое-же число чтеній: прочитано 15 брошюръ и показано 56 картинъ. Всѣхъ посѣтителей перебывало 1.471, или по 163 на каждомъ чтеніи въ среднемъ. Въ арестантскомъ отдѣленіи чтенія происходили точно такъ-же по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ. Среди читанныхъ брошюръ имѣются таковыя по естествознанію, гигіенѣ, медицинѣ, исторіи, землеописанію и народовѣдѣнію, а также беллетристика, поэзія и біографіи знаменитыхъ людей. Наконецъ, первый отдѣлъ имѣетъ открыть спеціальную дѣтскую аудиторію, для которой уже подыскивается помѣщеніе и составленъ списокъ чтеній, а также онъ, отдѣлъ, горячо отозвался на мысль устроить чтенія въ мѣстномъ тюремномъ замкѣ, и юридическому обществу, которое думаетъ организовать эти чтенія, первый отдѣлъ предоставляетъ брошюры для чтенія, картины и волшебный фонарь.

Для организаціи народныхъ чтеній въ губерніи первый отдѣлъ избралъ особую коммиссію, которая, во-первыхъ, выработала правила для пользованія внѣ Курска брошюрами и картинами Общества, во-вторыхъ—вырабатываетъ руководство къ открытію, устройство и веденію народныхъ чтеній и, въ-третьихъ, какъ отвѣчаетъ на запросы по устройству чтеній, такъ и собираетъ матеріалы для изученія положенія народныхъ чтеній въ губерніи и вообще изыскиваетъ средства къ возможно полному осуществленію своей задачи. Уже въ настоящее время, по мнѣнію коммиссіи, Общество владѣетъ настолько достаточнымъ количествомъ книгъ, брошюръ и картинъ, что можетъ устроить до 1.000 чтеній, снабжая по 50 аудиторій одновременно. Отдѣломъ, между прочимъ, постановлено открыть народныя чтенія въ пригородныхъ слободахъ г. Курска.

Послѣднее очередное Курское губернское земское собраніе на распространеніе народныхъ чтеній въ губерніи ассигновало 500 руб. Обществу, основательно видя въ немъ очень хорошаго помощника въ дѣлѣ просвѣщенія народа, тѣмъ болѣе, что, по уставу Общества, въ случаѣ закрытія послѣдняго, все имущество переходитъ земству, такъ что никакія затраты не представляютъ опасности, а между тѣмъ, какъ основательно замѣтилъ одинъ изъ гласныхъ, благодаря Обществу, управы, заваленныя работами, избавляются отъ необходимости возиться по пріобрѣтенію брошюръ и картинъ, по ихъ

пересылкѣ, по надзору за чтеніями. Въ первый отдѣлъ, къ слову сказать, записалось 82 члена *).

Второй отдѣлъ Общества занимается вопросомъ *по устройству книжныхъ складовъ и народныхъ библіотекъ.* Спеціально работать въ немъ записалось 30 членовъ. Главная задача отдѣла — распространеніе въ народѣ хорошихъ и полезныхъ книгъ для общества. «Нѣтъ надобности распространяться о томъ,—говорится въ отчетѣ по этому отдѣлу,—что для широкаго развитія просвѣщенія въ народныхъ массахъ недостаточно однѣхъ лишь школъ, хотя-бы и въ числѣ, обезпечивающемъ всеобщее обученіе. Необходимы и тѣ учрежденія, которыя дали-бы возможность грамотной части населенія не порывать связи съ книгой, которыя сдѣлали-бы доступной простому народу хорошую книгу, и тѣмъ самымъ не только поддерживали-бы въ народѣ простую грамотность, но развивали, укрѣпляли и распространяли среди него разумныя и полезныя свѣдѣнія объ окружающей природѣ, сельско-хозяйственныя, гигіеническія и др. Что книга нужна народу, что она стала уже его обычной и насущной потребностью—это доказываетъ одинъ тотъ фактъ, что въ народную среду ежегодно уходитъ, по самому скромному разсчету, свыше 15.000.000 экземпляровъ лубочныхъ изданій. Каковы эти изданія, единственно пока доступныя народу, и могутъ-ли они способствовать его просвѣщенію, извѣстно всякому: помимо своей сравнительной дороговизны, помимо безграмотности, они, по содержанію своему, положительно вредны для деревенскаго читателя, поддерживая и развивая въ немъ пьянство, страсть къ грубымъ и кровавымъ сценамъ и разнаго рода суевѣрія. А между тѣмъ, гораздо раньше, чѣмъ въ деревняхъ появились библіотеки, грамотные люди привыкли удовлетворять свои потребности въ чтеніи покупкой книгъ въ лавкахъ, на базарахъ и у офеней».

Сказанное и заставляетъ второй отдѣлъ всѣми путями посылать въ деревню хорошую книгу и изгонять оттуда лубочныя изданія. Однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ распространенія онъ считаетъ продажу книгъ на слѣд. началахъ. Въ Курскѣ проектируется устройство центральнаго книжнаго склада, на обязанности котораго будетъ подборъ лучшихъ и наиболѣе дешевыхъ книгъ и картинъ для продажи въ губерніи, закупка ихъ, по возможности, изъ первыхъ рукъ, съ солидными скидками. Изъ центральнаго склада книги и картины поступаютъ въ отдѣленія на коммиссію. Уже въ настоящее время отдѣлъ имѣетъ возможность, по его разсчетамъ, устроить книжные склады въ 10 пунктахъ Курской губерніи, при чемъ отдѣломъ получается не мало писемъ отъ многихъ лицъ, желающихъ оказать ему въ провинціи содѣйствіе по книжнымъ складамъ и продажѣ книгъ. Кромѣ склада и отдѣленій, книги въ самомъ Курскѣ будутъ продаваться на улицахъ и въ народныхъ аудиторіяхъ. Второй путь для распространенія хорошей книги, по мнѣнію отдѣла,—это народная библіотека и читальня съ безплатной выдачей для чтенія книгъ, журналовъ и газетъ. Первая такая библіотека-читальня въ непродолжительномъ времени будетъ открыта въ Курскѣ при Семеновской публичной библіотекѣ, а вторая — въ слободѣ Ямской. На послѣднюю, скажемъ къ слову, недавнее очередное курское губернское земское собраніе ассигновало 100 рублей.

---

*) Чтобы не повторяться, скажемъ, что, помимо членовъ, записавшихся въ тѣ или иные отдѣлы, *всѣ* члены вообще могутъ принимать участіе въ любомъ отдѣлѣ. Многіе члены, кромѣ того, записались въ 2—3 отдѣла.

Третій отдѣлъ занимается не менѣе важнымъ культурнымъ дѣломъ—*организаціею разумныхъ народныхъ развлеченій.* Прежде всего онъ задался прекрасною цѣлью *организовать народный театръ*, при чемъ однимъ изъ членовъ была высказана дѣльная мысль, чтобы этотъ театръ былъ созданъ во имя курскаго уроженца, великаго артиста Щепкина, для чего слѣдуетъ ходатайствовать о разрѣшеніи всероссійской подписки. Дѣйствительно, это будетъ самый лучшій памятникъ знаменитому человѣку, вышедшему прямо изъ народной среды и проявившему свой геній на сценѣ. Но покуда народнаго театра еще нѣтъ, отдѣлъ стремится устраивать общедоступные спектакли, а также литературно-музыкальные вечера и утра. Кромѣ того, имѣется въ виду устройство народныхъ баловъ *).

Помимо Курска, обсуждалось устройство народныхъ развлеченій по всей Курской губерніи, при чемъ рѣшено при театральномъ комитетѣ устроить справочное бюро, которое давало-бы разъясненія и отвѣты на всѣ вопросы отдѣла по устройству народныхъ развлеченій, а также образовать справочную библіотеку.

Третьему-же отдѣлу, выдѣлившему лекціонный комитетъ, принадлежитъ мысль объ организаціи публичныхъ лекцій, при чемъ прочесть лекціи изъявили согласіе извѣстные лекторы и профессора: Лесевичъ, Якушкинъ, Денъ, Кизеветтеръ, Красновъ, Ивановъ, Багалѣй. Предположено также организовать популярные курсы по нѣкоторымъ предметамъ, съ каковою цѣлью лекціонный комитетъ вошелъ въ сношеніе съ обществомъ лекторовъ проф. Сумцова. Въ 1898 г. первую лекцію—о Бѣлинскомъ—прочелъ извѣстный земскій дѣятель и литераторъ В. Е. Якушкинъ. Лекція его прошла въ Курскѣ съ большимъ успѣхомъ.

Четвертый отдѣлъ взялъ на себя разработку вопроса *объ устройствѣ* въ Курской губерніи *воскресныхъ школъ, вечернихъ и повторительныхъ классовъ.* Въ составъ этого отдѣла вошли, какъ и во второй, также 30 членовъ. Впредь до открытія новыхъ школъ, вниманіе отдѣла посвящено существующей въ Курскѣ воскресной женской школѣ, а также заботамъ объ открытіи таковой-же мужской школы, при чемъ послѣднюю предполагается обставить образцово, составивъ при ней хорошую библіотеку, учредивъ справочное бюро по вопросамъ отдѣла, при чемъ проектируется сгруппировать всю, по возможности, существующую литературу по этому вопросу. Въ виду благопріятныхъ отвѣтовъ на запросы четвертаго отдѣла разнымъ лицамъ, проживающимъ въ Курской губерніи, имѣется надежда въ скоромъ будущемъ приступить къ открытію школъ въ уѣздахъ, при чемъ на первомъ мѣстѣ стоитъ городъ Фатежъ, гдѣ почва для этого уже готова. Отдѣлъ весьма сочувственно отнесся къ заявленію одного изъ фабричныхъ инспекторовъ о желательности открыть школу при одной изъ фабрикъ и думаетъ учредить образцовое по постановкѣ училище, по образцу Техническаго Общества, съ петербургскимъ отдѣленіемъ котораго и завязалъ сношенія. Не оставилъ безъ вниманія четвертый отдѣлъ и тюрьму. По поводу школы въ тюремномъ замкѣ въ одномъ изъ засѣданій возникли преинтересныя пренія, выяснившія неприглядныя стороны тюремной организаціи. Прежде всего обнаружилось, что хотя на бумагѣ въ губернскомъ

*) По этому поводу одинъ изъ мѣстныхъ педагоговъ выразилъ опасеніе, что балы сдѣлаютъ прислугу ворами. Общество, мѣстная и столичная печать осмѣяли этого члена просвѣтительнаго Общества.

тюремномъ замкѣ школа и существуетъ, но на самомъ дѣлѣ она заперта, никакихъ учащихся тамъ нѣтъ. Когда члены отдѣла выразили желаніе поставить школу на подлежащій путь, образовавъ, помимо существующаго мужского отдѣленія, еще и женское, тюремный священникъ заявилъ, что у арестантовъ вообще нѣтъ никакихъ стремленій къ обученію, а относительно женщинъ онъ выразился, что это окончательно потерянныя созданія и трудно разсчитывать на благотворное вліяніе школы. Отдѣлъ, конечно, не согласился съ этимъ и энергично приступилъ къ созданію условій, при которыхъ въ тюрьмѣ можетъ функціонировать школа.

Наконецъ, задача *пятаго отдѣла—физическое воспитаніе дѣтей*, для чего проектируются: устройство яслей, чтеніе лекцій, распространеніе брошюръ, организація дѣтскаго сада, организація общественныхъ игръ для дѣтей, устройство катка, организація загородныхъ прогулокъ, обученіе плаванію (?), участіе общества въ санитарномъ наблюденіи надъ школами, забота о школьныхъ попечительствахъ, организація дѣтскихъ игръ въ закрытомъ помѣщеніи.

Интеллигентное общество горячо отнеслось къ Обществу содѣйствія начальному образованію въ Курской губерніи и охотно работаетъ въ немъ, доказательствомъ чего можетъ служить уже то обстоятельство, что членовъ насчитывается уже болѣе 700 человѣкъ.

Нельзя не выразить искренняго пожеланія возможно успѣшной и широкой дѣятельности этому симпатичному учрежденію, а также чтобы оно послужило примѣромъ для другихъ городовъ, гдѣ до сихъ поръ дѣйствуютъ однѣ старыя коммиссіи народныхъ чтеній, неопредѣленный уставъ которыхъ совершенно связываетъ руки къ поступательному культурному движенію.

И. Бѣлоконскій.

Юбилей Военно-Медицинской академіи.

18-го декабря минувшаго года Военно-Медицинская академія торжественно отпраздновала столѣтній юбилей своего существованія. По этому поводу «Рус. Инв.» приводитъ нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія о прошломъ какъ самой академіи, такъ и вообще медицинскаго образованія въ Россіи.

Въ 1692 году императоръ Петръ Великій послалъ перваго природнаго русскаго, сына переводчика посольскаго приказа, Петра Васильевича Постникова, а въ 1698 году—сына другого дьяка посольскаго приказа, Григорія Волкова, за-границу въ славившуюся тогда падуанскую академію, гдѣ въ 1696 году Постниковъ и получилъ званіе доктора философіи и врачебной науки, возвратившись въ Россію въ 1701 году. Указомъ императора Петра Великаго 25-го мая 1706 года былъ учрежденъ въ Москвѣ военный госпиталь или, какъ тогда называли, «гофшпиталь», а при госпиталѣ этомъ была устроена медицинская школа на 50 учащихся. И школа, и госпиталь были созданы по проекту и плану доктора Бидлоо, родомъ изъ Голландіи. Въ школѣ преподавались: анатомія, хирургія внутреннія болѣзни съ патолого-анатомическими вскрытіями и фармакологія (materia medica). Учениками школы въ первое время были дѣти иностранцевъ и русскихъ чиновниковъ. Ученіе было исключительно практическимъ, при постеляхъ больныхъ. Во время прохожденія курса, который продолжался по 7-ми, а нерѣдко и болѣе лѣтъ (даже

до 10-ти и 15-ти), экзаменовъ не производилось. Первый выпускъ изъ школы былъ произведенъ въ 1713 г. Эта школа и должна по справедливости считаться первымъ разсадникомъ медицинскаго образованія въ Россіи. Въ 1716 году, по образцу московскаго госпиталя, былъ основанъ с.-петербургскій адмиралтейскій госпиталь, а въ 1717 году послѣдовалъ приказъ объ учрежденіи с.-петербургскаго сухопутнаго госпиталя, который и былъ построенъ рядомъ съ первымъ на набережной рѣки Невы. Въ 1720 году былъ учрежденъ адмиралтейскій госпиталь въ Кронштадтѣ. При каждомъ изъ упомянутыхъ госпиталей впослѣдствіи возникли врачебныя школы, по образцу московской, для приготовленія подлекарей и лекарскихъ помощниковъ, съ цѣлью усилить этимъ способомъ врачебный персоналъ, главнымъ образомъ, военнаго вѣдомства. Всѣ эти школы получили наименованіе «медико-хирургическихъ». Онѣ должны были служить новыми центрами медицинскаго образованія въ нашемъ отечествѣ. Преподаваніе въ этихъ школахъ было возложено на весь штатъ госпитальныхъ врачей. Воспитанники школъ выпускались на службу только подлекарями, безъ формальнаго права свободной практики. Несмотря на открытіе въ 1755 году Московскаго университета съ медицинскимъ отдѣленіемъ его, увеличившимъ собою число русскихъ врачебныхъ школъ, послѣднія не были все-таки въ состояніи удовлетворить усиленной потребности во врачахъ, и правительство вынуждено было обратиться къ вызову врачей изъ-за границы. Съ этого времени и началось наводненіе Россіи иностранными врачами, преимущественно нѣмцами.

Въ 1783 году при Калинкинской секретной больницѣ было устроено отдѣльное, спеціально предназначенное для нѣмцевъ, медико-хирургическое училище, съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ 1786 году, въ царствованіе императрицы Екатерины II, существовавшія медицинскія школы были преобразованы, въ смыслѣ расширенія и улучшенія преподаванія въ нихъ медицинскихъ наукъ, и переименованы въ медико-хирургическія училища, при чемъ въ С.-Петербургѣ, вмѣсто двухъ школъ при военно-сухопутномъ и адмиралтейскомъ госпиталяхъ, явилось одно учебно-медицинское учрежденіе—«С.-Петербургское медико-хирургическое училище». Такія-же училища возникли въ Москвѣ и въ Кронштадтѣ.

Въ 1763 году Екатериною Великою была учреждена «медицинскаго факультета коллегія». Съ самаго основанія этой коллегіи видное мѣсто въ ея дѣятельности заняли заботы о дальнѣйшемъ преобразованіи и расширеніи госпитальныхъ школъ. Въ 1795 году главный директоръ Медицинской Коллегіи и государственный казначей баронъ Васильевъ, чувствуя все болѣе и болѣе возрастающую потребность въ вполнѣ образованныхъ врачахъ, представилъ Екатеринѣ II обширный докладъ о медицинскомъ образованіи въ Россіи съ планомъ расширенія учебной части и учрежденія «медико-хирургическихъ академій» въ Петербургѣ и Москвѣ. Проектъ этотъ былъ одобренъ императрицею, но смерть ея замедлила временно его осуществленіе и только въ царствованіе императора Павла I, сочувственно отнесшагося къ дѣлу развитія отечественнаго медицинскаго образованія, всѣ предначертанія барона Васильева удостоились Высочайшаго одобренія.

18-го декабря 1798 года на имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника барона Васильева былъ данъ слѣдующій Высочайшій указъ:

«Соизволяя на представленіе ваше объ устроеніи здѣсь при главныхъ госпиталяхъ особаго зданія для врачебнаго училища и учебныхъ театровъ въ такомъ видѣ и расположеніи, какъ оные на поднесенныхъ Намъ отъ

вас планахъ означены, съ занятіемъ подъ врачебное училище того самаго мѣста, которое по сношенію вашему съ Адмиралтейскою Коллегіею найдено къ тому удобнымъ, а подъ учебные театры недоконченной между госпиталями и давно уже безъ употребленія оставленной церкви, повелѣваемъ: все оное произвести въ настоящее исполненіе, употребляя какъ на постройку сказаннаго зданія, такъ и на покупку обывательскихъ домовъ, состоящихъ теперь на предполагаемомъ для врачебнаго училища мѣстѣ, потребное число денегъ изъ суммъ, присвоенныхъ Медицинской Коллегіи. для чего расположить строеніе сіе въ сроки, какъ позволятъ остатки медицинскихъ суммъ за годовыми расходами, по разсмотрѣнію вашему».

Слова «академія» въ приведенномъ указѣ не было. Но несомнѣнно императоръ и баронъ Васильевъ произносили его. Рукописное сочиненіе, представленное членомъ Коллегіи Эллизеномъ, перечисляетъ нововведенія, которыя желательны въ открываемой академіи. Сочиненіе это помѣчено 1798 годомъ. Въ немъ имѣется слѣдующее мѣсто: «Какъ Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ медико-хирургическую школу, состоящую при здѣшней сухопутной госпитали, переименовать въ академію, то желательно было-бы, чтобы для заготовленія дипломовъ и прочихъ свидѣтельствъ сдѣлана была печать со слѣдующей надписью: «Akademia Caesarea Paulina Medico-Chirurgica». А потому должно просить Основателя, дабы Высочайше повелѣлъ дать оной наименованіе: «Павловская медико-хирургическая академія». Итакъ, въ 1798 году, императоръ уже согласился на переименованіе петербургскаго медико-хирургическаго училища въ академію. Въ слѣдующемъ (1799) году баронъ Васильевъ представилъ новый докладъ. Въ этомъ докладѣ встрѣчаются уже и названіе и штатъ академіи. Благодаря живому интересу, съ которымъ императоръ Павелъ относился къ дѣлу постройки зданій академіи, она была быстро окончена и въ августѣ 1800 года главное зданіе академіи, сохранившееся и до настоящаго времени, было освящено. Существовавшія тогда медико хирургическія училища въ Петербургѣ и Кронштадтѣ упразднялись. Московское медико-хирургическое училище было предназначено также къ преобразованію въ Медико-Хирургическую академію.

Въ августѣ 1800 года была окончена постройка зданія с. петербургской академіи, а въ сентябрѣ въ немъ были помѣщены бывшіе питомцы медико-хирургическихъ училищъ и начались лекціи. Первыми профессорами академіи были профессора петербургскаго медико-хирургическаго училища, а первымъ президентомъ — профессоръ упраздненной кронштадтской школы Ринсбрёкъ. По штату 1799 года было положено имѣть 120 казеннокоштныхъ интерновъ, не считая подлекарей прежнихъ школъ, которыхъ прикомандировывали для усовершенствованія, и неопредѣленнаго числа вольнослушателей. Было приказано ежегодно набирать изъ семинарій по 50-ти человѣкъ воспитанниковъ, желавшихъ изучать медицину.

Первый выпускъ кандидатовъ изъ вновь образованной медико-хирургической академіи былъ произведенъ въ 1800 году. Предоставленное академіи право выдавать дипломы на докторскую степень было весьма важно для того времени, такъ какъ указомъ Медицинской Коллегіи 1798 г. запрещено было молодымъ людямъ отправляться за границу для окончанія медицинскаго образованія и полученія высшей медицинской ученой степени. Профессора назначались Медицинской Коллегіей изъ врачей, извѣстныхъ своею ученостью и своими трудами. Въ 1805 году, черезъ 2 года послѣ упраздненія Медицинской Коллегіи, академія перешла въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Това-

рищъ министра внутреннихъ дѣлъ, графъ Строгановъ, обратилъ особенное свое вниманіе на академію и, видя недостатки въ учебной части устава ея, представилъ подробную записку о расширеніи и улучшеніи преподаванія медицинскихъ наукъ въ академіи. Въ составленіи этой записки особенно дѣятельное участіе принималъ извѣстный ученый, лейбъ-медикъ императора Александра I, Петръ Франкъ. Выработанный проектъ былъ утвержденъ 18-го декабря 1806 года, но не былъ приведенъ въ исполненіе вслѣдствіе новаго Высочайшаго повелѣнія. Пріостановка введенія устава послѣдовала по указанію лейбъ-медика Вилліе. Новый проектъ, выработанный при участіи Вилліе, былъ утвержденъ 28-го іюля 1808 года Президентомъ академіи, одновременно съ этимъ, былъ назначенъ Я. В. Вилліе, остававшійся во главѣ академіи 30 лѣтъ (1808—1838 годовъ). За это время съ 1810 по 1822 годъ академія находилась въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, а затѣмъ опять перешла въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 1808 году академія получила новый уставъ, поставившій ее наравнѣ съ университетами и давшій ей особое покровительство Государя и титулъ «Императорской». Академія по новому уставу раздѣлялась на два отдѣленія—петербургское и московское. Состоялось увеличеніе числа каѳедръ, числа преподавателей и числа воспитанниковъ по тремъ отдѣленіямъ: медицинскому, фармацевтическому и ветеринарному до 720 человѣкъ. Къ пріему въ академію стали допускаться молодые люди всѣхъ состояній. При участіи Вилліе былъ выработанъ также и уставъ 1835 года, по которому прибавлялось 4 новыхъ каѳедры и былъ введенъ пятилѣтній курсъ ученія.

13-го декабря 1838 года академія Высочайшимъ указомъ была переведена изъ вѣдомства внутреннихъ дѣлъ въ Военное Министерство. Съ этого времени въ ней стали постепенно осуществляться мѣропріятія, направленныя къ поднятію научнаго ея уровня. Ближайшій надзоръ за академіею былъ порученъ директору департамента военныхъ поселеній графу П. А. Клейнмихелю (1838—1842 годы). Въ 1840 году 2-й военно-сухопутный госпиталь для учебныхъ цѣлей былъ присоединенъ къ академіи. При президентѣ академіи И. Б. Шлегелѣ (1838—1851 годъ) въ 1843 году ученіе было раздѣлено на 5 курсовъ и учебный годъ былъ раздѣленъ вмѣсто третей на полугодія. Въ 1849 году ко 2-му военно-сухопутному госпиталю былъ присоединенъ морской госпиталь. Возникшій изъ нихъ (послѣ перестройки) клиническій госпиталь дѣйствуетъ до настоящаго времени. Послѣ Шлегеля президентомъ академіи былъ В. В. Пеликанъ, а послѣ него на постъ президента былъ назначенъ П. А. Дубовицкій (1857—1867 годъ). Съ этого времени академія подчиняется по дѣламъ административнымъ непосредственно военному министру. При президентѣ Дубовицкомъ госпиталь былъ раздѣленъ по роду болѣзней на 13 клиническихъ отдѣленій, съ передачей въ завѣдываніе каждаго отдѣленія особому профессору или адъюнкту. При Дубовицкомъ-же былъ построенъ естественно-историческій институтъ академіи. Анатомо-физіологическій институтъ, созданный Н. И. Пироговымъ, былъ расширенъ. По предложенію Дубовицкаго возобновлено было, введенное Вилліе и существовавшее до 1849 года, оставленіе молодыхъ врачей при клиникахъ академіи для усовершенствованія на 3 года, что повело позже къ учрежденію такъ называемаго профессорскаго института при академіи, послужившаго разсадникомъ профессоровъ не только для академіи, но и для университетовъ. При Дубовицкомъ-же, въ 1865 году, начата была постройка Михайловской клинической больницы на средства баронета Вилліе. Клини-

ческій госпиталь въ 1864—1866 годахъ былъ заново перестроенъ и при всѣхъ клиникахъ были открыты амбулаторіи. Въ 1867 году П. А. Дубовицкій перешелъ на мѣсто главнаго военно-медицинскаго инспектора, а вмѣсто президента и вице-президента академіи учреждается должность начальника академіи, которую занялъ профессоръ П. А. Нарановичъ. Въ 1869 году Нарановича замѣнилъ Н. И. Козловъ. Послѣ Н. И. Козлова на должность начальника академіи былъ назначенъ профессоръ Я. А. Чистовичъ.

Въ 1874 году,—замѣчаетъ «Рус. Инв.»,—произошли въ академіи, какъ и во многихъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи, студенческіе безпорядки, повлекшіе за собою изъятіе академіи изъ вѣдѣнія главнаго военно-медицинскаго инспектора. Для управленія дѣлами академіи была назначена временно особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Непокойчицкаго. Засѣданій конференціи въ то время не происходило. Въ 1875 году Чистовичъ вышелъ въ отставку и мѣсто его занялъ А. М. Быковъ, бывшій до того времени помощникомъ главнаго военно-медицинскаго инспектора.

Въ мартѣ 1879 года Медико-Хирургическая академія была преобразована въ «Военно-Медицинскую академію», при чемъ первые два курса были закрыты. Въ сентябрѣ 1881 годѣ дѣятельность особой коммиссіи закончилась и управленіе дѣлами академіи было вновь возложено на конференцію. Военнымъ министромъ вмѣсто графа Д. А. Милютина былъ назначенъ генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій. При генералъ-адъютантѣ Ванновскомъ въ 1884 году впервые два курса академіи были снова открыты. Въ томъ-же году, вслѣдствіе введенія новаго университетскаго устава, начался пересмотръ положенія объ академіи. Выработанный конференціею проектъ новаго положенія объ академіи былъ Высочайше утвержденъ 15-го іюня 1890 года и дѣйствуетъ до настоящаго времени. По новому положенію академія подчинена непосредственно военному министру. 7-го ноября 1890 года А. М. Быковъ вышелъ въ отставку и мѣсто его занялъ профессоръ и академикъ В. В. Пашутинъ. Адъюнктъ-профессора съ новымъ положеніемъ были переименованы въ экстраординарныхъ профессоровъ. Порядокъ выбора профессоровъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что они или выбираются по конкурсу конференціей и утверждаются военнымь министромъ, или назначаются непосредственно военнымъ министромъ по его усмотрѣнію. При академіи за послѣднее время построены роскошныя зданія для клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней. Каѳедра ушныхъ болѣзней соединена съ каѳедрой горловыхъ и носовыхъ болѣзней, а каѳедра кожныхъ болѣзней слилась съ каѳедрой венерическихъ и сифилитическихъ болѣзней. Открыты новыя каѳедры: исторіи и энциклопедіи медицины и общаго ученія о заразныхъ болѣзняхъ съ бактеріологіею. Для послѣдней каѳедры построена спеціальная острозаразная клиника, состоящая изъ нѣсколькихъ зданій. Въ послѣдніе годы состоялось существенно важное переустройство хирургической клиники при Михайловской клинической больницѣ баронета Вилліе и химической лабораторіи естественно-историческаго зданія. Въ клиническомъ госпиталѣ устроены двѣ операціонныя со всѣми новѣйшими усовершенствованіями и произведены другія важныя перестройки центральнаго зданія этого госпиталя. На библіотеку и занятія студентовъ въ лабораторіяхъ значительно увеличены суммы, отпускаемыя по штату академіи. Въ клиническомъ госпиталѣ состоялось увеличеніе числа гражданскихъ кроватей. Въ настоящее время Императорская Военно-Медицинская академія, празднующая свой столѣтній юбилей, находится на полной высотѣ современныхъ требованій науки.

По случаю исполнившагося столѣтія академія удостоилась слѣдующей Высочайшей грамоты: «Въ 1798 году Прапрадѣдъ Нашъ Императоръ Павелъ I, въ заботахъ своихъ объ улучшеніи врачебной части въ Имперіи, положилъ основаніе Медико-Хирургической академіи. Въ 1809 году Блаженной памяти Императоръ Александръ I, въ знакъ особаго своего благоволенія къ Медико-Хирургической академіи, къ сему главному врачебному училищу въ Имперіи, даровалъ академіи титулъ Императорской, преобразовавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на болѣе широкихъ началахъ какъ ученую ея часть, такъ и учебную. Съ тѣхъ поръ Императорская Военно-Медицинская академія непрестанно развивалась и совершенствовалась въ указанномъ ей направленіи. Отвѣчая на призывъ и заботы о ней Монарховъ Россійскихъ, Августѣйшихъ Нашихъ Предшественниковъ, академія неуклонно распространяла въ средѣ своихъ учениковъ свѣтъ истинныхъ знаній и глубокаго уваженія къ наукѣ; она неизмѣнно вселяла въ своихъ питомцахъ чувства безкорыстнаго и самоотверженнаго участія къ страждущему человѣчеству, а равно чувства твердой преданности своему патріотическому и служебному долгу. Болѣе десяти тысячъ врачей получили свое научное образованіе въ академіи. Большинство изъ нихъ несли свой врачебный трудъ на пользу Нашихъ славныхъ арміи и флота. Всегда, повсюду и при всѣхъ обстоятельствахъ питомцы Нашей академіи оказывались достойными своего высокаго призванія: на перевязочныхъ пунктахъ, на поляхъ сраженій, въ шатрахъ и баракахъ полевыхъ госпиталей, въ больницахъ и постоянныхъ госпиталяхъ, во время губительныхъ эпидемій, въ военное и мирное время—всегда они исполняли неуклонно свои обязанности, самоотверженно жертвуя своимъ здоровьемъ и жизнью. Научные труды преподавателей академіи также останавливаютъ на себѣ благосклонное Наше вниманіе, и Мы съ удовольствіемъ убѣждаемся, что въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ не одинъ десятокъ славныхъ именъ изъ среды питомцевъ академіи получилъ всеобщую извѣстность и съ честью послужилъ развитію и процвѣтанію отечественной врачебной науки. Нынѣ, въ день празднованія столѣтняго юбилея Нашей Императорской Военно-Медицинской академіи, Намъ пріятно изъявить ей Наше особое благоволеніе и признательность. Твердо надѣемся и желаемъ, чтобы и на будущее время оставались навсегда неизмѣнными исконные завѣты сего высшаго учено-врачебнаго учрежденія: глубокое уваженіе къ наукѣ, безкорыстное и сердечное участіе къ страждущимъ, готовность къ самоотверженному служенію по призыву Государя и родины. На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано «*НИКОЛАЙ*». Царское Село, 18-го декабря 1898 года».

Къ предстоящему празднованію памяти А. С. Пушкина.

Избранныя совѣтомъ Новороссійскаго университета и состоящимъ при университетѣ историко-филологическимъ Обществомъ коммиссіи для выработки программы чествованія въ Одессѣ памяти А. С. Пушкина въ день столѣтней годовщины его рожденія составили, по словамъ мѣстныхъ газетъ, слѣдующій проектъ празднованія этого дня. Коммиссіями предлагается праздновать не только день 26-го мая, но и 27-го, а если возможно, то и вечеръ 28-го мая. 26-го мая предположено: 1) отслужить заупокойную литургію съ панихидой по А. С. Пушкинѣ въ университетской церкви; 2) устроить торже-

ственный актъ въ одной изъ самыхъ обширныхъ залъ города, напримѣръ, въ главной залѣ новой биржи. Актъ будетъ состоять: изъ музыкальнаго вступленія, пріуроченнаго и, по возможности, спеціально составленнаго къ настоящему торжеству (напр., кантаты по примѣру Императорской Академіи Наукъ), изъ учено-литературнаго отдѣленія, а именно двухъ рѣчей университетскихъ представителей и одной или нѣсколькихъ рѣчей представителей постороннихъ Обществъ; 3) пріема депутацій, чтенія привѣтствій, адресовъ, телеграммъ и сообщенія постановленій о медаляхъ, преміяхъ, изданіяхъ и другихъ формахъ увѣковѣченія дня 26-го мая 1899 г. Во второй день торжества, 27-го мая, коммиссія предлагаетъ устроить днемъ въ университетѣ соединенное засѣданіе учено-литературныхъ Обществъ съ рефератами, посвященными Пушкину и его времени; въ городскомъ театрѣ—безплатный спектакль для учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ городскихъ аудиторіяхъ—безплатныя народныя чтенія о Пушкинѣ съ туманными картинами и вечеромъ въ городскомъ театрѣ—платный литературно-музыкальный вечеръ изъ драматическихъ произведеній Пушкина, части оперы на тему Пушкина и романсовъ на его слова, и въ аудиторіяхъ—спектакли или литературно-музыкальные вечера съ Пушкинской программой. Коммиссія приняла также заявленіе члена коммиссіи, составленной совѣтомъ университета, проф. А. А. Кочубинскаго о желательности ввести въ программу празднованія устройство Пушкинской выставки. Коммиссія постановила привлечь къ участію въ устройствѣ чествованія всѣ мѣстныя ученыя, художественныя, музыкальныя и др. Общества и редакціи мѣстныхъ газетъ. Далѣе коммиссія признала, что необходимо озаботиться возможно лучшимъ декорированіемъ всѣхъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ будутъ сосредоточены отдѣльные моменты чествованія, въ особенности-же слѣдуетъ декорировать памятникъ поэта, домъ, гдѣ жилъ поэтъ, и залы, гдѣ будутъ происходить торжественныя собранія. Въ заключеніе коммиссія выражаетъ желаніе, чтобы до наступленія юбилейныхъ дней былъ организованъ рядъ публичныхъ чтеній, посвященныхъ Пушкину и его эпохѣ.

Одесское литературно-артистическое Общество, поставивъ себѣ задачею собрать находящіяся въ частныхъ рукахъ письма Пушкина за время пребыванія его на югѣ Россіи, а также его вещи и вообще предметы, имѣющіе то или иное отношеніе къ его памяти, равно какъ и воспоминанія о немъ за то-же время, издать литературный сборникъ, включивъ въ него неизданныя письма Пушкина, воспоминанія о немъ за время пребыванія въ Кишиневѣ и Одессѣ и литературно-критическія статьи, касающіяся дѣятельности поэта на Югѣ, и устроить въ помѣщеніи Общества «Пушкинскую комнату», собравъ здѣсь изданныя сочиненія Пушкина и литературу о немъ, бюсты и портреты Пушкина, автографы и предметы его и т. п.,—обращается ко всѣмъ почитателямъ великаго поэта оказать содѣйствіе посредствомъ сообщенія свѣдѣній и матеріаловъ, относящихся до пребыванія Пушкина на Югѣ, или указанія лицъ, къ которымъ можно было-бы обратиться за полученіемъ таковыхъ свѣдѣній. Общество съ благодарностью приметъ и матеріальную помощь для наилучшаго изданія сборника, а также даръ—въ видѣ сочиненій Пушкина, бюстовъ, портретовъ его и т. п. предметовъ для образованія «Пушкинской комнаты», и, наконецъ, статьи для сборника. Всѣ свѣдѣнія и запросы правленіе Общества проситъ адресовать на имя члена коммиссіи, секретаря Общества Ивана Антоновича Смирнова (Одесса, Бульваръ, д. Маразли).

При Учебномъ Комитетѣ, состоящемъ при собственной Его Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, образована особая коммиссія для чествованія столѣтія рожденія А. С. Пушкина изъ членовъ Комитета — инспекторовъ женскихъ институтовъ и извѣстныхъ педагоговъ. Предсѣдателемъ этой коммиссіи назначенъ тайный сов. В. П. Авенаріусъ, членами ея: начальникъ женскихъ гимназій П. И. Степановъ, П. Ѳ. Каптеревъ, Н. С. Карцовъ, А. Ф. Бардовскій и П. И. Вѣтвѣницкій и секретаремъ-дѣлопроизводителемъ Н. П. Степановъ.

Университетъ св. Владиміра приметъ участіе въ чествованіи столѣтія рожденія А. С. Пушкина, ознаменовавъ день 26-го мая устройствомъ торжественнаго акта въ университетѣ. Особая коммиссія изъ профессоровъ уже занялась разработкой программы юбилейнаго торжества. Предполагается къ 26-му мая 1899 года издать «Пушкинскій сборникъ», въ который войдутъ статьи, написанныя профессорами и другими лицами. Проф. Владиміровъ помѣститъ статью о состояніи русской литературы до Пушкина, прив.-доц. Лобода — послѣ Пушкина; проф. Дашкевичъ коснется вопроса о вліяніи западно-европейской литературы на творчество великаго русского поэта. На юбилейномъ актѣ произнесутъ рѣчи: проф. Владиміровъ, проф. Дашкевичъ и прив.-доц. Лобода. Предполагается устроить также небольшую выставку первыхъ изданій сочиненій А. С. Пушкина, его автографовъ и принадлежавшихъ ему предметовъ, а также виды мѣстностей Юго-Западнаго края, которыя посѣтилъ поэтъ во время пребыванія его на Югѣ Россіи. На выставкѣ будутъ представлены виды мѣстности Каменки, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, гдѣ А. С. Пушкинъ гостилъ во время поѣздки на Югъ Россіи, у владѣльцевъ имѣнія Давыдовыхъ. М. Каменка одинъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ Юго-Западной Россіи, принадлежало князю Потемкину, а затѣмъ перешло къ гг. Давыдовымъ. Конечно, трудно ожидать, чтобы Пушкинская выставка оказалась богатой выставленными предметами, такъ какъ подобная-же выставка устраивается въ Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе кое-что найдется и въ самомъ Кіевѣ. Въ университетской библіотекѣ сохраняется цѣнный автографъ стихотворенія А. С. Пушкина «Моя родословная», отличающійся отъ списка, помѣщеннаго въ собраніи сочиненій поэта. Автографъ этотъ предполагается снять фототипическимъ способомъ и приложить къ издаваемому сборнику. Автографъ этотъ въ 1880 г. былъ изданъ «Русской Стариной» и помѣщенъ также въ ученомъ журналѣ Кіевскаго университета «Университетскія Извѣстія» Кромѣ того, въ Кіевѣ есть люди, у которыхъ имѣются письма А. С. Пушкина. Кіевскій докторъ А. С. Лѣсковъ, братъ покойнаго писателя Н. А. Лѣскова, имѣетъ палку, съ которой постоянно ходилъ А. С. Пушкинъ. Всѣ эти предметы, конечно, желательно видѣть на выставкѣ. Совѣтъ университета ассигновалъ 2 тыс. рублей на изданіе «Пушкинскаго сборника».

Орловское губернское земское собраніе рѣшило, по словамъ «Орл. Вѣстн.», принять участіе въ праздновании столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина ассигнованіемъ 500 р. Псковскому земству на покупку имѣнія покойнаго поэта и на устройство въ немъ образцовой школы, а 600 руб. на помѣщеніе во всѣхъ земскихъ школахъ портрета А. С. Пушкина.

Затѣмъ, по словамъ «Н. Вр.», Псковская губернская земская управа въ докладѣ своемъ «Объ участіи губернскаго земства въ пожертвованіяхъ по случаю столѣтія 26-го мая 1899 г. со дня рожденія А. С. Пушкина и въ чествованіи памяти его» сообщаетъ о постановленіяхъ уѣздныхъ земскихъ собраній Псковской губерніи, относящихся до чествованія памяти великаго

поэта. Такъ, Опочецское уѣздное земское собраніе, въ уѣздѣ котораго находится могила и родовое имѣніе покойнаго поэта, ассигновало тысячу рублей, изъ которыхъ 500 р. назначено на пріемъ и доставку депутацій на мѣсто празднованія, затѣмъ на всероссійскую подписку 300 р. и на пріемъ учениковъ и ученицъ сельскихъ школъ во время чествованія памяти А. С. Пушкина въ Святыхъ Горахъ 26-го мая 1889 года—200 р. Кромѣ того, рѣшено образовать, посредствомъ ежегодныхъ взносовъ въ 500 р., особый капиталъ для нуждъ народнаго образованія и, наконецъ, внесено 150 р. на пріобрѣтеніе дешеваго изданія сочиненій А. С. Пушкина для училищъ и брошюръ для раздачи воспитанникамъ. Порховское уѣздное собраніе ассигновало на подписку 500 р. и, кромѣ того, всѣ школы, предназначенныя къ открытію въ Порховскомъ уѣздѣ въ текущемъ году, назвать Пушкинскими. Новоржевское уѣздное земское собраніе ассигновало 200 р. на вѣнокъ для возложенія 26-го мая на могилу поэта и рѣшила присвоить первой, вновь открываемой земской школѣ имя А. С. Пушкина. Псковское уѣздное земское собраніе ассигновало на подписку 100 р. и на 200 р. увеличило ассигнованіе въ имѣющійся въ уѣздѣ Пушкинскій фондъ для выдачи пособій народнымъ учителямъ. Она изъ народныхъ школъ въ уѣздѣ будетъ называться Пушкинской. Торопецкое уѣздное собраніе внесло 400 р. на устройство народнаго училища имени поэта. Великолуцкое собраніе ассигновало 60 р. въ пособіе одному изъ учениковъ Псковской учительской семинаріи. Ознакомивъ съ рѣшеніемъ уѣздныхъ собраній, губернская управа предложила губернскому собранію принять участіе въ расходахъ, вызываемыхъ чествованіемъ памяти великаго поэта на мѣстѣ его погребенія. Такъ какъ для чествованія, несомнѣнно, прибудутъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи депутаціи отъ разныхъ учрежденій и обществъ, то для пріема этихъ лицъ и предоставленія имъ возможныхъ удобствъ и безостановочнаго проѣзда отъ гор. Острова въ Святыя Горы и сельцо Михайловское—необходимо усилить комплектъ лошадей, экипажей и вообще средствъ передвиженія, приготовить квартиры для временной остановки и на случай надобности ночлега; въ виду всего этого губернская управа предложила придти на помощь Опочецкому земству и составить подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства особую коммиссію изъ Опочецкаго уѣзднаго предводителя дворянства, предсѣдателей губернской, Опочецкой и Островской земскихъ управъ и нѣсколькихъ гласныхъ. Предложеніе это губернскимъ собраніемъ принято и коммиссія, кромѣ названныхъ лицъ, пополнена тремя мѣстными земскими начальниками, островскимъ и опочецкимъ исправниками и настоятелемъ Святогорскаго монастыря. Въ распоряженіе этой коммиссіи назначено 3 тысячи руб. Дорога отъ гор. Острова до Святыхъ Горъ будетъ приведена въ надлежащій видъ изъ особыхъ суммъ дорожнаго капитала.

Общество вспомоществованія студентамъ Дерптскаго университета.

Отъ имени Общества проф. Н. А. Савельевъ напечаталъ въ газетахъ слѣдующее воззваніе:

«М. г.! Всѣмъ извѣстны матеріальныя условія жизни учащейся молодежи, стекающейся подчасъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи въ универ-

ситетскіе центры. Въ большихъ городахъ жизненнымъ подспорьемъ для недостаточныхъ студентовъ служатъ побочныя занятія—въ родѣ уроковъ, переписки и т. п., которыя сравнительно удовлетворительно вознаграждаются въ столицахъ.

«Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ такихъ небольшихъ городахъ, какъ Юрьевъ. За послѣдніе годы здѣсь отмѣчается особенный наплывъ въ университетъ молодежи изъ внутреннихъ губерній и изъ дальнихъ окраинъ Россіи: Кавказа, Крыма, Сибири и др. Пріѣзжая учащаяся молодежь сразу попадаетъ въ Юрьевѣ въ совершенно непривычныя для нея условія: все ей здѣсь чуждо, не исключая и языка мѣстныхъ жителей. Найти себѣ какой-либо заработокъ, который хотя сколько-нибудь обезпечивалъ-бы жизнь въ чужомъ, притомъ маленькомъ городѣ, студенту нечего здѣсь и думать, такъ какъ предложеніе неизмѣримо превышаетъ спросъ.

«Общество для пособія нуждающимся студентамъ Императорскаго Юрьевскаго университета, заботясь объ облегченіи и удешевленіи жизни послѣднихъ, начало съ самаго существеннаго въ этомъ направленіи, именно съ устройства студенческой столовой, гдѣ за незначительную плату студенты могли-бы получать здоровый, питательный обѣдъ. Сочувствуя такому благому предпріятію и полезной дѣятельности комитета Общества вспомоществованія недостаточнымъ юрьевскимъ студентамъ, на это доброе дѣло откликнулись москвичи, по почину извѣстной своею просвѣщенною гуманною дѣятельностью Ю. И. Базановой: не даромъ общая молва объ отзывчивости ея ко всякому доброму начинанію достигла самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи.

«Это доброе дѣло, кромѣ москвичей (Ю. С. Нечаевъ-Мальцевъ и др.), находитъ сочувствіе также среди жителей другихъ мѣстностей нашего отечества, и въ сравнительно небольшой промежутокъ времени—съ февраля 1898 г.—собралась сумма въ 2.941 р. изъ слѣдующихъ членскихъ взносовъ и пожертвованій на комитетскую студенческую дешевую столовую въ гор. Юрьевѣ: Базанова, Ю. И.— 1.000 р., Богдановъ, Н. П.—3 р., Бѣляевъ, А. А.—100 р., Доброхотовъ, Д. Н.—5 р., Загорскій, Ѳ. В.—7 р., Кондратьевъ, М. Н.—5 р., Б. И.—5 р., Леви, Г. Л.—5 р., Нечаевъ-Мальцевъ, Ю. С.—500 р., NN.—10 р., Перелешина, А. Н.—10 р., Поляковъ, Л. С.—300 р., Поповъ, А. А.—5 р., Синицынъ, Ф. И.—5 р., Софинскій, И. В.—6 р., Софинская, Т. Н.—22 р., Тагіевъ, I. З. А.—500 р., Тургеневъ, Н. П.—5 р., Хмыровъ, Л. Л.—20 р., Цатуровъ, А. Ц.—300 р., Чичкинъ, А. В.—25 р., Шатаевъ, П. П.—3 р., Щегляевъ, С. И.—100 р. Итого—2.941 р.

«Приведенный мною списокъ полученныхъ пожертвованій краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о дѣятельномъ—и притомъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи—сочувствіи, которое привлекаетъ на себя стараніе комитета Общества для пособія нуждающимся студентамъ Императорскаго Юрьевскаго университета облегчить условія жизни университетской молодежи. Кромѣ того, онъ служитъ выраженіемъ стойкихъ симпатій къ такому благому дѣлу со стороны жителей самыхъ различныхъ краевъ Россіи, не оставляющихъ попеченія объ участи студентовъ-уроженцевъ этихъ краевъ. А это, въ свою очередь, даетъ комитету увѣренность, что его благія начинанія на пользу молодежи будутъ и впредь встрѣчать нравственную и матеріальную поддержку со стороны всѣхъ тѣхъ уважаемыхъ лицъ, которымъ близки и дороги интересы учащихся.

«Съ поступленіемъ вышеуказанныхъ пожертвованій комитетская студенческая дешевая столовая въ Юрьевѣ съ 9-го ноября 1898 г. открыла свои

дѣйствія на первыхъ порахъ лишь на 150 человѣкъ, которымъ за 18 к. предоставляетъ гигіенически-здоровый обѣдъ изъ двухъ блюдъ, при чемъ десять обѣдовъ отпускается безплатно.

«Дальнѣйшее процвѣтаніе и расширеніе этого благого дѣла дастъ Обществу для пособія нуждающимся студентамъ Императорскаго Юрьевскаго университета возможность увеличить число отпускаемыхъ обѣдовъ, какъ платныхъ, такъ и безплатныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осуществить и дальнѣйшую задачу, именно—образованіе фонда для устройства въ Юрьевѣ студенческаго общежитія путемъ постепеннаго отчисленія нѣкоторыхъ суммъ изъ средствъ столовой. Осуществленіе-же этихъ плановъ въ близкомъ будущемъ представляется доступнымъ въ виду все увеличивающихся симпатій къ дѣятельности комитета. Такъ, еще недавно, сочувствуя этой дѣятельности, преосвященный Агаѳангелъ, епископъ рижскій и митавскій, внеся свою лепту въ пользу комитетской столовой, одновременно выразилъ цѣнное для всѣхъ насъ желаніе записаться въ члены Общества для пособія нуждающимся студентамъ Императорскаго Юрьевскаго университета. Профессоръ **Н. А. Савельевъ**. Юрьевъ, Лифлянд. губ., университетъ».

Въ Фребелевскомъ Обществѣ.

Въ годовомъ собраніи былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности Фребелевскаго Общества за 1897—1898 г.г. Число членовъ за отчетное время увеличилось съ 77 до 154. Особенное вниманіе было обращено на возможно правильную постановку дѣла преподаванія на педагогическихъ курсахъ Общества. Слушательницы курсовъ руководили занятіями дѣтей въ шести пріютахъ-ясляхъ, находящихся въ различныхъ частяхъ города, и давали пробные уроки въ народномъ дѣтскомъ саду. Въ отчетномъ учебномъ году на курсахъ училось 48 слушательницъ, изъ нихъ оставили курсы 7 лицъ, кончили полный курсъ 16 слушательницъ. Кромѣ педагогическихъ курсовъ, на попеченіи общества имѣется школа нянь. Насколько велика потребность въ такомъ учрежденіи, видно изъ того, что въ школу, какъ только сдѣлалось извѣстно объ ея открытіи, стали поступать усиленныя требованія на нянь, и не только отъ лицъ, живущихъ въ Петербургѣ, но и изъ провинціи. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія и незначительности средствъ школы нянь, число ученицъ въ школѣ весьма ограничено и требованія эти пришлось оставить безъ удовлетворенія. Въ 1897—1898 учебномъ году въ школѣ находилось 14 ученицъ, поступившихъ почти исключительно изъ городского сада на Прудкахъ. 5 ученицъ выбыло по слабости здоровья, двѣ оказались непригодными къ занятіямъ въ качествѣ няни. Осенью 1898 г. въ школѣ было только 7 дѣвочекъ. При школѣ устроены ясли на шесть колыбелекъ, что даетъ возможность обучать будущихъ нянь правильному уходу за дѣтьми до трехъ-лѣтняго возраста. Къ уходу за дѣтьми большаго возраста ученицы пріучаются въ народномъ дѣтскомъ саду, помѣщающемся въ одной квартирѣ со школою нянь. Кромѣ заботъ о школѣ нянь, Совѣтъ Общества руководилъ занятіями дѣтей въ трехъ народныхъ дѣтскихъ садахъ. Первый садъ дѣйствовалъ съ сентября 1897 года до половины мая. Дѣтей было 19 мальчиковъ и 26 дѣвочекъ. Второй дѣтскій садъ помѣщается въ с. Смоленскомъ, за Невскою заставою. Для нуждъ сада отведена площадь свыше 7.000 квадр.

саженъ, обсаженная деревьями, съ устроенною на ней гимнастикой. Число дѣтей, занимавшихся въ этомъ саду, было вначалѣ 65, затѣмъ возросло до 230. Третій лѣтній народный садъ, устроенный на Прудкахъ на средства Городской Думы, отличался многолюдностью. Съ 15-го іюня по 2 е сентября было 41.161 дѣтскихъ посѣщеній. Въ каждомъ дѣтскомъ саду широко практиковались игры, гимнастика, бесѣды, пѣніе и работы, разсчитанныя на силы дѣтей, пѣніе и работы, разсчитанныя на силы дѣтей, шитье, вышиванье, вязанье, рисованіе, плетеніе изъ стружекъ, картонажныя работы и др. Дѣло устройства лѣтнихъ колоній замѣтно развилось, благодаря Совѣту Общества и главнымъ образомъ организатору колоній Н. А. Нечаеву. Для помѣщенія въ дѣтскія колоніи врачами городскихъ начальныхъ школъ было избрано 450 человѣкъ. Ограниченность суммы, ассигнованной городской коммиссіей по народному образованію, заставила уменьшить число кандидатовъ до 378 наибѣднѣйшихъ и слабѣйшихъ дѣтей. Изъ нихъ 77 были помѣщены въ дѣтской колоніи Общества съ платою по 25 руб. за ребенка остальные—301 размѣщены по деревнямъ, въ 12—18 верстахъ отъ ст. Преображенской, Варш. ж. д. въ одиннадцати наемныхъ помѣщеніяхъ. Колонія общества кромѣ 77 городскихъ дѣтей, пріютила еще 24 дѣтей за плату и 16 дѣтей изъ народнаго сада Общества. Денежныя средства Общества въ отчетномъ году возросли. Расходъ достигалъ до 10.783 р., остатокъ увеличился на 664 руб,, достигнувъ суммы 5.725 р. Къ концу отчетнаго года общество располагало 13.432 р., кромѣ имуществъ, цѣнностью около 30 т. руб. («Н. Вр.»).

Лютеранскія школы въ Кіевскомъ уч. округѣ.

Какъ видно изъ отчета попечителя Кіевскаго учебнаго округа, всѣхъ лютеранскихъ школъ къ 1-му января 1898 г. въ округѣ состояло 340, при чемъ онѣ, главнымъ образомъ, сосредоточены въ Волынской губерніи (324), и преимущественно въ центрѣ расположенія нѣмецкихъ колоній, а именно въ уѣздахъ: Житомірскомъ, Новоградволынскомъ, Владиміроволынскомъ, Луцкомъ и Ровенскомъ. Въ этихъ уѣздахъ число лютеранскихъ школъ значительно превосходитъ число народныхъ сельскихъ училищъ какъ абсолютно, такъ и по отношенію къ количеству населенія. Тогда какъ въ указанныхъ пяти уѣздахъ Волынской губерніи число сельскихъ народныхъ училищъ не превышаетъ 134, и одно училище приходится на 6,478 душъ православнаго населенія, школъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ насчитывается 296, и одна школа приходится на 402 души протестантскаго населенія. Помѣщенія протестантскихъ школъ различны, смотря по средствамъ населенія; на ряду съ прекрасными школьными зданіями, часто встрѣчаются помѣщенія тѣсныя и неприспособленныя къ нуждамъ школы, въ которыхъ классная комната соединена съ помѣщеніемъ для молитвенныхъ собраній. Нѣмецкія школы въ отчетномъ году по-прежнему содержались исключительно на средства колонистовъ, безъ всякаго пособія отъ казны или изъ другихъ источниковъ. Нельзя сказать, чтобы на нихъ тратились большія средства.

Въ Житомірскомъ уѣздѣ, напримѣръ, учителя получаютъ 80—100 р. въ годъ и участокъ земли, а кромѣ того, еще 15—20 р. добавочной платы за исполненіе обязанностей кистеровъ; на книги и учебныя пособія отпускается по 10 р. въ годъ. Въ Новоградволынскомъ уѣздѣ содержаніе люте-

ранской школы въ отчетномъ году обошлось въ среднемъ не болѣе 75 р., не считая ссыпки зерна въ пользу учителей. Въ Ровенскомъ уѣздѣ средняя стоимость нѣмецкой школы не превышаетъ 100 р., не считая земли, отданной въ пользованіе учащихъ, въ среднемъ по двѣ съ половиной десятины на школу; также обставлены школы Луцкаго уѣзда. Во Владиміроволынскомъ уѣздѣ школы обставлены нѣсколько лучше: здѣсь плата учителю колеблется между 50 и 150 р., и, кромѣ того, въ пользованіи каждаго учителя состоитъ отъ 3 до 8 десятинъ земли, которая обрабатывается колонистами, а въ шести школахъ положена еще ссыпка зерна, по 10 корцевъ на учителя.

Достойно вниманія, что при такихъ скудныхъ тратахъ на школы и безъ всякой поддержки со стороны, протестанское населеніе указанныхъ пяти уѣздовъ Волынской губерніи, гдѣ сосредоточены нѣмецкія колоніи, въ отношеніи первоначальнаго обученія оказывается гораздо болѣе обезпеченнымъ, чѣмъ православное населеніе. Одинъ учащійся въ нѣмецкихъ школахъ приходится на 11 душъ протестанскаго населенія, и въ то время, какъ обучающіеся въ сельскихъ народныхъ училищахъ названныхъ уѣздовъ составляютъ отъ 0,7% до 1,1% православнаго населенія, учащіеся въ нѣмецкихъ школахъ тѣхъ-же уѣздовъ по отношенію къ протестантскому населенію составляютъ отъ 9,7% до 11,5%. «Приведенныя данныя, говорится въ отчетѣ попечителя, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ глубоко захватываютъ жизнь нѣмцевъ-колонистовъ Волынской губерніи устроенныя ими школы и какое важное значеніе должны имѣть тѣ или иныя мѣропріятія по отношенію этихъ школъ и въ особенности возможный расходъ на ихъ улучшенія сообразно видамъ и цѣлямъ правительства» («Кіевл.»).

Народное образованіе въ Пензѣ.

Городское управленіе Пензы, ассигнуя на нужды начальнаго образованія свыше 25 тыс. рублей, содержитъ въ настоящее время въ Пензѣ 7 мужскихъ и 5 женскихъ школъ съ 1.602 учащимися. Преподавательскій персоналъ во всѣхъ 12 школахъ состоитъ изъ 12 законоучителей, 15 преподавателей и 18 учительницъ; 10 школъ помѣщаются въ наемныхъ квартирахъ, а 2 имѣютъ собственныя помѣщенія.

Но абсолютныя цифры сами по себѣ ничего не говорятъ; языкъ ихъ становится понятенъ только при сопоставленіи съ другими цифрами, и чтобы оцѣнить, на какой высотѣ поставлено школьное дѣло въ Пензѣ, мы должны, прежде всего, сравнить его съ общимъ положеніемъ народнаго образованія въ губерніи. Къ сожалѣнію, точной цифры дѣтей школьнаго возраста г. Пензы, за исключеніемъ учащихся въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, не имѣется и установить ее можно только приблизительно. Пенза имѣетъ около 62 тыс. жителей, и такъ какъ процентъ дѣтей отъ 7 до 14 лѣтъ въ губерніи, вообще, составляетъ 15, то безъ большой погрѣшности количество дѣтей школьнаго возраста въ Пензѣ можно принять 9.300. Слѣдовательно, обучающіеся въ начальныхъ школахъ составляютъ 17,2 проц. всего числа дѣтей,—т. е. почти то-же, что и во всей губерніи, вообще. Это уже неутѣшительно. Все-таки Пенза—губернскій городъ, располагающій значительнымъ контингентомъ интеллигентныхъ силъ, при наличности которыхъ начальное обученіе могло-бы стоять гораздо выше, чѣмъ въ захолустныхъ уѣзд-

ныхъ городахъ и деревняхъ. Ассигнованіе думой 25.605 руб. на школы далеко нельзя признать большимъ,—оно составляетъ только 6 проц. городского бюджета, и въ виду важности предмета могло-бы быть значительно увеличено. Школьный расходъ пока составляетъ не болѣе 41 коп. на жителя,—цыфру весьма скромную, по сравненію съ другими статьями обывательскаго бюджета. Надо, впрочемъ, отдать должное городскому управленію: скупясь на ассигнованіе средствъ для народнаго образованія, въ предѣлахъ уже ассигнованнаго бюджета оно стремится обставить школы возможно лучше и, не гоняясь «за дешевизной», тратитъ въ среднемъ на школу 2.134 рубля, такъ что каждый учащійся обходится въ годъ около шестнадцати рублей. Это весьма похвально. За послѣднее время, вѣдь, образовалось нѣчто въ родѣ спорта въ дѣлѣ удешевленія содержанія школъ, и ухитряются доводить дешевку до прямо-таки фантастическихъ размѣровъ. Конечно, выходитъ—дешево-гнило, и управленіе Пензы, къ счастью, не сворачиваетъ на этотъ скользкій путь. Но если изъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста обучается только менѣе 18-ти процентсвъ, что-же дѣлается съ остальными? Да то-же, что и въ другихъ градахъ и весяхъ нашего отечества: кто научится грамотѣ въ семьѣ, кто у какого-нибудь расхожаго учителя, а кто такъ и останется безграмотнымъ. Печально, но что-же дѣлать. Впрочемъ, какъ подспорье школьному обученію, въ Пензѣ существуютъ воскресныя школы, безплатная читальня и, въ предѣлахъ возможнаго, эти учрежденія приносятъ не малую пользу обывателямъ, сѣя «разумное, доброе, вѣчное».

Между прочимъ, надо замѣтить, что въ Пензѣ ощущается большой недостатокъ въ школахъ типа городскихъ училищъ. Имѣющееся уѣздное училище—переполнено и изъ года въ годъ отказываетъ въ пріемѣ 50—70 человѣкъ, такъ что оканчивающимъ курсъ начальныхъ училищъ, въ большинствѣ, некуда дѣваться. На это больное мѣсто школьнаго дѣла городское управленіе должно-бы обратить серьезное вниманіе («Нов.»).

Кочевая школа у Аральскаго моря.

Какъ сейчасъ представляю себѣ я Аральское море. Мрачное и спокойное, лежитъ оно среди песчаной пустыни. Кругомъ почти ничѣмъ не нарушимая тишина. Солнце достигаетъ зенита и безжалостно жжетъ съ высоты безоблачнаго неба. Раскалился песокъ и блеститъ, какъ золото, а море сверкаетъ водами, какъ оправленная въ это золото бирюза. Съ одной стороны—пологіе холмы, поросшіе кустарникомъ, а впереди—высокій обрывистый западный берегъ со своими скалистыми горами. Киргизы откочевали далеко на сѣверъ; ни малѣйшаго признака жизни... А вы стоите, и глазъ вашъ не можетъ оторваться отъ этой странной и дикой картины, такъ чудно гармонирующей съ мрачнымъ запустѣніемъ, царящимъ кругомъ. И вспоминались мнѣ легенды киргизовъ о морѣ, о безчисленныхъ островахъ моря, о таинственной пропасти на днѣ морскомъ, поглощающей воды Арала, которыя подъ землей утекаютъ въ Каспійское море.

Могъ-ли тогда, 12 лѣтъ тому назадъ, я предполагать, что и сюда заглянетъ просвѣщеніе, что эти пустынные берега огласятся веселыми голосами школьниковъ, что съ книжками въ рукахъ побѣгутъ киргизскія дѣти въ русское училище, сядутъ за русскую азбуку?

Странный караванъ двигался въ началѣ сентября 1898 г. къ берегамъ

Аральскаго моря. Никто не могъ опредѣлить, что за караванъ идетъ и чѣмъ нагружены верблюды. Одна тропа пересѣкала другую, образуя безчисленное множество верблюжьихъ дорогъ, и неопытному человѣку никогда не найти бы своей дороги, а караванъ шелъ увѣреннымъ шагомъ... Всегда любопытные, встрѣчные киргизы напрасно всматривались въ тюки—все имъ было непонятно. Верблюды нагружены были ученическими столами, классными досками и разными школьными принадлежностями. Караванъ остановился на урочищѣ Тадыспе. Здѣсь въ домѣ киргиза Жасаганбергена Пирманова, въ аулѣ № 4, Тулагайской волости, Иргизскаго уѣзда, Тургайской области, предположено было открыть первую у Аральскаго моря аульную школу. Собравшіеся киргизы ощупывали руками мебель, развертывали невиданныя книги и покачивали головами. Школа открыта при 11 ученикахъ и 7 поступили на другой день. Учителемъ назначенъ окончившій курсъ Кустанайскаго педагогическаго класса киргизъ Сералинъ.

Такъ положено начало русскому просвѣщенію въ самыхъ отдаленныхъ и, если позволено будетъ выразиться, въ самыхъ дикихъ киргизскихъ аулахъ. Желательно преобразовать эту аральскую школу въ волостную, какъ имѣющую болѣе законченный курсъ (Изъ «Оренбург. Листка» № 47).

А. Алекторовъ.

Новыя правила относительно пріема дѣтей въ кадетскіе корпуса.

Правила эти, Высочайше утвержденныя 6-го октября минувшаго года и опубликованныя въ № 249 «Русскаго Инвалида» за тотъ-же годъ, вводятся въ дѣйствіе, въ видѣ опыта, на пять лѣтъ, начиная съ ближайшаго 1899—1900 учебнаго года. Они являются дальнѣйшимъ развитіемъ заботъ правительства о воспитаніи сыновей военно-служащихъ, этомъ насущнѣйшемъ для послѣднихъ вопросѣ. Въ этомъ направленіи въ послѣднемъ десятилѣтіи, какъ извѣстно, уже принятъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ облегченію военно-служащимъ средствъ къ воспитанію ихъ сыновей на счетъ казны. За этотъ сравнительно небольшой періодъ времени учреждены новыя военно-учебныя заведенія: въ Новочеркасскѣ и Оренбургѣ—кадетскіе корпуса, въ Хабаровскѣ и Иркутскѣ—военно приготовительныя школы, преобразована въ кадетскій корпусъ Ярославская военная школа, значительно увеличены штаты существующихъ корпусовъ, обращены въ казенныя до 1,000 своекоштныхъ вакансій; затѣмъ намѣчено открытіе въ недалекомъ будущемъ кадетскихъ корпусовъ въ Варшавѣ, Одессѣ и Хабаровскѣ, предположено учредить въ Ташкентѣ новую военную школу, увеличить почти вдвое уже существующую Вольскую школу и, наконецъ, установлены новыя правила пріема малолѣтнихъ въ кадетскіе корпуса, съ цѣлью облегчить родителямъ подготовленіе ихъ дѣтей къ поступленію въ корпусъ и избавить многихъ отъ значительныхъ и напрасныхъ расходовъ.

Новымъ правиламъ пріема въ кадетскіе корпуса посвящена обстоятельная статья въ № 9 «Русскаго Инвалида» за настоящій годъ, разъясняющая вполнѣ ихъ сущность и отличіе отъ практиковавшихся доселѣ правилъ. Какъ уже сказано, новыя правила вводятся, въ видѣ опыта, на пять лѣтъ, начиная съ ближайшаго учебнаго года. «Не измѣняя»,—говоритъ наша военная газета,—ни въ чемъ дѣленія малолѣтнихъ на разряды по правамъ на поступленіе въ корпусъ на казенный счетъ, равно какъ не измѣняя и по-

рядка пріема въ кадетскіе корпуса дѣтей, поступавшихъ ранѣе въ эти заведенія безъ конкурса, для остальныхъ малолѣтнихъ они замѣнили конкурсъ баллотировкой, т. е. теперь будутъ допускаться къ экзамену на поступленіе въ корпусъ только тѣ малолѣтніе, которымъ достанется при баллотировкѣ благопріятный жребій, а изъ нихъ будутъ приняты всѣ выдержавшіе удовлетворительно пріемный экзаменъ и по состоянію здоровья оказавшіеся способными къ военному воспитанію. Такимъ образомъ, будутъ доставляться въ корпуса къ пріемнымъ экзаменамъ не всѣ, имѣющіе право на поступленіе, какъ было до сихъ поръ при конкурсныхъ испытаніяхъ, а только тѣ, которымъ достался благопріятный жребій.

Баллотировка будетъ производиться весною въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, гласно, при участіи 12-ти депутатовъ отъ родителей и въ присутствіи всѣхъ желающихъ изъ числа подавшихъ прошенія объ опредѣленіи малолѣтнихъ въ кадетскіе корпуса. Подробныя правила для составленія разрядныхъ списковъ малолѣтнихъ и для производства самой баллотировки уже выработаны въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній и въ непродолжительномъ времени будутъ сообщены родителямъ для свѣдѣнія. Правила эти имѣютъ цѣлью дать родителямъ увѣренность, что при производствѣ самой баллотировки интересы каждаго малолѣтняго будутъ ограждены въ полной мѣрѣ.

Послѣдующее затѣмъ, по производствѣ баллотировки, распредѣленіе по кадетскимъ корпусамъ малолѣтнихъ, предназначаемыхъ къ пріему (т. е. получившихъ благопріятный жребій), будетъ дѣлаться распоряженіемъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, по числу ожидаемыхъ въ каждомъ корпусѣ вакансій, при чемъ малолѣтніе будутъ назначаться къ пріему преимущественно въ тѣ-же корпуса, которые указаны родителями въ прошеніяхъ и лишь при недостаткѣ вакансій—въ корпуса ближайшіе по мѣрѣ возможности къ мѣсту жительства родителей.

Чтобы вѣрнѣе оцѣнить преимущества новой системы комплектованія кадетскихъ корпусовъ передъ прежнею, должно выяснить, какіе недостатки присущи конкурсной системѣ.

За послѣднія 40 лѣтъ существованія кадетскихъ корпусовъ, въ нихъ примѣнялись слѣдующія системы комплектованія: первоначально вакансіи замѣщались по старшинству разрядовъ, затѣмъ—по конкурсу между малолѣтними старшихъ разрядовъ въ опредѣленномъ числѣ конкуррентовъ (на каждую вакансію не болѣе 3-хъ) и, наконецъ, съ 1884 года—частью безъ конкурса, а частью по конкурсу между всѣми малолѣтними, независимо отъ ихъ числа.

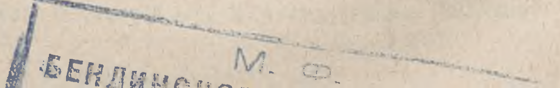
Послѣдней конкурсной системѣ, въ томъ видѣ, какъ она существовала съ 1884-го года, было отдано предпочтеніе потому, что при ней имѣли возможность пользоваться казеннымъ воспитаніемъ дѣти лицъ всѣхъ разрядовъ. тогда какъ при прежнихъ системахъ возможность эта была доступна только для дѣтей лицъ немногихъ высшихъ разрядовъ; кромѣ того, предполагалось, что пріемъ по общему конкурсу дастъ возможность пополнять корпуса малолѣтними, болѣе подготовленными къ прохожденію курса, что имѣло большое значеніе, особенно 25 лѣтъ тому назадъ, когда вводился конкурсъ и когда средній уровень начальной подготовки малолѣтнихъ былъ вообще невысокъ.

Ежегодно увеличивавшееся за тѣмъ число просьбъ объ опредѣленіи малолѣтнихъ въ кадетскіе корпуса постепенно повышало конкурсъ и съ 1890

года приходилось назначать по шести и даже по семи конкуррентовъ на каждую казенную вакансію, вслѣдствіе чего въ каждомъ кадетскомъ корпусѣ приходилось, въ краткій періодъ пріемныхъ испытаній, подвергать экзамену иногда болѣе 200 дѣтей, — конечно, не всегда съ точною оцѣнкою ихъ познаній. Случайно неудачный отвѣтъ мальчика на предложенный экзаменаторомъ вопросъ, при полной добросовѣстности экзаменатора, могъ поставить мальчика, способнаго и подготовленнаго, но недостаточно бойкаго, ниже другого, менѣе способнаго, но выученнаго спеціалистомъ отвѣчать не робѣя на всѣ вопросы, которые обыкновенно задаютъ на пріемныхъ экзаменахъ. Но какъ живущимъ на окраинахъ или въ глухой провинціи узнать эти обычные вопросы экзаменаторовъ? Пріемная программа показываетъ родителямъ, что̀ учить, но какъ учить не говоритъ. Программа не можетъ сказать и того, какую подготовку долженъ имѣть мальчикъ, чтобы удовлетворить условіямъ конкурса — и при вполнѣ хорошей подготовкѣ всегда могутъ явиться другія дѣти, еще лучше подготовленныя.

Стремленіе родителей дать своимъ дѣтямъ воспитаніе и образованіе велико, но денежныхъ средствъ на удовлетвореніе этого законнаго стремленія нѣтъ, и вотъ многіе изъ нихъ, чтобы достичь помѣщенія дѣтей въ корпусъ на казенное содержаніе, стараются, чтобы на пріемномъ экзаменѣ дѣти ихъ оказались выше другихъ и обнаружили передъ экзаменаторами познанія лучшія и даже большія, чѣмъ требуется пріемными программами, не стѣсняясь обременять дѣтей излишнею выучкою, часто въ ущербъ ихъ здоровью. Въ лучшемъ случаѣ такіе мальчики попадутъ въ корпуса, но здоровье ихъ расшатано и, не получивъ правильнаго умственнаго развитія, надорванные умственно, они едва слѣдуютъ за курсомъ корпуса и если его оканчиваютъ, то лишь посредственно. При неблагопріятномъ-же исходѣ конкурса, чѣмъ больше было затрачено силъ и здоровья мальчика и денежныхъ средствъ на его подготовку, тѣмъ тяжелѣе и обиднѣе становится родителямъ. Горечь неудачи часто усиливается сознаніемъ, что мальчикъ былъ подготовленъ хорошо, но оцѣненъ на экземенѣ ниже его познаній, благодаря какому-нибудь чисто случайному обстоятельству, напримѣръ, экзаменовался у болѣе строгаго преподавателя, отвѣчалъ на болѣе сложный вопросъ, растерялся отъ необычной обстановки и т. п. Однимъ словомъ, и при конкурсѣ весьма часто слѣпой случай вершаетъ судьбу мальчика. Не лучше-ли въ такомъ случаѣ предоставить жребію рѣшить эту судьбу. Жребій часто примѣняется въ нашей жизни и, между прочимъ, при пріемѣ дѣтей въ женскіе институты, съ нимъ уже свыклись, ему довѣряютъ и съ нимъ охотно мирятся. Балотировка сразу поставитъ въ нормальныя условія весь вопросъ о подготовленіи малолѣтнихъ къ пріемнымъ экзаменамъ; при сравнительно небольшихъ и строго опредѣленныхъ пріемныхъ требованіяхъ для 1-го класса, большинство родителей получаетъ полную возможность самимъ готовить дѣтей къ поступленію въ корпуса даже на окраинахъ и въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ учебныхъ заведеній; незачѣмъ будетъ обращаться къ особымъ спеціалистамъ по подготовкѣ дѣтей къ кокурснымъ экзаменамъ и затрачивать на нихъ иногда весьма значительныя суммы; можно будетъ заботиться не о выучкѣ дѣтей къ экзамену, а о правильномъ умственномъ и физическомъ ихъ развитіи и о лучшемъ сохраненіи здоровья дѣтей.

Другимъ не менѣе важнымъ недостаткомъ конкурсной системы комплектованія кадетскихъ корпусовъ, совершенно устраняемымъ при балотировкѣ, былъ тотъ, что большинству родителей приходилось напрасно тра-

титься на привозъ дѣтей къ конкурсному экзамену и на обратный отвозъ ихъ домой, тамъ какъ почти двумъ третямъ (а случалось и пяти шестымъ) всего числа конкурсныхъ приходилось отказывать въ пріемѣ по неимѣнію вакансій.

Наконецъ, при балотировочной системѣ отпадаетъ еще и тотъ недостатокъ, существовавшій при конкурсной системѣ, которымъ до нѣкоторой степени нарушался принципъ старшинства разрядовъ, такъ какъ пріемъ въ кадетскіе корпуса обусловливался полученіемъ на экзаменѣ высшаго средняго балла, т. е. предполагавшейся лучшей подготовкой малолѣтняго, а не старшинствомъ разряда. Со введеніемъ балотировки по разрядамъ, при чемъ каждому высшему разряду предоставляется большее число вакансій сравнительно съ низшимъ, этотъ недостатокъ конкурсной системы вполнѣ устраняется.

Вмѣстѣ со введеніемъ балотировки въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній возбужденъ вопросъ и о держаніи вступительныхъ экзаменовъ весною, что освободитъ дѣтей, поступающихъ въ корпуса, отъ усиленныхъ занятій лѣтомъ и дастъ имъ возможность вполнѣ отдохнуть и окрѣпнуть къ началу курса.

Кромѣ того, при осеннихъ экзаменахъ, тѣ, которымъ экзаменъ не благопріятствовалъ, не могли за позднимъ временемъ поступать въ другія заведенія, пріемъ въ которыя къ тому времени бываетъ уже законченъ. и потому дѣти еще цѣлый годъ должны были оставаться на рукахъ у родителей. При балотировкѣ, когда результатъ ея будетъ извѣстенъ родителямъ еще въ началѣ мая, для нихъ останется достаточно времени, чтобы позаботиться объ устройствѣ дѣтей, хотя-бы на годъ, въ какія-либо гражданскія учебныя заведенія. что облегчается еще и состоявшимся уже согласованіемъ пріемныхъ программъ для поступленія въ 1-й классъ кадетскихъ корпусовъ съ таковыми-же программами для поступленія въ классическія гимназіи и реальныя училища.

Такимъ образомъ, новыя правила, прежде всего, послужатъ на пользу дѣтямъ офицеровъ войскъ, расположенныхъ внѣ пунктовъ, имѣющихъ учебныя заведенія, затѣмъ—у всѣхъ отнимутъ поводъ стремиться къ излишней выучкѣ дѣтей и къ подготовленію ихъ свыше требованій пріемныхъ программъ, дадутъ родителямъ возможность обратить большее вниманіе на правильное умственное и физическое развитіе дѣтай и на сохраненіе ихъ здоровья и избавятъ отъ значительныхъ и часто непосильныхъ расходовъ по подготовкѣ дѣтей и напрасной, въ большинствѣ случаевъ, доставкѣ ихъ къ конкурсному экзамену.

При новомъ порядкѣ, весь ходъ опредѣленія малолѣтнихъ въ корпуса на казенное содержаніе будетъ такой: въ промежутокъ времени отъ 1-го сентября до 1-го февраля подаются въ главное управленіе прошенія объ опредѣленіи; въ половинѣ апрѣля производится балотировка, послѣ которой на не получившихъ благопріятнаго жребія документы возвращаются подавшимъ ихъ, а получившіе благопріятный жребій распредѣляются по корпусамъ и родители ихъ извѣщаются о томъ, въ какой корпусъ и къ какому сроку надлежитъ доставить малолѣтняго для пріемнаго экзамена и, затѣмъ, выдержавшіе экзаменъ и оказавшіеся на медицинскомъ освидѣтельствованіи въ корпусѣ годными къ пріему—принимаются въ корпусъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

Заслуженные профессора. Юридическій факультетъ Харьковскаго университета возбудилъ передъ совѣтомъ вопросъ о распространеніи на профессоровъ университетовъ дѣйствія одного изъ параграфовъ недавно изданныхъ уставовъ Кіевскаго и Варшавскаго политехническихъ институтовъ. Въ дѣйствующемъ университетскомъ уставѣ сказано, что профессоръ, прослужившій 25 лѣтъ въ званіи преподавателя университета, получаетъ званіе заслуженнаго профессора. Въ силу этого правила, профессоръ, прослужившій болѣе или менѣе долгое число лѣтъ въ какомъ-либо другомъ высшемъ учебномъ заведеніи (напр., въ Военно-Медицинской академіи, Ярославскомъ юридическомъ лицеѣ, какомъ-либо высшемъ технологическомъ или сельско-хозяйственномъ учебномъ заведеніи) и перешедшій вслѣдъ затѣмъ на службу въ одинъ изъ университетовъ, теряетъ право на званіе заслуженнаго профессора, если не прослужитъ въ университетѣ 25 лѣтъ въ званіи профессора или преподавателя. Правило это соблюдалось и при переходѣ профессора на службу изъ университета въ какое-либо другое высшее учебное заведеніе. Въ уставахъ Варшавскаго и Кіевскаго политехническихъ институтовъ этотъ параграфъ изложенъ такъ: «Профессоръ, прослужившій 25 лѣтъ въ званіи преподавателя *высшаго учебнаго заведенія*, получаетъ званіе заслуженнаго профессора». Юридическій факультетъ здѣшняго университета находитъ, что правило относительно полученія званія заслуженнаго профессора университетовъ и несправедливо, и можетъ имѣть нежелательныя послѣдствія, такъ какъ стѣсняетъ переходъ профессоровъ изъ одного высшаго учебнаго заведенія въ другое, что въ особенности нежелательно въ настоящее время, когда нужда въ преподавателяхъ высшихъ учебныхъ заведеній особенно ощутительна («Рус. Вѣд.»).

Обсерваторія при Казанскомъ университетѣ. На-дняхъ послѣдовало распоряженіе о безплатномъ отводѣ Казанскому университету двадцати десятинъ земли близъ ст. Лаврентьева, Москов.-Казанской ж. д., въ Красногорско-Турпинской казенной дачѣ. На вновь отведенномъ участкѣ будетъ устроено отдѣленіе астрономической обсерваторіи Казанскаго университета («Нов. Вр.»).

Химическій, микроскопическій и бактеріологическій институтъ. Въ январѣ въ Одессѣ должно было состояться открытіе химическаго, микроскопическаго и бактеріологическаго института д-ра М. А. Рахтзамера. По уставу

институтъ преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, цѣли научныя, въ виду чего «учредителю предоставляется право печатать научные труды института; цѣли учебныя — при чемъ учредителю предоставляется право принимать врачей, химиковъ, фармацевтовъ и другихъ подходящихъ лицъ для практическаго изученія химическихъ, микроскопическихъ и бактеріологическихъ методовъ изслѣдованій и выдавать имъ, по окончаніи занятій, установленныя свидѣтельства». Такимъ образомъ, кромѣ занятій по разработкѣ спеціальныхъ научныхъ вопросовъ (изъ области химіи, микроскопіи и бактеріологіи), въ институтѣ организуются курсы практическихъ занятій: а) по методамъ химико-бактеріологическаго изслѣдованія выдѣленій и отдѣленій человѣческаго тѣла, б) по методамъ изслѣдованія продуктовъ хозяйственнаго и техническаго употребленія (пищевыхъ продуктовъ, минераловъ и пр.), в) по методамъ изслѣдованія химическихъ и фармацевтическихъ препаратовъ, г) по аналитической химіи вообще (качественный анализъ, количественный анализъ, судебно-медицинскій анализъ), д) по методамъ микроскопическаго изслѣдованія нормальныхъ и патологическихъ тканей человѣка и животныхъ, е) по бактеріологіи вообще. Занятія по разработкѣ спеціальныхъ научныхъ вопросовъ не ограничиваются, конечно, никакимъ срокомъ; общіе практическіе курсы разсчитаны продолжительностью въ одинъ-два мѣсяца каждый. Затѣмъ, въ программу дѣятельности института входятъ: химическія, микроскопическія и бактеріологическія изслѣдованія всѣхъ выдѣленій, отдѣленій и тканей человѣческаго тѣла, изслѣдованіе продуктовъ хозяйственнаго и техническаго употребленія, приготовленіе титрованныхъ растворовъ, реактивовъ и питательныхъ средствъ для химическихъ, микроскопическихъ и бактеріологическихъ изслѣдованій, заготовленіе коллекцій микроскопическихъ препаратовъ, гербаріевъ и т. д. Завѣдываніе тѣмъ или другимъ отдѣломъ поручается приглашеннымъ для этой цѣли спеціалистамъ, но подъ личною отвѣтственностью учредителя. Для пріема анализовъ институтъ будетъ открытъ во всякое время дня. Такса на всѣ производимыя въ институтѣ изслѣдованія и работы разсматривается и утверждается одесскимъ врачебнымъ управленіемъ («Од. Лист.»).

Офицерскіе курсы иностранныхъ языковъ въ Варшавѣ. Въ видѣ опыта, курсы открываются съ 1-го предстоящаго января мѣсяца, пока лишь въ Варшавѣ, съ тѣмъ, что, въ случаѣ успѣха, они будутъ устраиваться и въ другихъ болѣе значительныхъ пунктахъ квартированія войскъ Варшавскаго военнаго округа. На курсахъ будутъ преподаваться нѣмецкій и французскій языки. Система занятій — практическое изученіе разговорной рѣчи. Обученіе на курсахъ предположено вести ежегодно въ теченіе шести мѣсяцевъ — съ октября по мартъ включительно; въ нынѣшнемъ году занятія будутъ продолжаться лишь съ января по мартъ. Занятія будутъ исключительно вечернія, примѣрно отъ 7 до 9 часовъ, группами, на которыя будутъ подраздѣлены офицеры въ зависимости отъ знанія изучаемаго языка. Для преподаванія приглашены лучшія мѣстныя учительскія силы («Русск. Инв.»).

Публичныя лекціи въ Одессѣ. Лекціонный комитетъ при Новороссійскомъ Обществѣ естествоиспытателей озабоченъ нынѣ вопросомъ объ организаціи чтенія публичныхъ лекцій по естественнымъ наукамъ на первое полугодіе 1899 года. При обсужденіи этого вопроса, на первый планъ выдвинутъ былъ, конечно, вопросъ о средствахъ, который на этотъ разъ разрѣшенъ

вполнѣ благополучно. Лекціонный комитетъ надѣется, что подписка дастъ приблизительно 700—800 руб. Если къ этой суммѣ прибавить 1.500 р., которые получатся на каждое полугодіе въ видѣ субсидіи изъ гор. суммъ, то образуется сумма въ 2.300 р., вполнѣ достаточная для покрытія всѣхъ расходовъ по чтенію лекцій въ теченіе полугодія. Въ виду этого, лекціонный комитетъ представилъ г. попечителю Од. уч. округа т. с. Х. П. Сольскому ходатайство о разрѣшеніи чтенія этихъ лекцій въ будущемъ полугодіи. Кромѣ того, на утвержденіе г. попечителя учебнаго округа представлены и подробныя программы тѣхъ предметовъ, которые будутъ читаться въ этомъ полугодіи. Курсъ будущаго полугодія нѣсколько расширенъ. Въ него войдутъ два новыхъ предмета: гигіена и минералогія («Од. Лист.»).

Пансіонъ безъ пансіонеровъ. На ряду съ другими учебными заведеніями, не могущими вмѣстить въ стѣнахъ своихъ всѣхъ желающихъ попасть туда, въ Симферополѣ имѣется единственный въ Россіи пансіонъ, въ которомъ есть и вакансіи, и все необходимое, и даже воспитатели, и не имѣется только самаго главнаго—воспитанниковъ. Какъ случился такой курьезъ, опредѣлить трудно, но не мѣшаетъ дать нѣкоторое понятіе объ этомъ удивительномъ учрежденіи. Основано оно не особенно давно, на дворянскія деньги, и имѣетъ исключительною цѣлью—подготовлять къ поступленію въ гимназію дѣтей мурзъ, т. е. татаръ-дворянъ. Между тѣмъ этихъ мурзъ осталось въ Крыму самое ничтожное число: три четверти ихъ за послѣднее двадцатилѣтіе разорились и куда-то безслѣдно исчезли. И раньше, когда ихъ было много и они были очень богаты, число лицъ изъ помѣстнаго класса мурзъ, получившихъ какое-либо образованіе, считалось единицами. Тогда дворянство не думало учреждать, съ большими сравнительно затратами, спеціальнаго пансіона для усвоенія ихъ дѣтьми русскаго языка, точно, живя въ Россіи, нельзя усвоить этотъ языкъ и безъ спеціальнаго пансіона. И вдругъ, когда почти всѣ мурзы сошли со сцены, понадобилось устраивать для нихъ этотъ пансіонъ. И вотъ теперь деньги оказываются буквально-таки выброшенными за окно. Прежде въ пансіонѣ былъ хотя одинъ пансіонеръ, являясь «дитяткомъ у семи нянекъ», а теперь нѣтъ ни одного («Од. Лист.»).

Экзамены при женскихъ гимназіяхъ. Многія лица женскаго пола, имѣя намѣреніе поступить въ одну изъ зубоврачебныхъ школъ или на высшіе медицинскіе курсы, обращаются съ прошеніями о допущеніи ихъ къ испытанію для полученія свидѣтельствъ о знаніи ими курса шести или семи классовъ женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ этихъ случаяхъ возникало сомнѣніе, могутъ-ли такія лица быть допускаемы къ испытанію вмѣстѣ съ ученицами гимназій, такъ какъ по своему возрасту просительницы почти всегда значительно старше ученицъ VI—VII классовъ. Въ настоящее время, въ разъясненіе этого вопроса, министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ попечителя Московскаго учебнаго округа, что лица женскаго пола, желающія получить свидѣтельства о знаніи курса шести или семи классовъ гимназій и имѣющія возрастъ, превышающій возрастъ, установленный для ученицъ этихъ классовъ, могутъ быть допускаемы къ испытанію, но только безъ права поступленія, въ случаѣ выдержанія экзамена, въ соотвѣтствующіе классы («Моск. Вѣд.»).

Въ Остзейскомъ краѣ. «Рижскій Вѣстникъ» сообщаетъ, что г Министръ Нар. Просв. т. с. Боголѣповъ остался доволенъ состояніемъ прибалтійскихъ учебныхъ заведеній, многія изъ которыхъ уже въ настоящее время не уступаютъ лучшимъ училищамъ внутри Россіи, несмотря на то, что преобразованіе школы совершилось сравнительно недавно и что заведеніямъ приходится имѣть пока дѣло съ учениками, далеко не такъ подготовленными дома къ курсу русской школы, какъ въ мѣстностяхъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Отрадные результаты обученія замѣчаются не только въ городской, но—что особенно важно—и въ сельской школѣ, поставленной, во всѣхъ отношеніяхъ, въ менѣе благопріятныя условія уже потому, что до сихъ поръ еще не изданъ законъ, которымъ было-бы гармонично и цѣлесообразно организовано управленіе этими школами. При такихъ обстоятельствахъ представляются особенно знаменательными успѣхи, которые достигнуты этими училищами, такъ какъ они свидѣтельствуютъ о томъ, что преобразованіе школы было осуществляемо столь предусмотрительно и цѣлесообразно, что даже всѣ неблагопріятныя условія, при которыхъ оно происходило, не могли помѣшать успѣшному теченію дѣла.

Новое общество. Среди с.-петербургскихъ интеллигентныхъ женщинъ возникла въ высшей степени симпатичная идея создать Общество, которое преслѣдовало-бы просвѣтительныя, образовательныя и воспитательныя цѣли. Учредители проектируютъ организацію образцовыхъ школъ, лѣтнихъ дачъ для дѣтей несостоятельныхъ родителей, бесѣдъ въ различныхъ трущобахъ, тюрьмахъ и проч. Въ числѣ учредителей называютъ женщинъ-врачей, писательницъ, художницъ. Общество намѣрено также открывать свои отдѣленія въ провинціи. Уставъ Общества уже разработанъ и въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ представленъ на утвержденіе («Р. В.»).

Земскій книжный складъ въ Курскѣ. За 16 мѣсяцевъ дѣйствія, т.-е. со времени открытія, книжный складъ губернскаго земства продалъ 12 управамъ 73.989 учебниковъ на 22.594 р., бумаги на 6,221 р.; письменныхъ принадлежностей на 3.023 р., учебныхъ пособій на 3.023 р. и книгъ для чтенія—7.687 р.; на всѣ книги и учебники складъ дѣлалъ уступку 15% съ своей доставкой, предоставляя кредитъ на 3—6 мѣсяцевъ и больше; средняя-же уступка, которой пользовался самъ складъ отъ различныхъ фирмъ, составляла 22,8%; поэтому есть надежда, что съ развитіемъ своихъ операцій складъ будетъ имѣть возможность сдѣлать дальнѣйшую скидку въ цѣнѣ продаваемыхъ книгъ; какъ въ прошломъ, такъ и въ текущемъ году складъ принесъ прибыль, которая отчасти покрываетъ расходы по его содержанію; губернская управа, внося въ смѣту будущего года сумму, необходимую на содержаніе склада, предлагаетъ собранію, въ виду поставленной земствомъ просвѣтительной задачи для книжной торговли,—назначить полученную и могущую получиться въ будущемъ году прибыль на образованіе спеціальнаго капитала книжнаго склада. Вмѣстѣ съ тѣмъ управа, ссылаясь на указы Правительствующаго Сената отъ 10 февраля 1897 г. за № 2.117 и 1 мая 1898 г. за № 528, предлагаетъ вновь возбудить ходатайство, возбужденное въ прошломъ году, но не получившее удовлетворенія,—о разрѣшеніи книжному складу продажи всѣхъ разрѣшенныхъ общей цензурою книгъ на общихъ основаніяхъ, такъ какъ до сихъ поръ складъ могъ про-

давать книги для чтенія исключительно для учительскихъ школьныхъ библіотекъ и читаленъ по министерскому каталогу («Тор. Пр. Газ.»).

Желѣзнодорожныя чайныя и библіотеки. Управленіе Харьково-Николаевской желѣзной дороги рѣшило приступить къ устройству чайныхъ, читаленъ и библіотекъ. Просвѣтительныя учрежденія эти будутъ устраиваться въ тѣхъ пунктахъ дороги, гдѣ существуютъ желѣзнодорожныя мастерскія, около которыхъ проживаетъ обыкновенно множество служащаго ремесленнаго люда. На проектируемыя устройства уже сдѣланы необходимыя ассигнованія («Ю. Кр.»).

Народный домъ въ Смоленскѣ. Въ воскресенье, 6-го декабря, состоялся первый спектакль ввновь открытомъ «народномъ домѣ». Домъ построенъ губернскимъ комитетомъ попечительства о народной трезвости. Съ весны прошлаго года была начата постройка, для которой городъ уступилъ прекрасное мѣсто посреди маленькаго запущеннаго сквера на берегу Днѣпра, близъ Базарной площади. Рѣшено было строить зданіе изъ дерева, даже на деревянныхъ-же столбахъ; несмотря, однако, на такую экономію, стоимость зданія, имѣющаго примѣрно 15 саженъ длины и около десяти ширины, значительно превзошла 20.000 рублей. Зданіе вмѣщаетъ, во-первыхъ, сцену и зрительный залъ, примѣрно на 550 человѣкъ, съ прихожей и раздѣвальней, во-вторыхъ, чайную, небольшую комнату, предназначенную для книжнаго склада, и двѣ, тоже небольшія, уборныя для артистовъ. Всѣ эти мелкія помѣщенія расположены вдоль зданія съ одной стороны зрительнаго зала, и окна ихъ выходятъ на широкую, тянущуюся вдоль зданія крытую веранду; лѣтомъ, вѣроятно, эта веранда будетъ весьма пріятнымъ мѣстопребываніемъ для посѣтителей чайной, но зимой ея крыша лишаетъ всѣ помѣщенія свѣта. Вообще проектъ зданія не свободенъ отъ значительныхъ недостатковъ, которые бросаются въ глаза даже профану: уборныя тѣсноваты, вентиляція зала, какъ оказалось на первомъ-же представленіи, слаба и т. д. Но, конечно, несмотря на всѣ эти недостатки, нельзя не порадоваться постройкѣ такого дома, такъ какъ онъ, во всякомъ случаѣ, можетъ послужить намѣченной цѣли. Многихъ смолянъ, интересующихся дѣломъ устройства общедоступныхъ развлеченій, теперь занимаетъ вопросъ—какъ именно будетъ организовано самое веденіе дѣла. Весьма желательно, конечно, чтобы къ этому дѣлу привлечено было возможно большее вниманіе и участіе общества. Между тѣмъ въ Смоленскѣ ходитъ слухъ о томъ, что завѣдываніе новымъ домомъ и сценой по-прежнему останется всецѣло въ рукахъ той-же исполнительной коммиссіи губернскаго комитета. Какъ пойдетъ дѣло, конечно, покажетъ будущее, но первый шагъ нельзя признать особенно удачнымъ. Имѣя драмы и комедіи Гоголя, Островскаго, Потѣхина и другихъ нашихъ славныхъ писателей, коммиссія выбрала для открытія спектаклей въ «народномъ домѣ» устарѣлую, скучную и малоизвѣстную пьесу Чернышева «Испорченная жизнь», которая оказалась скучна и малоинтересна для зрителей, и лишь живой, хорошо разыгранный водевиль въ концѣ спектакля оживилъ публику. Можно отмѣтить еще, что на этомъ спектаклѣ почему-то обычной продажи билетовъ не было, а они получались лишь по знакомству отъ членовъ коммиссіи, что вызвало неудовольствіе въ публикѣ («Р. Вѣд.»).

«Народный дворецъ» въ Воронежѣ. Въ засѣданіи воронежской думы 1-го декабря былъ прочитанъ докладъ коммиссіи по постройкѣ въ Воронежѣ

«народнаго дворца», въ которомъ-бы помѣщались: публичная библіотека, губернскій музей, рисовальная школа, залъ для коммиссіи народныхъ чтеній и чайная. Проектъ зданія вчернѣ составленъ городскимъ архитекторомъ А. М. Барановымъ и будущее зданіе представляется въ такомъ видѣ: зданіе въ два съ половиною этажа; въ подвальномъ помѣщаются чайная, калориферы и книгохранилище библіотеки; въ первомъ этажѣ—публичная библіотека съ пристройкой для музея; во второмъ этажѣ — громадный залъ на 900 человѣкъ со сценой и необходимыми комнатами для коммиссіи народныхъ чтеній и другихъ подобныхъ собраній; въ надстройкѣ—помѣщеніе для рисовальной школы. Если осуществлено будетъ все зданіе, то постройка, по приблизительной смѣтѣ, обойдется въ 82—85 тыс. р., если не будетъ въ зданіи чайной—въ 76—79 тыс. р., если не будетъ музея—67—70 тыс. р. Для постройки зданія городу даютъ заимообразно 80 тыс. р. изъ 6 проц. годовыхъ и 4 проц. погашенія слѣдующія лица: Н. А. Клочковъ 30 тыс. р., Ал. П. Клочковъ, А. А. Клочковъ, Д. Г. Самофаловъ — по 10 тыс. р. и А. Н. Безруковъ, И. В. Татовъ, И. Т. Алисовъ, А. П. Киселевъ — по 5 тыс. р. По занятой суммѣ городу пришлось-бы платить въ годъ 6.400 р., а за исключеніемъ 600 р. за помѣщеніе рисовальной школы, 1.200 р. съ коммиссіи народныхъ чтеній, 1.000 р. за сдачу нынѣшняго помѣщенія публичной библіотеки и 1.000 р. отъ сдачи зала въ новомъ зданіи, годовой расходъ города на погашеніе долга выразился-бы въ суммѣ 2.600 р. Постройка предположена въ усадьбѣ старой думы, гдѣ теперь ломбардъ. Вопросъ переданъ въ финансовую коммиссію думы («Донъ»).

Народный домъ въ Харьковѣ. Постройка народнаго домавъ Харьковѣ, осуществленіе котораго взяли на себя мѣстныя Общество распространенія въ народѣ грамотности и попечительство о народной трезвости, будетъ начата съ весны настоящаго года. Смѣта по постройкѣ исчислена въ 100.000 р. Комитетъ попечительства о народной трезвости ассигновалъ пока изъ своихъ средствъ 10.000 руб.; харьковская городская дума отвела безвозмездно 1.200 кв. саж. земли. Поступили также пожертвованія отъ частныхъ лицъ. Разсчитываютъ, что попечительствомъ о народной трезвости будетъ сдѣлана новая ассигновка на дѣло устройства харьковскаго народнаго дома и что помощь этому дѣлу будетъ оказана губернскимъ земствомъ («Х. Г. В.»).

Бродячіе чтецы газетъ. Въ Харьковѣ появились своеобразные лекторы или, вѣрнѣе, чтецы: бродячіе чтецы газетъ. Бродячіе чтецы газетъ раздѣлили, по добровольному соглашенію, базарную площадь на участки. Выходятъ съ утра. Чтецъ вооруженъ свѣжимъ нумеромъ газеты, которую и читаетъ вслухъ торговкамъ и пришлому люду, взимая по копейкѣ съ каждаго слушателя. Собирается обыкновенно группа въ 8 человѣкъ. Если къ группѣ слушателей приближается новое лицо, то чтеніе пріостанавливается, пока вновь пришедшій также не внесетъ платы за слушаніе газеты. Чтеніе газетъ сопровождается объясненіями лектора. Газетный чтецъ зарабатываетъ такимъ образомъ болѣе рубля въ день («Нов.»).

Инспектора народныхъ училищъ въ Царствѣ Польскомъ. Учреждаются въ Варшавскомъ учебномъ округѣ 12 должностей инспекторовъ народныхъ училищъ, каждая съ содержаніемъ въ 2 т. руб., и одна должность помощн. инспектора училища города Варшавы. Подготовительная законодательная

работа выяснила слѣдующія интересныя цифры: въ 1865 году въ Варшавѣ было 200 т. жителей, разныхъ учебныхъ заведеній было въ ней 160; училищная инспекція города писала по одной тысячѣ бумагъ въ годъ; теперь въ Варшавѣ болѣе 600 т. жителей, разныхъ учебныхъ заведеній въ ней до 700, и инспекція нынѣ пишетъ до 10 т. бумагъ въ годъ. Не меньшій шагъ впередъ за это время сдѣлало и Царство Польское: въ 1865 г. въ Царствѣ этомъ было 1,060 учебныхъ заведеній, а нынѣ въ немъ до 7 тысячъ учебныхъ заведеній («Н. Вр.»).

Народныя школы въ западныхъ губерніяхъ. Вслѣдствіе представленій попечителя Виленскаго учебнаго округа, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія сдѣланы значительныя ассигнованія на школы губерній Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской. Подобныя-же ходатайства управленія Виленскаго учебнаго округа объ увеличеніи числа народныхъ училищъ въ 1883, 1888 и другихъ годахъ оставались большею частью безъ удовлетворенія, и училища переполнялись до невозможности. Нельзя не порадоваться тому, что въ послѣднее время уважено ходатайство Виленскаго учебнаго округа объ открытіи многихъ новыхъ народныхъ училищъ въ названныхъ выше губерніяхъ («Вил. В.»).

Памяти Я. П. Полонскаго. Петербургская городская управа вноситъ въ думу предложеніе объ увѣковѣченіи памяти Я. П. Полонскаго открытіемъ двухъ начальныхъ училищъ его имени и учрежденіемъ стипендій его имени. Двѣ стипендіи проектированы при университетѣ, одна при мужской и одна при женской гимназіяхъ. Размѣръ университетскихъ стипендій предполагается установить по 300 р. каждая, а въ гимназіяхъ—по 100 руб. Кромѣ того, возбужденъ вопросъ о принятіи въ вѣдѣніе города частнаго учебнаго заведенія Я. П. Полонскаго. Но вопросъ этотъ, возбужденный училищной коммиссіей, рѣшено передать на заключеніе коммиссіи по благотворительности. («Н. Вр».).

Редакторъ издатель **Я. Г. Гуревичъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1899 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

органъ Сѣверо-Западнаго края. пользующійся особымъ распространеніемъ среди шести Сѣверо-Западныхъ губерній.

«Виленскій Вѣстникъ» по-прежнему будетъ стремиться, по мѣрѣ силъ, отвѣчать на запросы мѣстной жизни, ея злобѣ дня въ области бытовой и экономической.

РЕКЛАМА, такъ свойственная и полезная торговлѣ, чужда и противна литературѣ и публицистикѣ, поэтому мы не сулимъ золотыя горы; но въ **«Виленскомъ Вѣстникѣ»** читатель найдетъ всѣ свѣдѣнія изъ внутренней жизни Россіи и иностранной политики. Въ газетѣ помѣщаются правительственныя распоряженія, назначенія, награды; руководящія статьи по разнымъ вопросамъ, фельетоны беллетристическіе, научные и изъ мѣстной жизни. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства, печатаемыя одновременно со столичными газетами и иногда спеціальныя сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ Ковны, Гродны, Минска, Витебска, Могилева и изъ всѣхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края и извѣстія о немъ другихъ газетъ; резолюціи судебной палаты, сообщенія биржи и хлѣбнаго рынка и разныя справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ Сѣверо-Западному краю. «Виленскій Вѣстникъ», въ виду близости Россіи съ Франціей, имѣетъ въ Парижѣ опытнаго сотрудника, прекрасно освѣдомленнаго съ положеніемъ дѣлъ во Франціи.

Продолжительное, прочное, независимое существованіе «Виленскаго Вѣстника» даетъ ему возможность, не подчиняясь разнымъ стороннимъ вліяніямъ, идти всегда прямо, неподкупно къ намѣченной цѣли, общей всей печати, и въ частности Сѣверо-Западнаго края, гдѣ должны быть стойко и безъ колебаній проводимы въ жизнь русскія начала, способствующія благосостоянію края.

☛ Лица, подписавшіяся на годъ въ конторѣ или редакціи «Виленскаго Вѣстника», получаютъ газету безплатно и въ декабрѣ текущаго года. Кромѣ того, эти лица посѣщаютъ безплатно читальню при «Виленскомъ Вѣстникѣ». Остальные подписчики платятъ за посѣщеніе читальни 3 коп. Прочія лица 5 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Вильнѣ: на годъ 6 р., на 6 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 2 мѣс. 1 р., на 1 мѣс. 60 к. Съ пересылкой въ другіе города: на годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

Допускается разсрочка:

годовымъ подписчикамъ иногородн. при подпискѣ 3 р., 1 мая 3 р. и 1 сентября 2 р.; городскимъ 1 января 2 р., 1 апрѣля 3 р. и 1 сентября 1 руб.; народнымъ учителямъ: на 1 годъ 6 р.; 1 января 2 р., 1 мая 2 руб. и 1 сентября 2 рубля.

Подписка принимается въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника» на Большой ул., д. Св.-Духова монастыря, противъ Окружного Штаба, и въ редакціи, д. Пречистенскаго собора.

Въ МИНСКѢ у М. К. Шоффера, Полицейская улица, въ книжномъ магазинѣ Фрумкина и Френкеля, въ КОВНѢ, въ книжномъ магазинѣ Оссовскаго, въ ГРОДНѢ, въ музыкальн. магазинѣ Крейцера, въ БѢЛОСТОКѢ, въ книжн. магаз. Кауфмана и Милаковскаго.

Редакторъ издатель *П. Бывалькевичъ.*

2—3